VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

КЛАССИКИ НАУКИ

LVCRETI

DE RERVM NATVRA LIBRI VI

I

RECOGNOVIT
VERSIBVSQVE ROSSICIS CONVERTIT
THEODORVS PETROVSKI

EX OFFICINA ACADEMIAE SCIENTIARVM FRSS

MCMXLVI

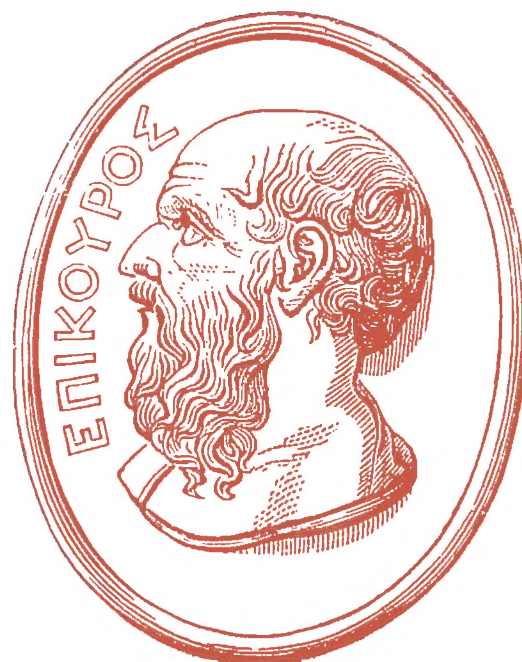
ЛУКРЕЦИЙ

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

I

РЕДАКЦИЯ
ЛАТИНСКОГО ТЕКСТА И ПЕРЕВОД
Ф. А. ПЕТРОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР
1946

Под общей редакцией Комиссии АН СССР
по изданию научно-популярной литературы
Председатель Комиссии Президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент АН СССР
П. Ф. ЮДИН

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ
ЛУКРЕЦИЙ

LVCRETI
DE RERVM NATVRA

LIBER PRIMVS

Aeneadum genetrix, hominum divumque voluptas,
Alma Venus, caeli subter labentia signa
Quae mare navigerum, quae terras frugiferentis
Concelebras, per te quoniam genus omne animantum
Concipitur visitque exortum lumina solis:
Te, dea, te fugiunt venti, te nubila caeli
Adventumque tuum, tibi suavis daedala tellus
Summittit flores, tibi rident aequora ponti
Placatumque nitet diffuso lumine caelum.
Nam simul ac species patefactast verna diei
Et reserata viget genitabilis aura Favoni,
Aeriae primum volucres te, diva, tuumque
Significant initum perculsae corda tua vi.
15 Inde ferae pecudes persultant pabula laeta
14 Et rapidos tranant amnis: ita capta lepore
Te sequitur cupide quo quamque inducere pergis.
Denique per maria ac montis fluviosque rapacis

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и всё судоносное море,
И плодородные земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившися, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.
Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,
И, встрепенувшись от пут, Фавоний живительный дунет,
Первыми весть о тебе и твоем появленьи, богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным
И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь.
И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,

Frondiferasque domos avium camposque virentis
Omnibus incutiens blandum per pectora amorem
Efficis ut cupide generatim saecla propagent.
Quae quoniam rerum naturam sola gubernas
Nec sine te quicquam dias in luminis oras
Exoritur neque fit laetum neque amabile quicquam,
Te sociam studeo scribendis versibus esse
Quos ego de rerum natura pangere conor
Memmiadae nostro, quem tu, dea, tempore in omni
Omnibus ornatum voluisti excellere rebus.
Quo magis aeternum da dictis, diva, leporem.
Effice ut interea fera moenera militiai
Per maria ac terras omnis sopita quiescant.
Nam tu sola potes tranquilla pace iuvare
Mortalis, quoniam belli fera moenera Mavors
Armipotens regit, in gremium qui saepe tuum se
Reicit aeterno devictus vulnere amoris,
Atque ita suspiciens tereti cervice reposta
Pascit amore avidos inhians in te, dea, visus,
Eque tuo pendet resupini spiritus ore.
Hunc tu, diva, tuo recubantem corpore sancto
Circumfusa super, suavis ex ore loquelas
Funde petens placidam Romanis, inclula, pacem.
Nam neque nos agere hoc patriai tempore iniquo
Possumus aequo animo, nec Memmi clara propago
Talibus in rebus communi desse saluti.

* * *

Quod superest, vacuas auris animumque sagacem
Semotum a curis adhibe veram ad rationem,
Ne mea dona tibi studio disposta fideli,
Intellecta prius quam sint, contempta relinquas.
Nam tibi de summa caeli ratione deumque
Disserere incipiam et rerum primordia pandam,
Vnde omnis natura creet res auctet alatque,

По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым,
Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце,
Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы,
Что́ о природе вещей я теперь написать собираюсь
Меммия милому сыну, которого ты пожелала
Всеми дарами почтить и достоинством щедро украсить.
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны
И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли.
Ты ведь одна, только ты можешь радовать мирным покоем
Смертных людей, ибо всем военным делом жестоким
Ведает Марс всеоружный, который так часто, сраженный
Вечною раной любви, на твое склоняется лоно;
Снизу глядя на тебя, запрокинувши стройную шею,
Жадные взоры свои насыщает любовью, богиня,
И, приоткрывши уста, твое он впивает дыханье.
Тут, всеблагая, его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обойми и, отрадные речи
С уст изливая, проси, достославная, мира для римлян.
Ибо ни мы продолжать работу не можем спокойно
В трудные родины дни, ни Меммия отпрыск не смеет
Этой тяжелой порой уклониться от общего дела.

* * *

Ты же теперь напряги свой слух и свой ум прозорливый
Освободи от забот, достоверному внемля ученью,
Чтобы дары, приносимые мной с беспристрастным усердьем,
Прежде чем их оценить, с презрением прочь не отринул.
Ибо о сущности высшей небес и богов собираюсь
Я рассуждать для тебя и вещей объясняю начала,
Всё из которых творит, умножает, питает природа

Quove eadem rursum natura perempta resolvat,
Quae nos materiem et genitalia corpora rebus
Reddunda in ratione vocare et semina rerum
Appellare suemus et haec eadem usurpare
Corpora prima, quod ex illis sunt omnia primis.
 Humana ante oculos foede cum vita iaceret
In terris oppressa gravi sub religione
Quae caput a caeli regionibus ostendebat
Horribili super aspectu mortalibus instans,
Primum Graius homo mortalis tollere contra
Est oculos ausus primusque obsistere contra,
Quem neque fama deum nec fulmina nec minitanti
Murmure compressit caelum, sed eo magis acrem
Irritat animi virtutem, effringere ut arta
Naturae primus portarum claustra cupiret.
Ergo vivida vis animi pervicit, et extra
Processit longe flammantia moenia mundi
Atque omne immensum peragravit mente animoque,
Vnde refert nobis victor quid possit oriri,
Quid nequeat, finita potestas denique cuique
Quanam sit ratione atque alte terminus haerens.
Quare religio pedibus subiecta vicissim
Obteritur, nos exaequat victoria caelo.
 Illud in his rebus vereor, ne forte rearis
Impia te rationis inire elementa viamque
Indugredi sceleris. Quod contra saepius illa
Religio peperit scelerosa atque impia facta.
Aulide quo pacto Triviai virginis aram
Iphianassai turparunt sanguine foede
Ductores Danaum delecti, prima virorum.
Cui simul infula virgineos circumdata comptus
Ex utraque pari malarum parte profusast,
Et maestum simul ante aras adstare parentem
Sensit et hunc propter ferrum celare ministros
Aspectuque suo lacrimas effundere civis,

И на которые всё после гибели вновь разлагает.
Их, объясняя их суть, материей мы называем
И для вещей родовыми телами обычно, а также
Их семенами вещей мы зовем и считаем телами
Мы изначальными, ибо началом всего они служат.

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачилась
Жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом,
С областей неба главу являвшей, взирая оттуда
Ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу,
Эллин впервые один осмелился смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни молньи, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли, но, напротив, сильнее
Духа решимость его побуждали к тому, чтобы крепкий
Врат природы затвор он первый сломить устремился.
Силою духа живой одержал он победу, и вышел
Он далеко за предел ограды огненной мира,
По безграничным пройдя своей мыслью и духом пространствам.
Как победитель, он нам сообщает оттуда, что́ может
Происходить, что́ не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так, в свою очередь, днесь религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.

Тут одного я боюсь: чтобы как-нибудь ты не подумал,
Что приобщаешься мной к нечестивым ученьям, вступая
На преступлений стезю. Но, напротив, религия больше
И нечестивых сама и преступных деяний рождала.
Было в Авлиде ведь так, где жертвенник Тривии Девы
Ифианассиной был осквернен неповинною кровью,
Пролитой греков вождями — героями лучшими войска.
Только лишь девы власы повязкой обвили священной
И по обеим щекам равномерно концы опустили,
Только узрела она, что подавленный горем родитель
Пред алтарем предстоит, а прислужники нож укрывают,
Что проливают, глядя на нее, сограждане слезы,

Muta metu terram genibus summissa petebat.
Nec miserae prodesse in tali tempore quibat
Quod patrio princeps donarat nomine regem.
Nam sublata virum manibus tremibundaque ad aras
Deductast, non ut sollemni more sacrorum
Perfecto posset claro comitari Hymenaeo,
Sed casta inceste nubendi tempore in ipso
Hostia concideret mactatu maesta parentis,
Exitus ut classi felix faustusque daretur.
Tantum religio potuit suadere malorum.
Tutemet a nobis iam quovis tempore vatum
Terriloquis victus dictis desciscere quaeres.
Quippe etenim quam multa tibi iam fingere possunt
Somnia quae vitae rationes vertere possint
Fortunasque tuas omnis turbare timore!
Et merito. Nam si certam finem esse viderent
Aerumnarum homines, aliqua ratione valerent
Religionibus atque minis obsistere vatum.
Nunc ratio nulla est restandi, nulla facultas,
Aeternas quoniam poenas in morte timendum.
Ignoratur enim quae sit natura animai,
Nata sit an contra nascentibus insinuetur,
Et simul intereat nobiscum morte dirempta,
An tenebras Orci visat vastasque lacunas,
An pecudes alias divinitus insinuet se,
Ennius ut noster cecinit, qui primus amoeno
Detulit ex Helicone perenni fronde coronam,
Per gentis Italas hominum quae clara clueret;
Etsi praeterea tamen esse Acherusia templa
Ennius aeternis exponit versibus edens,
Quo neque permanent animae neque corpora nostra,
Sed quaedam simulacra modis pallentia miris;
Vnde sibi exortam semper florentis Homeri
Commemorat speciem lacrimas effundere salsas
Coepisse et rerum naturam expandere dictis.

В страхе немея, она к земле преклонила колени.
И не могло ей тогда, несчастной, помочь, что впервые
Имя отца даровала она, родившись, Атриду.
На руки мужи ее, дрожащую телом, подъяли
И к алтарю понесли. Но не с тем, чтобы после обряда
При песнопеньях итти громогласных во славу Гимена,
Но чтобы ей, непорочной, у самого брака порога
Гнусно рукою отца быть убитой, как жертве печальной,
Для ниспосланья судам счастливого выхода в море.
Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных.

Ты, ужасающим сам поддаваясь вещаньям пророков,
Будешь стремиться отпасть от меня ежечасно, пожалуй.
Сколько ведь, право, они способны придумать нелепых
Бредней, могущих смутить и нарушить все жизни устои
И безмятежность твою отравить окончательно страхом!
Да и понятно вполне: если б знали наверное люди,
Что существует конец их мытарствам, они хоть какой-то
Дать бы отпор суеверьям могли и угрозам пророков.
Ныне ж ни способов нет ни возможности с ними бороться,
Так как по смерти должны все вечной кары страшиться,
Если природа души неизвестна: рождается ль вместе
С телом она или в тех, кто родился, внедряется после,
Вместе ли с нами она погибает, расторгнута смертью,
Или же к Орку во тьму и к пустынным озерам нисходит,
Или в животных иных воплощается вышнею волей,
Как это Энний вещал, с живописных высот Геликона
Первый принесший венок, сплетенный из зелени вечной,
Средь италийских племен стяжавший блестящую славу.
Впрочем, помимо того, в бессмертных стихах как оракул
Энний вещает, что есть Ахерузии некая область,
Место, куда не тела и не души являются наши,
Но только призраки их удивительно бледного вида.
Он говорит, что ему появился оттуда Гомера
Вечно цветущего лик, начавший горькие слезы
Лить и природу вещей открывать в своих изреченьях.

Quapropter bene cum superis de rebus habenda
Nobis est ratio, solis lunaeque meatus
Qua fiant ratione, et qua vi quaeque gerantur
In terris, tum cum primis ratione sagaci
Vnde anima atque animi constet natura videndum,
Et quae res nobis vigilantibus obvia mentis
Terrificet morbo adfectis somnoque sepultis,
Cernere uti videamur eos audireque coram,
Morte obita quorum tellus amplectitur ossa.

Nec me animi fallit Graiorum obscura reperta
Difficile inlustrare Latinis versibus esse,
Multa novis verbis praesertim cum sit agendum
Propter egestatem linguae et rerum novitatem;
Sed tua me virtus tamen et sperata voluptas
Suavis amicitiae quemvis efferre laborem
Suadet et inducit noctes vigilare serenas
Quaerentem dictis quibus et quo carmine demum
Clara tuae possim praepandere lumina menti,
Res quibus occultas penitus convisere possis.

Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
Non radii solis neque lucida tela diei
Discutiant, sed naturae species ratioque.
Principium cuius hinc nobis exordia sumet,
Nullam rem e nilo gigni divinitus umquam.
Quippe ita formido mortalis continet omnis,
Quod multa in terris fieri caeloque tuentur
Quorum operum causas nulla ratione videre
Possunt ac fieri divino numine rentur.
Quas ob res ubi viderimus nil posse creari
De nilo, tum quod sequimur iam rectius inde
Perspiciemus, et unde queat res quaeque creari
Et quo quaeque modo fiant opera sine divum.

Nam si de nilo fierent, ex omnibu' rebus
Omne genus nasci posset, nil semine egeret.
E mare primum homines, e terra posset oriri

Вот почему мы должны не только в небесных явленьях
Дать себе полный отчет: в движениях солнца с луною,
Как происходят они, и какой совершается силой
Всё на земле, но и то со вниманием разумом чутким
Выяснить, в чем состоит души природа и духа;
Так же, как то, что порой пугает во время болезни
Нас наяву иль когда мы покоимся сном непробудным,
Так что как будто бы мы иль воочию видим, иль слышим
Тех, кого смерть унесла и чьи кости объяты землею.

Не сомневаюсь я в том, что учения темные греков
Ясно в латинских стихах изложить затруднительно будет:
Главное, к новым словам прибегать мне нередко придется
При нищете языка и наличии новых понятий.
Доблесть, однако, твоя и надежда с тобой насладиться
Милою дружбой меня побуждает к тому, чтобы всякий
Труд одолеть и без сна проводить за ним ясные ночи
В поисках слов и стихов, которыми мне удалось бы
Ум твой таким озарить блистающим светом, который
Взорам твоим бы открыл глубоко сокровенные вещи.

Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
За основание тут мы берем положенье такое:
Из ничего не творится ничто по божественной воле.
И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Коих причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.
Если же будем мы знать, что ничто не способно возникнуть
Из ничего, то тогда мы гораздо яснее увидим
Наших заданий предмет: и откуда являются вещи,
И каким образом всё происходит без помощи свыше.

Если бы из ничего в самом деле являлися вещи,
Всяких пород существа безо всяких семян бы рождались:
Так, например, из морей возникали бы люди, из суши —

Squamigerum genus et volucres, erumpere caelo
Armenta atque aliae pecudes, genus omne ferarum,
Incerto partu culta ac deserta tenerent.
Nec fructus idem arboribus constare solerent,
Sed mutarentur, ferre omnes omnia possent.
Quippe ubi non essent genitalia corpora cuique,
Qui posset mater rebus consistere certa?
At nunc seminibus quia certis quaeque creantur,
Inde enascitur atque oras in luminis exit,
Materies ubi inest cuiusque et corpora prima;
Atque hac re nequeunt ex omnibus omnia gigni,
Quod certis in rebus inest secreta facultas.
Praeterea cur vere rosam, frumenta calore,
Vitis autumno fundi suadente videmus,
Si non, certa suo quia tempore semina rerum
Cum confluxerunt, patefit quodcumque creatur,
Dum tempestates adsunt et vivida tellus
Tuto res teneras effert in luminis oras?
Quod si de nilo fierent, subito exorerentur
Incerto spatio atque alienis partibus anni,
Quippe ubi nulla forent primordia quae genitali
Concilio possent arceri tempore iniquo.
Nec porro augendis rebus spatio foret usus
Seminis ad coitum, si e nilo crescere possent.
Nam fierent iuvenes subito ex infantibu' parvis
E terraque exorta repente arbusta salirent.
Quorum nil fieri manifestum est, omnia quando
Paulatim crescunt, ut par est, semine certo,
Crescentesque genus servant; ut noscere possis
Quidque sua de materia grandescere alique.
Huc accedit uti sine certis imbribus anni
Laetificos nequeat fetus summittere tellus
Nec porro secreta cibo natura animantum
Propagare genus possit vitamque tueri;
Vt potius multis communia corpora rebus

Рыб чешуйчатых род и пернатые, с неба срывался б
Крупный и мелкий скот, и породы бы диких животных
Разных, неведомо как, появлялись в полях и пустынях.
И на деревьях плоды не имели бы стойкого вида,
Но изменялись бы все произвольно на дереве каждом.
Ведь, коль бы тел родовых у отдельных вещей не имелось,
Определенную мать эти вещи имели бы разве?
Но, так как всё из семян созидается определенных,
И возникают на свет и родятся все вещи оттуда,
Где и материя есть и тела изначальные каждой,
То потому и нельзя, чтобы всё из всего нарождалось,
Ибо отдельным вещам особые силы присущи.
Кроме того, почему распускается роза весною,
Летом же зреют хлеба, виноградные осенью гроздья,
Иначе, как потому, что, когда в свое время сольются
Определенных вещей семена, возникают созданья
Благоприятной порой, когда безопасно выводит
Нежные вещи на свет земли животворная сила?
Иначе, из ничего возникая, внезапно бы вещи
Неподходящей порой в неизвестные сроки являлись,
Ибо тогда б никаких не имелось начал первородных,
Что от стеченья могли б удержаться в ненужное время.
Да и развитье вещей для соития семени в сроке
(Если бы из ничего возникали они) не нуждалось.
В юношей сразу тогда б превращались грудные младенцы,
Из-под земли бы внезапно деревья выскакивать стали.
Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи
Все постепенно растут из известных семян, как и должно,
Род свой при этом всегда сохраняя. Ты видишь отсюда,
Что из материи всё вырастает своей и живет ей.
Также заметь: без дождей ежегодных в известную пору
Радостных почва плодов приносить никогда не могла бы,
Да и порода живых созданий, корму лишившись,
Род умножать свой и жизнь обеспечить была бы не в силах.
Можно скорее признать, что имеется множество общих

Multa putes esse, ut verbis elementa videmus,
Quam sine principiis ullam rem exsistere posse.
Denique cur homines tantos natura parare
Non potuit, pedibus qui pontum per vada possent
Transire et magnos manibus divellere montis
Multaque vivendo vitalia vincere saecla,
Si non, materies quia rebus reddita certast
Gignundis e qua constat quid possit oriri?
Nil igitur fieri de nilo posse fatendumst,
Semine quando opus est rebus quo quaeque creatae
Aeris in teneras possint proferrier auras.
Postremo quoniam incultis praestare videmus
Culta loca et manibus meliores reddere fetus,
Esse videlicet in terris primordia rerum,
Quae nos fecundas vertentes vomere glebas
Terraique solum subigentes cimus ad ortus.
Quod si nulla forent, nostro sine quaeque labore
Sponte sua multo fieri meliora videres.
Huc accedit uti quidque in sua corpora rursum
Dissoluat natura neque ad nilum interimat res.
Nam si quid mortale e cunctis partibus esset,
Ex oculis res quaeque repente erepta periret.
Nulla vi foret usus enim, quae partibus eius
Discidium parere et nexus exsolvere posset.
Quod nunc, aeterno quia constant semine quaeque,
Donec vis obiit quae res diverberet ictu
Aut intus penetret per inania dissoluatque,
Nullius exitium patitur natura videri.
Praeterea quaecumque vetustate amovet aetas,
Si penitus perimit consumens materiem omnem,
Vnde animale genus generatim in lumina vitae
Reducit Venus, aut reductum daedala tellus
Vnde alit atque auget generatim pabula praebens?
Vnde mare ingenui fontes externaque longe
Flumina suppeditant? Vnde aether sidera pascit?

Тел у различных вещей, — как в словах одинаковых знаков, —
Чем, что возможно вещам без первичных начал зарождаться
И, наконец, почему не была в состояньи природа
Сделать такими людей, чтобы вброд проходили по морю
Или руками могли расторгнуть великие горы
И поколенья людей превзойти продолжительной жизнью,
Иначе, как потому, что всему, что способно родиться,
При зарожденьи дана материи точная доля?
Из ничего, словом, должно признать, ничто не родится,
Ибо все вещи должны иметь семена, из которых
Выйти могли бы они и пробиться на воздух прозрачный.
И, в заключенье, раз почва полей обработанных лучше
Дикой земли и дает она пахарю лучшие всходы,
То, очевидно, начала вещей обретаются в почве;
Мы же, ворочая в ней сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, побуждаем их к жизни.
Если же не было б их, ты бы видел, что всё без работы
Нашей само по себе возникало бы лучше гораздо.

Надо добавить еще: на тела основные природа
Всё разлагает опять и в ничто ничего не приводит.
Ибо, коль вещи во всех частях своих были бы смертны,
То и внезапно из глаз исчезали б они, погибая;
Не было б вовсе нужды и в какой-нибудь силе, могущей
Их по частям разорвать и все связи меж ними расторгнуть,
Но, так как все состоят из вечного семени вещи,
То до тех пор, пока им не встретится внешняя сила,
Или такая, что их изнутри чрез пустоты разрушит,
Гибели полной вещей никогда не допустит природа.
Кроме того, коль всему, что от старости в ветхость приходит,
Время приносит конец, материю всю истребляя,
Как и откуда тогда возрождает Венера животных
Из роду в род, иль откуда земля-искусница может
Из роду в род их кормить и растить, доставляя им пищу?
Как и откуда ключи и текущие издали реки
Полнят моря? И откуда эфир питает созвездья?

Omnia enim debet, mortali corpore quae sunt,
Infinita aetas consumpse anteacta diesque.
Quod si in eo spatio atque anteacta aetate fuere
E quibus haec rerum consistit summa refecta,
Immortali sunt natura praedita certe;
Haud igitur possunt ad nilum quaeque reverti.
Denique res omnis eadem vis causaque vulgo
Conficeret, nisi materies aeterna teneret,
Inter se nexu minus aut magis indupedita.
Tactus enim leti satis esset causa profecto,
Quippe ubi nulla forent aeterno corpore, quorum
Contextum vis deberet dissolvere quaeque.
At nunc, inter se quia nexus principiorum
Dissimiles constant aeternaque materies est,
Incolumi remanent res corpore, dum satis acris
Vis obeat pro textura cuiusque reperta.
Haud igitur redit ad nilum res ulla, sed omnes
Discidio redeunt in corpora materiai.
Postremo pereunt imbres, ubi eos pater aether
In gremium matris terrai praecipitavit;
At nitidae surgunt fruges ramique virescunt
Arboribus, crescunt ipsae fetuque gravantur;
Hinc alitur porro nostrum genus atque ferarum,
Hinc laetas urbis pueris florere videmus
Frondiferasque novis avibus canere undique silvas;
Hinc fessae pecudes pingui per pabula laeta
Corpora deponunt et candens lacteus umor
Vberibus manat distentis; hinc nova proles
Artubus infirmis teneras lasciva per herbas
Ludit lacte mero mentis perculsa novellas.
Haud igitur penitus pereunt quaecumque videntur,
Quando alid ex alio reficit natura nec ullam
Rem gigni patitur nisi morte adiuta aliena.
Nunc age, res quoniam docui non posse creari
De nilo neque item genitas ad nil revocari,

Должно ведь было бы всё, чему смертное тело присуще,
Быть истребленным давно бесконечного времени днями.
Если ж в теченье всего миновавшего ранее века
Были тела, из каких состоит этот мир, обновляясь,
То, несомненно, они обладают бессмертной природой
И потому ничему невозможно в ничто обратиться.
И, наконец, от одной и той же причины и силы
Гибла бы каждая вещь, не будь материя вечной
И не скрепляй она всё своим бо́льшим иль меньшим сцепленьем:
Прикосновенье одно всему причиняло бы гибель,
Ибо, ведь, если ничто не имело бы вечного тела,
Всякая сила могла б сплетенье любое расторгнуть.
Но, раз на деле начал сцепления между собою
Многоразличны и вся существует материя вечно,
Тело вещей до тех пор нерушимо, пока не столкнется
С силой, которая их сочетанье способна разрушить.
Так что, мы видим, отнюдь не в ничто превращаются вещи,
Но разлагаются все на тела основные обратно.
И в заключенье: дожди исчезают, когда их низвергнет
Сверху родитель-эфир на земли материнское лоно.
Но наливаются злаки взамен, зеленеют листвою
Ветви дерев, и растут, отягчаясь плодами, деревья.
Весь человеческий род и звери питаются ими,
И расцветают кругом города поколением юным,
И оглашается лес густолиственный пением птичьим;
Жирное стадо овец, отдыхая на пастбище тучном,
В неге ленивой лежит, и, белея, молочная влага
Каплет из полных сосцов, а там уж и юное племя
На неокрепших ногах по мягкому прыгает лугу,
Соком хмельным молока опьяняя мозги молодые.
Словом, не гибнет ничто, как будто совсем погибая,
Так как природа всегда возрождает одно из другого
И ничему не дает без смерти другого родиться.

Так как теперь доказал я уже, что вещам невозможно
Из ничего возникать и, родившись, в ничто обращаться,

Nequa forte tamen coeptes diffidere dictis,
Quod nequeunt oculis rerum primordia cerni,
Accipe praeterea quae corpora tute necessest
Confiteare esse in rebus nec posse videri.
Principio venti vis verberat incita pontum
Ingentisque ruit navis et nubila differt,
Interdum rapido percurrens turbine campos
Arboribus magnis sternit montisque supremos
Silvifragis vexat flabris: ita perfurit acri
Cum fremitu saevitque minaci murmure ventus.
Sunt igitur venti nimirum corpora caeca,
Quae mare, quae terras, quae denique nubila caeli
Verrunt ac subito vexantia turbine raptant,
Nec ratione fluunt alia stragemque propagant
Et cum mollis aquae fertur natura repente
Flumine abundanti, quam largis imbribus auget
Montibus ex altis magnus decursus aquai,
Fragmina coniciens silvarum arbustaque tota,
Nec validi possunt pontes venientis aquai
Vim subitam tolerare: ita magno turbidus imbri
Molibus incurrit validis cum viribus amnis.
Dat sonitu magno stragem volvitque sub undis
Grandia saxa ruit qua quicquid fluctibus obstat.
Sic igitur debent venti quoque flamina ferri,
Quae veluti validum cum flumen procubuere
Quamlibet in partem, trudunt res ante ruuntque
Impetibus crebris, interdum vertice torto
Corripiunt rapidique rotanti turbine portant.
Quare etiam atque etiam sunt venti corpora caeca,
Quandoquidem factis et moribus aemula magnis
Amnibus inveniuntur, aperto corpore qui sunt.
Tum porro varios rerum sentimus odores,
Nec tamen ad naris venientis cernimus umquam,
Nec calidos aestus tuimur, nec frigora quimus
Vsurpare oculis, nec voces cernere suemus;

То, чтоб к словам моим ты с недоверием всё ж не отнесся
Из-за того, что начала вещей недоступны для глаза,
Выслушай то, что скажу, и ты сам, несомненно, признаешь,
Что существуют тела, которых мы видеть не можем.
Ветер, во-первых, морей неистово волны бичует,
Рушит громады судов и небесные тучи разносит,
Или же, мчась по полям, стремительным кружится вихрем,
Мощные валит стволы, неприступные горные выси,
Лес низвергая, трясет порывисто: так, налетая,
Ветер, беснуясь, ревет и проносится с рокотом грозным.
Стало быть, ветры — тела, но только незримые нами.
Море и земли они вздымают, небесные тучи
Бурно крутят и влекут внезапно поднявшимся вихрем;
И не иначе текут они, всё пред собой повергая,
Как и вода, по природе своей хоть и мягкая, мчится
Мощной внезапно рекой, которую, вздувшись от ливней,
Полнят, с высоких вершин низвергаясь в нее, водопады,
Леса обломки неся и стволы увлекая деревьев.
Крепкие даже мосты устоять под внезапным напором
Вод неспособны: с такой необузданной силой несется
Ливнем взмущенный поток, ударяя в устои и сваи.
Опустошает он всё, грохоча; под водою уносит
Камней громады и все преграды сметает волнами.
Так совершенно должны устремляться и ветра порывы,
Словно могучий поток, когда, отклоняясь в любую
Сторону, гонят они всё то, что встречают, и рушат,
Вновь налетая и вновь; а то и крутящимся смерчем
Всё, захвативши, влекут и в стремительном вихре уносят.
Стало быть, ветры — тела, повторяю, незримые нами,
Раз и по свойствам они, и по действиям могут сравниться
С водами мощными рек, обладающих видимым телом.
Далее, запахи мы обоняем различного рода,
Хоть и не видим совсем, как в ноздри они проникают.
Также палящей жары или холода нам не приметить
Зреньем своим никогда, да и звук увидать невозможно.

Quae tamen omnia corporea constare necessest
Natura, quoniam sensus impellere possunt.
Tangere enim et tangi, nisi corpus, nulla potest res.
Denique fluctifrago suspensae in litore vestes
Vvescunt, eaedem dispansae in sole serescunt.
At neque quo pacto persederit umor aquai
Visumst nec rursum quo pacto fugerit aestu.
In parvas igitur partis dispergitur umor,
Quas oculi nulla possunt ratione videre.
Quin etiam multis solis redeuntibus annis
Anulus in digito subter tenuatur habendo,
Stilicidi casus lapidem cavat, uncus aratri
Ferreus occulte decrescit vomer in arvis,
Strataque iam vulgi pedibus detrita viarum
Saxea conspicimus; tum portas propter aena
Signa manus dextras ostendunt attenuari
Saepe salutantum tactu praeterque meantum.
Haec igitur minui, cum sint detrita, videmus.
Sed quae corpora decedant in tempore quoque,
Invida praeclusit speciem natura videndi.
Postremo quaecumque dies naturaque rebus
Paulatim tribuit, moderatim crescere cogens,
Nulla potest oculorum acies contenta tueri,
Nec porro quaecumque aevo macieque senescunt;
Nec, mare quae impendent, vesco sale saxa peresa
Quid quoque amittant in tempore cernere possis.
Corporibus caecis igitur natura gerit res.
Nec tamen undique corporea stipata tenentur
Omnia natura; namque est in rebus inane.
Quod tibi cognosse in multis erit utile rebus
Nec sinet errantem dubitare et quaerere semper
De summa rerum et nostris diffidere dictis.
Quapropter locus est intactus inane vacansque:
Quod si non esset, nulla ratione moveri
Res possent; namque officium quod corporis exstat,

Но это всё обладает, однако, телесной природой,
Если способно оно приводить наши чувства в движенье:
Ведь осязать, как и быть осязаемым, тело лишь может.
И, наконец, на морском берегу, разбивающем волны,
Платье сыреет всегда, а на солнце вися, оно сохнет;
Видеть, однако, нельзя, как влага на нем оседает,
Да и не видно того, как она исчезает от зноя.
Значит, дробится вода на такие мельчайшие части,
Что недоступны они совершенно для нашего глаза.
Так и кольцо изнутри, что долгое время на пальце
Носится, из году в год становится тоньше и тоньше;
Капля за каплей долбит, упадая, скалу; искривленный
Плуга железный сошник незаметно стирается в почве;
И мостовую дорог, мощеную камнями, видим
Стертой ногами толпы; и правые руки у статуй
Бронзовых возле ворот городских постепенно худеют
От припадания к ним проходящего мимо народа.
Нам очевидно, что вещь от стиранья становится меньше,
Но отделение тел, из нее каждый миг уходящих,
Нашим глазам усмотреть запретила природа ревниво.
И в заключенье: того, что и дни придают, и природа
Мало-помалу к вещам, заставляя расти постепенно,
Нам не увидеть никак и при всей изощренности зренья.
Также в вещах, что хиреть начинают от старости дряхлой,
Как и в приморских камнях, изъеденных едкою солью,
Ты не усмотришь того, что из них каждый миг убывает.
Так при посредстве невидимых тел управляет природа.

Но не заполнено всё веществом и не держится тесно
Сплоченным с разных сторон: в вещах пустота существует.
Знать это будет тебе полезно по многим причинам
И не допустит тебя заблуждаться в бесплодных исканьях,
Сущность вселенной познать, не давая словам моим веры.
Вот почему несомненна наличность пустого пространства:
Без пустоты никуда вещам невозможно бы вовсе
Двигаться было; ведь то, что является признаком тела:

Officere atque obstare, id in omni tempore adesset
Omnibus; haud igitur quicquam procedere posset,
Principium quoniam cedendi nulla daret res.
At nunc per maria ac terras sublimaque caeli
Multa modis multis varia ratione moveri
Cernimus ante oculos, quae, si non esset inane,
Non tam sollicito motu privata carerent
Quam genita omnino nulla ratione fuissent,
Vndique materies quoniam stipata quiesset.
Praeterea quamvis solidae res esse putentur,
Hinc tamen esse licet raro cum corpore cernas.
In saxis ac speluncis permanat aquarum
Liquidus umor et uberibus flent omnia guttis.
Dissipat in corpus sese cibus omne animantum.
Crescunt arbusta et fetus in tempore fundunt,
Quod cibus in totas usque ab radicibus imis
Per truncos ac per ramos diffunditur omnis.
Inter saepta meant voces et clausa domorum
Transvolitant, rigidum permanat frigus ad ossa,
Quod, nisi inania sint, qua possent corpora quaeque
Transire, haud ulla fieri ratione videres.
Denique cur alias aliis praestare videmus
Pondere res rebus nilo maiore figura?
Nam si tantundemst in lanae glomere quantum
Corporis in plumbo est, tantundem pendere par est,
Corporis officiumst quoniam premere omnia deorsum,
Contra autem natura manet sine pondere inanis.
Ergo quod magnumst aeque leviusque videtur,
Nimirum plus esse sibi declarat inanis;
At contra gravius plus in se corporis esse
Dedicat et multo vacui minus intus habere.
Est igitur nimirum id quod ratione sagaci
Quaerimus, admixtum rebus, quod inane vocamus.
    Illud in his rebus ne te deducere vero
Possit, quod quidam fingunt, praecurrere cogor.

Противодействовать и *не пускать* — препятствием вечным
Было б вещам, и ничто бы тогда не могло продвигаться,
Ибо ничто, отступив, не дало бы начала движенью.
В самом же деле в морях, на земле и в небесных высотах
Многоразличным путем совершается много движений
Перед глазами у нас; а не будь пустоты, то не только
Вещи никак не могли б пребывать в непрестанном движеньи,
Но и на свет никогда появиться ничто не могло бы,
Ибо лежала б всегда материя стиснутой всюду.
Кроме того, и при всей своей видимой плотности, вещи
Всё ж, как увидишь сейчас, всегда будут пористы телом:
Так, сквозь каменья пещер сочится текучая влага
Вод, и слезятся они обильными каплями всюду;
Всюду по телу живых созданий расходится пища;
Да и деревья растут и плоды в свое время приносят,
Так как от самых корней растекается пища повсюду,
Вверх по стволу проходя и по веткам везде пробегая;
Звуки идут через стены домов и замкнутые двери,
Внутрь пролетая; мороз до костей проникает жестокий.
Если б пустот никаких, по каким бы тела проходили,
Не было, ты бы никак явлений таких не увидел.
И, наконец, почему мы видим, что многие вещи
Весом тяжеле других, по объему нисколько не меньших?
Ведь, коль в клубке шерстяном содержится столько же тела,
Сколько и в слитке свинца, то и весить он столько же должен,
Ибо всё книзу давить является признаком тела,
Наоборот: пустота по природе своей невесома.
Так что, коль что-нибудь легче другого того же размера,
Больше в себе пустоты заключает оно очевидно.
Наоборот: если что тяжелее, то, стало быть, больше
Тела имеется в нем, а порожнего меньше гораздо.
Значит, бесспорно к вещам примешано то, что стремимся
Разумом чутким найти и что мы пустотой называем.

Здесь мне придется тебя, чтоб от истины ты не отвлекся,
Предостеречь от того, что иные порой измышляют.

Cedere squamigeris latices nitentibus aiunt
Et liquidas aperire vias, quia post loca pisces
Linquant, quo possint cedentes confluere undae.
Sic alias quoque res inter se posse moveri
Et mutare locum, quamvis sint omnia plena.
Scilicet id falsa totum ratione receptumst.
Nam quo squamigeri poterunt procedere tandem,
Ni spatium dederint latices? Concedere porro
Quo poterunt undae, cum pisces ire nequibunt?
Aut igitur motu privandumst corpora quaeque,
Aut esse admixtum dicendumst rebus inane,
Vnde initum primum capiat res quaeque movendi.
Postremo duo de concursu corpora lata
Si cita dissiliant, nempe aer omne necessest,
Inter corpora quod fiat, possidat inane.
Is porro quamvis circum celerantibus auris
Confluat, haud poterit tamen uno tempore totum
Compleri spatium; nam primum quemque necessest
Occupet ille locum, deinde omnia possideantur.
Quod si forte aliquis, cum corpora dissiluere,
Tum putat id fieri quia se condenseat aer,
Errat; nam vacuum tum fit quod non fuit ante,
Et repletur item vacuum quod constitit ante,
Nec tali ratione potest denserier aer,
Nec, si iam posset, sine inani posset, opinor,
Ipse in se trahere et partis conducere in unum.
    Quapropter, quamvis causando multa moreris,
Esse in rebus inane tamen fateare necessest.
Multaque praeterea tibi possum commemorando
Argumenta fidem dictis corradere nostris.
Verum animo satis haec vestigia parva sagaci
Sunt per quae possis cognoscere cetera tute.
Namque canes ut montivagae persaepe ferarum
Naribus inveniunt intectas fronde quietes,
Cum semel institerunt vestigia certa viai,

Так говорят, что вода, уступая чешуйчатым рыбам,
Путь им во влаге дает, ибо сзади они оставляют
Место, где могут опять сливаться отшедшие струи;
Также и прочим вещам, взаимно меняясь местами,
Двигаться можно, хотя и заполнено всюду пространство.
Но основанье таких объяснений заведомо ложно,
Ибо куда ж, наконец, в самом деле, продвинуться рыбам,
Ежели места вода им не даст? И обратно: куда же
Смогут струи отступить, если двигаться рыбы не смогут?
Так что, иль надо тела лишить совершенно движенья,
Или же надо признать, что в вещах пустота существует
И что отсюда берут начало движения вещи.
И в заключенье: коль два обширные тела, столкнувшись,
Быстро отскочат одно от другого, то воздух, конечно,
Должен всю ту пустоту захватить, что меж них получилась;
Но, и врываясь туда отовсюду стремительным током,
Все-таки сразу всего заполнить пространства не сможет:
Он непременно займет сначала ближайшее место,
Следом другое за ним, а затем уж и все остальные.
Если же думает кто, что тела оттого разлететься
Могут, что воздух тогда сжимается, — мыслит неверно.
Ибо пустым тут становится то, что им не было раньше
И заполняется то, что прежде пустым пребывало;
Да и не может никак таким образом воздух сгущаться;
А если б даже и мог, то не мог бы он сжаться, считаю,
Без пустоты и свои все части сплотить воедино.

Сколько поэтому ты ни медлил бы, мне возражая,
Все же придется признать, что в вещах пустота существует.
Также и много других собрать бы я мог доказательств,
Чтобы еще подтвердить несомненность моих рассуждений,
Но и следов, что я здесь слегка лишь наметил, довольно,
Чтобы ты чутким умом доследовал все остальное.
Ибо, как гончие псы чутьем на горах открывают
Логова диких зверей, густою укрытые чащей,
Только на след нападут и на верную выйдут дорогу,

Sic alid ex alio per te tute ipse videre
Talibus in rebus poteris caecasque latebras
Insinuare omnis et verum protrahere inde.
Quod si pigraris paulumve recesseris ab re,
Hoc tibi de plano possum promittere, Memmi:
Vsque adeo largos haustus e fontibu' magnis
Lingua meo suavis diti de pectore fundet,
Vt verear ne tarda prius per membra senectus
Serpat et in nobis vitai claustra resolvat,
Quam tibi de quavis una re versibus omnis
Argumentorum sit copia missa per auris.
Sed nunc ut repetam coeptum pertexere dictis
Omnis, ut est, igitur per se natura duabus
Constitit in rebus; nam corpora sunt et inane,
Haec in quo sita sunt et qua diversa moventur.
Corpus enim per se communis dedicat esse
Sensus; cui nisi prima fides fundata valebit,
Haud erit occultis de rebus quo referentes
Confirmare animi quicquam ratione queamus.
Tum porro locus ac spatium, quod inane vocamus,
Si nullum foret, haud usquam sita corpora possent
Esse neque omnino quoquam diversa meare;
Id quod iam supera tibi paulo ostendimus ante.
Praeterea nil est quod possis dicere ab omni
Corpore seiunctum secretumque esse ab inani,
Quod quasi tertia sit numero natura reperta.
Nam quodcumque erit, esse aliquid debebit id ipsum,
Augmine vel grandi vel parvo denique, dum sit;
Cui si tactus erit quamvis levis exiguusque,
Corporis augebit numerum summamque sequetur.
Sin intactile erit, nulla de parte quod ullam
Rem prohibere queat per se transire meantem,
Scilicet hoc id erit, vacuum quod inane vocamus.
Praeterea per se quodcumque erit, aut faciet quid
Aut aliis fungi debebit agentibus ipsum

Так же усмотришь и ты постепенно одно из другого
В этого рода вещах и, повсюду по следу проникнув,
Истину сам извлечешь, в потаенных сокрытую дебрях.
Если ж ты медлишь теперь и склонен еще сомневаться,
Вот что открыто тогда могу обещать тебе, Меммий:
Столь изобильной струей, исходящей из мощных истоков
Полного сердца, моя вдохновенная речь изольется,
Что прокрадется, боюсь, тем временем дряхлая старость
В наши с тобою тела и жизни нам узы расторгнет,
Прежде чем я исчерпать успею запас доказательств
Хоть для одной из вещей, что я здесь излагаю стихами.

Но продолжаю я нить своего рассуждения снова.
Всю, самоё по себе, составляют природу две вещи:
Это, во-первых, тела, во-вторых же, пустое пространство,
Где пребывают они и где двигаться могут различно.
Что существуют тела, — непосредственно в том убеждает
Здравый смысл; а когда мы ему доверяться не станем,
То и не сможем совсем, не зная, на что положиться,
Мы рассуждать о вещах каких-нибудь тайных и скрытых.
Если ж пространства иль места, что мы пустотой называем,
Не было б вовсе, тела не могли бы нигде находиться
И не могли б никуда и двигаться также различно,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Кроме того, привести ничего ты не мог бы такого,
Чтó и не тело и чтó к пустоте вместе с тем не причастно
И оказаться могло б какой-нибудь третьей природы.
Ибо наличное всё непременно быть чем-нибудь должно,
Будь оно иль велико, или самых ничтожных размеров:
Коль осязанью оно хоть несколько будет доступно,
Тел совокупность умножит собой и к итогу причтется;
Если же будет совсем недоступно оно осязанью
И не поставит преград прохожденью любого предмета,
Полостью будет оно, что мы пустотой называем.
Кроме того, всё то, что само по себе существует,
Действует или само, иль подвержено действию будет,

Aut erit ut possint in eo res esse gerique.
At facere et fungi sine corpore nulla potest res,
Nec praebere locum porro nisi inane vacansque.
Ergo praeter inane et corpora tertia per se
Nulla potest rerum in numero natura relinqui,
Nec quae sub sensus cedat ullo tempore nostros,
Nec ratione animi quam quisquam possit apisci.
    Nam quaecumque cluent, aut his coniuncta duabus
Rebus ea invenies aut horum eventa videbis.
Coniunctum est id quod nusquam sine permitiali
Discidio potis est seiungi seque gregari,
Pondus uti saxis, calor ignist, liquor aquai,
Tactus corporibus cunctis, intactus inani.
Servitium contra, paupertas, divitiaeque,
Libertas, bellum, concordia, cetera quorum
Adventu manet incolumis natura abituque,
Haec soliti sumus, ut par est, eventa vocare.
Tempus item per se non est, sed rebus ab ipsis
Consequitur sensus, transactum quid sit in aevo,
Tum quae res instet, quid porro deinde sequatur.
Nec per se quemquam tempus sentire fatendumst
Semotum ab rerum motu placidaque quiete.
Denique Tyndaridem raptam belloque subactas
Troiugenas gentis cum dicunt esse, videndumst
Ne forte haec per se cogant nos esse fateri,
Quando ea saecla hominum, quorum haec eventa fuerunt,
Irrevocabilis abstulerit iam praeterita aetas.
Namque aliud saeclis, aliud regionibus ipsis
Eventum dici poterit quodcumque erit actum.
Denique materies si rerum nulla fuisset,
Nec locus ac spatium, res in quo quaeque geruntur,
Numquam Tyndaridis forma conflatus amoris
Ignis, Alexandri Phrygio sub pectore gliscens,
Clara accendisset saevi certamina belli,
Nec clam durateus Troianis Pergama partu

Иль будет тем, где вещам находиться и двигаться можно.
Действовать иль подвергаться воздействию тело лишь может,
Быть же вместилищем тел может только пустое пространство.
Так что самой по себе средь вещей оказаться не может,
Вне пустоты и вне тел, какой-нибудь третьей природы,
Иль ощутимой когда-либо помощью нашего чувства,
Или такой, что она разуменью была бы доступна.

Ибо всё то, что мы можем назвать, то окажется *свойством*
Этих обоих начал иль *явлением*, как ты увидишь.
Свойство есть то, что никак отделить иль отнять невозможно
Без разрушенья того, чему оно будет присуще:
Вес у камней, у огня теплота, у воды ее влажность,
Тел ощущаемость всех и неощутимость пустого.
Рабство, напротив того, иль бедность, или богатство,
Как и свобода, война и согласье, и всё, что природу,
При появленьи своем иль уходе, отнюдь не меняет,
Всё это мы, как и должно, явлением здесь называем.
Также и времени нет самого по себе, но предметы
Сами ведут к ощущенью того, что в веках совершилось,
Что происходит теперь и что воспоследует позже.
И неизбежно признать, что никем ощущаться не может
Время само по себе, вне движения тел и покоя.
Также, когда говорят об увозе Тиндаровой дщери
Иль поражении Трои сынов на войне, то не должно
Думать, что сами собой существуют события эти,
Так как людей, при которых явления эти свершились,
Невозвратимо уже унесло миновавшее время.
Ибо всё то, что свершится, явленьем быть названо может
Иль поколений людских, или мест, где всё это случится.
Если б, к тому ж, у вещей ни материи не было вовсе,
Ни пространства и места, в котором всё происходит,
То никогда красотой Тиндариды раздутое пламя
Страсти любовной, в груди Александра Фригийца пылая,
Славных боев не зажгло бы на поприще брани свирепой,
И никогда бы и конь деревянный тайком от троянцев

Inflammasset equus nocturno Graiugenarum;
Perspicere ut possis res gestas funditus omnis
Non ita uti corpus per se constare neque esse,
Nec ratione cluere eadem qua constet inane,
Sed magis ut merito possis eventa vocare
Corporis atque loci, res in quo quaeque gerantur.
    Corpora sunt porro partim primordia rerum,
Partim concilio quae constant principiorum.
Sed quae sunt rerum primordia, nulla potest vis
Stinguere; nam solido vincunt ea corpore demum.
Etsi difficile esse videtur credere quicquam
In rebus solido reperiri corpore posse.
Transit enim fulmen caeli per saepta domorum,
Clamor ut ac voces; ferrum candescit in igni
Dissiliuntque fero ferventia saxa vapore;
Tum labefactatus rigor auri solvitur aestu;
Tum glacies aeris flamma devicta liquescit;
Permanat calor argentum penetraleque frigus,
Quando utrumque manu retinentes pocula rite
Sensimus infuso lympharum rore superne.
Vsque adeo in rebus solidi nil esse videtur.
Sed quia vera tamen ratio naturaque rerum
Cogit, ades, paucis dum versibus expediamus
Esse ea quae solido atque aeterno corpore constent,
Semina quae rerum primordiaque esse docemus,
Vnde omnis rerum nunc constet summa creata.
    Principio quoniam duplex natura duarum
Dissimilis rerum longe constare repertast,
Corporis atque loci, res in quo quaeque geruntur,
Esse utramque sibi per se puramque necessest.
Nam quacumque vacat spatium, quod inane vocamus,
Corpus ea non est; qua porro cumque tenet se
Corpus, ea vacuum nequaquam constat inane.
Sunt igitur solida ac sine inani corpora prima.
Praeterea quoniam genitis in rebus inanest,

Ночью Пергама не сжег, извергнув грекорожденных.
Ясно ты видишь теперь, что у всех без изъятья деяний
Ни самобытности нет, ни сущности той, как у тела,
И не имеют они никакого сродства с пустотою;
Но ты по праву скорей называть их явленьями можешь
Тела, а также и места, в котором всё происходит.

Дальше, тела иль вещей представляют собою начала,
Или они состоят из стеченья частиц изначальных.
Эти начала вещей ничему не под силу разрушить:
Плотностью тела своей они всё, наконец, побеждают.
Правда, представить себе затруднительно то, что возможно
Что-нибудь в мире найти с безусловною плотностью тела:
Даже сквозь стены домов проникают небесные молньи,
Как голоса или крик; огонь раскаляет железо,
Скалы трещат, рассыпаясь в куски от свирепого жара,
Золото крепость свою теряет, в пылу расплавляясь,
Жидким становится лед побежденной пламенем меди,
Сквозь серебро и тепло и пронзительный холод проходят.
То и другое всегда мы чувствуем, взявши, как должно,
Чашу рукою, когда она полнится влагой росистой.
Видимо, нет ничего, таким образом, плотного в мире.
Но коль и разум, а с ним и природа вещей принуждают
Думать иначе, то здесь мы в немногих стихах истолкуем,
Что существуют такие тела, что и прочны и вечны:
Это — вещей семена и начала в учении нашем,
То, из чего получился весь мир, существующий ныне.

Прежде всего, раз уж найдено здесь основное различье
Между вещами двумя, по их двоякой природе, —
Именно, телом и местом, в котором всё происходит, —
То существуют они непременно вполне самобытно.
Ибо, где есть то пространство, что мы пустотой называем,
Тела там нет, а везде, где только находится тело,
Там оказаться никак не может пустого пространства.
Значит, начальные плотны тела, и нет пустоты в них.
Так как, затем, в производных вещах пустоту мы находим,

Materiem circum solidam constare necessest,
Nec res ulla potest vera ratione probari
Corpore inane suo celare atque intus habere,
Si non, quod cohibet, solidum constare relinquas.
Id porro nil esse potest nisi materiai
Concilium, quod inane queat rerum cohibere.
Materies igitur, solido quae corpore constat,
Esse aeterna potest, cum cetera dissoluantur.
Tum porro si nil esset quod inane vacaret,
Omne foret solidum; nisi contra corpora certa
Essent, quae loca complerent quaecumque tenerent,
Omne quod est spatium, vacuum constaret inane.
Alternis igitur nimirum corpus inani
Distinctum, quoniam nec plenum naviter exstat
Nec porro vacuum. Sunt ergo corpora certa
Quae spatium pleno possint distinguere inane.
Haec neque dissolui plagis extrinsecus icta
Possunt, nec porro penitus penetrata retexi,
Nec ratione queunt alia temptata labare;
Id quod iam supra tibi paulo ostendimus ante.
Nam neque collidi sine inani posse videtur
Quicquam, nec frangi, nec findi in bina secando,
Nec capere umorem, neque item manabile frigus,
Nec penetralem ignem, quibus omnia conficiuntur.
Et quo quaeque magis cohibet res intus inane,
Tam magis his rebus penitus temptata labascit.
Ergo si solida ac sine inani corpora prima
Sunt ita uti docui, sint haec aeterna necessest.
Praeterea nisi materies aeterna fuisset,
Antehac ad nilum penitus res quaeque redissent,
De niloque renata forent quaecumque videmus.
At quoniam supra docui nil posse creari
De nilo neque quod genitum est ad nil revocari,
Esse immortali primordia corpore debent,
Dissolui quo quaeque supremo tempore possint,

Плотное должно ее вещество окружать непременно;
Да и нельзя допустить на основе разумной, чтоб вещи
В теле своем пустоту, сокровенно тая, содержали,
Ежели плотность того отрицать, что ее заключает.
Далее: только одно вещества сочетание может
Быть в состояньи в себе заключать пустое пространство;
И потому вещество, состоя из плотного тела,
Может быть вечным, хотя разлагается всё остальное.
Далее, если б нигде никакой пустоты не встречалось,
Плотным являлось бы всё; и напротив, коль тел бы известных
Не было, чтобы заполнить места, что они занимают,
Всё б оказалось тогда и пустым, и порожним пространством.
Значит, везде пустота, очевидно, сменяется телом,
Ибо ни полности нет совершенной нигде во вселенной,
Ни пустоты, а тела существуют известные только,
Что полнотой разграничить способны пустое пространство.
Эти тела ни от внешних толчков разлагаться не могут,
Ни, изнутри чем-нибудь пораженные, врозь распадаться,
Ни от воздействия силы иной уничтожиться вовсе,
Как я на это тебе указал уже несколько раньше.
Без пустоты ведь ничто, очевидно, разбиться не может
Или же сломленным быть, или на-двое быть рассеченным,
Или же влагу вбирать, а равно и пронзительный холод,
Или палящий огонь, от чего разрушаются вещи.
Так что, чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем и скорей это всё до конца уничтожить их может.
Если ж начальные плотны тела, если нет пустоты в них,
Как я учил, то должны они вечными быть непременно.
Если же, кроме того, не была бы материя вечной,
То совершенно в ничто обратились давно бы все вещи,
Из ничего бы тогда возрождалось и всё, что мы видим.
Но, раз уж я доказал, что ничто созидаться не может
Из ничего, и всё то, что родилось, в ничто обращаться,
Первоначалам должно быть присуще бессмертное тело,
Чтобы все вещи могли при кончине на них разлагаться,

Materies ut suppeditet rebus reparandis.
Sunt igitur solida primordia simplicitate
Nec ratione queunt alia servata per aevum
Ex infinito iam tempore res reparare.
Denique si nullam finem natura parasset
Frangendis rebus, iam corpora materiai
Vsque redacta forent aevo frangente priore,
Vt nil ex illis a certo tempore posset
Conceptum ad summum aetatis pervadere finem.
Nam quidvis citius dissolvi posse videmus
Quam rursus refici; quapropter longa diei
Infinita aetas anteacti temporis omnis
Quod fregisset adhuc disturbans dissoluensque,
Numquam reliquo reparari tempore posset.
At nunc nimirum frangendi reddita finis
Certa manet, quoniam refici rem quamque videmus
Et finita simul generatim tempora rebus
Stare, quibus possint aevi contingere florem.
Huc accedit uti, solidissima materiai
Corpora cum constant, possint tamen omnia reddi,
Mollia quae fiunt, aer, aqua, terra, vapores,
Quo pacto fiant et qua vi quaeque gerantur,
Admixtum quoniam semel est in rebus inane.
At contra si mollia sint primordia rerum,
Vnde queant validi silices ferrumque creari,
Non poterit ratio reddi; nam funditus omnis
Principio fundamenti natura carebit.
Sunt igitur solida pollentia simplicitate,
Quorum condenso magis omnia conciliatu
Artari possunt validasque ostendere viris.
Porro si nullast frangendis reddita finis
Corporibus, tamen ex aeterno tempore quaeque
Nunc etiam superare necessest corpora rebus,
Quae nondum clueant ullo temptata periclo.
At quoniam fragili natura praedita constant,

И не иссяк бы запас вещества для вещей возрожденья.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны.
Иначе ведь не могли бы они, сохраняясь веками,
От бесконечных времен и досель восстанавливать вещи.
И, наконец, не поставь никакого предела природа
Для раздробленья вещей, тела́ материи ныне,
Силой минувших веков раздробившись, дошли до того бы,
Что ничему уж, из них зачато́му, в известное время
Было б пробиться нельзя до высшего жизни предела.
Ибо, мы видим, скорей что угодно разрушиться может,
Чем восстановленным быть; поэтому то, что доселе
Долгие дни и века бесконечных времен миновавших
Врозь разнесли, раздробив и на мелкие части расторгнув,
Вновь в остальные века никогда не могло б воссоздаться.
Но, несомненно, предел раздробленью известный положен,
Так как мы видим, что вещь возрождается каждая снова,
И установлен вещам, сообразно с их родом, предельный
Срок, когда могут они достигнуть жизни расцвета.
Надо добавить сюда еще то, что, хотя совершенно
Плотны тела основные, однако вполне объяснимо,
Как из них воздух, вода, и земля, и огонь — всё, что мягко,—
Может возникнуть, какой созидается всё это силой,
Если в составе вещей пустоты заключается примесь.
Если ж, напротив, вещей начала мягкими были б,
Взяться откуда могли и твердый кремень, и железо, —
Это нельзя объяснить, потому что тогда изначальных
Всех оснований своих совершенно лишится природа.
Значит, начала вещей в существе своем просты и плотны.
Бо́льшая сплоченность их доставляет предметам возможность
Более твердыми быть и выказывать бо́льшие силы.
Далее, если б совсем не положено было предела
Для раздробления тел, то должны бы, однако, от века
Даже доныне в вещах тела сохраняться, которых
Не постигала еще до сих пор никакая опасность.
Но если эти тела по природе дробленью доступны,

Discrepat aeternum tempus potuisse manere
Innumerabilibus plagis vexata per aevum.
Denique iam quoniam generatim reddita finis
Crescendi rebus constat vitamque tenendi,
Et quid quaeque queant per foedera naturai,
Quid porro nequeant, sancitum quandoquidem exstat,
Nec commutatur quicquam, quin omnia constent
Vsque adeo, variae volucres ut in ordine cunctae
Ostendant maculas generalis corpore inesse,
Immutabili' materiae quoque corpus habere
Debent nimirum. Nam si primordia rerum
Commutari aliqua possent ratione revicta,
Incertum quoque iam constet quid possit oriri,
Quid nequeat, finita potestas denique cuique
Quanam sit ratione atque alte terminus haerens,
Nec totiens possent generatim saecla referre
Naturam mores victum motusque parentum.
Tum porro quoniam est extremum quodque cacumen
Corporis illius, quod nostri cernere sensus
Iam nequeunt, id nimirum sine partibus exstat
Et minima constat natura; nec fuit umquam
Per se secretum neque posthac esse valebit,
Alterius quoniamst ipsum pars, primaque et una,
Inde aliae atque aliae similes ex ordine partes
Agmine condenso naturam corporis explent;
Quae quoniam per se nequeunt constare, necessest
Haerere unde queant nulla ratione revelli.
Sunt igitur solida primordia simplicitate,
Quae minimis stipata cohaerent partibus arte,
Non ex illorum conventu conciliata,
Sed magis aeterna pollentia simplicitate,
Vnde neque avelli quicquam neque deminui iam
Concedit natura reservans semina rebus.
Praeterea nisi erit minimum, parvissima quaeque
Corpora constabunt ex partibus infinitis,

То непонятно тогда, почему же они сохранились,
Испоконь века всегда подвергаясь несчетным ударам.
    Так как затем, наконец, положены твердые грани
Каждому роду вещей для их разрастанья и жизни,
Раз установлено, что́, сообразно законам природы,
Могут они породить и чего совершенно не могут,
Раз перемен никаких не бывает, а всё неизменно,
Так что и птицы всегда в своем оперении пестром
Пятна на теле хранят, присущие каждой породе,
То и материя вся должна пребывать неизменной
В теле отдельных пород. Ведь, если б могли изменяться
Первоначала вещей, подчиняясь каким-то причинам,
Было б неясно для нас и то совершенно, что́ может
Происходить, что́ не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
И не могли б столько раз повторяться в отдельных породах
Свойства природные, нрав и быт, и движения предков.
    Далее, так как есть предельная некая точка
Тела того, что уже недоступно для нашего чувства,
То, несомненно, она совсем не делима на части,
Будучи меньше всего по природе своей; и отдельно,
Самостоятельно, быть не могла никогда и не сможет,
Ибо другого она единая первая доля,
Вслед за которой еще подобные ей, по порядку
Сомкнутым строем сплотясь, образуют телесную сущность;
Так как самим по себе им быть невозможно, то, значит,
Держатся вместе они, и ничто их не может расторгнуть.
Первоначала вещей, таким образом, просты и плотны,
Стиснуты будучи крепко, сцепленьем частей наименьших,
Но не являясь притом скопленьем отдельных частичек,
А отличаясь скорей вековечной своей простотою.
И ничего ни отторгнуть у них, ни уменьшить природа
Не допускает уже, семена для вещей сберегая.
Если не будет, затем, ничего наименьшего, будет
Из бесконечных частей состоять и мельчайшее тело:

Quippe ubi dimidiae partis pars semper habebit
Dimidiam partem, nec res praefiniet ulla.
Ergo rerum inter summam minimamque quid escit?
Nil erit ut distet. Nam quamvis funditus omnis
Summa sit infinita, tamen, parvissima quae sunt,
Ex infinitis constabunt partibus aeque.
Quod quoniam ratio reclamat vera negatque
Credere posse animum, victus fateare necessest
Esse ea quae nullis iam praedita partibus exstent
Et minima constent natura. Quae quoniam sunt,
Illa quoque esse tibi solida atque aeterna fatendum.
Denique si minimas in partis cuncta resolvi
Cogere consuesset rerum natura creatrix,
Iam nil ex illis eadem reparare valeret
Propterea quia, quae nullis sunt partibus aucta,
Non possunt ea quae debet genitalis habere
Materies, varios conexus, pondera, plagas,
Concursus, motus, per quae res quaeque geruntur.
    Quapropter qui materiem rerum esse putarunt
Ignem atque ex igni summam consistere solo,
Magno opere a vera lapsi ratione videntur.
Heraclitus init quorum dux proelia primus,
Clarus ob obscuram linguam magis inter inanis
Quamde gravis inter Graios, qui vera requirunt.
Omnia enim stolidi magis admirantur amantque,
Inversis quae sub verbis latitantia cernunt,
Veraque constituunt quae belle tangere possunt
Auris et lepido quae sunt fucata sonore.
    Nam cur tam variae res possent esse requiro,
Ex uno si sunt igni puroque creatae.
Nil prodesset enim calidum denserier ignem
Nec rarefieri, si partes ignis eandem
Naturam quam totus habet super ignis haberent.
Acrior ardor enim conductis partibus esset,
Languidior porro disiectis disque sipatis.

У половины всегда найдется своя половина,
И для деленья нигде не окажется вовсе предела.
Чем отличишь ты тогда наименьшую вещь от вселенной?
Ровно, поверь мне, ничем. Потому что, хотя никакого
Нет у вселенной конца, но ведь даже мельчайшие вещи
Из бесконечных частей состоять одинаково будут.
Здравый, однако же, смысл отрицает, что этому верить
Может наш ум, и тебе остается признать неизбежно
Существованье того, что совсем неделимо, являясь
По существу наименьшим. А если оно существует,
Должно признать, что тела изначальные плотны и вечны.
Если бы всё, наконец, природа, творящая вещи,
На наименьшие части дробиться опять заставляла,
Снова она никогда ничего возрождать не могла бы.
Ведь у того, что в себе никаких уж частей не содержит,
Нет совсем ничего, что материи производящей
Необходимо иметь: сочетаний различных и веса,
Всяких движений, толчков, из чего созидаются вещи.
    Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основою мира,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Их предводителем был Гераклит, завязавший сраженье,
По темноте языка знаменитый у греков, но больше
Слава его у пустых, чем у строгих искателей правды.
Ибо дивятся глупцы и встречают с любовным почтеньем
Всё, что находят они в изреченьях запутанных скрытым;
Истинным то признают, что приятно ласкает им ухо,
То, что красивых речей и созвучий прикрашено блеском.
    Как же, спрошу я, могли получиться столь разные вещи,
Если единственно лишь из огня они чистого вышли?
Ведь не могло бы помочь нимало, коль жгучий сгущался б
Иль разрежался огонь, если б части огня сохраняли
Ту же природу, какой обладает огонь в его целом.
Ведь, при стяженьи частей, только резче бы пыл становился,
При разделеньи же их и рассеяньи—был бы слабее.

Amplius hoc fieri nil est quod posse rearis
Talibus in causis, nedum variantia rerum
Tanta queat densis rarisque ex ignibus esse.
Id quoque, si faciant admixtum rebus inane,
Denseri poterunt ignes rarique relinqui.
Sed quia multa sibi cernunt contraria Musae
Et fugitant in rebus inane relinquere purum,
Ardua dum metuunt, amittunt vera viai,
Nec rursum cernunt exempto rebus inani
Omnia denseri fierique ex omnibus unum
Corpus, nil ab se quod possit mittere raptim;
Aestifer ignis uti lumen iacit atque vaporem,
Vt videas non e stipatis partibus esse.
Quod si forte ulla credunt ratione potesse
Ignis in coetu stingui mutareque corpus,
Scilicet ex nulla facere id si parte reparcent,
Occidet ad nilum nimirum funditus ardor
Omnis et e nilo fient quaecumque creantur.
Nam quodcumque suis mutatum finibus exit,
Continuo hoc mors est illius quod fuit ante.
Proinde aliquid superare necesse est incolume ollis,
Ne tibi res redeant ad nilum funditus omnes
De niloque renata vigescat copia rerum.
Nunc igitur quoniam certissima corpora quaedam
Sunt quae conservant naturam semper eandem,
Quorum abitu aut aditu mutatoque ordine mutant
Naturam res et convertunt corpora sese,
Scire licet non esse haec ignea corpora rerum.
Nil referret enim quaedam decedere, abire,
Atque alia attribui, mutarique ordine quaedam,
Si tamen ardoris naturam cuncta tenerent;
Ignis enim foret omnimodis quodcumque crearent.
Verum, ut opinor, itast: sunt quaedam corpora quorum
Concursus, motus, ordo, positura, figurae
Efficiunt ignis, mutatoque ordine mutant

Большего тут ничего, будь уверен, случиться не может,
Не говоря уж о том, что никак не могло бы возникнуть
Столько различных вещей из огней, то сгущенных, то редких,
Также еще, допускай в вещах пустоты они примесь,
Было б возможно огням и сгущаться и делаться реже;
„Музы" однакоже их, замечая, что часто впадают
В противоречья они, допускать пустоту избегают,
В страхе пред трудным путем уклоняются с верной дороги,
Вовсе не видя того, что, не будь пустоты, непременно
Всё бы сгуститься должно, из всего бы должно получиться
Тело одно, ничего не способное выделить быстро,
Как раскаленный огонь испускает и жар и сиянье,
Изобличая, что в нем совершенно не сплочены части.
Если ж считают они, что каким-нибудь образом может
В соединеньи огонь потухать и менять свою сущность,
То, очевидно, (коль так доводить до конца рассужденье)
Сгинет весь огненный пыл и в ничто обратится, и будет
Из ничего возникать таким образом всё, что творится.
Ведь коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
А потому и должно пребывать нерушимое нечто,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи,
И возникать из него вещей изобилие будет.
Так как, однако, тела несомненные есть, у которых
Без изменений всегда остается всё та же природа,
Коих уход, иль приход, или смена порядка меняют
Всё существо у вещей и одно превращают в другое,
То, очевидно, они и не огненной вовсе природы.
Было б, поверь, всё равно, что одни исчезали б, другие
Вновь притекали б, и свой изменяли б иные порядок,
Если б природу огня они все сохраняли при этом;
Ибо всегда бы огнем оставались и все их созданья.
Дело же, думаю, в том, что тела существуют, которых
Встречи, движения, строй, положения их и фигуры
Могут огонь порождать, а меняя порядок, меняют

Naturam neque sunt igni simulata neque ulli
Praeterea rei quae corpora mittere possit
Sensibus et nostros adiectu tangere tactus.
Dicere porro ignem res omnis esse, neque ullam
Rem veram in numero rerum constare nisi ignem,
Quod facit hic idem, perdelirum esse videtur.
Nam contra sensus ab sensibus ipse repugnat
Et labefactat eos, unde omnia credita pendent,
Vnde hic cognitus est ipsi quem nominat ignem.
Credit enim sensus ignem cognoscere vere,
Cetera non credit, quae nilo clara minus sunt.
Quod mihi cum vanum tum delirum esse videtur.
Quo referemus enim? Quid nobis certius ipsis
Sensibus esse potest, qui vera ac falsa notemus?
Praeterea quare quisquam magis omnia tollat
Et velit ardoris naturam linquere solam,
Quam neget esse ignis, quidvis tamen esse relinquat?
Aequa videtur enim dementia dicere utrumque.
Quapropter qui materiem rerum esse putarunt
Ignem atque ex igni summam consistere posse,
Et qui principium gignundis aera rebus
Constituere, aut umorem quicumque putarunt
Fingere res ipsum per se, terramve creare
Omnia et in rerum naturas vertier omnis,
Magno opere a vero longe derrasse videntur.
Adde etiam qui conduplicant primordia rerum
Aera iungentes igni terramque liquori,
Et qui quattuor ex rebus posse omnia rentur
Ex igni, terra atque anima procrescere et imbri.
Quorum Acragantinus cum primis Empedocles est,
Insula quem triquetris terrarum gessit in oris,
Quam fluitans circum magnis anfractibus aequor
Ionium glaucis aspergit virus ab undis,
Angustoque fretu rapidum mare dividit undis
Italiae terrarum oras a finibus eius.

Также природу, и нет ни с огнем у них сходства, ни с вещью
Кроме того никакой, способною к чувствам направить
Нашим тела и касаньем своим осязанье затронуть.
   А говорить, что все вещи — огонь и что истинной вещи
Между вещей ни одной помимо огня не бывает,
Как утверждает опять всё он же, ведь это безумье!
Ибо он сам восстает против чувств, отправляясь от чувства,
И потрясает он то, на чем зиждется вся достоверность,
Сам же постигнув из них и то, что огнем называет.
Чувства, он верит, огонь постигают вполне достоверно,
А остальное, что нам не менее явно, — нисколько.
Мненье такое пустым я считаю и прямо безумным.
Ибо на что же еще полагаться нам? Что достоверней
Чувств может быть для того, чтобы правду и ложь разграничить?
Кроме того, почему, отвергнувши всё остальное,
Нам предпочтенье отдать одной только пыла природе
А не отринуть огонь и что-то иное оставить?
То и другое, поверь, одинаково будет нелепо.
   Вследствие этого те, кто считал, что все вещи возникли
Лишь из огня, и огонь полагали основою мира,
Так же, как те, кто почел за основу всего мирозданья
Воздух, равно как и те, кто думал, что влага способна
Вещи сама созидать, или мнил, что земля образует
Всё, превращаясь сама в природу вещей всевозможных,
Кажется мне, далеко от истины в сторону сбились.
К этим прибавь еще тех, кто начала вещей удвояет,
С воздухом вместе огонь сочетая иль воду с землею,
Иль за основу всего принимает четыре стихии,
Именно: землю, огонь, дыхание воздуха, влагу.
Первым из первых средь них стоит Эмпедокл Акрагантский,
Коего на берегах треугольных вырастил остров,
Что̀ омывают кругом Ионийские волны и горькой
Солью зеленых валов орошают его побережье,
Узким проливом стремясь, и проносятся вдоль побережья,
От Италийской земли границы его отделяя.

Hic est vasta Charybdis et hic Aetnaea minantur
Murmura flammarum rursum se colligere iras,
Faucibus eruptos iterum vis ut vomat ignis
Ad caelumque ferat flammai fulgura rursum.
Quae cum magna modis multis miranda videtur
Gentibus humanis regio visendaque fertur,
Rebus opima bonis, multa munita virum vi,
Nil tamen hoc habuisse viro praeclarius in se
Nec sanctum magis et mirum carumque videtur.
Carmina quin etiam divini pectoris eius
Vociferantur et exponunt praeclara reperta,
Vt vix humana videatur stirpe creatus.
    Hic tamen et supra quos diximus inferiores
Partibus egregie multis multoque minores,
Quamquam multa bene ac divinitus invenientes
Ex adyto tamquam cordis responsa dedere
Sanctius et multo certa ratione magis quam
Pythia quae tripodi a Phoebi lauroque profatur,
Principiis tamen in rerum fecere ruinas
Et graviter magni magno cecidere ibi casu;
Primum quod motus exempto rebus inani
Constituunt et res mollis rarasque relinquunt,
Aera, rorem, ignem, terras, animalia, fruges,
Nec tamen admiscent in eorum corpus inane;
Deinde quod omnino finem non esse secandis
Corporibus faciunt, neque pausam stare fragori,
Nec prorsum in rebus minimum consistere quire;
Cum videamus id extremum cuiusque cacumen
Esse quod ad sensus nostros minimum esse videtur,
Conicere ut possis ex hoc, quae cernere non quis
Extremum quod habent, minimum consistere in illis.
Huc accedit item, quoniam primordia rerum
Mollia constituunt, quae nos nativa videmus
Esse et mortali cum corpore funditus, utqui
Debeat ad nilum iam rerum summa reverti

Дикая здесь и Харибда, и здесь же глухие раскаты
Огненной Этны грозят разразиться накопленным гневом,
Чтоб, изрыгая опять из жерла могучее пламя,
Снова она к небесам взнесла огненосные молньи.
Но, хоть и много чудес представляется взору людскому
В этой стране, и слывет она посещенья достойной,
Полная всяких богатств, укрепленная силой народа,
Не было в ней ничего, что достойнее этого мужа
И драгоценней, святей и славней бы его оказалось.
И песнопенья его из глубин вдохновенного сердца
Так громогласно звучат, излагают такие открытья,
Что и подумать нельзя, что рожден он от смертного корня.
    Всё же и он, и все те, о которых мы раньше сказали,
Что и ничтожней его и во многом значительно ниже,
Хоть вдохновенно открыть удавалось им ценного много,
И из святилищ сердец изрекать приходилось ответы
Много священней и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Всё же, дойдя до начатков вещей, потерпели крушенье,
И велико для великих падение тяжкое было.
Прежде всего, потому, что они допускают движенье
Без пустоты, вместе с тем принимая и мягкость, и редкость
Воздуха, влаги, огня, земли, плодов и животных,
Но пустоту в их тела не желают примешивать вовсе.
Дальше, не знают они и пределов деления тела
И никогда никакой границы дробленью не ставят,
Предполагая, что нет у вещей величин наименьших,
Хоть мы и видим, что есть в каждой вещи предельная точка,
Что представляется нам наименьшей для нашего чувства.
Можешь из этого ты заключить, что предельная точка
В том, что увидеть нельзя, и есть наименьшее нечто.
Так как к тому же еще они полагают, что мягки
Первоначала вещей, каковыми рожденные вещи
С телом, подверженным смерти, мы видим, то значит, должна бы
Вся совокупность вещей давно уж в ничто обратиться,

De niloque renata vigescere copia rerum;
Quorum utrumque quid a vero iam distet habebis.
Deinde inimica modis multis sunt atque veneno
Ipsa sibi inter se; quare aut congressa peribunt,
Aut ita diffugient, ut tempestate coacta
Fulmina diffugere atque imbris ventosque videmus.
Denique quattuor ex rebus si cuncta creantur
Atque in eas rursum res omnia dissoluuntur,
Qui magis illa queunt rerum primordia dici
Quam contra res illorum retroque putari?
Alternis gignuntur enim mutantque colorem
Et totam inter se naturam tempore ab omni.
Sin ita forte putas ignis terraeque coire
Corpus et aerias auras roremque liquoris,
Nil in concilio naturam ut mutet eorum,
Nulla tibi ex illis poterit res esse creata,
Non animans, non exanimo cum corpore, ut arbor.
Quippe suam quidque in coetu variantis acervi
Naturam ostendet, mixtusque videbitur aer
Cum terra simul atque ardor cum rore manere.
At primordia gignundis in rebus oportet
Naturam clandestinam caecamque adhibere,
Emineat nequid, quod contra pugnet et obstet
Quominus esse queat proprie quodcumque creatur.
Quin etiam repetunt a caelo atque ignibus eius
Et primum faciunt ignem se vertere in auras
Aeris, hinc imbrem gigni terramque creari
Ex imbri, retroque a terra cuncta reverti,
Vmorem primum, post aera, deinde calorem,
Nec cessare haec inter se mutare, meare
A caelo ad terram, de terra ad sidera mundi.
Quod facere haud ullo debent primordia pacto.
Immutabile enim quiddam superare necessest,
Ne res ad nilum redigantur funditus omnes.
Nam quodcumque suis mutatum finibus exit,

И возникать из него должно бы вещей изобилье.
То и другое, как ты убедишься, от правды далеко.
Эти стихии, затем, во многом враждебны, и ядом
Служат одни для других, и поэтому или погибнут,
Вместе сойдясь, или врозь они все разбредутся, как, видим,
Молнии, ветер и дождь разбегаются, бурей гонимы.

И, наконец, если всё из стихий четырех создается,
Если все вещи затем на них разлагаются снова,
То почему же считать, что *они* представляют собою
Первоначала вещей, а не те им началами служат?
Ведь и родятся они друг от друга и цветом взаимно
Да и природою всей меняются испоконь века.
Если ж подумаешь ты, что, входя в сочетанья друг с другом
Тело огня и земли или воздух и жидкая влага
Соединяются так, что природы своей не меняют,
То ничего у тебя из них получиться не сможет:
Ни оживленных вещей, ни бездушных, подобно деревьям.
Ибо природу свою в разнородном смешении этом
Всё обнаружит, сойдясь: ты увидишь, как вместе с землею
Воздух мешается там, и огонь остается во влаге.
А между тем, при созданьи вещей, ведь должны непременно
Первоначала вносить потаенную, скрытую сущность,
Чтоб не являлось ничто препятствием или помехой
Всяким созданьям иметь свои самобытные свойства.

Больше того: от небес и огней их они начинают
И говорят, что сначала огонь обращается в токи
Воздуха, воздухом дождь порождается, дождь образует
Землю, и снова затем из земли всё выходит обратно:
Влага сначала, а там уж и воздух и сызнова пламя.
И непрерывно всё это сменяет друг друга, нисходит
С неба к земле и с земли обратно к светилам небесным.
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда неизменное нечто,
Чтобы не сгинуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,

Continuo hoc mors est illius quod fuit ante.
Quapropter quoniam quae paulo diximus ante
In commutatum veniunt, constare necessest
Ex aliis ea, quae nequeant convertier usquam,
Ne tibi res redeant ad nilum funditus omnes.
Quin potius tali natura praedita quaedam
Corpora constituas, ignem si forte crearint,
Posse eadem demptis paucis paucisque tributis,
Ordine mutato et motu, facere aeris auras,
Sic alias aliis rebus mutarier omnis?
„At manifesta palam res indicat“ inquis „in auras
Aeris e terra res omnis crescere alique;
Et nisi tempestas indulget tempore fausto
Imbribus, ut tabe nimborum arbusta vacillent,
Solque sua pro parte fovet tribuitque calorem,
Crescere non possint fruges, arbusta, animantes“.
Scilicet et nisi nos cibus aridus et tener umor
Adiuvet, amisso iam corpore vita quoque omnis
Omnibus e nervis atque ossibus exsoluatur.
Adiutamur enim dubio procul atque alimur nos
Certis ab rebus, certis aliae atque aliae res.
Nimirum, quia multa modis communia multis
Multarum rerum in rebus primordia mixta
Sunt, ideo variis variae res rebus aluntur.
Atque eadem magni refert primordia saepe
Cum quibus et quali positura contineantur
Et quos inter se dent motus accipiantque;
Namque eadem caelum, mare, terras, flumina, solem
Constituunt, eadem fruges, arbusta, animantis,
Verum aliis alioque modo commixta moventur.
Quin etiam passim nostris in versibus ipsis
Multa elementa vides multis communia verbis,
Cum tamen inter se versus ac verba necessest
Confiteare et re et sonitu distare sonanti.
Tantum elementa queunt permutato ordine solo.

Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
И потому, если то, о чем только что мы говорили,
Вечно сменяется так, то оно состоит из другого,
Что̀ измененьям совсем подвержено быть уж не может,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.
Так не признать ли скорей, что тела есть с такою природой,
Что, породивши огонь как-нибудь, точно так же способны,—
При удаленьи из них немногих, с прибавкой немногих,
Коль изменился их строй и движение, — воздух составить,
И что таким же путем всё одно из другого выходит?
„Но, возразишь ты, гласит сама очевидность, что в токи
Воздуха всё из земли вырастает и кормится ею,
И коль дождей не пошлет в надлежащую пору погода,
Чтобы под ливнем из туч закачались, согнувшись, деревья,
И если солнце всего не согреет теплом благодатным,
То ведь не смогут расти ни деревья, ни злаки, ни звери“.
Правильно. Да и коль нас не питала бы твердая пища
С нежною влагой, то жизнь, покидая нас с гибелью тела,
Все бы и мышцы тогда и все кости оставила наши.
И несомненно, что мы подкрепляем себя и питаем
Пищею, свойственной нам, а иные созданья — иною.
Ведь коль во многих вещах однородные первоначала
Смешаны многих вещей в сочетании многообразном,
Разные вещи должны и питаться различною пищей.
Часто имеет еще большое значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно.
Те же начала собой образуют ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных.
Но и смешения их, и движения в разном различны.
Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных,
Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой и по смыслу, и также по звуку.
Видишь, как буквы сильны лишь одним измененьем порядка.

At rerum quae sunt primordia, plura adhibere
Possunt unde queant variae res quaeque creari.
Nunc et Anaxogorae scrutemur homoeomerian,
Quam Grai memorant nec nostra dicere lingua
Concedít nobis patrii sermonis egestas,
Sed tamen ipsam rem facilest exponere verbis.
Principio, rerum quam dicit homoeomerian,
Ossa, vídelicet, e pauxillis atque minutis
Ossibus hic et de pauxillis atque minutis
Visceribus viscus gigni sanguenque creari
Sanguinis inter se multis coeuntibu' guttis
Ex aurique putat micis consistere posse
Aurum et de terris terram concrescere parvis,
Ignibus ex ignis, umorem umoribus esse,
Cetera consimili fingit ratione putatque.
Nec tamen esse ulla de parte in rebus inane
Concedit, neque corporibus finem esse secandis.
Quare in utraque mihi pariter ratione videtur
Errare atque illi, supra quos diximus ante.
Adde quod imbecilla nimis primordia fingit;
Si primordia sunt, simili quae praedita constant
Natura atque ipsae res sunt aequeque laborant
Et pereunt, neque ab exitio res ulla refrenat.
Nam quid in oppressu valido durabit eorum,
Vt mortem effugiat, leti sub dentibus ipsis?
Ignis, an umor, an aura? Quid horum? Sanguen an ossa?
Nil, ut opinor, ubi ex aequo res funditus omnis
Tam mortalis erit quam quae manifesta videmus
Ex oculis nostris aliqua vi victa perire.
At neque recidere ad nilum res posse neque autem
Crescere de nilo testor res ante probatas.
Praeterea quoniam cibus auget corpus alitque,
Scire licet nobis venas et sanguen et ossa
Ex alienigenis rebus constare necesse.
Sive cibos omnis commixto corpore dicent

Что же до первоначал, то они еще больше имеют
Средств для того, чтоб из них возникали различные вещи.
Анаксагора теперь мы рассмотрим „гомéомерию“,
Как ее греки зовут; а нам передать это слово
Не позволяет язык и наречия нашего скудость,
Но тем не менее суть его выразить вовсе не трудно.
Прежде всего, говоря о гомеомерии предметов,
Он разумеет под ней, что из крошечных и из мельчайших
Кости родятся костей, что из крошечных и из мельчайших
Мышцы рождаются мышц, и что кровь образуется в теле
Из сочетанья в одно сходящихся вместе кровинок.
Так из крупиц золотых, полагает он, вырасти может
Золото, да и земля из земель небольших получиться;
Думает он, что огонь — из огней и что влага — из влаги,
Воображая, что всё таким же путем возникает.
Но пустоты никакой допускать он в вещах не согласен,
Да и дроблению тел никакого предела не ставит.
А потому несомненно, что так же двойную ошибку
Делает он, как и те, о которых мы раньше сказали.
Первоначала, к тому ж, у него неустойчивы слишком,
Ежели только считать допустимо за первоначала
То, что природы такой же, как вещи, что так же страдает
И погибает и что уберечь от конца невозможно.
Что же могло бы из них удержаться под натиском мощным
И от кончины бежать под самыми смерти зубами?
Воздух, вода иль огонь? Или что еще? Кровь или кости?
Нет, я уверен, ничто. Ибо все одинаково вещи
Смертными будут вполне, как и то, что, мы видим, открыто
Гибнет на наших глазах, какой-нибудь сломлено силой.
Но невозможно вещам ни в ничто отходить, ни, обратно,
Из ничего вырастать, как я то доказал уже раньше.
Кроме того, так как пища растит и питает нам тело,
Надо считать, что и вся наша кровь, наши жилы и кости
Из чужеродных вещей должны состоять непременно.
Если же тут возразят, что всякая пища имеет

Esse et habere in se nervorum corpora parva
Ossaque et omnino venas partisque cruoris,
Fiet uti cibus omnis, et aridus et liquor ipse,
Ex alienigenis rebus constare putetur,
Ossibus et nervis sanieque et sanguine mixto.
Praeterea quaecumque e terra corpora crescunt
Si sunt in terris, terram constare necessest
Ex alienigenis, quae terris exoriuntur.
Transfer item, totidem verbis utare licebit:
In lignis si flamma latet fumusque cinisque,
Ex alienigenis consistant ligna necessest,
Ex alienigenis, quae lignis exoriuntur.
    Linquitur hic quaedam latitandi copia tenvis,
Id quod Anaxagoras sibi sumit, ut omnibus omnis
Res putet immixtas rebus latitare, sed illud
Apparere unum, cuius sint plurima mixta
Et magis in promptu primaque in fronte locata.
Quod tamen a vera longe ratione repulsumst.
Conveniebat enim fruges quoque saepe, minaci
Robore cum saxi franguntur, mittere signum
Sanguinis aut aliquid, nostro quae corpore aluntur;
Consimili ratione herbas quoque saepe decebat,
Cum lapidi lapidem terimus, manare cruorem;
Et latices dulcis guttas similique sapore
Mittere, lanigerae quali sunt ubere lactis;
Scilicet, et glebis terrarum saepe friatis
Herbarum genera et fruges frondisque videri
Dispertita inter terram latitare minute,
Postremo in lignis cinerem fumumque videri,
Cum praefracta forent, ignisque latere minutos.
Quorum nil fieri quoniam manifesta docet res,
Scire licet non esse in rebus res ita mixtas,
Verum semina multimodis immixta latere
Multarum rerum in rebus communia debent.
    „At saepe in magnis fit montibus“ inquis „ut altis

Смешанный, сложный состав, и что в ней заключаются тельца
Мускулов, части костей, и кровинки, и мелкие жилки,
Выйдет, что надо считать, будто всякая твердая пища,
Так же, как жидкость, сама состоит из вещей чужеродных:
Из сухожилий, костей, и гноя, и крови в смешеньи.
Далее, если всему, что растет из земли, заключаться
Надо в самой же земле, то земля состоит непременно
Из чужеродных вещей, что на свет из земли возникают.
То же ты можешь сказать и о прочем, коль будет угодно:
Если таятся в дровах и пламя, и дым вместе с пеплом,
Из чужеродных вещей и дрова состоят несомненно,
Из чужеродных вещей, что из дров, выходя, возникают.
Здесь остается одна небольшая возможность увертки,
Анаксагор за нее и хватается, предполагая,
Будто все вещи во всех в смешеньи таятся, но только
То выдается из них, чего будет бо̀льшая примесь,
Что наготове всегда и на первом находится месте.
Правдоподобия нет никакого в таком объясненьи.
Ибо тогда и зерно, дробимое камнем тяжелым,
Крови следы оставлять должно бы на нем постоянно
Или еще что-нибудь, что в нашем питается теле;
Были б и травы должны подобным же образом часто
Кровь источать из себя при треньи их между камнями;
Стали бы воды струить такие же сладкие капли,
Как молоко, что течет из сосцов у овец густорунных;
Было бы видно тогда, как и в комьях земли размельчённых
Разного рода трава и хлебные злаки, и листья
В маленьком виде в земле потаенно рассеяны всюду;
И, наконец, расколовши дрова, мы увидеть могли бы
Пепел и дым, и огни потаенные в маленьком виде.
Но, очевидно, раз нет подтвержденья тому никакого,
Надо считать, что в вещах не бывает такого смешенья,
А сокровенно должны в вещах семена заключаться,
Общие многим вещам в сочетании многообразном.
„Но на высоких горах,— возражаешь ты, — часто бывает,

Arboribus vicina cacumina summa terantur
Inter se, validis facere id cogentibus austris,
Donec flammai fulserunt flore coorto".
Scilicet et non est lignis tamen insitus ignis,
Verum semina sunt ardoris multa, terendo
Quae cum confluxere, creant incendia silvis.
Quod si facta foret silvis abscondita flamma,
Non possent ullum tempus celarier ignes,
Conficerent vulgo silvas, arbusta cremarent.
Iamne vides igitur, paulo quod diximus ante,
Permagni referre eadem primordia saepe
Cum quibus et quali positura contineantur
Et quos inter se dent motus accipiantque,
Atque eadem paulo inter se mutata creare
Ignis et lignum? Quo pacto verba quoque ipsa
Inter se paulo mutatis sunt elementis,
Cum ligna atque ignis distincta voce notemus.
Denique iam quaecumque in rebus cernis apertis
Si fieri non posse putas, quin materiai
Corpora consimili natura praedita fingas,
Hac ratione tibi pereunt primordia rerum:
Fiet uti risu tremulo concussa cachinnent
Et lacrimis salsis umectent ora genasque.
Nunc age quod superest cognosce et clarius audi.
Nec me animi fallit quam sint obscura; sed acri
Percussit thyrso laudis spes magna meum cor
Et simul incussit suavem mi in pectus amorem
Musarum, quo nunc instinctus mente vigenti
Avia Pieridum peragro loca nullius ante
Trita solo. Iuvat integros accedere fontis
Atque haurire, iuvatque novos decerpere flores
Insignemque meo capiti petere inde coronam,
Vnde prius nulli velarint tempora Musae;
Primum quod magnis doceo de rebus et artis
Religionum animum nodis exsolvere pergo,

Что у громадных стволов вершины соседние трутся,
Если их ветры гнетут могучею силой, и, ярко
Вспыхнув, взвивается тут языками горящими пламя".
Правильно. Но не огонь заложен в деревьях, а только
Множество жара семян, и они-то от сильного тренья,
Вместе друг с другом сплотясь, порождают лесные пожары.
Если же было б в лесах потаенным готовое пламя,
То не могли б ни на миг, скрываясь, огни оставаться,
Но сокрушали б везде все леса и деревья сжигали б.
Видишь ли ты, наконец, о чем только что мы говорили,
Что постоянно имеет большое значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
Как, лишь слегка изменив сочетанья, они порождают
Дерево или огонь? И подобным же образом также,
При изменении лишь сочетания букв, создаются
Разного рода слова совершенно различного смысла.
И, наконец, если всё, что в вещах наблюдаешь ты явных,
Может, по-твоему, быть не иначе, как если представить,
Что и у тел основных такая же точно природа, —
Первоначала вещей у тебя совершенно погибнут:
Выйдет тогда, что они заливаются хохотом звонким,
И по лицу и щекам текут у них горькие слезы.

Что остается теперь, — ты узнай и внимательно слушай.
Я не таю от себя, как это туманно, но острый
В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда на славу
И одновременно грудь напоила мне сладкою страстью
К Музам, которой теперь вдохновляемый, с бодрою мыслью
По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенёт суеверий,

Deinde quod obscura de re tam lucida pango
Carmina, musaeo contingens cuncta lepore.
Id quoque enim non ab nulla ratione videtur;
Sed veluti pueris absinthia taetra medentes
Cum dare conantur, prius oras pocula circum
Contingunt mellis dulci flavoque liquore,
Vt puerorum aetas improvida ludificetur
Labrorum tenus, interea perpotet amarum
Absinthi laticem deceptaque non capiatur,
Sed potius tali pacto recreata valescat,
Sic ego nunc, quoniam haec ratio plerumque videtur
Tristior esse quibus non est tractata, retroque
Vulgus abhorret ab hac, volui tibi suaviloquenti
Carmine Pierio rationem exponere nostram
Et quasi musaeo dulci contingere melle,
Si tibi forte animum tali ratione tenere
Versibus in nostris possem, dum perspicis omnem
Naturam rerum, qua constet compta figura.
Sed quoniam docui solidissima materiai
Corpora perpetuo volitare invicta per aevum,
Nunc age, summai quaedam sit finis eorum
Necne sit, evolvamus; item quod inane repertumst
Seu locus ac spatium, res in quo quaeque gerantur,
Pervideamus utrum finitum funditus omne
Constet, an immensum pateat vasteque profundum.
Omne quod est igitur nulla regione viarum
Finitumst; namque extremum debebat habere.
Extremum porro nullius posse videtur
Esse, nisi ultra sit quod finiat; ut videatur
Quo non longius haec sensus natura sequatur.
Nunc extra summam quoniam nil esse fatendum,
Non habet extremum, caret ergo fine modoque.
Nec refert quibus adsistas regionibus eius;
Vsque adeo, quem quisque locum possedit, in omnis
Tantundem partis infinitum omne relinquit.

А, во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.
Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Ведь, коль ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь.
Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты не познаешь
Всей природы вещей и законов ее построенья.
    Раз уже я доказал, что плотны тела основные
И что летают они нерушимые в вечном движеньи,
То мы рассмотрим теперь, бесконечна ли их совокупность
Или же нет; а затем, бытие пустоты доказавши,
Или пространства и места, где все созидаются вещи,
Выясним, есть ли конец у пространства во всем его целом,
Или безмерно оно и зияет бездонною бездной.
    Нет никакого конца ни с одной стороны у вселенной,
Ибо иначе края непременно она бы имела;
Края ж не может иметь, очевидно, ничто, если только
Вне его нет ничего, что его отделяет, чтоб видно
Было, доколе следить за ним наши чувства способны.
Если ж должны мы признать, что нет ничего за вселенной:
Нет и краев у нее, и нет ни конца ни предела.
И безразлично, в какой ты находишься части вселенной:
Где бы ты ни был, везде, с того места, что ты занимаешь,
Всё бесконечной она остается во всех направленьях.

Praeterea si iam finitum constituatur
Omne quod est spatium, siquis procurrat ad oras
Vltimus extremas iaciatque volatile telum,
Id validis utrum contortum viribus ire
Quo fuerit missum mavis longeque volare,
An prohibere aliquid censes obstareque posse?
Alterutrum fatearis enim sumasque necessest.
Quorum utrumque tibi effugium praecludit et omne
Cogit ut exempta concedas fine patere.
Nam sive est aliquid quod probeat efficiatque
Quominu' quo missum est veniat finique locet se,
Sive foras fertur, non est a fine profectum.
Hoc pacto sequar atque, oras ubicumque locaris
Extremas, quaeram quid telo denique fiat.
Fiet uti nusquam possit consistere finis
Effugiumque fugae prolatet copia semper.

Praeterea spatium summai totius omne
Vndique si inclusum certis consisteret oris
Finitumque foret, iam copia materiai
Vndique ponderibus solidis confluxet ad imum,
Nec res ulla geri sub caeli tegmine posset,
Nec foret omnino caelum neque lumina solis,
Quippe ubi materies omnis cumulata iaceret
Ex infinito iam tempore subsidendo.
At nunc, nimirum, requies data principiorum
Corporibus nullast, quia nil est funditus imum,
Quo quasi confluere et sedis ubi ponere possint.
Semper in assiduo motu res quaeque geruntur
Partibus e cunctis, infernaque suppeditantur
Ex infinito cita corpora materiai.

Postremo ante oculos res rem finire videtur;
Aer dissaepit collis atque aera montes,
Terra mare et contra mare terras terminat omnis;
Omne quidem vero nil est quod finiat extra.
Est igitur natura loci spatiumque profundi,

Кроме того, коль признать, что пространство вселенной конечно,
То если б кто-нибудь вдруг, разбежавшись в стремительном беге,
Крайних пределов достиг и оттуда, напрягши все силы,
Бросил с размаху копье, то, — как ты считаешь?—оно бы
Вдаль полетело, стремясь неуклонно к намеченной цели,
Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?
То иль другое признать придется тебе неизбежно,
Но ни одно не дает тебе выхода, и согласиться
Должен ты, что без конца распростерто пространство вселенной.
Ибо мешает ли тут что-нибудь и препятствием служит,
Не допуская копье до намеченной цели домчаться,
Или летит оно вон, — оно пущено все же не с края.
Так я и дальше пойду и повсюду, где б ты ни наметил
Крайних пределов, спрошу: „Что ж с копьем, наконец,этим будет?"
Выйдет лишь то, что нигде никакого конца не поставить,
И для полета всегда беспредельно продлится возможность.

Кроме того, если всё необъятной вселенной пространство
Замкнуто было б кругом и, имея предельные грани,
Было б конечным, давно уж материя вся под давленьем
Плотных начал основных отовсюду осела бы в кучу,
И не могло бы ничто под покровом небес созидаться:
Не было б самых небес, да и солнца лучи не светили б,
Так как материя вся, оседая всё ниже и ниже
От бесконечных времен, лежала бы сбившейся в кучу.
В самом же деле, телам начал основных совершенно
Нету покоя нигде, ибо низа-то нет никакого,
Где бы, стеченье свое прекратив, они оседали.
Все в постоянном движеньи всегда созидаются вещи,
Всюду, со всяких сторон, и нижние с верхними вместе
Из бесконечных глубин несутся тела основные.

И, наконец, очевидно, что вещь ограничена вещью,
Воздух вершинами гор отделяется, воздухом — хо̀лмы,
Морю пределом — земля, а земле служит море границей,
Но бесконечной всегда остается вселенная в целом.
И по природе своей настолько бездонно пространство,

Quod neque clara suo percurrere fulmina cursu
Perpetuo possint aevi labentia tractu
Nec prorsum facere ut restet minus ire meando;
Vsque adeo passim patet ingens copia rebus
Finibus exemptis in cunctas undique partis.
    Ipsa modum porro sibi rerum summa parare
Ne possit, natura tenet, quae corpus inani
Et quod inane autem est finiri corpore cogit,
Vt sic alternis infinita omnia reddat,
Aut etiam alterutrum, nisi terminet alterum eorum,
Simplice natura pateat tamen immoderatum.
1013a Nam si finitum vacuum constaret inane,
1013b Innumera haud caperet cita corpora materiai;
1013c Sin finita essent immenso corpora inani,
Nec mare, nec tellus, neque caeli lucida templa,
Nec mortale genus, nec divum corpora sancta
Exiguum possent horai sistere tempus.
Nam dispulsa suo de coetu materiai
Copia ferretur magnum per inane soluta,
Sive adeo potius numquam concreta creasset
Vllam rem, quoniam cogi disiecta nequisset.
Nam certe neque consilio primordia rerum
Ordine se suo quaeque sagaci mente locarunt
Nec quos quaeque darent motus pepigere profecto,
Sed quia multa modis multis mutata per omne
Ex infinito vexantur percita plagis,
Omne genus motus et coetus experiundo
Tandem deveniunt in talis dispposituras,
Qualibus haec rerum consistit summa creata,
Et multos etiam magnos servata per annos
Vt semel in motus coniectast convenientis,
Efficit ut largis avidum mare fluminis undis
Integrent amnes et solis terra vapore
Fota novet fetus summissaque gens animantum
Floreat et vivant labentes aetheris ignes;

Что даже молнии луч пробежать его был бы не в силах,
В долгом теченьи чреды бесконечных веков ускользая
Дальше вперед, и никак он не смог бы приблизиться к цели.
Вот до чего для вещей необъятны повсюду просторы,
Всяких границ лишены и открыты во всех направленьях.
Дальше, природа блюдет, чтоб вещей совокупность предела
Ставить себе не могла: пустоту она делает гранью
Телу, а тело она ограждать пустоту принуждает,
Чередованьем таким заставляя быть всё бесконечным.
И, если б даже одно не служило границей другому,
Всё же иль это, иль то само бы простерлось безмерно.
Ибо, коль был бы предел положен пустому пространству,
Всех бы бесчисленных тел основных оно не вместило;
Если ж в пространстве пустом их число ограничено было б,
То ни моря, ни земля, ни небес лучезарная область,
Ни человеческий род, ни тела бы святые бессмертных
Существовать не смогли даже часа единого доли.
Ибо материи всей совокупность, расторгнув все связи,
Вся унеслась бы тогда, в пустоте необъятной рассеясь,
Или, вернее сказать, никогда не могла бы сгуститься
И ничего породить, неспособная вместе собраться.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместилися стройном порядке
И о движеньях своих не условились раньше, конечно,
Но многократно свои положения в мире меняя,
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
В расположенья они, наконец, попадают, из коих
Вся совокупность вещей получилась в теперешнем виде
И, приведенная раз в состояние нужных движений,
Много бесчисленных лет сохраняется так и при этом
Делает то, что всегда обновляется жадное море
Водами рек; и земля, согретая солнечным жаром,
Вновь производит плоды; и живые созданья, рождаясь,
Снова цветут; и огни, скользящие в небе, не гаснут.

Quod nullo facerent pacto, nisi materiai
Ex infinito suboriri copia posset,
Vnde amissa solent reparare in tempore quaeque.
Nam veluti privata cibo natura animantum
Diffluit amittens corpus, sic omnia debent
Dissolui simul ac defecit suppeditare
Materies aliqua ratione aversa viai.
Nec plagae possunt extrinsecus undique summam
Conservare omnem quaecumque est conciliata.
Cudere enim crebro possunt partemque morari,
Dum veniant aliae ac suppleri summa queatur.
Interdum resilire tamen coguntur et una
Principiis rerum spatium tempusque fugai
Largiri, ut possint a coetu libera ferri.
Quare etiam atque etiam suboriri multa necessest,
Et tamen ut plagae quoque possint suppetere ipsae,
Infinita opus est vis undique materiai.
Illud in his rebus longe fuge credere, Memmi,
In medium summae quod dicunt omnia niti,
Atque ideo mundi naturam stare sine ullis
Ictibus externis neque quoquam posse resolvi
Summa atque ima, quod in medium sint omnia nixa
(Ipsum si quicquam posse in se sistere credis),
Et quae pondera sunt sub terris omnia sursum
Nitier in terraque retro requiescere posta,
Vt per aquas quae nunc rerum simulacra videmus.
Et simili ratione animalia suppa vagari
Contendunt neque posse e terris in loca caeli
Recidere inferiora magis quam corpora nostra
Sponte sua possint in caeli templa volare;
Illi cum videant solem, nos sidera noctis
Cernere, et alternis nobiscum tempora caeli
Dividere et noctes parilis agitare diebus.
Sed vanus stolidis haec error falsa probavit,
Amplexi quod habent perversa rem ratione;

Всё это было б никак невозможно, когда б не являлось
Из бесконечности вновь запасов материи вечно,
Чтобы опять и опять восполнялася всякая убыль.
Ибо, как все существа, лишенные пищи, тощают
И начинают худеть, так же точно и всё остальное
Должно начать исчезать, как только материи станет
Недоставать, и приток постоянный ее прекратится.
Да и наружных толчков недостаточно, чтоб отовсюду
Всю совокупность вещей сохранять и поддерживать в целом.
Частым ударом они удержать ее могут отчасти,
До появленья того, что вещей совокупность восполнит,
Но и назад между тем им отпрядывать надо, и этим
Место началам вещей и время давать для побега
Так, чтоб свободно могли они оставлять сочетанья.
Значит, всё новый приток изобильный начал неизбежен.
Да, чтоб и сами толчки непрерывно могли повторяться,
Необходимо должна материя быть бесконечной.

Тут одного берегись и не верь утверждению, Меммий,
Что устремляется всё к какому-то центру вселенной,
Будто поэтому мир и способен держаться без всяких
Внешних толчков; и никак никуда разложиться не может
Верх или низ у него, ибо всё устремляется к центру,
(Если, по-твоему, вещь на себя опираться способна),
Что, находясь под землей, стремятся к ней тяжести снизу
И пребывают на ней, обернувшися кверху ногами,
Как отраженья, что мы на поверхности вод наблюдаем:
Будто бы вниз головой и животные также под нами
Бродят, и будто с земли упасть им никак невозможно
В нижние своды небес, как и наши тела не способны
Сами собой улететь к высоким обителям неба;
Будто бы солнце у них, в то время как ночи светила
Мы созерцаем; что мы взаимно меняемся с ними
Сменой времен, а их дни ночам соответствуют нашим.
Но лишь надменным глупцам допустимо доказывать это,
Ум у которых всегда к извращению истины склонен.

Nam medium nil esse potest, quando omnia constant
Infinita. Neque omnino, si iam medium sit,
Possit ibi quicquam consistere eam magis ob rem,
Quam quavis alia longe ratione repelli:
Omnis enim locus ac spatium, quod inane vocamus,
Per medium, per non medium concedere debet
Aeque ponderibus, motus quacumque feruntur.
Nec quisquam locus est, quo corpora cum venerunt,
Ponderis amissa vi possint stare in inani;
Nec quod inane autem est ulli subsistere debet,
Quin, sua quod natura petit, concedere pergat.
Haud igitur possunt tali ratione teneri
Res in concilium medii cuppedine victae.
Praeterea quoniam non omnia corpora fingunt
In medium niti, sed terrarum atque liquoris,
Et quasi terreno quae corpore contineantur,
Vmorem ponti magnasque e montibus undas,
At contra tenuis exponunt aeris auras
Et calidos simul a medio differrier ignis,
Atque ideo totum circum tremere aethera signis
Et solis flammam per caeli caerula pasci,
Quod calor a medio fugiens se ibi colligat omnis,
Nec prorsum arboribus summos frondescere ramos
Posse, nisi a terris paulatim cuique cibatum
‹Diffundat truncum ac ramos natura per omnis,
Scilicet incerto diversi errore vagantes
Argumenta sibi prorsum pugnantia fingunt.
Quae tamen omnia sunt falsa ratione recepta.
Nam quoniam docui spatium sine fine modoque
Immensumque patere in cunctas undique partis,
Sic parili ratione necessest suppeditetur
Infinita etiam vis undique materiai,›
Ne volucri ritu flammarum moenia mundi
Diffugiant subito magnum per inane soluta,
Et ne cetera consimili ratione sequantur,

Центра ведь нет нигде у вселенной, раз ей никакого
Нету конца. И ничто, будь даже в ней центр, совершенно
Не в состоянии в нем удержаться поэтому больше,
Чем, по причине другой, от него быть отторгнутым вовсе.
Всё ведь пространство и место, что мы пустотой называем,
Иль через центр или не через центр уступает дорогу
Всяким весомым телам, куда б ни влекло их движенье.
Нет и места к тому ж, куда бы тела попадая,
Тяжесть теряли свою и могли в пустоте удержаться;
И пустота не должна служить для другого опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Так что не могут никак в сочетании вещи держаться
Лишь потому, что они отдаются влечению к центру.
Кроме того, они мнят, что не всякое тело стремится
К центру, но только земли и жидкости лишь это свойство,
Или того, что в земном, так сказать, заключается теле:
Влаги морей или с гор стекающих мощных потоков.
И говорят, что, напротив, и воздуха тонкие токи
Так же, как жаркий огонь, в то же время несутся от центра;
И потому весь эфир сверкает созвездьями всюду,
И на лазури небес питается солнечный пламень,
Что собирается там всё тепло, убегая от центра.
И не могли б зеленеть и высокие ветви деревьев,
Если для каждой из них от земли понемногу питанье
‹Не притекало бы в ствол, доходя по ветвям до вершины.
Но заблуждаются все, очевидно, кто так рассуждает,
И доказательства их совершенно противоречивы,
Так как основой для них неверное мнение служит.
Ибо, раз я доказал, что нет конца у пространства
И распростерто оно повсюду, во всех направленьях,
То неизбежно признать, что материи также предела
Нет нигде, и она должна притекать отовсюду,›
Чтобы, подобно летучим огням, мироздания стены
Врозь не распалися вдруг, в пустоте необъятной рассеясь,
И чтобы прочее всё не пошло точно так же за ними;

Neve ruant caeli tonitralia templa superne
Terraque se pedibus raptim subducat et omnis
Inter permixtas rerum caelique ruinas
Corpora solventis abeat per inane profundum,
Temporis ut puncto nil exstet reliquiarum
Desertum praeter spatium et primordia caeca.
Nam quacumque prius de parti corpora desse
Constitues, haec rebus erit pars ianua leti,
Hac se turba foras dabit omnis materiai.
Haec sic pernosces parva perductus opella;
Namque alid ex alio clarescet, nec tibi caeca
Nox iter eripiet, quin ultima naturai
Pervideas: ita res accendent lumina rebus.

Чтобы не рухнули вниз громоносные области неба;
Чтобы внезапно земле из-под ног целиком не исчезнуть
Вместе с распадом вещей, в смешеньи с обломками неба,
При разложении тел не пропасть в пустоте необъятной
Так, что в какой-нибудь миг исчезло бы всё, и остались
Только пустыни пространств и незримые первоначала.
Ибо, раз где-нибудь ты предположишь в телах недостаток,
Здесь распахнутся вещам широкие смерти ворота,
И через них, уносясь, толпою материя хлынет.
    Так без большого труда ты всё это можешь постигнуть,
Ибо одно за другим выясняется всё. Не сбиваясь
Темною ночью с пути, ты узнаешь все тайны природы,
И постоянно одно зажигать будет светоч другому.

LVCRETI DE RERVM NATVRA

LIBER SECVNDVS

Suave, mari magno turbantibus aequora ventis,
E terra magnum alterius spectare laborem;
Non quia vexari quemquamst iucunda voluptas,
Sed quibus ipse malis careas quia cernere suave est.
Suave etiam belli certamina magna tueri
Per campos instructa tua sine parte pericli.
Sed nil dulcius est, bene quam munita tenere
Edita doctrina sapientum templa serena,
Despicere unde queas alios passimque videre
Errare atque viam palantis quaerere vitae,
Certare ingenio contendere nobilitate,
Noctes atque dies niti praestante labore
Ad summas emergere opes rerumque potiri.
O miseras hominum mentis, o pectora caeca!
Qualibus in tenebris vitae quantisque periclis
Degitur hoc aevi quodcumquest! Nonne videre
Nil aliud sibi naturam latrare, nisi utqui

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ВТОРАЯ

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаяся, жизненный ищут;
Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде,
Ночи и дни напролет добиваясь трудом неустанным
Мощи великой достичь и владыками сделаться мира.
О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках
Этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно,
Что об одном лишь природа вопит и что требует только,

Corpore seiunctus dolor absit mensque fruatur
Iucundo sensu cura semota metuque?
Ergo corpoream ad naturam pauca videmus
Esse opus omnino, quae demant cumque dolorem.
Delicias quoque uti multas substernere possint
Gratius interdum, neque natura ipsa requirit,
Si non aurea sunt iuvenum simulacra per aedes
Lampadas igniferas manibus retinentia dextris,
Lumina nocturnis epulis ut suppeditentur,
Nec domus argento fulget auroque renidet,
Nec citharae reboant laqueata aurataque tecta,
Cum tamen inter se prostrati in gramine molli
Propter aquae rivum sub ramis arboris altae
Non magnis opibus iucunde corpora curant,
Praesertim cum tempestas arridet et anni
Tempora conspergunt viridantis floribus herbas.
Nec calidae citius decedunt corpore febres,
Textilibus si in picturis ostroque rubenti
Iacteris, quam si in plebeia veste cubandum est.
Quapropter quoniam nil nostro in corpore gazae
Proficiunt neque nobilitas nec gloria regni,
Quod superest, animo quoque nil prodesse putandum;
Si non forte tuas legiones per loca campi
Fervere cum videas belli simulacra cientis,
Subsidiis magnis et equum vi constabilitas,
Ornatas armis pariter pariterque animatas,
Fervere cum videas classem lateque vagari,
His tibi tum rebus timefactae religiones
Effugiunt animo pavidae; mortisque timores
Tum vacuum pectus linquunt curaque solutum.
Quod si ridicula haec ludibriaque esse videmus,
Re veraque metus hominum curaeque sequaces
Nec metuunt sonitus armorum nec fera tela,
Audacterque inter reges rerumque potentis
Versantur neque fulgorem reverentur ab auro

Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась
Чувством приятным вдали от сознанья заботы и страха?
Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе
Только немногое: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставить и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хоромах у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Чтобы ночные пиры озарять в изобилии светом;
И серебром не сверкают дома, и златом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке
На берегу ручейка, под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на плебейской подстилке.
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от знатности или от власти,
То остается считать и душе это все бесполезным.
Разве, когда ты порой глядишь на свои легионы,
Что по равнине снуют, представляя примерную битву,
Вместе с большим подкрепленьем в запасе и конницей сильной,
С равным оружьем в руках, с одинаковой силою духа,
Иль когда видишь ты флот снующим повсюду на море,
Что ж, убегают тогда, устрашенные зрелищем этим,
В ужасе все суеверья твои? Разве страх перед смертью
Сердце покинет твое, оставив его беззаботным?
Если ж мы видим, что это смешно и глумленья достойно,
В самом же деле боязнь и заботы, преследуя смертных,
Не устрашаются звоном доспехов и грозным оружьем,
Но пребывают всегда средь царей и властителей смело,
И не робеют они ни пред золота блеском нисколько,

Nec clarum vestis splendorem purpureai,
Quid dubitas quin omni' sit haec rationi' potestas,
Omnis cum in tenebris praesertim vita laboret?
Nam veluti pueri trepidant atque omnia caecis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum, nilo quae sunt metuenda magis quam
Quae pueri in tenebris pavitant finguntque futura.
Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
Non radii solis neque lucida tela diei
Discutiant, sed naturae species ratioque.

Nunc age, quo motu genitalia materiai
Corpora res varias gignant genitasque resolvant
Et qua vi facere id cogantur quaeque sit ollis
Reddita mobilitas magnum per inane meandi,
Expediam: tu te dictis praebere memento.
Nam certe non inter se stipata cohaeret
Materies, quoniam minui rem quamque videmus
Et quasi longinquo fluere omnia cernimus aevo
Ex oculisque vetustatem subducere nostris,
Cum tamen incolumis videatur summa manere
Propterea quia, quae decedunt corpora cuique,
Vnde abeunt minuunt, quo venere augmine donant,
Illa senescere at haec contra florescere cogunt,
Nec remorantur ibi. Sic rerum summa novatur
Semper, et inter se mortales mutua vivunt.
Augescunt aliae gentes, aliae minuuntur,
Inque brevi spatio mutantur saecla animantum
Et quasi cursores vitai lampada tradunt.

Si cessare putas rerum primordia posse
Cessandoque novos rerum progignere motus,
Avius a vera longe ratione vagaris.
Nam quoniam per inane vagantur, cuncta necessest
Aut gravitate sua ferri primordia rerum,
Aut ictu forte alterius. Nam cum cita saepe
Obvia conflixere, fit ut diversa repente

Ни перед пышностью яркой роскошных пурпуровых тканей,
То усомнишься ли ты, что сила здесь в разуме только,
Если к тому же вся жизнь пробивается наша в потемках?
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
    Ныне зиждительных тел основных объясню я движенье,
Коим все вещи они порождают и вновь разлагают;
Сила какая к тому принуждает их, скорость какая
Свойственна им на пути в пустоте необъятной пространства,
Ты же внимателен будь и выслушай то, что скажу я.
Знай же: материя вся безусловно не сплочена тесно,
Ибо все вещи, как мы замечаем, становятся меньше
И как бы тают они в течение долгого века,
И похищает их ветхость из наших очей незаметно;
В целом, однако, стоит нерушимо вещей совокупность
В силу того, что тела, уходящие прочь, уменьшают
Вещи, откуда ушли, а другие собой приращают:
Те — заставляя стареть, а эти — цвести им на смену,
Всё же не медля и тут. Так весь мир обновляется вечно;
Смертные твари живут, одни чередуясь с другими,
Племя одно начинает расти, вымирает другое,
И поколенья живущих сменяются в краткое время,
В руки из рук отдавая, как в беге, светильники жизни.
    Если же думаешь ты, что стать неподвижно способны
Первоначала вещей и затем возродить в них движенье,
Бродишь от истины ты далеко в заблужденьи глубоком.
Ведь, в пустоте находясь и витая по ней, неизбежно
Первоначала вещей уносятся собственным весом
Или толчками других. И часто, в движеньи столкнувшись
Вместе, одни от других они в сторону прядают сразу.

Dissiliant; neque enim mirum, durissima quae sint
Ponderibus solidis neque quicquam a tergo ibus obstet.
Et quo iactari magis omnia materiai
Corpora pervideas, reminiscere totius imum
Nil esse in summa, neque habere ubi corpora prima
Consistant, quoniam spatium sine fine modoquest
Immensumque patere in cunctas undique partis
Pluribus ostendi et certa ratione probatumst.
Quod quoniam constat, nimirum nulla quies est
Reddita corporibus primis per inane profundum,
Sed magis assiduo varioque exercita motu
Partim intervallis magnis confulta resultant,
Pars etiam brevibus spatiis vexantur ab ictu.
Et quaecumque magis condenso conciliatu
Exiguis intervallis convecta resultant,
Indupedita suis perplexis ipsa figuris,
Haec validas saxi radices et fera ferri
Corpora constituunt et cetera de genere horum.
Paucula quae porro magnum per inane vagantur
Cetera dissiliunt longe longeque recursant
In magnis intervallis; haec aera rarum
Sufficiunt nobis et splendida lumina solis.
Multaque praeterea magnum per inane vagantur,
Conciliis rerum quae sunt reiecta nec usquam
Consociare etiam motus potuere recepta.
Cuius, uti memoro, rei simulacrum et imago
Ante oculos semper nobis versatur et instat.
Contemplator enim, cum solis lumina cumque
Inserti fundunt radii per opaca domorum:
Multa minuta modis multis per inane videbis
Corpora misceri radiorum lumine in ipso
Et velut aeterno certamine proelia pugnas
Edere turmatim certantia nec dare pausam,
Conciliis et discidiis exercita crebris;
Conicere ut possis ex hoc, primordia rerum

И удивляться нельзя: ведь они в высшей степени крепки,
Плотны и вески, и вспять отскочить им ничто не мешает.
Дабы ты лучше постиг, что тела основные мятутся
В вечном движеньи всегда, припомни, что дна никакого
Нет у вселенной нигде, и телам изначальным остаться
Негде на месте, раз нет ни конца ни предела пространству,
Если безмерно оно и простерто во всех направленьях,
Как я подробно уже доказал на основе разумной.
Раз установлено так, то телам изначальным, конечно,
Вовсе покоя нигде не дано в пустоте необъятной.
Наоборот: непрерывно гонимые разным движеньем,
Частью далёко они отлетают, столкнувшись друг с другом,
Частью ж расходятся врозь на короткие лишь расстоянья.
Те, у которых тесней их взаимная сплоченность, мало
И на ничтожные лишь расстояния прядая порознь,
Сложностью самых фигур своих спутаны будучи цепко,
Мощные корни камней и тела образуют железа
Стойкого, так же, как всё остальное подобного рода.
Прочие, в малом числе в пустоте необъятной витая,
Прядают прочь далеко́ и далёко назад отбегают
На промежуток большой. Из них составляется редкий
Воздух, и солнечный свет они нам доставляют блестящий.
Множество, кроме того, в пустоте необъятной витает
Тех, что отброшены прочь от вещей сочетаний и снова
Не были в силах еще сочетаться с другими в движеньи.
Образ того, что сейчас описано мной, и явленье
Это пред нами всегда и на наших глазах происходит.
Вот посмотри: всякий раз, когда солнечный свет проникает
В наши жилища и мрак прорезает своими лучами,
Множество маленьких тел в пустоте, ты увидишь, мелькая,
Мечутся взад и вперед в лучистом сиянии света;
Будто бы в вечной борьбе они бьются в сраженьях и битвах
В схватки бросаются вдруг по отрядам, не зная покоя,
Или сходясь, или врозь беспрерывно опять разлетаясь.
Можешь из этого ты уяснить себе, как неустанно

Quale sit in magno iactari semper inani.
Dumtaxat rerum magnarum parva potest res
Exemplare dare et vestigia notitiai.
Hoc etiam magis haec animum te advertere par est
Corpora quae in solis radiis turbare videntur,
Quod tales turbae motus quoque materiai
Significant clandestinos caecosque subesse.
Multa videbis enim plagis ibi percita caecis
Commutare viam retroque repulsa reverti
Nunc huc, nunc illuc, in cunctas undique partis.
Scilicet, hic a principiis est omnibus error.
Prima moventur enim per se primordia rerum;
Inde ea quae parvo sunt corpora conciliatu
Et quasi proxima sunt ad viris principiorum,
Ictibus illorum caecis impulsa cientur,
Ipsaque proporro paulo maiora lacessunt.
Sic a principiis ascendit motus et exit
Paulatim nostros ad sensus, ut moveantur
Illa quoque, in solis quae lumine cernere quimus
Nec quibus id faciant plagis apparet aperte.
Nunc quae mobilitas sit reddita materiai
Corporibus, paucis licet hinc cognoscere, Memmi.
Primum aurora novo cum spargit lumine terras,
Et variae volucres nemora avia pervolitantes
Aera per tenerum liquidis loca vocibus opplent,
Quam subito soleat sol ortus tempore tali
Convestire sua perfundens omnia luce,
Omnibus in promptu manifestumque esse videmus.
At vapor is quem sol mittit lumenque serenum
Non per inane meat vacuum; quo tardius ire
Cogitur, aerias quasi dum diverberat undas.
Nec singillatim corpuscula quaeque vaporis
Sed complexa meant inter se conque globata;
Quapropter simul inter se retrahuntur et extra
Officiuntur, uti cogantur tardius ire.

Первоначала вещей в пустоте необъятной мятутся
Так о великих вещах помогают составить понятье
Малые вещи, пути намечая для их постиженья.
Кроме того, потому обратить тебе надо вниманье
На суматоху в телах, мелькающих в солнечном свете,
Что из нее познаешь ты материи также движенья,
Происходящие в ней потаенно и скрыто от взора.
Ибо увидишь ты там, как много пылинок меняют
Путь свой от скрытых толчков и опять отлетают обратно,
Всюду туда и сюда разбегаясь во всех направленьях.
Знай же: идет от начал всеобщее это блужданье.
Первоначала вещей сначала движутся сами,
Следом за ними тела из малейшего их сочетанья,
Близкие, как бы сказать, по силам к началам первичным,
Скрыто от них получая толчки, начинают стремиться,
Сами к движенью затем понуждая тела покрупнее.
Так, исходя от начал, движение мало-помалу
Наших касается чувств, и становится видимым также
Нам и в пылинках оно, что движутся в солнечном свете,
Хоть незаметны толчки, от которых оно происходит.
    Ныне в коротких словах объясню тебе, Меммий, какая
Скорость присуща телам основным при движеньи в пространстве.
Утром, когда от зари по земле разольется сиянье,
И, запорхав по лесам и по зарослям, пестрые птицы
В воздухе нежном везде заливаются звонкою песней,
Видишь, с какой быстротой восходящее солнце внезапно
Всё облекает кругом потоками яркого света!
В этом мы можем всегда совершенно легко убедиться.
Но и тот жар, что идет от солнца, и свет его ясный
Не в пустоте совершают свой путь; и двигаться тише
Свет принужден, пока он рассекает воздушные волны.
Не в одиночку идут и жáра отдельные тельца,
Но подвигаются, все сплотившись и скучившись вместе;
А потому и назад друг друга они отвлекают,
Да и преграды извне заставляют их двигаться тише.

At quae sunt solida primordia simplicitate,
Cum per inane meant vacuum, nec res remoratur
Vlla foris, atque ipsa suis e partibus unum,
Vnum in quem coepere locum conixa feruntur,
Debent nimirum praecellere mobilitate
Et multo citius ferri quam lumina solis
Multiplexque loci spatium transcurrere eodem
Tempore quo solis pervulgant fulgura caelum.

* * *

Nec persectari primordia singula quaeque,
Vt videant qua quidque geratur cum ratione.
At quidam contra haec, ignari materiai,
Naturam non posse deum sine numine rentur
Tanto opere humanis rationibus admoderate
Tempora mutare annorum frugesque creare,
Et iam cetera, mortalis quae suadet adire
Ipsaque deducit dux vitae dia voluptas
Et res per Veneris blanditur saecla propagent,
Ne genus occidat humanum. Quorum omnia causa
Constituisse deos cum fingunt, omnibu' rebus
Magno opere a vera lapsi ratione videntur.
Nam quamvis rerum ignorem primordia quae sint,
Hoc tamen ex ipsis caeli rationibus ausim
Confirmare aliisque ex rebus reddere multis,
Nequaquam nobis divinitus esse creatam
Naturam mundi: tanta stat praedita culpa.
Quae tibi posterius, Memmi, faciemus aperta;
Nunc id quod superest de motibus expediemus.
Nunc locus est, ut opinor, in his illud quoque rebus
Confirmare tibi, nullam rem posse sua vi
Corpoream sursum ferri sursumque meare;
Ne tibi dent in eo flammarum corpora fraudem.
Sursus enim versus gignuntur et augmina sumunt
Et sursum nitidae fruges arbustaque crescunt,

Первоначала же все, которые просты и плотны,
Чрез пустоту совершая свой путь, никаких не встречая
Внешних препятствий, одно составляя с частями своими
И неуклонно несясь туда, куда раз устремились,
Явно должны обладать быстротой совершенно безмерной,
Мчась несравненно скорей, чем солнца сияние мчится,
И по пространству лететь во много раз дальше в то время,
Как по небесному своду проносятся молнии солнца.

* * *

И не исследовать тут по отдельности первоначала,
Чтобы узнать, по каким созидаются вещи законам.
　　Те же, которые свойств материи вовсе не знают,
Думают нам вопреки, что без воли богов неспособна,
Приноровляясь ко всем человеческим нуждам, природа
Года менять времена и выращивать хлебные злаки
И остальное творить, чем смертных к себе привлекает
Страсти божественной зов, вождя нашей жизни, и манит
В сладких утехах любви порождать поколенья живущих,
Чтоб не погиб человеческий род, для которого боги
Будто бы создали всё. Но они в измышлениях этих,
Кажется мне, далеко уклонились от здравого смысла.
Ибо, коль даже совсем оставались бы мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явленьям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным,
Что не для нас и отнюдь не божественной волею создан
Весь существующий мир: столь много в нем всяких пороков.
Это впоследствии я объясню тебе, Меммий; теперь же
Мы возвратимся к тому, что осталось сказать о движеньи.
　　Я полагаю, теперь доказать тебе будет уместно,
Что никакие тела не имеют возможности сами
Собственной силою вверх подниматься и двигаться кверху,
Чтобы тебя не ввело в заблужденье горящее пламя.
Ибо, лишь вспыхнет оно, всегда разгорается кверху
Так же, как злаки растут и тянутся кверху деревья,

Pondera, quantum in se est, cum deorsum cuncta ferantur.
Nec cum subsiliunt ignes ad tecta domorum
Et celeri flamma degustant tigna trabesque,
Sponte sua facere id sine vi subigente putandum est.
Quod genus e nostro cum missus corpore sanguis
Emicat exsultans alte spargitque cruorem.
Nonne vides etiam quanta vi tigna trabesque
Respuat umor aquae? Nam quo magis ursimus alte
Derecta et magna vi multi pressimus aegre,
Tam cupide sursum revomit magis atque remmittit,
Plus ut parte foras emergant exsiliantque.
Nec tamen haec, quantum est in se, dubitamus, opinor,
Quin vacuum per inane deorsum cuncta ferantur.
Sic igitur debent flammae quoque posse per auras
Aeris expressae sursum succedere, quamquam
Pondera, quantum in sest, deorsum deducere pugnent.
Nocturnasque faces caeli sublime volantis
Nonne vides longos flammarum ducere tractus
In quascumque dedit partis natura meatum?
Non cadere in terram stellas et sidera cernis?
Sol etiam caeli de vertice dissipat omnis
Ardorem in partis et lumine conserit arva;
In terras igitur quoque solis vergitur ardor.
Transversosque volare per imbris fulmina cernis;
Nunc hinc, nunc illinc abrupti nubibus ignes
Concursant; cadit in terras vis flammea vulgo.
Illud in his quoque te rebus cognoscere avemus,
Corpora cum deorsum rectum per inane feruntur,
Ponderibus propriis incerto tempore ferme
Incertisque locis spatio depellere paulum,
Tantum quod momen mutatum dicere possis.
Quod nisi declinare solerent, omnia deorsum,
Imbris uti guttae, caderent per inane profundum,
Nec foret offensus natus, nec plaga creata
Principiis: ita nil umquam natura creasset.

Хоть в силу веса тела́ всегда устремляются книзу.
И если, взвившись, огонь досягает до кровли строений,
Пламенем быстрым лизать начиная и балки и бревна,
То не подумай, что он это делает собственной силой.
То же бывает, когда, при пускании крови из тела,
Хлещет и брызжет она, выбиваясь высокой струею.
Да и не видишь ли ты, с какой силою балки и бревна
Вон выпирает вода? Ведь чем глубже мы их погружаем
Сверху отвесно, на них напирая сильней и сильнее,
Тем их стремительней вверх вытесняет она, извергая.
Так что наружу они половиною большей взлетают.
Но и сомнения нет, полагаю, что сами собою
Эти тела в пустоте всегда устремляются книзу.
Так совершенно должно оказаться и пламя способно,
Будучи выжато, вверх подниматься в воздушном пространстве,
Хоть в силу веса само по себе оно тянется книзу.
Разве не видишь того, как факелы неба ночные
Огненный след за собой оставляют на своде небесном,
В том направленьи летя, куда путь им указан природой?
Или как падают вниз на землю блестящие звезды?
Также и солнце с высот небосвода везде разливает
Жар, и поля и луга осыпает своими лучами;
Значит, и солнечный жар точно так же к земле тяготеет.
Наискось, видишь, сквозь дождь пролетают и молнии сверху,
И, вырываясь из туч, то туда, то сюда постоянно
Перебегают огни, и на землю их падает пламя.

Я бы желал, чтобы ты был осведомлен здесь точно так же,
Что, уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа.

Quod si forte aliquis credit graviora potesse
Corpora, quo citius rectum per inane feruntur,
Incidere ex supero levioribus, atque ita plagas
Gignere quae possint genitalis reddere motus,
Avius a vera longe ratione recedit.
Nam per aquas quaecumque cadunt atque aera rarum,
Haec pro ponderibus casus celerare necessest
Propterea quia corpus aquae naturaque tenvis
Aeris haud possunt aeque rem quamque morari,
Sed citius cedunt gravioribus exsuperata.
At contra nulli de nulla parte neque ullo
Tempore inane potest vacuum subsistere rei,
Quin, sua quod natura petit, concedere pergat.
Omnia quapropter debent per inane quietum
Aeque ponderibus non aequis concita ferri.
Haud igitur poterunt levioribus incidere umquam
Ex supero graviora, neque ictus gignere per se,
Qui varient motus, per quos natura gerat res.
Quare etiam atque etiam paulum inclinare necessest
Corpora; nec plus quam minimum, ne fingere motus
Obliquos videamur et id res vera refutet.
Namque hoc in promptu manifestumque esse videmus,
Pondera, quantum in sest, non posse obliqua meare,
Ex supero cum praecipitant, quod cernere possis.
Sed nil omnino recta regione viai
Declinare quis est qui possit cernere sese?
Denique si semper motus conectitur omnis
Et vetere exoritur semper novus ordine certo,
Nec declinando faciunt primordia motus
Principium quoddam, quod fati foedera rumpat,
Ex infinito ne causam causa sequatur,
Libera per terras unde haec animantibus exstat,
Vnde est haec, inquam, fatis avulsa voluntas,
Per quam progredimur quo ducit quemque voluptas,
Declinamus item motus nec tempore certo

Если же думает кто, что тела тяжелее способны
В силу того, что быстрей в пустоте они мчатся отвесно,
Сверху на легкие пав, вызывать и толчки, и удары,
Что́ порождают собой движения жизни, то, право,
Бродит от истины он далеко в заблужденьи глубоком.
Ибо всё то, что в воде или в воздухе падает редком,
Падать быстрее должно в соответствии с собственным весом
Лишь потому, что вода или воздуха тонкая сущность
Не в состояньи вещам одинаковых ставить препятствий,
Но уступают скорей имеющим бо́льшую тяжесть.
Наоборот, никогда никакую нигде не способна
Вещь задержать пустота и явиться какой-то опорой,
В силу природы своей постоянно всему уступая.
Должно поэтому всё, проносясь в пустоте без препятствий,
Равную скорость иметь, несмотря на различие в весе.
Значит, нельзя и телам тяжелее на легкие сверху
Падать никак и рождать при падении этом удары,
Чтобы движенья менять, из каких созидаются вещи.
Вновь повторяю: тела непременно должны отклоняться,
Но незаметно совсем; чтоб отнюдь никому не казалось,
Что мы движение вкось вопреки очевидности мыслим.
Ибо мы можем всегда совершенно легко убедиться,
Что в силу веса тела, поскольку мы можем заметить,
Вкось устремляясь, итти при падении сверху не могут.
Но что они никуда от линии строго отвесной
Не отклонятся ничуть, — разве кто-нибудь это усмотрит?
Если ж движения все непрерывную цепь образуют
И возникают одно из другого в известном порядке,
И коль не могут путем отклонения первоначала
Вызвать движений иных, разрушающих рока законы,
Чтобы причина не шла за причиною испоконь века,
Как у созданий живых на земле не подвластная року,
Как и откуда, скажи, появилась свободная воля,
Что́ позволяет итти, куда каждого манит желанье,
И допускает менять направленье не в месте известном

Nec regione loci certa, sed ubi ipsa tulit mens?
Nam dubio procul his rebus sua cuique voluntas
Principium dat et hinc motus per membra rigantur.
Nonne vides etiam patefactis tempore puncto
Carceribus non posse tamen prorumpere equorum
Vim cupidam tam de subito quam mens avet ipsa?
Omnis enim totum per corpus materiai
Copia conciri debet, concita per artus
Omnis, ut studium mentis conixa sequatur.
Vt videas initum motus a corde creari,
Ex animique voluntate id procedere primum,
Inde dari porro per totum corpus et artus.
Nec similest ut cum impulsi procedimus ictu
Viribus alterius magnis magnoque coactu.
Nam tum materiem totius corporis omnem
Perspicuumst nobis invitis ire rapique,
Donec eam refrenavit per membra voluntas.
Iamne vides igitur, quamquam vis extera multos
Pellat et invitos cogat procedere saepe
Praecipitesque rapi, tamen esse in pectore nostro
Quiddam quod contra pugnare obstareque possit?
Cuius ad arbitrium quoque copia materiai
Cogitur interdum flecti per membra, per artus
Et proiecta refrenatur retroque residit.
Quare in seminibus quoque idem fateare necessest,
Esse aliam praeter plagas et pondera causam
Motibus, unde haec est nobis innata potestas,
De nilo quoniam fieri nil posse videmus.
Pondus enim prohibet ne plagis omnia fiant
Externa quasi vi; sed ne mens ipsa necessum
Intestinum habeat cunctis in rebus agendis
Et devicta quasi cogatur ferre patique,
Id facit exiguum clinamen principiorum
Nec regione loci certa nec tempore certo.

Nec stipata magis fuit umquam materiai

И не в положенный срок, а согласно ума побужденью?
Ибо сомнения нет, что во всем этом каждому воля
Служит начальным толчком и по членам движенья проводит.
Также не видишь ли ты, что в тот миг, как отворят ворота
Перед конями, они всё же вырваться вон и помчаться
Столь же мгновенно, как дух их стремительный жаждет, бессильны?
Ибо материи вся совокупность должна возбудиться
В теле повсюду, чтоб ей, возбудившись во всех его членах,
Духа порыву затем последовать было возможно.
Видишь из этого ты, что движенье рождается в сердце
И начинает итти, руководствуясь волею духа,
Передаваясь затем по телу всему и по членам.
Это совсем не похоже на то, когда мы поддаемся
Внешним толчкам и вперед их силою движимся мощной.
Ибо тогда целиком вся материя нашего тела
Двигаться будет, от нас, очевидно, совсем не завися,
Вплоть до того, как она удержится нашею волей.
Видишь ли ты, наконец, что хоть сила извне и толкает
Многих людей и влечет их часто стремглав, понуждая
Против их воли итти, но всё же в груди нашей скрыто
Нечто, что против нее восстает и бороться способно,
По усмотренью чего совокупность материи также
И по суставам должна, и по членам порой направляться
Или сдержаться, умчавшись вперед, и вернуться на место?
И потому в семенах, помимо ударов и веса,
Должен ты также признать и другую причину движений,
Чем обусловлена в нас прирожденная эта способность;
Из ничего ведь ничто, как мы видим, не может возникнуть.
Правда, препятствует вес появленью всего от ударов,
Силою как бы извне; но чтоб ум не по внутренней только
Необходимости всё совершал и чтоб вынужден не был
Только сносить и терпеть и пред ней побежденный склоняться,
Легкое служит к тому первичных начал отклоненье,
И не в положенный срок и на месте дотоль неизвестном.

И никогда не была материи масса плотнее

Copia nec porro maioribus intervallis
Nam neque adaugescit quicquam neque deperit inde.
Quapropter quo nunc in motu principiorum
Corpora sunt, in eodem ante acta aetate fuere
Et post haec semper simili ratione ferentur.
Et quae consuerint gigni gignentur eadem
Condicione et erunt et crescent vique valebunt,
Quantum cuique datum est per foedera naturai.
Nec rerum summam commutare ulla potest vis;
Nam neque, quo possit genus ullum materiai
Effugere ex omni, quicquam est extra, neque in omne
Vnde coorta queat nova vis irrumpere et omnem
Naturam rerum mutare et vertere motus.
Illud in his rebus non est mirabile, quare,
Omnia cum rerum primordia sint in motu,
Summa tamen summa videatur stare quiete,
Praeterquam siquid proprio dat corpore motus.
Omnis enim longe nostris ab sensibus infra
Primorum natura iacet; quapropter, ubi ipsa
Cernere iam nequeas, motus quoque surpere debent;
Praesertim cum, quae possimus cernere, celent
Saepe tamen motus spatio diducta locorum.
Nam saepe in colli tondentes pabula laeta
Lanigerae reptant pecudes, quo quamque vocantes
Invitant herbae gemmantes rore recenti,
Et satiati agni ludunt blandeque coruscant;
Omnia quae nobis longe confusa videntur
Et velut in viridi candor consistere colli.
Praeterea magnae legiones cum loca cursu
Camporum complent belli simulacra cientes,
Fulgor ibi ad caelum se tollit, totaque circum
Aere renidescit tellus, subterque virum vi
Excitur pedibus sonitus, clamoreque montes
Icti reiectant voces ad sidera mundi,
Et circumvolitant equites mediosque repente

Сжатой, ни бо́льших в себе не имела она промежутков,
Ибо ничто не привходит в нее и ничто не уходит.
А потому и теперь пребывают всё в том же движеньи
Вечно зачатков тела, в каковом пребывали и раньше.
Тем же порядком и впредь продолжать они двигаться будут.
То, что доселе всегда рождалось, то будет рождаться
В тех же условьях и жить, и расти постоянно, и крепнуть
Столько, сколько кому суждено по законам природы.
Силе нельзя никакой нарушить вещей совокупность,
Ибо и нет ничего, куда из вселенной могла бы
Скрыться материи часть, и откуда внезапно вломиться
Новая сила могла б во вселенную, сделать иною
Всю природу вещей и расстроить порядок движений.

Здесь не должно вызывать удивленья в тебе, что в то время
Как обретаются все в движении первоначала,
Их совокупность для нас пребывает в полнейшем покое, —
Если того не считать, что движется собственным телом, —
Ибо лежит далеко за пределами нашего чувства
Вся природа начал. Поэтому, раз недоступны
Нашему зренью они, то от нас и движенья их скрыты.
Даже и то ведь, что мы способны увидеть, скрывает
Часто движенья свои на далеком от нас расстояньи:
Часто по склону холма густорунные овцы пасутся,
Медленно идя туда, куда их на пастбище тучном
Свежая манит трава, сверкая алмазной росою;
Сытые прыгают там и резвятся, бодаясь, ягнята.
Всё это издали нам представляется слившимся вместе,
Будто бы белым пятном неподвижным на склоне зеленом.
Также, когда, побежав, легионы могучие быстро
Всюду по полю снуют, представляя примерную битву,
Блеск от оружия их возносится к небу, и всюду
Медью сверкает земля, и от поступи тяжкой пехоты
Гул раздается кругом. Потрясенные криками, горы
Вторят им громко, и шум несется к небесным созвездьям;
Всадники скачут вокруг и в натиске быстром внезапно

Transmittunt valido quatientes impete campos.
Et tamen est quidam locus altis montibus, unde
Stare videntur et in campis consistere fulgor.
Nunc age, iam deinceps cunctarum exordia rerum
Qualia sint et quam longe distantia formis
Percipe, multigenis quam sint variata figuris;
Non quo multa parum simili sint praedita forma,
Sed quia non vulgo paria omnibus omnia constant.
Nec mirum; nam cum sit eorum copia tanta,
Vt neque finis, uti docui, neque summa sit ulla,
Debent nimirum non omnibus omnia prorsum
Esse pari filo similique adfecta figura.
Praeterea genus humanum mutaeque natantes
Squamigerum pecudes et laeta armenta feraeque
Et variae volucres, laetantia quae loca aquarum
Concelebrant circum ripas fontisque lacusque,
Et quae pervulgant nemora avia pervolitantes;
Quorum unum quid vis generatim sumere perge,
Invenies tamen inter se differre figuris.
Nec ratione alia proles cognoscere matrem
Nec mater posset prolem; quod posse videmus,
Nec minus atque homines inter se nota cluere.
Nam saepe ante deum vitulus delubra decora
Turicremas propter mactatus concidit aras
Sanguinis exspirans calidum de pectore flumen.
At mater viridis saltus orbata peragrans
Noscit humi pedibus vestigia pressa bisulcis,
Omnia convisens oculis loca si queat usquam
Conspicere amissum fetum, completque querelis
Frondiferum nemus adsistens et crebra revisit
Ad stabulum desiderio perfixa iuvenci,
Nec tenerae salices atque herbae rore vigentes
Fluminaque illa queunt summis labentia ripis
Oblectare animum subitamque avertere curam,
Nec vitulorum aliae species per pabula laeta

Пересекают поля, потрясая их топотом громким.
Но на высоких горах непременно есть место, откуда
Кажется это пятном, неподвижно сверкающим в поле.
    Ну а теперь ты узнай из дальнейшего сущность и свойства
Мира начал основных; сколь они, различаясь по формам,
Многообразны и как разнородны они по фигурам.
Не оттого, что из них лишь немногие сходны по форме,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Не удивляйся: ведь раз их количество столь изобильно,
Что ни конца у них нет, как указано мной, ни итога,
То и не могут они, разумеется, все совершенно
Склад однородный иметь и похожими быть по фигуре.
Кроме того, посмотри на людей, посмотри на немое
Племя чешуйчатых рыб, на стада, на зверей и на стаи
Пестрые птиц, что, у вод собираясь повсюду веселых,
По берегам ручейков, и озер, и потоков толпятся
Или по дебрям лесов и по зарослям частым порхают;
В особь любую вглядись по отдельности в каждой породе,
Ты убедишься, что все они разниться будут фигурой.
Иначе дети своих матерей узнавать не могли бы,
Как и детенышей мать; а они это могут, как видишь,
Да и не хуже людей друг друга всегда различают.
Так у святилищ богов, разукрашенных, часто теленок
Падает пред алтарем, в дыму фимиама заколот,
Крови горячий поток испуская с последним дыханьем.
Сирая мать между тем, по зеленым долинам блуждая,
Ищет напрасно следы на земле от копыт раздвоенных,
Всю озирая кругом окрестность, в надежде увидеть
Свой потерявшийся плод; оглашает печальным мычаньем
Рощи тенистые; вспять возвращается снова и снова
К стойлам знакомым в тоске по утраченном ею теленке.
Нежные лозы, трава, орошенная свежей росою,
И глубоко в берегах текущие реки не могут
Ей утешения дать и отвлечь от заботы нежданной;
Не занимают ее и другие телята на тучных

Derivare queunt animum curaque levare:
Vsque adeo quiddam proprium notumque requirit.
Praeterea teneri tremulis cum vocibus haedi
Cornigeras norunt matres agnique petulci
Balantum pecudes: ita, quod natura reposcit,
Ad sua quisque fere decurrunt ubera lactis.
Postremo quodvis frumentum non tamen omne
Quique suo genere inter se simile esse videbis,
Quin intercurrat quaedam distantia formis.
Concharumque genus parili ratione videmus
Pingere telluris gremium, qua mollibus undis
Litoris incurvi bibulam pavit aequor harenam.
Quare etiam atque etiam simili ratione necessest,
Natura quoniam constant neque facta manu sunt
Vnius ad certam formam primordia rerum,
Dissimili inter se quaedam volitare figura.

Perfacile est animi ratione exsolvere nobis,
Quare fulmineus multo penetralior ignis
Quam noster fuat e taedis terrestribus ortus;
Dicere enim possis caelestem fulminis ignem
Subtilem magis e parvis constare figuris,
Atque ideo transire foramina quae nequit ignis
Noster hic e lignis ortus taedaque creatus.
Praeterea lumen per cornum transit, at imber
Respuitur. Quare? Nisi luminis illa minora
Corpora sunt quam de quibus est liquor almus aquarum.
Et quamvis subito per colum vina videmus
Perfluere, at contra tardum cunctatur olivum;
Aut quia nimirum maioribus est elementis
Aut magis hamatis inter se perque plicatis,
Atque ideo fit uti non tam diducta repente
Inter se possint primordia singula quaeque
Singula per cuiusque foramina permanare.

Huc accedit uti mellis lactisque liquores
Iucundo sensu linguae tractentur in ore;

Пастбищах и облегчить не могут ей тяжкой заботы:
Так она жаждет найти то, что близко и дорого сердцу.
Нежное стадо козлят с голосами дрожащими также
Знает рогатых своих матерей; и бодливый ягненок —
Блеянье матки своей. И, голосу внемля природы,
Обыкновенно бежит к материнскому вымени каждый.
Если возьмешь, наконец, ты отдельные хлебные зерна
Злаков любых, то и тут не найдешь совершенно похожих
Так, чтобы не было в них хоть каких-нибудь мелких отличий.
То же различие мы замечаем средь раковин всяких,
Лоно пестрящих земли, там, где мягкими волнами море
Влагу сосущий песок убивает в изгибе залива.
Так что опять повторю, что должны точно так же иные
Первоначала вещей, — раз они порожденья природы,
А не при помощи рук на один образец создавались, —
В формах различных летать и несхожими быть по фигурам.

Нам не составит труда объяснить на основе разумной
То, почему проникать несравненно пронзительней может
Молний огонь, чем земной, исходящий от факелов наших:
Будет довольно сказать, что небесное молнии пламя
Тоньше гораздо и всё состоит из мельчайших частичек,
А потому проходить оно может в такие отверстья,
Где не пробиться огню ни от дров, ни от факелов наших.
Кроме того, через рог фонаря проникает свободно
Свет, но не дождь. Почему? Ибо света тела основные
Мельче, чем те, из каких состоит благодатная влага.
И хоть мгновенно вино, когда цедишь его, протекает,
Но потихоньку идет и сочится ленивое масло;
Иль потому, что его, очевидно, крупней элементы,
Иль крючковатей они и спутаны больше друг с другом;
И получается так, что не могут достаточно быстро
Связь меж собой разорвать по отдельности первоначала
И вытекать, проходя чрез отверстие каждое порознь.

Надо добавить еще, что и мед и молочная влага
На языке и во рту ощущаются нами приятно;

At contra taetra absinthi natura ferique
Centauri foedo pertorquent ora sapore;
Vt facile agnoscas e levibus atque rotundis
Esse ea quae sensus iucunde tangere possunt,
At contra quae amara atque aspera cumque videntur,
Haec magis hamatis inter se nexa teneri,
Propterea que solere vias rescindere nostris
Sensibus introituque suo perrumpere corpus.

Omnia postremo bona sensibus et mala tactu
Dissimili inter se pugnant perfecta figura;
Ne tu forte putes serrae stridentis acerbum
Horrorem constare elementis levibus aeque
Ac musaea mele, per chordas organici quae
Mobilibus digitis expergefacta figurant;
Neu simili penetrare putes primordia forma
In naris hominum, cum taetra cadavera torrent,
Et cum scena croco Cilici perfusa recens est
Araque Panchaeos exhalat propter odores;
Neve bonos rerum simili constare colores
Semine constituas, oculos qui pascere possunt,
Et qui compungunt aciem lacrimareque cogunt
Aut foeda specie diri turpesque videntur.
Omnis enim, sensus quae mulcet cumque, figura
Haud sine principiali aliquo levore creatast;
At contra quaecumque molesta atque aspera constat,
Non aliquo sine materiae squalore repertast.
Sunt etiam quae iam nec levia iure putantur
Esse neque omnino flexis mucronibus unca,
Sed magis angellis paulum prostantibus, utqui
Titillare magis sensus quam laedere possint;
Fecula iam quo de genere est inulaeque sapores.
Denique iam calidos ignis gelidamque pruinam
Dissimili dentata modo compungere sensus
Corporis, indicio nobis est tactus uterque.
Tactus enim, tactus, pro divum numina sancta,

Наоборот же, полынь своей горечью или же дикий
Тысячелистник уста нам кривят отвратительным вкусом.
Так что легко заключить, что из гладких и круглых частичек
То состоит, что давать ощущенье приятное может;
Наоборот, то, что нам представляется горьким и терпким,
Из крючковатых частиц образуется, тесно сплетенных,
А потому и пути к нашим чувствам оно раздирает,
Проникновеньем своим нанося поражения телу.

Всё, наконец, что для чувств хорошо или кажется плохо,
Разнится между собой и несходные формы имеет;
Так, не подумай, что в дрожь приводящий, пронзительно-резкий
Визг от пилы состоит из гладких равно элементов,
Как и пленительный звук, что певец извлекает искусный,
Беглыми пальцами струн пробужденной касаясь кифары.
И не считай, что по форме похожие первоначала
В ноздри проходят людей, когда трупы зловонные жгутся,
Или когда окропят киликийским шафраном подмостки,
И по соседству алтарь благовоньем панхейским дымится.
Не полагай и того, что от сходных семян происходят
Краски, которые взор своим цветом прекрасным ласкают,
Так же, как те, что нам режут глаза, заставляя слезиться,
Или же видом своим возбуждают у нас отвращенье.
Ибо всё то, что для нас и отрадно и чувству приятно,
Должно в себе содержать изначальную некую гладкость;
Наоборот, что для чувств и несносно и кажется жестким,
То несомненно в себе заключает шершавое нечто.
Есть элементы еще, что ни гладкими не назовешь их,
Но и не скажешь про них, что они закорючены остро:
В них выдаются скорей лишь углы небольшие наружу,
Так что скорей щекотать они чувства способны, чем ранить.
Винную гущу сюда отношу я и вкус девясила.
Жгучий огонь, наконец, и холодного инея иглы
Не одинаково нам уязвляют телесные чувства,
Как указует на то осязанье того и другого.
Ведь осязание, да, осязанье, клянуся богами,

Corporis est sensus, vel cum res extera sese
Insinuat, vel cum laedit quae in corpore natast
Aut iuvat egrediens genitalis per Veneris res,
Aut ex offensu cum turbant corpore in ipso
Semina confunduntque inter se concita sensum;
Vt si forte manu quamvis iam corporis ipse
Tute tibi partem ferias atque experiare,
Quapropter longe formas distare necessest
Principiis, varios quae possint edere sensus.
    Denique quae nobis durata ac spissa videntur,
Haec magis hamatis inter sese esse necessest
Et quasi ramosis alte compacta teneri.
In quo iam genere in primis adamantina saxa
Prima acie constant ictus contemnere sueta,
Et validi silices, ac duri robora ferri,
Aeraque quae claustris restantia vociferantur.
Illa quidem debent e levibus atque rotundis
Esse magis, fluvido quae corpore liquida constant.
Namque papaveris haustus itemst facilis quod aquarum;
Nec retinentur enim inter se glomeramina quaeque,
Et perculsus item proclive volubilis exstat.
Omnia postremo quae puncto tempore cernis
Diffugere, ut fumum nebulas flammasque, necessest,
Si minus omnia sunt e levibus atque rotundis,
At non esse tamen perplexis indupedita,
Pungere uti possint corpus penetrareque saxa,
Nec tamen haerere inter se; quodcumque videmus
Sensibu' sedatum, facile ut cognoscere possis,
Non e perplexis sed acutis esse elementis.
Sed quod amara vides eadem quae fluvida constant,
Sudor uti maris est, minime mirabile debet:
Nam quod fluvidus est, e levibus atque rotundis
Est, et squalida sunt illis admixta doloris
Corpora; nec tamen haec retineri hamata necessum;
Scilicet esse globosa tamen, cum squalida constent,

Чувства источник у нас, когда в тело извне проникает
Что-нибудь, либо же, в нем зародившись, язвит его больно,
Иль веселит, исходя при зиждительном деле Венеры,
Или, когда семена, столкнувшись, мешаются в теле
И, в беспорядок придя, производят смятение чувства,
В чем непосредственно сам убедишься ты, если рукою
Как-нибудь тело свое по любой его части ударишь.
Вот почему и должны далеко не похожие формы
Быть у начал, раз они вызывают различные чувства.

Что, наконец, представляется нам затверделым и плотным,
То состоять из начал крючковатых должно несомненно,
Сцепленных между собой наподобие веток сплетенных.
В этом разряде вещей, занимая в нем первое место,
Будут алмазы стоять, что ударов совсем не боятся,
Далее — твердый кремень и железа могучего крепость,
Так же как стойкая медь, что звенит при ударах в засовы.
Вещи другие, тела у которых текучи и жидки,
Будут скорей состоять из гладких и круглых частичек.
Ибо легко, как вода, растекается горсточка маку:
Круглые зерна его не держатся, вместе сплотившись,
А по наклону бегут от малейшего их сотрясенья.
И в заключение: всё, что мгновенно из глаз исчезает
И разлетается, — дым, например, иль туман, или пламя, —
Пусть состоит целиком не из гладких и круглых частичек,
Не сплетено из частиц, тем не менее, спутанных цепко,
Так что и тело колоть они могут и в камни проникнуть,
Не пребывая в связи. Ибо то, что, мы видим, возможно
Чувствам унять, состоит, как не трудно тебе догадаться,
Из элементов таких, что не спутаны цепко, но остры.
Если ж какая-нибудь представляется горькою жидкость, —
Влага морей, например, — то не надо тому удивляться:
Жидкость ее состоит из гладких и круглых частичек,
Но и шершавые к ней примешались, дающие горечь;
А крючковатыми быть для сцепленья им вовсе не надо.
Хоть и шершавы они, однакоже и шаровидны:

Provolvi simul ut possint et laedere sensus.
Et quo mixta putes magis aspera levibus esse
Principiis, unde est Neptuni corpus acerbum,
Est ratio secernendi sorsumque videndi
Vmor dulcis, ubi per terras crebrius idem
Percolatur, ut in foveam fluat ac mansuescat;
Linquit enim supera taetri primordia viri,
Aspera cum magis in terris haerescere possint.
Quod quoniam docui, pergam conectere rem quae
Ex hoc apta fidem ducat, primordia rerum
Finita variare figurarum ratione.
Quod si non ita sit, rursum iam semina quaedam
Esse infinito debebunt corporis auctu.
Namque in eadem una cuiusvis iam brevitate
Corporis inter se multum variare figurae
Non possunt: fac enim minimis e partibus esse
Corpora prima tribus, vel paulo pluribus auge;
Nempe ubi eas partis unius corporis omnis,
Summa atque ima locans, transmutans dextera laevis,
Omnimodis expertus eris, quam quisque det ordo
Formai speciem totius corporis eius,
Quod superest, si forte voles variare figuras,
Addendum partis alias erit; inde sequetur,
Assimili ratione alias ut postulet ordo,
Si tu forte voles etiam variare figuras.
Ergo formarum novitatem corporis augmen
Subsequitur. Quare non est ut credere possis
Esse infinitis distantia semina formis,
Ne quaedam cogas immani maximitate
Esse, supra quod iam docui non posse probari.
Iam tibi barbaricae vestes Meliboeaque fulgens
Purpura Thessalico concharum tacta colore,
Aurea pavonum ridenti imbuta lepore
Saecla novo rerum superata colore iacerent
Et contemptus odor smyrnae mellisque sapores,

Им и катиться легко, и язвить одновременно чувства.
А чтоб ты лучше постиг, что и грубые могут начала
С гладкими смесь составлять в Нептуновом теле соленом,
Можно для этого их разобщить и увидеть отдельно
Пресной воду морей, когда, просочившись сквозь землю,
Каплет она в водоем и, стекая, становится мягкой.
Ибо, при грубости их, ее горечи мерзкой начала,
Не уходя в глубину, на поверхности держатся почвы.
    Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше.
Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,
Лишь до известных границ разнородны бывают по формам.
Если бы не было так, то тогда непременно иные
Были б должны семена достигать величин необъятных.
Ибо, при свойственных им одинаково малых размерах,
Не допускают они и значительной разницы в формах.
Предположи, например, что тела изначальные будут
Три или несколько больше частей заключать наименьших;
Если затем ты начнешь эти части у данного тела
Переставлять или снизу наверх, или слева направо,
Ты обнаружишь тогда, сочетания все их исчерпав,
Все изменения форм, что для этого тела возможны;
Если ж иные еще получить ты желаешь фигуры, —
Части другие тебе прибавить придется. И дальше
Новые части опять для дальнейших нужны сочетаний,
Если еще и еще изменять пожелаешь фигуры.
И, таким образом, форм новизна приращение тела
Вслед за собою влечет; а поэтому нечего думать,
Будто вещей семена бесконечно различны по формам:
Иначе надо считать, что иные размеров огромных
Будут, а это принять, как уж я доказал, невозможно.
Ткани тогда у тебя иноземные и мелибейский
Пурпур, окрашенный в цвет Фессалии раковин ярких,
И переливы цветов на хвостах золотистых павлинов
Все бы померкли совсем перед яркостью новых предметов;
Были б в презреньи у всех и мирра и мед благовонный;

Et cycnea mele Phoebeaque daedala chordis
Carmina consimili ratione oppressa silerent;
Namque aliis aliud praestantius exoreretur.
Cedere item retro possent in deteriores
Omnia sic partis, ut diximus in meliores;
Namque aliis aliud retro quoque taetrius esset
Naribus auribus atque oculis orisque sapori.
Quae quoniam non sunt, sed rebus reddita certa
Finis utrimque tenet summam, fateare necessest
Materiem quoque finitis differre figuris.
Denique ab ignibus ad gelidas hiemum usque pruinas
Finitumst retroque pari ratione remensumst.
Omnis enim calor ac frigus mediique tepores
Interutrasque iacent explentes ordine summam.
Ergo finita distant ratione creata,
Ancipiti quoniam mucroni utrimque notantur,
Hinc flammis illinc rigidis infesta pruinis.

Quod quoniam docui, pergam conectere rem quae
Ex hoc apta fidem ducat, primordia rerum,
Inter se simili quae sunt perfecta figura,
Infinita cluere. Etenim distantia cum sit
Formarum finita, necesse est quae similes sint
Esse infinitas, aut summam materiai
Finitam constare, id quod non esse probavi
Versibus ostendens corpuscula materiai
Ex infinito summam rerum usque tenere,
Vndique protelo plagarum continuato.
Nam quod rara vides magis esse animalia quaedam
Fecundamque minus naturam cernis in illis,
At regione locoque alio terrisque remotis
Multa licet genere esse in eo numerumque repleri;
Sicut quadrupedum cum primis esse videmus
In genere anguimanus elephantos, India quorum
Milibus e multis vallo munitur eburno,
Vt penitus nequeat penetrari: tanta ferarum

Лебедя песнь и напев пленительной Фебовой лиры
Не раздавались тогда б и замолкли по той же причине:
Ибо одно за другим превосходней бы всё возникало.
Но и обратно: могло б и в худшее всё обращаться
Тем же путем, как оно достигать бы могло совершенства;
Ибо одно за другим отвратительней всё бы являлось
И для ноздрей и ушей, и для глаз, и для нашего вкуса.
Если же этого нет, но все вещи в известных пределах
Держатся с той и с другой стороны, то признать ты обязан,
Что разнородность фигур у материи также предельна.
И, наконец, от огня и до стужи зимних морозов
Также положен предел и обратно он точно отмерен.
Всякий ведь холод и жар, переходы тепла между ними
В этих границах лежат, равномерно их все заполняя.
Так что творения все различаются в точных пределах,
Ибо с обеих сторон они резкой отмечены гранью:
Пламенем жарким с одной, а с другой — леденящим морозом.
Это тебе разъяснив, продолжаю я следовать дальше:
Первоначала вещей, как теперь ты легко убедишься,
Сходные между собой по своим однородным фигурам,
Неисчислимы совсем. Ибо, если положены грани
Разнице в формах, должны похожие первоначала
Или бесчисленны быть, иль материи вся совокупность
Будет конечною, чтó невозможно, как я доказал уж
В этих стихах, говоря, что материи мелкие тельца
От бесконечных времен совокупность вещей сохраняют
При непрерывных толчках, возникающих всюду в пространстве.
Ибо, хоть реже иных ты встречаешь животных и видишь,
Что плодовитость у них значительно меньше, однако
В странах и землях других, далеко отстоящих отсюда,
Может их много найтись, и число их окажется полным.
Так укажу я тебе, для примера, из четвероногих
На змееруких слонов. Всю Индию крепкой стеною
Множество тысяч столбов ограждает из кости слоновой,
Так что проникнуть туда невозможно: такая там сила

Vis est, quarum nos perpauca exempla videmus.
Sed tamen id quoque uti concedam, quamlibet esto
Vnica res quaedam nativo corpore sola,
Cui similis toto terrarum non sit in orbe;
Infinita tamen nisi erit vis materiai
Vnde ea progigni possit concepta, creari
Non poterit, neque, quod superest, procrescere alique.
Quippe etenim, sumantur uti finita per omne
Corpora iactari unius genitalia rei,
Vnde ubi qua vi et quo pacto congressa coibunt
Materiae tanto in pelago turbaque aliena?
Non, ut opinor, habent rationem conciliandi;
Sed quasi naufragiis magnis multisque coortis
Disiectare solet magnum mare transtra, cavernas,
Antemnas, proram, malos, tonsasque natantis,
Per terrarum omnis oras fluitantia aplustra
Vt videantur et indicium mortalibus edant,
Infidi maris insidias virisque dolumque
Vt vitare velint, neve ullo tempore credant,
Subdola cum ridet placidi pellacia ponti,
Sic tibi si finita semel primordia quaedam
Constitues, aevum debebunt sparsa per omnem
Disiectare aestus diversi materiai,
Numquam in concilium ut possint compulsa coire
Nec remorari in concilio nec crescere adaucta;
Quorum utrumque palam fieri manifesta docet res
Et res progigni et genitas procrescere posse.
Esse igitur genere in quovis primordia rerum
Infinita palam est unde omnia suppeditantur.
Nec superare queunt motus itaque exitiales
Perpetuo neque in aeternum sepelire salutem,
Nec porro rerum genitales auctificique
Motus perpetuo possunt servare creata.
Sic aequo geritur certamine principiorum
Ex infinito contractum tempore bellum:

Этих зверей, а у нас лишь изредка можно их встретить.
Но уступлю я тебе и в этом: пускай существует
Вещь средь рожденных вещей лишь одна в своем роде, которой
Нет подобной нигде на всем протяжении мира;
Если, однако, запас материи для зарожденья
Вещи такой бесконечен бы не был, она не могла бы
Ни появиться на свет, ни расти, ни найти себе пищу.
Ведь в самом деле, пускай во вселенной для вещи единой
Будет зиждительных тел число ограничено. Как же,
Где и откуда они и силой какой соберутся
В бездне материи всей и в смешеньи начал инородных?
Нет, я уверен, никак сойтись они вместе не могут;
Но, наподобье того, как при страшных кораблекрушеньях
Мощные моря валы разносят кокоры и банки,
Мачты и реи, носы кораблей и плывущие весла,
Так что везде, по всему побережью, видны вырезные
Кормы разбитых судов, указанья дающие смертным,
Чтобы от козней, и сил, и обманов коварного моря
Прочь убегали они и ему бы не верили, даже
Если лукавая гладь улыбается тихого понта, —
Так, если вздумаешь ты число ограничить известных
Первоначал, то тогда их вечно рассеивать будут,
В стороны врозь разнося, материи розные токи,
Так что они никогда не смогут, сойдясь и сплотившись,
Ни удержаться в связи меж собой, ни расти, умножаясь;
Но ведь на наших глазах происходит и то и другое:
Вещи способны всегда возникать и, возникнув, развиться.
Первоначала вещей, таким образом, всякого рода
Неисчислимы и всё, очевидно, способны восполнить.

Вот почему никогда нельзя смертоносным движеньям
Жизни навек одолеть и ее истребить совершенно.
Но и движенья, что жизнь создают и способствуют росту,
Вечно созданья свои сохранять нерушимо не могут.
Между началами так с переменным успехом в сраженьях
Испоконь века война, начавшися, вечно ведется:

Nunc hic nunc illic superant vitalia rerum
Et superantur item, miscetur funere vagor
Quem pueri tollunt visentes luminis oras;
Nec nox ulla diem neque noctem aurora secutast,
Quae non audierit mixtos vagitibus aegris
Ploratus mortis comites et funeris atri.
    Illud in his obsignatum quoque rebus habere
Convenit et memori mandatum mente tenere,
Nil esse, in promptu quorum natura videtur,
Quod genere ex uno consistat principiorum,
Nec quicquam quod non permixto semine constet.
Et quodcumque magis vis multas possidet in se
Atque potestates, ita plurima principiorum
In sese genera ac varias docet esse figuras.
Principio tellus habet in se corpora prima
Vnde mare immensum volventes frigora fontes
Assidue renovent, habet ignes unde oriantur.
Nam multis succensa locis ardent sola terrae,
Eximiis vero furit ignibus impetus Aetnae.
Tum porro nitidas fruges arbustaque laeta
Gentibus humanis habet unde extollere possit,
Vnde etiam fluvios frondis et pabula laeta
Montivago generi possit praebere ferarum.
Quare magna deum mater materque ferarum
Et nostri genetrix haec dicta est corporis una.
    Hanc veteres Graium docti cecinere poetae

* * *

Sedibus in curru biiugos agitare leones,
Aeris in spatio magnam pendere docentes
Tellurem neque posse in terra sistere terram.
Adiunxere feras, quia quamvis effera proles
Officiis debet molliri victa parentum.
Muralique caput summum cinxere corona,
Eximiis munita locis quia sustinet urbis;

То побеждают порой животворные силы природы,
То побеждает их смерть. Мешается стон похоронный
С жалобным криком детей, впервые увидевших солнце.
Не было ночи такой, ни дня не бывало, ни утра,
Чтобы не слышался плач младенческий, смешанный с воплем
Сопровождающим смерть и мрачный обряд погребальный.
Вот что при этом еще основательно надо запомнить,
Запечатлевши в уме, и всегда принимать во вниманье:
Нет ни одной из вещей, доступных для нашего взора,
Чтобы она из начал состояла вполне однородных;
Нет ничего, что различных семян не являлось бы смесью.
Что же имеет в себе и сил и возможностей больше,
Тем указует на то, что и больше оно заключает
Разного рода начал совершенно различного вида.
Множество, прежде всего, заключает земля изначальных
Тел, из которых ключи, прохладу несущие, вечно
Полнят моря, и таких, из которых огни возникают.
Ибо во многих местах пламенеет зажженная почва,
Самый же страшный огонь извергает свирепая Этна.
Дальше содержит земля и такие тела, из которых
Людям и злаки растит наливные, и рощи густые,
И доставляет ручьи, и листья, и тучные пастьбы
Диким породам зверей, бродящим по горным высотам.
Матери имя богов потому и дают ей великой,
Матери диких зверей и праматери нашего тела.
Греции древней ее премудрые пели поэты

* * *

Будто бы парою львов она правит в своей колеснице,
Этим давая понять, что повисла в воздушном пространстве
Наша земля, что земля опираться на землю не может.
Львов запрягли потому, что и самые дикие дети
Должны пред силой забот материнских покорно склоняться.
Голову ей увенчали венком крепостным, указуя,
Что защищает она города на местах неприступных.

Quo nunc insigni per magnas praedita terras
Horrifice fertur divinae matris imago.
Hanc variae gentes antiquo more sacrorum
Idaeam vocitant matrem, Phrygiasque catervas
Dant comites, quia primum ex illis finibus edunt
Per terrarum orbem fruges coepisse creari.
Gallos attribuunt, quia, numen qui violarint
Matris et ingrati genitoribus inventi sint,
Significare volunt indignos esse putandos,
Vivam progeniem qui in oras luminis edant.
Tympana tenta tonant palmis et cymbala circum
Concava, raucisonoque minantur cornua cantu,
Et Phrygio stimulat numero cava tibia mentis,
Telaque praeportant violenti signa furoris,
Ingratos animos atque impia pectora vulgi
Conterrere metu quae possint numine divae.
Ergo cum primum magnas invecta per urbis
Munificat tacita mortalis muta salute,
Aere atque argento sternunt iter omne viarum,
Largifica stipe ditantes, ninguntque rosarum
Floribus umbrantes matrem comitumque catervas.
Hic armata manus, Curetas nomine Grai
Quos memorant Phrygios, inter se forte quod armis
Ludunt in numerumque exsultant sanguine laeti,
Terrificas capitum quatientes numine cristas,
Dictaeos referunt Curetas qui Iovis illum
Vagitum in Creta quondam occultasse feruntur,
Cum pueri circum puerum pernice chorea
637 Armati in numerum pulsarent aeribus aera,
Ne Saturnus eum malis mandaret adeptus
Aeternumque daret matri sub pectore vulnus.
Propterea magnam matrem armati comitantur,
Aut quia significant divam praedicere ut armis
Ac virtute velint patriam defendere terram
Praesidioque parent decorique parentibus esse.

В этом уборе теперь проносят по целому свету,
Ужас вселяя везде, божественной матери образ.
Люди различных племен по старинным священным заветам
„Матерь Идэя“ ее именуют и толпы фригийцев
В свиту дают ей затем, что из этого края впервые
Злаки расти на земле, по преданию, начали всюду.
Галлы сопутствуют ей, указание этим давая,
Что, оскорбив божество материнское и непочтенье
Выказав к родшим, никто не должен считаться достойным,
Чтобы на свет порождать поколенья живого потомства.
Бубны тугие гудят в их руках и пустые кимвалы,
Хриплые звуки рогов оглашают окрестности грозно,
Ритмом фригийским сердца возбуждает долбленая флейта;
Свита предносит ножи — необузданной ярости знаки,
Дабы сердца и умы толпы нечестивой повергнуть
В ужас священный и страх перед мощною волей богини.
Лишь колесница ее в городах появилась обширных,
И одаряет она, безмолвная, благами смертных,
Путь перед ней серебром устилает и медной монетой
Щедрой рукою народ, и сыплются розы обильно,
Снежным покровом цветов осеняя богиню и свиту.
Вооруженный отряд, которому греки Куретов
Имя фригийских дают, играя оружием острым,
Тут же пускается в пляс, опьяненный пролитою кровью,
Страшно при этом тряся косматыми гребнями шлемов;
Изображают они Диктейских Куретов, на Крите
Зевса младенческий крик заглушавших, коль верить преданью
Вместе с детьми, что вокруг дитяти в стремительной пляске
Мчались и медью о медь, кружась, ударяли размерно,
Чтобы ребенка Сатурн не настиг прожорливой пастью
И не поранил бы тем материнского сердца навеки.
Вот потому-то Великую Мать провожают с оружьем.
Или хотят указать, что оружием люди отважно
Отчую землю должны защищать по веленью богини
И для родителей быть и опорой надежной и славой

Quae bene et eximie quamvis disposta ferantur,
Longe sunt tamen a vera ratione repulsa.
Omnis enim per se divum natura necessest
Immortali aevo summa cum pace fruatur
Semota ab nostris rebus seiunctaque longe.
Nam privata dolore omni, privata periclis,
Ipsa suis pollens opibus, nil indiga nostri,
Nec bene promeritis capitur neque tangitur ira.
Terra quidem vero caret omni tempore sensu,
Et quia multarum potitur primordia rerum,
Multa modis multis effert in lumina solis.
Hic siquis mare Neptunum Cereremque vocare
Constituit fruges et Bacchi nomine abuti
Mavult quam laticis proprium proferre vocamen,
Concedamus ut hic terrarum dictitet orbem
Esse deum matrem, dum vera re tamen ipse
Religione animum turpi contingere parcat.
Saepe itaque ex uno tondentes gramina campo
Lanigerae pecudes et equorum duellica proles
Buceriaeque greges eodem sub tegmine caeli
Ex unoque sitim sedantes flumine aquai
Dissimili vivunt specie retinentque parentum
Naturam et mores generatim quaeque imitantur.
Tanta est in quovis genere herbae materiai
Dissimilis ratio, tanta est in flumine quoque.
Hinc porro quamvis animantem ex omnibus unam
Ossa, cruor, venae, calor, umor, viscera, nervi
Constituunt; quae sunt porro distantia longe,
Dissimili perfecta figura principiorum.
Tum porro quaecumque igni flammata cremantur,
Si nil praeterea, tamen haec in corpore condunt
Vnde ignem iacere et lumen summittere possint
Scintillasque agere ac late differre favillam.
Cetera consimili mentis ratione peragrans
Invenies igitur multarum semina rerum

Как ни прекрасны и стройны чудесные эти преданья,
Правдоподобия в них, однакоже, нет никакого.
Ибо все боги должны по природе своей непременно
Жизнью бессмертной всегда наслаждаться в полнейшем покое,
Чуждые наших забот и от них далеко отстранившись.
Ведь безо всяких скорбей, далеки от опасностей всяких,
Всем обладают они и ни в чем не нуждаются нашем;
Благодеяния им ни к чему, да и гнев неизвестен.
Что до земли, то вовек лишена она всякого чувства,
Но, так как многих вещей в ней содержатся первоначала,
Может на свет выводить она многое способом разным.
Если же кто называть пожелает иль море Нептуном,
Или Церерою хлеб, или Вакхово предпочитает
Имя напрасно к вину применять, вместо нужного слова,
То уж уступим ему, и пускай вся земная окружность
Матерью будет богов для него, если только при этом
Он, в самом деле, души не пятнает религией гнусной.
Так, хоть нередко стада на одной луговине пасутся
И густорунных овец, и племени ко́ней отважных,
И круторогих быков под той же небесною кровлей,
И утоляют в одной и той же реке свою жажду,
Разно, однако, живут; и родителей свойства, и нравы
Все сохраняют они по наследству в отдельных породах:
Так велика разнородность материи в каждом отдельном
Виде травы полевой и в каждом источнике водном.
Далее, все состоят живые созданья из крови,
Мяса, костей, из тепла, из жил, сухожилий и влаги;
Всё это также совсем не похоже одно на другое,
И образовано всё из начал по фигурам не сходных.
Далее, что́ на огне разгорается пламенем, также,
Если другого в нем нет, оно всё же в себе заключает
Нечто, откуда огонь выбивает и может светиться,
Искры метать из себя и далеко развеивать пепел.
Если подобным путем проследишь ты и всё остальное,
Ты обнаружишь тогда, что во всем потаенно сокрыты

Corpore celare et varias cohibere figuras.
679 Denique multa vides quibus et color et sapor una
681 Reddita sunt cum odore: in primis pleraque dona,
681[a] Quis accensa solent fumare altaria divum.
Haec igitur variis debent constare figuris;
Nidor enim penetrat qua fucus non it in artus,
Fucus item sorsum, sorsum sapor insinuatur
Sensibus; ut noscas primis differre figuris.
Dissimiles igitur formae glomeramen in unum
Conveniunt et res permixto semine constant.
Quin etiam passim nostris in versibus ipsis
Multa elementa vides multis communia verbis,
Cum tamen inter se versus ac verba necesse est
Confiteare alia ex aliis constare elementis;
Non quo multa parum communis littera currat
Aut nulla inter se duo sint ex omnibus isdem,
Sed quia non vulgo paria omnibus omnia constant.
Sic aliis in rebus item communia multa
Multarum rerum cum sint primordia, verum
Dissimili tamen inter se consistere summa
Possunt; ut merito ex aliis constare feratur
Humanum genus et fruges arbustaque laeta.

Nec tamen omnimodis conecti posse putandum est
Omnia; nam vulgo fieri portenta videres,
Semiferas hominum species exsistere et altos
Interdum ramos egigni corpore vivo,
Multaque conecti terrestria membra marinis,
Tum flammam taetro spirantis ore Chimaeras
Pascere naturam per terras omniparentis.
Quorum nil fieri manifestum est, omnia quando
Seminibus certis certa genetrice creata
Conservare genus crescentia posse videmus.
Scilicet, id certa fieri ratione necessust.
Nam sua cuique cibis ex omnibus intus in artus
Corpora discedunt conexaque convenientis

Многих вещей семена и начала различного вида.
Многое есть, наконец, где даны в сочетаньи со цветом
Также и запах, и вкус. И, прежде всего, приношенья,
Что по обряду богам, на алтарь возложив, сожигают.
Значит, начала должны заключаться в них разного вида:
Запах проходит ведь там в наше тело, где цвет не пробьется,
Цвет же отдельно идет, и отдельно и вкус проникает
В чувства: ты видишь теперь, что фигуры их первые разны.
В соединение здесь, таким образом, разные формы
Входят, и всякую вещь образуют семян сочетанья.
Даже и в наших стихах постоянно, как можешь заметить,
Множество слов состоит из множества букв однородных;
Но и стихи, и слова, как ты непременно признаешь,
Разнятся между собой по своим составным элементам:
Не оттого, что из букв у них мало встречается общих,
Иль что и двух не найти, где бы всё было точно таким же,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Так же и в прочем, хотя существует и множество общих
Первоначал у вещей, тем не менее очень различны
Могут они меж собой оставаться во всем своем целом;
Так что мы в праве сказать, что различный состав образует
Племя людское, хлеба наливные и рощи густые.

Думать, однако, нельзя, что всему сочетаться возможно
Всячески. Ибо тогда ты повсюду встречал бы чудовищ,
И полузвери везде, полулюди водились, и также
Длинные ветви порой вырастали б из тела живого;
Множество членов морских у земных бы являлось животных,
Да и химер бы тогда, извергающих пламя из пасти,
На всеродящей земле выращивать стала природа.
Но очевидно, что так никогда не бывает, и вещи,
Лишь от известных семян и от матери также известной
Все возникая, растут, сохраняя все признаки рода.
Ясно, что это должно по известным законам свершаться.
Ибо из пищи любой проникают в отдельные члены
Тельца, которые им подходящи, и там, сочетаясь

Efficiunt motus; at contra aliena videmus
Reicere in terras naturam, multaque caecis
Corporibus fugiunt e corpore percita plagis,
Quae neque conecti quoquam potuere neque intus
Vitalis motus consentire atque imitari.
Sed ne forte putes animalia sola teneri
Legibus hisce, eadem ratio res terminat omnis.
Nam veluti tota natura dissimiles sunt
Inter se genitae res quaeque, ita quamque necessest
Dissimili constare figura principiorum;
Non quo multa parum simili sint praedita forma,
Sed quia non vulgo paria omnibus omnia constant.
Semina cum porro distent, differre necessust
Intervalla, vias, conexus, pondera, plagas,
Concursus, motus; quae non animalia solum
Corpora seiungunt, sed terras ac mare totum
Secernunt caelumque a terris omne retentant.
Nunc age dicta meo dulci quaesita labore
Percipe, ne forte haec albis ex alba rearis
Principiis esse, ante oculos quae candida cernis,
Aut ea quae nigrant nigro de semine nata;
Nive alium quemvis quae sunt induta colorem
Propterea gerere hunc credas, quod materiai
Corpora consimili sint eius tincta colore.
Nullus enim color est omnino materiai
Corporibus, neque par rebus neque denique dispar.
In quae corpora si nullus tibi forte videtur
Posse animi iniectus fieri, procul avius erras.
Nam cum caecigeni, solis qui lumina numquam
Dispexere, tamen cognoscant corpora tactu,
Ex ineunte aevo nullo coniuncta colore,
Scire licet nostrae quoque menti corpora posse
Verti in notitiam nullo circumlita fuco.
Denique nos ipsi caecis quaecumque tenebris
Tangimus, haud ullo sentimus tincta colore.

Вместе, рождают они движения нужные; те же,
Что не пригодны, назад извергаются в землю природой;
Также еще от толчков незаметно выходит из тела
Множество тел, что ни с чем не могли ни войти в сочетанье
Ни внутри воспринять и усвоить движения жизни.
Но не подумай, смотри, что относятся эти законы
Только к созданьям живым: ими все ограничены вещи.
Ибо, подобно тому, как природою в целом не схожи
Вещи рожденные все, точно так же они несомненно
Все состоят из начал по фигурам взаимно не сходных;
Не оттого, что из них лишь немногие сходны по форме,
Но что они вообще не все друг на друга похожи.
Далее, коль семена отличны, должны различаться
Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их: всё то, что не только живые
Все разделяет тела, но и землю от моря отдельно
Держит и своду небес не дает на нее опуститься.
Выслушай далее то, что познал я путем изысканий
Сладостных, и не считай, что все белые вещи, какие
Светлыми кажутся нам, из начал образуются белых,
Или что черное всё порождается семенем черным;
Словом, не думай, что вещь, коль она обладает окраской
Той иль иной, потому ее носит, что в ней основные
Тельца ее вещества окрашены цветом таким же.
Ибо у тел основных никакой не бывает окраски,
Ни одинаковой с той, что присуща вещам, ни отличной.
Если же думаешь ты, что тела таковые не могут
Быть постижимы умом, то находишься ты в заблужденьи.
Ибо, ведь если слепой от рожденья, который ни разу
Солнца лучей не видал, познаёт осязанием вещи,
Что лишены для него с младенчества всякой окраски,
То, очевидно, наш ум составить себе представленье
Может вполне о телах, никаким не окрашенных цветом.
Да ведь и сами-то мы, в темноте осязая предметы,
Не ощущаем того, что они обладают окраской.

Quod quoniam vinco fieri, nunc esse docebo
Corpora quae constant nullo coniuncta colore.
Omnis enim color omnino mutatur in omnis;
Quod facere haud ullo debent primordia pacto;
Immutabile enim quiddam superare necessest,
Ne res ad nilum redigantur funditus omnes.
Nam quodcumque suis mutatum finibus exit,
Continuo hoc mors est illius quod fuit ante.
Proinde colore cave contingas semina rerum,
Ne tibi res redeant ad nilum funditus omnes.
Praeterea si nulla coloris principiis est
Reddita natura et variis sunt praedita formis,
E quibus omne genus gignunt variantque colores
Propterea, magni quod refert semina quaeque
Cum quibus et quali positura contineantur
Et quos inter se dent motus accipiantque,
Perfacile extemplo rationem reddere possis,
Cur ea quae nigro fuerint paulo ante colore,
Marmoreo fieri possint candore repente;
Vt mare, cum magni commorunt aequora venti,
Vertitur in canos candenti marmore fluctus;
Dicere enim possis, nigrum quod saepe videmus,
Materies ubi permixta est illius et ordo
Principiis mutatus et addita demptaque quaedam,
Continuo id fieri ut candens videatur et album.
Quod si caeruleis constarent aequora ponti
Seminibus, nullo possent albescere pacto;
Nam quocumque modo perturbes caerula quae sint,
Numquam in marmoreum possunt migrare colorem.
Sin alio atque alio sunt semina tincta colore
Quae maris efficiunt unum purumque nitorem,
Vt saepe ex aliis formis variisque figuris
Efficitur quiddam quadratum unaque figura,
Conveniebat, ut in quadrato cernimus esse
Dissimilis formas, ita cernere in aequore ponti

Это тебе доказав, покажу я теперь, что бывают
Также такие тела, что совсем не имеют окраски.
Всякий ведь цвет перейти, изменившись, способен во всякий;
Но невозможно никак так действовать первоначалам,
Ибо должно пребывать всегда нерушимое нечто,
Чтобы не сгинуло всё совершенно, в ничто обратившись.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше
Так что вещей семенам берегись придавать ты окраску,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.

Далее, если признать, что окраска совсем не присуща
Первоначалам вещей, и они лишь по формам различны
И порождают из них и меняют цвета как угодно,—
Так как имеет всегда большое значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно,—
То доискаться тебе не составит труда никакого,
Как происходит, что вещь, недавно лишь бывшая черной,
Может внезапно предстать блестящей и белой, как мрамор.
Так, если буря начнет вздымать водяные равнины,
Мраморно-белыми тут становятся волны морские.
Будет довольно сказать, что предмет, представлявшийся черным,
Если смешалась его материя и изменился
В ней распорядок начал, и ушло, и прибавилось нечто,
Может на наших глазах оказаться блестящим и белым.
Если же волны морей из семян состояли б лазурных,
То уж никак бы тогда побелеть было им невозможно.
Ибо как хочешь мешай семена ты лазурной окраски,
Но измениться их цвет во мраморно-белый не сможет.
Если ж одни от других отличаются разной окраской
Те семена, что морям сообщают единый оттенок,—
Как из несхожих фигур, разнородных по форме, нередко
Может квадрат, например, получиться единой фигуры,—
То, как в квадрате таком различаем мы разные формы,
Так же могли б мы тогда разглядеть на поверхности моря

Aut alio in quovis uno puroque nitore
Dissimilis longe inter se variosque colores.
Praeterea nil officiunt obstantque figurae
Dissimiles quo quadratum minus omne sit extra;
At varii rerum impediunt prohibentque colores
Quominus esse uno possit res tota nitore.
Tum porro quae ducit et inlicit ut tribuamus
Principiis rerum nonnumquam causa colores,
Occidit, ex albis quoniam non alba creantur,
Nec quae nigra cluent de nigris sed variis ex.
Quippe etenim multo proclivius exorientur
Candida de nullo quam nigro nata colore,
Aut alio quovis qui contra pugnet et obstet.
Praeterea quoniam nequeunt sine luce colores
Esse, neque in lucem exsistunt primordia rerum,
Scire licet quam sint nullo velata colore.
Qualis enim caecis poterit color esse tenebris?
Lumine quin ipso mutatur propterea quod
Recta aut obliqua percussus luce refulget;
Pluma columbarum quo pacto in sole videtur,
Quae sita cervices circum collumque coronat;
Namque alias fit uti claro sit rubra pyropo,
Interdum quodam sensu fit uti videatur
Inter caeruleum viridis miscere zmaragdos.
Caudaque pavonis, larga cum luce repleta est,
Consimili mutat ratione obversa colores;
Qui quoniam quodam gignuntur luminis ictu,
Scire licet, sine eo fieri non posse putandum est.
Et quoniam plagae quoddam genus excipit in se
Pupula, cum sentire colorem dicitur album,
Atque aliud porro, nigrum cum et cetera sentit,
Nec refert ea quae tangas quo forte colore
Praedita sint, verum quali magis apta figura,
Scire licet nil principiis opus esse colores,
Sed variis formis variantis edere tactus.

Иль в чем угодно другом, что имеет единый оттенок,
Множество разных цветов, совершенно друг с другом не схожих.
Но, коль помехой ничуть и препятствием вовсе не служит
Разность фигур, чтоб из них очертанья слагались квадрата,
То не дает никогда разнородность окраски предметов
Им целиком обладать и единым и чистым оттенком.

Далее, довод, что нас соблазняет порой, заставляя
Первоначалам вещей приписывать цвет, отпадает,
Ибо и белая вещь не из белых способна возникнуть,
Черная вещь — не из тех, что черны, а из разных по цвету
Но вероятней всего, что блестящие белые вещи
Могут возникнуть скорей из бесцветных начал, чем из черных,
Иль из каких-то других, совершенно по цвету им чуждых.

Кроме того, потому, что без света цветов не бывает,
И что начала вещей никогда освещаться не могут,
Надо считать, что они никаким не окрашены цветом,
Ибо какие ж цвета в непроглядных потемках возможны?
Больше того: самый свет изменяет окраску предметов,
Падая прямо на них или косвенно их освещая.
Это мы видим, когда освещается солнца лучами
Пух голубей, что венком окружает затылок и шейку:
То багровеет он вдруг, отливая блестящим рубином,
То засияет он так, что покажется, будто лазурный
Камень, сверкая, горит посреди изумрудов зеленых.
Так же павлиньи хвосты под лучами обильного света
При поворотах свою постоянно меняют окраску.
Если ж зависят цвета от падения света, то надо
Нам несомненно считать, что они без него невозможны.
И раз удары зрачок испытует различного рода
При ощущении, так называемом, белого цвета,
Или же черного, или другого какого угодно,
И если вовсе не цвет осязаемых нами предметов
Важен, а только, какой обладают предметы фигурой,
То очевидно, что он для начал совершенно не нужен,
Но разнородность их форм осязается нами различно.

Praeterea quoniam non certis certa figuris
Est natura coloris et omnia principiorum
Formamenta queunt in quovis esse nitore,
Cur ea quae constant ex illis non pariter sunt
Omne genus perfusa coloribus in genere omni?
Conveniebat enim corvos quoque saepe volantis
Ex albis album pinnis iactare colorem
Et nigros fieri nigro de semine cycnos
Aut alio quovis uno varioque colore.
Quin etiam quanto in partis res quaeque minutas
Distrahitur magis, hoc magis est ut cernere possis
Evanescere paulatim stinguique colorem;
Vt fit ubi in parvas partis discerpitur austrum:
Purpura poeniceusque color clarissimu' multo,
Filatim cum distractum est, disperditur omnis;
Noscere ut hinc possis prius omnem efflare colorem
Particulas, quam discedant ad semina rerum.
Postremo quoniam non omnia corpora vocem
Mittere concedis neque odorem, propterea fit
Vt non omnibus attribuas sonitus et odores.
Sic oculis quoniam non omnia cernere quimus,
Scire licet quaedam tam constare orba colore
Quam sine odore ullo quaedam sonituque remota,
Nec minus haec animum cognoscere posse sagacem
Quam quae sunt aliis rebus privata notare.
Sed ne forte putes solo spoliata colore
Corpora prima manere, etiam secreta teporis
Sunt ac frigoris omnino calidique vaporis,
Et sonitu sterila et suco ieiuna feruntur,
Nec iaciunt ullum proprium de corpore odorem.
Sicut amaracini blandum stactaeque liquorem
Et nardi florem, nectar qui naribus halat,
Cum facere instituas, cum primis quaerere par est,
Quoad licet ac possis reperire, inolentis olivi
Naturam, nullam quae mittat naribus auram,

Если же, кроме того, не имеют особые формы
Также особых цветов, если всех очертаний начала
Могут являться всегда и в окраске любого оттенка,
То почему же тогда и всему, что из них возникает,
В каждом разряде вещей не носить всевозможной окраски?
Воронов ты бы тогда в оперении белом увидел:
Всюду летали б они и сверкали окраскою белой;
Черных тогда лебедей порождало бы черное семя,
Семя цветное — цветных и какого угодно оттенка.
Мало того: если ты на мельчайшие части предметы
Больше и больше дробишь, то ты видишь, как мало-помалу
Цвет пропадает у них и совсем, наконец, потухает.
Так происходит, когда багряницу в клочки раздираешь:
Пурпур и даже сама финикийская яркая краска,
Если по ниткам ты ткань разорвешь, целиком исчезает.
Можешь отсюда понять, что лишаются цвета частицы
Раньше еще, чем они на вещей семена разложились.
И, наконец, так как ты не считаешь, что всякое тело
Запах и звук издает, то выходит тогда несомненно,
Что невозможно всему приписывать звук или запах.
Также, раз мы далеко не всё различаем глазами,
То, очевидно, тела существуют лишенные цвета,
Как существуют и те, что и звуку и запаху чужды;
Но проницательный ум познает их не менее ясно,
Чем постигает он то, в чем других не имеется качеств.
Но не подумай, смотри, что тела изначальные только
Цвета совсем лишены: и тепла нету в них никакого,
Так же как им не присущи ни холод ни жар раскаленный;
Да и без звука они и без всякого носятся вкуса.
И не исходит от них и особого запаха также.
Так, если думаешь ты драгоценный бальзам изготовить,
С миррой смешав майоран и букет благовонного нарда,
Запах которого нам представляется нектаром, надо,
Прежде всего, отыскать непахучее масло оливы,
Чтобы затронуть оно не могло обонянья и чтобы,

Quam minime ut possit mixtos in corpore odores
Concoctosque suo contractans perdere viro,
Propter eandem rem debent primordia rerum
Non adhibere suum gignundis rebus odorem,
Nec sonitum, quoniam nil ab se mittere possunt,
Nec simili ratione saporem denique quemquam
Nec frigus neque item calidum tepidumque vaporem,
Cetera; quae cum ita sunt tamen ut mortalia constent,
Molli lenta, fragosa putri, cava corpore raro,
Omnia sint a principiis seiuncta necessest,
Immortalia si volumus subiungere rebus
Fundamenta, quibus nitatur summa salutis;
Ne tibi res redeant ad nilum funditus omnes.
Nunc ea quae sentire videmus cumque necessest
Ex insensilibus tamen omnia confiteare
Principiis constare. Neque id manifesta refutant
Nec contra pugnant, in promptu cognita quae sunt,
Sed magis ipsa manu ducunt et credere cogunt
Ex insensilibus, quod dico, animalia gigni.
Quippe videre licet vivos exsistere vermis
Stercore de taetro, putorem cum sibi nacta est
Intempestivis ex imbribus umida tellus;
Praeterea cunctas itidem res vertere sese.
Vertunt se fluvii frondes et pabula laeta
In pecudes, vertunt pecudes in corpora nostra
Naturam, et nostro de corpore saepe ferarum
Augescunt vires et corpora pennipotentum.
Ergo omnis natura cibos in corpora viva
Vertit et hinc sensus animantum procreat omnis,
Non alia longe ratione atque arida ligna
Explicat in flammas et in ignis omnia versat.
Iamne vides igitur magni primordia rerum
Referre in quali sint ordine quaeque locata
Et commixta quibus dent motus accipiantque?
Tum porro quid id est, animum quod percutit, ipsum

Соком своим заразив, не могло заглушить и попортить
Весь ароматный отвар и душистость его уничтожить.
В силу таких же причин при созданьи предметов не могут
Первоначала вещей придавать им иль собственный запах,
Или же звук — раз они ничего испускать не способны, —
Равным же образом вкус, наконец, или холод, а также
Жар раскаленный, тепло или прочее в этом же роде,
Ибо и это, и всё, что является смертности свойством:
Мягкость и гибкость, и ломкость и рыхлость, и полость и редкость —
Всё это также должно совершенно быть чуждо началам,
Если построить весь мир мы хотим на бессмертных основах,
Чтобы он мог пребывать нерушимым во всем его целом,
Ибо иначе в ничто у тебя обратятся все вещи.
    Ты убедишься теперь, что и всё, что, как видно, способно
К чувству, однако, должно состоять из начал, безусловно
Чувства лишенных. Ничто против этого не возражает
Из очевидных вещей и того, что для каждого ясно,
Но убеждает нас в том, что, как сказано, из совершенно
Чувства лишенных начал возникают живые созданья.
Видеть бывает легко, как из кучи зловонной навоза
Черви живые ползут, зарождаясь, когда разлагаться
Почва сырая начнет, от дождей проливных загнивая;
Так же и прочее всё возникает одно из другого:
В скот переходят ручьи и листья, и тучные пастьбы,
Скот, в свою очередь, сам переходит, меняя природу,
В тело людей, а оно точно так же нередко собою
Силы питает зверей и способствует росту пернатых.
Так превращает природа всю пищу в живые созданья
И зарождает у них из нее же и всякие чувства
Тем же примерно путем, как она и сухие поленья,
В пламени все разложив, заставляет в огонь обращаться.
Видишь ли ты, наконец, что большое значенье имеет,
Как и в порядке каком сочетаются между собою
Первоначала вещей и какие имеют движенья?
    Что же такое еще смущает твой ум и колеблет

Quod movet et varios sensus expromere cogft,
Ex insensilibus ne credas sensile gigni?
Nimirum lapides et ligna et terra quod una
Mixta tamen nequeunt vitalem reddere sensum.
Illud in his igitur rebus meminisse decebit,
Non ex omnibus omnino, quaecumque creant res
Sensilia, extemplo me gigni dicere sensus,
Sed magni referre ea primum quantula constent,
Sensile quae faciunt, et qua sint praedita forma,
Motibus, ordinibus, posituris denique quae sint.
Quarum nil rerum in lignis glebisque videmus;
Et tamen haec, cum sunt quasi putrefacta per imbris,
Vermiculos pariunt, quia corpora materiai
Antiquis ex ordinibus permota nova re
Conciliantur ita ut debent animalia gigni.
Deinde ex sensilibus qui sensile posse creari
Constituunt, porro ex aliis sentire suetis
Principiis, sumunt mortalia semina rerum,
Mollia cum faciunt. Nam sensus iungitur omnis
Visceribus, nervis, venis, quae cumque videmus
Mollia mortali consistere corpore creta.
Sed tamen esto iam posse haec aeterna manere:
Nempe tamen debent aut sensum partis habere
Aut similes totis animalibus esse putari.
At nequeant per se partes sentire necesse est;
Namque alios sensus membrorum respicit omnis,
Nec manus a nobis potis est secreta neque ulla
Corporis omnino sensum pars sola tenere.
Linquitur ut totis animantibus assimulentur
Sic itidem quae sentimus sentire necessest,
Vitali ut possint consentire undique sensu.
Qui poterunt igitur rerum primordia dici
Et leti vitare vias, animalia cum sint,
Atque animalia sint mortalibus una eademque?
Quod tamen ut possint, at coetu concilioque

И заставляет его сомневаться, что можно началам,
Чувства лишенным, рождать существа, одаренные чувством?
Это наверное то, что ни лес, ни земля, ни каменья
Чувства живого родить и в смешении даже не могут.
Должен, однакоже, ты припомнить, что я не считаю,
Будто решительно всё, что рождает способное к чувству,
Тут же должно порождать непременно и самые чувства;
Важно здесь, прежде всего, насколько малы те начала,
Что порождают собой ощущенье, какой они формы,
Также какие у них положенья, движенья, порядок.
Этого мы ни в дровах, ни в комьях земли не заметим,
Но, коль загнили они, разлагаясь как будто от ливней,
То производят червей, потому что материи тельца,
Прежний порядок тогда изменяя в условиях новых,
Сходятся так, что должны зарождаться живые созданья.
Кто ж утверждает затем, что способное к чувству творится
Из одаренного им, давая его и началам,
Тот вместе с тем признает за началами смертную сущность
Мягкими делая их. Ибо связано всякое чувство
С жилами, мышцами, мясом; а это, как всем очевидно,
Мягко и всё состоит несомненно из смертного тела.
Но тем не менее пусть вековечны такие частицы:
Всё же им должно иметь или только отдельные чувства,
Или созданьям живым они в целом должны быть подобны.
Чувствовать сами собой, однакоже, части не могут:
В членах отдельных всегда сочетается чувство с другими,
И невозможно руке, отделенной от нас, или части
Нашего тела иной сохранять обособленно чувство.
Значит, частицы подобны живому созданию в целом
И непременно должны ощущать, что̀ и мы ощущаем,
Чтобы их чувства могли совпадать с ощущением жизни.
Но разве можно сказать, что такие *живые* частицы —
Первоначала вещей? Разве можно им смерти избегнуть,
Раз всё живое всегда одновременно также и смертно?
Но коль и можно, то всё ж из их сочетаний друг с другом

Nil facient praeter vulgum turbamque animantum,
Scilicet ut nequeant homines armenta feraeque
Inter sese ullam rem gignere conveniundo.
Quod si forte suum dimittunt corpore sensum
Atque alium capiunt, quid opus fuit attribui id quod
Detrahitur? Tum praeterea, quod diximus ante,
Quatenus in pullos animalis vertier ova
Cernimus alituum vermisque effervere, terram
Intempestivos cum putor cepit ob imbris,
Scire licet gigni posse ex non sensibu' sensus.
    Quod si forte aliquis dicet dumtaxat oriri
Posse ex non sensu sensum mutabilitate,
Aut aliquo tamquam partu quo proditur extra,
Huic satis illud erit planum facere atque probare,
Non fieri partum nisi concilio ante coacto,
Nec quicquam commutari sine conciliatu.
Principio nequeunt ullius corporis esse
Sensus ante ipsam genitam naturam animantis,
Nimirum quia materies disiecta tenetur
Aere fluminibus terris terraque creatis,
Nec congressa modo vitali convenientis
Contulit inter se motus, quibus omnituentes
Accensi sensus animantem quamque tuentur.
    Praeterea quamvis animantem grandior ictus,
Quam patitur natura, repente adfligit et omnis
Corporis atque animi pergit confundere sensus.
Dissoluuntur enim positurae principiorum
Et penitus motus vitales impediuntur,
Donec materies, omnis concussa per artus,
Vitalis animae nodos a corpore solvit
Dispersamque foras per caulas eicit omnis.
Nam quid praeterea facere ictum posse reamur
Oblatum, nisi discutere ac dissolvere quaeque?
Fit quoque uti soleant minus oblato acriter ictu
Reliqui motus vitalis vincere saepe,

Только б одна мешанина созданий живых получалась
Так же, как если бы все воедино сошлись и смешались
Люди, и звери, и скот, ничего бы от них не родилось.
Если же чувство свое они, в тело попавши, теряют
И получают взамен другое, к чему придавать им
То, что отходит от них? И мы вновь к заключенью приходим,—
Если в живого птенца яйцо превращается птичье,
Если у нас на глазах кишат, из земли выползая,
Черви, когда от дождей проливных разлагается почва, —
Что для рождения чувств никакого не надобно чувства.
    Если же мне возразят, что только путем изменений
Чувство из чуждого чувству способно возникнуть, иль только
Как бы посредством родов, что приводят к его появленью,
Я удовольствуюсь тем указанием и разъясненьем,
Что не бывает родов, если не было раньше соитья,
Что изменения все происходят путем сочетанья.
Чувствам, во-первых, нельзя оказаться в каком-либо теле,
Прежде того, как само народится живое созданье,
Ибо материя вся, пребывая рассеянной всюду —
В воздухе, в реках, в земле и во всяких земли порожденьях—
Не образует еще, не сошедшися в должном порядке,
Жизни движений в себе, от которых всезрящие чувства
Вспыхнувши, зорко блюдут и хранят все живые созданья.
    Далее, каждый удар, не по силам живому созданью,
Валит на месте его и немедленно следом за этим
В теле его и в душе все чувства приводит в смятенье,
Ибо тогда у начал разрушаются их положенья
И прекращаются тут совершенно движения жизни
Вплоть до того, что материя вся, сотрясенная в членах,
Узы живые души отторгает от тела и душу,
Врозь разметав ее, вон чрез отверстия все выгоняет.
Да и чего же еще ожидать при ударе возможно
Кроме того, что он всё разнесет и все связи расторгнет?
Правда, бывает и так, что при менее резком ударе
Могут его одолеть уцелевшие жизни движенья

Vincere, et ingentis plagae sedare tumultus,
Inque suos quicquid rursus revocare meatus,
Et quasi iam leti dominantem in corpore motum
Discutere ac paene amissos accendere sensus.
Nam qua re potius leti iam limine ab ipso
Ad vitam possint collecta mente reverti,
Quam quo decursum prope iam siet ire et abire?
    Praeterea quoniam dolor est ubi materiai
Corpora vi quadam per viscera viva per artus
Sollicitata suis trepidant in sedibus intus,
Inque locum quando remigrant, fit blanda voluptas,
Scire licet nullo primordia posse dolore
Temptari nullamque voluptatem capere ex se;
Quandoquidem non sunt ex ullis principiorum
Corporibus, quorum motus novitate laborent
Aut aliquem fructum capiant dulcedinis almae.
Haut igitur debent esse ullo praedita sensu.
    Denique uti possint sentire animalia quaeque,
Principiis si iam est sensus tribuendus eorum,
Quid, genus humanum propritim de quibus auctumst?
Scilicet et risu tremulo concussa cachinnant
Et lacrimis spargunt rorantibus ora genasque,
Multaque de rerum mixtura dicere callent,
Et sibi proporro quae sint primordia quaerunt;
Quandoquidem totis mortalibus assimulata
Ipsa quoque ex aliis debent constare elementis,
Inde alia ex aliis, nusquam consistere ut ausis:
Quippe sequar, quodcumque loqui ridereque dices
Et sapere, ex aliis eadem haec facientibus ut sit.
Quod si delira haec furiosaque cernimus esse
Et ridere potest non ex ridentibus auctus,
Et sapere et doctis rationem reddere dictis
Non ex seminibus sapientibus atque disertis,
Qui minus esse queant ea quae sentire videmus
Seminibus permixta carentibus undique sensu?

И, одолев от толчка происшедшую сильную бурю,
Всё возвращают опять к теченью по прежнему руслу,
А завладевшее было всем телом движение смерти
Врозь разгоняют и вновь зажигают угасшие чувства.
Иначе как же тогда у самого смерти порога
К жизни вернуться скорей и к сознанию было бы можно,
Чем удалиться навек, предначертанной цели достигнув?
Кроме того, если боль возникает, коль, некою силой
В членах и в мясе живом потрясаясь, тела основные
Во глубине своих гнезд приходить начинают в смятенье,
А по местам водворясь, вызывают отрадное чувство,—
Ясно, что первоначал никакая не может затронуть
Боль и самим по себе им не ведомо чувство отрады,
Раз никаких у них нет своих собственных тел изначальных,
От перемены движений которых они бы страдали
Или какой-нибудь плод наслаждений вкушали приятных.
Значит, началам вещей никакое не свойственно чувство.
Если же чувство иметь способны живые созданья
Лишь потому, что самым началам их свойственно чувство,
То каковы же тогда в человеческом роде начала?
Верно, способны они заливаться и хохотом звонким,
И орошать и лицо и щеки обильно слезами,
И о составе вещей говорить с пониманием дела,
И рассуждать, наконец, о собственных первоначалах?
Ибо ведь, если вполне во всем они смертным подобны,
Значит, и сами должны состоять из других элементов,
Эти — опять из других, и конца ты нигде не положишь:
Ибо, по-твоему, всё способное к речи, ко смеху,
К мысли, должно состоять из начал совершенно таких же.
Если ж мы видим, что вздор это всё, да и прямо безумье,
Что и без всяких начал смеющихся можно смеяться
И разуметь, и в ученых словах излагать рассужденья,
Не состоя из семян и разумных и красноречивых,
То почему же нельзя, чтобы всё, одаренное чувством,
Сложный имело состав из семян, не имеющих чувства?

Denique caelesti sumus omnes semine oriundi;
Omnibus ille idem pater est, unde alma liquentis
Vmoris guttas mater cum terra recepit,
Feta parit nitidas fruges arbustaque laeta
Et genus humanum, parit omnia saecla ferarum,
Pabula cum praebet, quibus omnes corpora pascunt
Et dulcem ducunt vitam prolemque propagant;
Quapropter merito maternum nomen adepta est.
Cedit item retro, de terra quod fuit ante,
In terras, et quod missumst ex aetheris oris,
Id rursum caeli relatum templa receptant.
Nec sic interimit mors res, ut materiai
Corpora conficiat, sed coetum dissipat ollis.
Inde aliis aliud coniungit et efficit, omnes
Res ut convertant formas mutentque colores
Et capiant sensus et puncto tempore reddant;
Vt noscas referre eadem primordia rerum
Cum quibus et quali positura contineantur
Et quos inter se dent motus accipiantque,
Neve putes aeterna penes residere potesse
Corpora prima quod in summis fluitare videmus
Rebus et interdum nasci subitoque perire.
Quin etiam refert nostris in versibus ipsis
Cum quibus et quali sint ordine quaeque locata;
Namque eadem caelum, mare, terras, flumina, solem
Significant, eadem fruges, arbusta, animantis;
Si non omnia sunt, at multo maxima pars est
Consimilis; verum positura discrepitant res.
Sic ipsis in rebus item iam materiai
Concursus, motus, ordo, positura, figurae
Cum permutantur, mutari res quoque debent.
Nunc animum nobis adhibe veram ad rationem.
Nam tibi vementer nova res molitur ad auris
Accidere et nova se species ostendere rerum.
Sed neque tam facilis res ulla est, quin ea primum

Семени мы, наконец, небесного все порожденья:
Общий родитель наш тот, от которого всё зачинает
Мать всеблагая, земля, дождевой орошенная влагой,
И порождает хлеба наливные и рощи густые,
И человеческий род, и всяких зверей производит,
Всем доставляя им корм, которым они насыщаясь
Все беззаботно живут и свое производят потомство.
Матери имя земля справедливо поэтому носит.
Также всё то, что земля породила, уходит обратно
В землю, а что изошло из пределов эфира, то снова
Всё возвращается к ним, улетая в обители неба.
Но, с истребленьем вещей, материи тел не способна
Смерть убивать, а лишь их сочетанья она расторгает
И производит затем сочетанья иные, и этим
Делает то, что и форму и цвет изменяют все вещи,
Чувства рождаются в них и внезапно опять пропадают.
Видишь из этого ты, что имеет значенье, с какими
И в положеньи каком войдут в сочетание те же
Первоначала и как они двигаться будут взаимно;
И не считай, что телам изначальным и вечным присуще
То, что, мы видим, плывет по поверхности всяких предметов,
Что̀ возникает порой и опять исчезает внезапно.
Даже и в наших стихах ведь имеет большое значенье
Расположение букв и взаимное их сочетанье:
Теми же буквами мы означаем ведь небо и землю,
Солнце, потоки, моря, деревья, плоды и животных;
Если не полностью все, то всё-таки большая часть их
Те же, и только один распорядок их дело меняет.
То же и в самых вещах: материи все измененья —
Встречи, движения, строй, положенье ее и фигуры —
Необходимо влекут за собой и в вещах перемены.

Ныне внимателен будь, достоверному внемля ученью:
Новый предмет до ушей твоих бурно стремится достигнуть,
В новом обличьи предстать пред тобою должно мирозданье.
Нет, однако, вещей достоверных, чтоб невероятны

Difficilis magis ad credendum constet, itemque
Nil adeo magnum neque tam mirabile quicquam,
Quod non paulatim minuant mirarier omnes.
Principio caeli clarum purumque colorem,
Quaeque in se cohibet, palantia sidera passim,
Lunamque et solis praeclara luce nitorem;
Omnia quae nunc si primum mortalibus exstent,
Ex improviso si sint obiecta repente,
Quid magis his rebus poterat mirabile dici,
Aut minus ante quod auderent fore credere gentes?
Nil, ut opinor: ita haec species miranda fuisset.
Quam tibi iam nemo, fessus satiate videndi,
Suspicere in caeli dignatur lucida templa!
Desine quapropter novitate exterritus ipsa
Exspuere ex animo rationem, sed magis acri
Iudicio perpende et, si tibi vera videntur
Dede manus, aut, si falsum est, accingere contra.
Quaerit enim rationem animus, cum summa loci sit
Infinita foris haec extra moenia mundi,
Quid sit ibi porro quo prospicere usque velit mens
Atque animi iactus liber quo pervolet ipse.
    Principio nobis in cunctas undique partis
Et latere ex utroque supra subterque per omne
Nulla est finis; uti docui, res ipsaque per se
Vociferatur, et elucet natura profundi.
Nullo iam pacto veri simile esse putandumst,
Vndique cum versum spatium vacet infinitum
Seminaque innumero numero summaque profunda
Multimodis volitent aeterno percita motu,
Hunc unum terrarum orbem caelumque creatum,
Nil agere illa foris tot corpora materiai;
Cum praesertim hic sit natura factus, et ipsa
Sponte sua forte offensando semina rerum,
Multimodis temere, incassum, frustraque coacta,
Tandem coluerunt, ea quae coniecta repente

Не показались они нам с первого взгляда, а также
Ни удивительных нет, ни настолько великих явлений,
Чтоб не внушали они изумленья всё меньше и меньше.
Чистую, прежде всего, укажу я лазурь небосвода,
Всё, что объемлется им: и светила, бродящие всюду,
Месяц, блистательный свет, изливаемый солнца сияньем;
Если всё это теперь первый раз бы представилось смертным
И неожиданно всё появилось пред ними внезапно,
Что бы считаться могло изумительней этих явлений,
Иль чему меньше поверить посмели бы раньше народы?
Нет, я скажу, ничему не сравниться со зрелищем этим.
Но уже больше никто, созерцаньем его пресыщённый,
Не удостоит взирать на обители светлые неба!
А потому перестань, лишь одной новизны устрашаясь
Наше ученье умом отвергать, а сначала сужденьем
Острым исследуй его и взвесь; и, коль прав окажусь я,
Сдайся, а если неправ, то восстань и его опровергни.
Ведь, коль лежащему вне, за пределами нашего мира,
Нет пространству границ, то стараемся мы доискаться,
Что же находится там, куда мысль устремляется наша
И улетает наш ум, подымаясь в пареньи свободном.

Видим мы, прежде всего, что повсюду, во всех направленьях
С той и с другой стороны, и вверху и внизу у вселенной
Нет предела, как я доказал, как сама очевидность
Громко гласит, и как ясно из самой природы пространства.
А потому уж никак невозможно считать вероятным,
Чтоб, когда всюду кругом бесконечно пространство зияет
И когда всячески тут семена в этой бездне несутся
В неисчислимом числе, гонимые вечным движеньем,
Чтобы лишь наша земля создалась и одно наше небо,
И чтобы столько материи тел оставалось без дела,
Если к тому ж этот мир природою создан, и если
Сами собою вещей семена в столкновеньях случайных,
Всячески втуне, вотще, понапрасну сходяся друг с другом,
Слились затем, наконец, в сочетанья такие, что сразу

Magnarum rerum fierent exordia semper,
Terrai maris et caeli generisque animantum.
Quare etiam atque etiam talis fateare necesse est
Esse alios alibi congressus materiai,
Qualis hic est, avido complexu quem tenet aether.
    Praeterea cum materies est multa parata,
Cum locus est praesto, nec res nec causa moratur
Vlla, geri debent, nimirum, et confieri res.
Nunc et seminibus si tanta est copia, quantam
Enumerare aetas animantum non queat omnis,
Sique eadem natura manet, quae semina rerum
Conicere in loca quaeque queat simili ratione
Atque huc sunt coniecta, necesse est confiteare
Esse alios aliis terrarum in partibus orbis
Et varias hominum gentis et saecla ferarum.
    Huc accedit ut in summa res nulla sit una,
Vnica quae gignatur et unica solaque crescat,
Quin alicuiu' siet saecli permultaque eodem
Sint genere. In primis animalibus inice mentem;
Invenies sic montivagum genus esse ferarum,
Sic hominum genitam prolem, sic denique mutas
Squamigerum pecudes et corpora cuncta volantum.
Quapropter caelum simili ratione fatendumst,
Terramque et solem, lunam, mare, cetera quae sunt,
Non esse unica, sed numero magis innumerali;
Quandoquidem vitae depactus terminus alte
Tam manet haec, et tam nativo corpore constant,
Quam genus omne quod hic generatimst rebus abundans.
    Quae bene cognita si teneas, natura videtur
Libera continuo, dominis privata superbis,
Ipsa sua per se sponte omnia dis agere expers.
Nam, pro sancta deum tranquilla pectora pace
Quae placidum degunt aevum vitamque serenam,
Quis regere immensi summam, quis habere profundi
Indu manu validas potis est moderanter habenas,

Всяких великих вещей постоянно рождают зачатки:
Моря, земли и небес, и племени тварей живущих.
Так что ты должен признать и за гранями этого мира
Существованье других скоплений материи, сходных
С этим, какое эфир заключает в объятиях жадных.
 Если же, кроме того, и материя есть в изобильи,
Если есть место и нет ни причины, ни вещи, какая
Ей бы мешала, должны из нее развиваться предметы.
Если к тому же семян количество столь изобильно,
Что и всей жизни никак нехватило б для их исчисленья,
Если вещей семена неизменно способна природа
Вместе повсюду сбивать, собирая их тем же порядком,
Как они сплочены здесь,— остается признать неизбежно,
Что во вселенной еще и другие имеются земли,
Да и людей племена и также различные звери.
 Надо добавить еще, что нет ни одной во вселенной
Вещи, какая б могла возникать и расти одиноко
И не являлась одной из многих вещей однородных
Той же породы. Взгляни, например, на созданья живые,
И ты увидишь, что так нарождаются горные звери,
Так поколенья людей возникают и так же немое
Племя чешуйчатых рыб и все особи птиц окрыленных.
Следственно надо признать, что подобным же образом небо
Солнце, луна и земля, и моря, и все прочие вещи
Не одиноки, но их даже больше, чем можно исчислить,
Ибо их жизни предел точно так же поставлен и ждет их
Так же, как всё; и у них такое же смертное тело,
Как у созданий, что здесь на земле по породам плодятся.
 Если как следует ты это понял, природа свободной
Сразу тебе предстает, лишенной хозяев надменных,
Собственной волею всё без участья богов создающей.
Ибо,— святые сердца небожителей, в мире спокойном
Жизнь проводящих свою и свой век безмятежно и ясно!—
Кто бы сумел управлять необъятной вселенной, кто твердо
Бездны тугие бразды удержал бы рукою искусной,

Quis pariter caelos omnis convertere et omnis
Ignibus aetheriis terras suffire feraces,
Omnibus inve locis esse omni tempore praesto,
Nubibus ut tenebras faciat caelique serena
Concutiat sonitu, tum fulmina mittat et aedes
Saepe suas disturbet et in deserta recedens
Saeviat, exercens telum, quod saepe nocentis
Praeterit exanimatque indignos inque merentis?
Multaque post mundi tempus genitale diemque
Primigenum maris et terrae solisque coortum
Addita corpora sunt extrinsecus, addita circum
Semina, quae magnum iaculando contulit omne;
Vnde mare et terrae possent augescere, et unde
Appareret spatium caeli domus altaque tecta
Tolleret a terris procul et consurgeret aer.
Nam sua cuique, locis ex omnibus, omnia plagis
Corpora distribuuntur et ad sua saecla recedunt,
Vmor ad umorem, terreno corpore terra
Crescit, et ignem ignes procudunt aetheraque aether,
Donec ad extremum crescendi perfica finem
Omnia perduxit rerum natura creatrix;
Vt fit ubi nilo iam plus est quod datur intra
Vitalis venas quam quod fluit atque recedit.
Omnibus hic aetas debet consistere rebus,
Hic natura suis refrenat viribus auctum.
Nam quaecumque vides hilaro grandescere adauctu
Paulatimque gradus aetatis scandere adultae,
Plura sibi assumunt quam de se corpora mittunt,
Dum facile in venas cibus omnis inditur, et dum
Non ita sunt late dispessa, ut multa remittant
Et plus dispendi faciant quam vescitur aetas.
Nam certe fluere atque recedere corpora rebus
Multa manus dandum est; sed plura accedere debent,
Donec alescendi summum tetigere cacumen.
Inde minutatim viris et robur adultum

Кто бы размеренно вел небеса и огнями эфира
Был в состояньи везде согревать плодоносные земли,
Иль одновременно быть повсюду во всякое врéмя,
Чтобы и тучами тьму наводить, и чтоб ясное небо
Грома ударами бить, и чтоб молньи метать, и свои же
Храмы порой разносить и, в пустынях сокрывшись, оттуда
Стрелы свирепо пускать и, минуя нередко виновных,
Часто людей поражать, не достойных того и невинных?
Много и после того, как мир народился, и после
Дня появленья земли и морей и восшествия солнца
Тел накопилось извне, и кругом семена накопились,
В быстром полете несясь из глубин необъятной вселенной,
Чтобы моря и земля разрастаться могли, чтобы небо
Свой далеко распростерло чертог, чтобы подняло кверху
Своды свои над землей и высоко вознесся бы воздух.
Ибо тела, исходя отовсюду, посредством ударов
Распределяются все по местам сообразно их роду:
Влага ко влаге течет, земля же из тела земного
Вся вырастает, огонь — из огней и эфир — из эфира,
Вплоть до тех пор, пока всё до предельного роста природа
Не доведет и конца не положит вещей совершенству;
Что̀ происходит, когда собирается в жизненных жилах
Столько же, сколько из них, вытекая наружу, исходит.
Тут для всего настает предельного возраста время,
Тут на развитье вещей природа узду налагает.
Ибо всё то, что кругом развивается в радостном росте
И достигает, идя шаг за шагом, зрелости полной,
Более тел принимает в себя, чем наружу выводит,
Ежели пища легко еще в жилы проходит и если
Не раздалось до того, чтобы много оно выделяло
И раздавало скорей, чем питается в возрасте этом.
Ибо, что множество тел из вещей, утекая, выходит,
Надо, конечно, признать; но должно притекать еще больше
В вещи, покуда их рост не достигнет предельной вершины.
Мало-помалу затем возмужалую крепость и силы

Frangit et in partem peiorem liquitur aetas.
Quippe etenim quanto est res amplior, augmine adempto,
Et quo latior est, in cunctas undique partis
Plura modo dispergit et a se corpora mittit,
Nec facile in venas cibus omnis diditur ei,
Nec satis est, proquam largos exaestuat aestus,
Vnde queat tantum suboriri ac suppeditare.
Iure igitur pereunt, cum rarefacta fluendo
Sunt et cum externis succumbunt omnia plagis,
Quandoquidem grandi cibus aevo denique defit,
Nec tuditantia rem cessant extrinsecus ullam
Corpora conficere et plagis infesta domare.
Sic igitur magni quoque circum moenia mundi
Expugnata dabunt labem putrisque ruinas.
Omnia debet enim cibus integrare novando
Et fulcire cibus, cibus omnia sustentare,
Nequiquam, quoniam nec venae perpetiuntur
Quod satis est, neque quantum opus est natura ministrat.
Iamque adeo fracta est aetas, effetaque tellus
Vix animalia parva creat quae cuncta creavit
Saecla deditque ferarum ingentia corpora partu.
Haud, ut opinor, enim mortalia saecla superne
Aurea de caelo demisit funis in arva,
Nec mare nec fluctus plangentes saxa crearunt,
Sed genuit tellus eadem quae nunc alit ex se.
Praeterea nitidas fruges vinetaque laeta
Sponte sua primum mortalibus ipsa creavit,
Ipsa dedit dulcis fetus et pabula laeta;
Quae nunc vix nostro grandescunt aucta labore,
Conterimusque boves et viris agricolarum,
Conficimus ferrum vix arvis suppeditati:
Vsque adeo parcunt fetus augentque laborem.
Iamque caput quassans grandis suspirat arator
Crebrius, incassum magnum cecidisse laborem,
Et cum tempora temporibus praesentia confert

Ломят года, и вся жизнь постепенно приходит в упадок.
Ибо, чем больше предмет оказался в конце разрастанья
И чем обширнее он, тем и больше всегда выделяет
Тел из себя, разнося их повсюду во всех направленьях;
Да и по жилам его не легко растекается пища,
И уж источник ее, при таком изобильном отливе,
Не в состоянии течь достаточно мощной струею.
И справедливо должны погибать, таким образом, вещи,
Коль разложились они и от внешних ударов зачахли,
Так как в преклонных годах уже им нехватает питанья,
Да и снаружи тела, продолжая толчки беспрестанно,
Вещи изводят в конец и ударами их добивают.
    Так же с теченьем времен и стены великого мира,
Приступом взяты, падут и рассыплются грудой развалин.
Пища, конечно, должна восстанавливать всё, обновляя,
Пища — поддерживать всё и пища служить основаньем,
Но понапрасну, когда не способны выдерживать жилы
То, что потребно для них, а природа доставить не может.
Да, сокрушился наш век, и земля до того истощилась,
Что производит едва лишь мелких животных, а прежде
Всяких давала она и зверей порождала огромных.
Вовсе, как думаю я, не цепь золотая спустила
С неба далеких высот на поля поколения смертных,
Да и не волны морей, ударяясь о скалы, создали,
Но породила земля, что и ныне собой их питает;
Да и хлебов наливных, виноградников тучных она же
Много сама по себе сотворила вначале для смертных,
Сладкие также плоды им давая и тучные пастьбы, —
Всё, что теперь лишь едва вырастает при нашей работе:
Мы изнуряем волов, надрываем и пахарей силы,
Тупим железо, и всё ж не дает урожая нам поле,—
Так оно скупо плоды производит и множит работу.
И уже пахарь-старик, головою качая, со вздохом
Чаще и чаще глядит на бесплодность тяжелой работы,
Если же с прошлым начнет настоящее сравнивать время,

Praeteritis, laudat fortunas saepe parentis.
Tristis item vetulae vitis sator atque vietae
Temporis incusat momen caelumque fatigat,
Et crepat, antiquum genus ut pietate repletum
Perfacile angustis tolerarit finibus aevum,
Cum minor esset agri multo modus ante viritim;
Nec tenet omnia paulatim tabescere et ire
Ad capulum, spatio aetatis defessa vetusto.

То постоянно тогда восхваляет родителей долю.
И виноградарь, смотря на тщедушные, чахлые лозы,
Век, злополучный, клянет и на время он сетует горько,
И беспрестанно ворчит, что народ, благочестия полный,
В древности жизнь проводил беззаботно, довольствуясь малым,
Хоть и земельный надел был в то время значительно меньше,
Не понимая, что всё дряхлеет и мало-помалу,
Жизни далеким путем истомленное, сходит в могилу.

LVCRETI
DE RERVM NATVRA

LIBER TERTIVS

E tenebris tantis tam clarum extollere lumen
Qui primus potuisti inlustrans commoda vitae,
Te sequor, o Graiae gentis decus, inque tuis nunc
Ficta pedum pono pressis vestigia signis,
Non ita certandi cupidus quam propter amorem
Quod te imitari aveo; quid enim contendat hirundo
Cycnis, aut quidnam tremulis facere artubus haedi
Consimile in cursu possint et fortis equi vis?
Tu, pater, es rerum inventor, tu patria nobis
Suppeditas praecepta, tuisque ex, inclute, chartis,
Floriferis ut apes in saltibus omnia libant,
Omnia nos itidem depascimur aurea dicta,
Aurea, perpetua semper dignissima vita.
Nam simul ac ratio tua cepit vociferari
Naturam rerum, divina mente coorta,

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ты, из потемок таких дерзнувший впервые воздвигнуть
Столь ослепительный свет, озаряющий жизни богатства,
Греции слава и честь! За тобою я следую ныне
И по твоим я стопам направляю шаги мои твердо.
Не состязаться с тобой я хочу, но, любовью объятый,
Жажду тебе подражать: разве ласточка станет тягаться
С лебедем? Или козлят дрожащие ноги способны
С резвою силой коня быстролетного в беге равняться?
Отче! Ты сущность вещей постиг. Ты отечески роду
Нашему ныне даешь наставленья, и мы из писаний,
Славный, твоих, наподобие пчел, по лугам цветоносным
Всюду сбирающих мед, поглощаем слова золотые,
Да, золотые, навек достойные жизни бессмертной!
Ибо лишь только твое, из божественной мысли возникнув,
Стало учение нам о природе вещей проповедать,

Diffugiunt animi terrores, moenia mundi
Discedunt, totum video per inane geri res.
Apparet divum numen sedesque quietae,
Quas neque concutiunt venti nec nubila nimbis
Aspergunt neque nix acri concreta pruina
Cana cadens violat semperque innubilus aether
Integit et large diffuso lumine ridet.
Omnia suppeditat porro natura neque ulla
Res animi pacem delibat tempore in ullo.
At contra nusquam apparent Acherusia templa
Nec tellus obstat quin omnia dispiciantur,
Sub pedibus quaecumque infra per inane geruntur.
His ibi me rebus quaedam divina voluptas
Percipit atque horror, quod sic natura tua vi
Tam manifesta patens ex omni parte retecta est.
Et quoniam docui, cunctarum exordia rerum
Qualia sint et quam variis distantia formis
Sponte sua volitent aeterno percita motu,
Quove modo possint res ex his quaeque creari,
Hasce secundum res animi natura videtur
Atque animae claranda meis iam versibus esse,
Et metus ille foras praeceps Acheruntis agendus,
Funditus humanam qui vitam turbat ab imo,
Omnia suffundens mortis nigrore neque ullam
Esse voluptatem liquidam puramque relinquit.
Nam quod saepe homines morbos magis esse timendos
Infamemque ferunt vitam quam Tartara leti
Et se scire animae naturam sanguinis esse,
46 Aut etiam venti, si fert ita forte voluntas,
44 Nec prorsum quicquam nostrae rationis egere,
45 Hinc licet advertas animum magis omnia laudis
47 Iactari causa quam quod res ipsa probetur.
Extorres idem patria longeque fugati
Conspectu ex hominum, foedati crimine turpi,
Omnibus aerumnis adfecti denique vivunt,

Как разбегаются страхи души, расступаются стены
Мира,— и вижу я ход вещей в бесконечном пространстве.
Видно державу богов и спокойную всю их обитель,
Где не бушуют ни ветры, ни дождь, низвергаясь из тучи,
Не проливается, где и мороз пеленой белоснежной,
Падая, их не гнетет, а эфир безоблачный вечно
Их покрывает и весь улыбается в свете разлитом.
Всё им природа дает в изобильи, ничто не смущает
Вечного мира богов и ничто никогда не тревожит.
Наоборот: никаких Ахеронта владений не видно,
И не мешает земля созерцанью всего остального,
Что̀ под ногами у нас совершается в безднах пространства.
Всё это некий восторг поселяет в меня и священный
Ужас, когда сознаю, что силой твоею открылась
Вся природа везде и доступною сделалась мысли.
После того, как тебе объяснил я и сущность и свойства
Мира начал основных, и как, различаясь по виду,
Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них созидаются всякие вещи,
Я полагаю, теперь своевременно будет природу
Духа, а также души осветить мне стихами своими
И, ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь Ахеронта,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою кромешною всё омрачает и смертною мглою
И не дает наслаждаться нам радостью светлой и чистой.
Ибо хотя говорят, что болезни и жизни бесчестье
Быть нам страшнее должны, чем Тартар — смерти обитель,
Что природа души состоит, как известно, из крови
Или из ветра еще,— коли будет угодно так думать,—
И что потребности нет ни малейшей в учении нашем,
Всё это люди, заметь, говорят из тщеславия больше,
Чем потому, что для них непреложно такое сужденье.
Эти же люди, себя запятнав преступлением гнусным,
Изгнаны будучи вон из отчизны и общества близких,
Всякие беды терпя, тем не менее жить продолжают;

Et quocumque tamen miseri venere parentant
Et nigras mactant pecudes et manibu' divis
Inferias mittunt multoque in rebus acerbis
Acrius advertunt animos ad religionem.
Quo magis in dubiis hominem spectare periclis
Convenit adversisque in rebus noscere qui sit;
Nam verae voces tum demum pectore ab imo
Eliciuntur et eripitur persona, manet res.
Denique avarities et honorum caeca cupido,
Quae miseros homines cogunt transcendere finis
Iuris et interdum socios scelerum atque ministros
Noctes atque dies niti praestante labore
Ad summas emergere opes, haec vulnera vitae
Non minimam partem mortis formidine aluntur.
Turpis enim ferme contemptus et acris egestas
Semota ab dulci vita stabilique videtur
Et quasi iam leti portas cunctarier ante;
Vnde homines dum se falso terrore coacti
Effugisse volunt longe longeque remosse,
Sanguine civili rem conflant divitiasque
Conduplicant avidi, caedem caede accumulantes,
Crudeles gaudent in tristi funere fratris
Et consanguineum mensas odere timentque.
Consimili ratione ab eodem saepe timore
Macerat invidia: ante oculos illum esse potentem,
Illum aspectari, claro qui incedit honore,
Ipsi se in tenebris volvi caenoque queruntur.
Intereunt partim statuarum et nominis ergo.
Et saepe usque adeo, mortis formidine, vitae
Percipit humanos odium lucisque videndae,
Vt sibi consciscant maerenti pectore letum,
Obliti fontem curarum hunc esse timorem:
Hunc vexare pudorem, hunc vincula amicitiai
Rumpere et in summa pietatem evertere suadet.
Nam iam saepe homines patriam carosque parentis

Всюду, куда ни придут, они тризну творят по умершим,
Жалкие! черных овец закалают и Манам подземным
Жертвы приносят, творя возлиянья, и в скорби жестокой
Строже гораздо блюдут религии чин и уставы.
Вот почему наблюдать всегда надлежит человека
В бедах и грозной нужде и тогда убедиться, каков он.
Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает невольно
Истинный голос, личина срывается, суть остается.
Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролет заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти.
Ибо постыдный позор и жестокая бедность обычно
Несовместимы для нас с приятною тихою жизнью
И представляются нам как будто преддверием смерти.
Люди, стремясь убежать от этого дальше и дальше,
Всё это прочь отстранить, объятые ложным испугом,
Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
С радостью лютой идут за телом умершего брата
И пировать у родных ненавидят они и страшатся.
Точно таким же путем от этого страха нередко
Гложет их зависть, что тот могуществен, этот во блеске
Шествует славы своей, привлекая всеобщие взоры,
Им же приходится жить, валяясь в грязи и во мраке.
Люди иные порой ради имени гибнут и статуй,
Часто же их до того доводит боязнь перед смертью,
Что, отвращеньем полны и к жизни и к свету дневному,
От безысходной тоски они сами себя убивают,
Вовсе забыв, что тоска их питается этим же страхом.
Он прогоняет и стыд, он и узы теснейшие дружбы
Врозь расторгает, и он извращает вконец благочестье.
Ведь и отчизну свою и родителей милых нередко

Prodiderunt, vitare Acherusia templa petentes.
Nam veluti pueri trepidant atque omnia caecis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum, nilo quae sunt metuenda magis quam
Quae pueri in tenebris pavitant finguntque futura.
Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
Non radii solis neque lucida tela diei
Discutiant, sed naturae species ratioque.
    Primum animum dico, mentem quam saepe vocamus,
In quo consilium vitae regimenque locatum est,
Esse hominis partem nilo minus ac manus et pes
Atque oculi partes animantis totius exstant.
Quamvis multa quidem sapientum turba putarunt
Sensum animi certa non esse in parte locatum,
Verum habitum quendam vitalem corporis esse,
Harmoniam Grai quam dicunt, quod faciat nos
Vivere cum sensu, nulla cum in parte siet mens;
Vt bona saepe valetudo cum dicitur esse
Corporis, et non est tamen haec pars ulla valentis,
Sic animi sensum non certa parte reponunt;
Magno opere in quo mi diversi errare videntur.
Saepe itaque, in promptu corpus quod cernitur, aegret,
Cum tamen ex alia laetamur parte latenti;
Et retro fit uti contra sit saepe vicissim,
Cum miser ex animo laetatur corpore toto;
Non alio pacto quam si, pes cum dolet aegri,
In nullo caput interea sit forte dolore.
Praeterea molli cum somno dedita membra
Effusumque iacet sine sensu corpus onustum,
Est aliud tamen in nobis quod tempore in illo
Multimodis agitatur et omnis accipit in se
Laetitiae motus et curas cordis inanis.
Nunc animam quoque ut in membris cognoscere possis
Esse neque harmonia corpus sentire solere,
Principio fit uti detracto corpore multo

Люди, стремясь избежать Ахеронта пучин, предавали.
Ибо, как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы, среди белого дня, опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

Я утверждаю, что дух, — мы его и умом называем, —
Где пребывают у нас и сознанье живое и разум,
Есть лишь отдельная часть человека, как руки и ноги
Или глаза составляют живого создания части.
Хоть и считает толпа мудрецов совершенно напрасно,
Что ощущающий дух не особую часть занимает,
Но представляет собой состояние тела живое,
То, что греки зовут „гармонией“, что, не имея
Места отдельного, нам дает ощущение жизни:
Как говорится порой о здоровьи телесном, однако
Не занимает оно у здорового части отдельной, —
Так ощущающий дух помещают не в части особой,
В чем совершенно они заблуждаются, я полагаю.
В части наружной больным наше тело бывает нередко,
В части же скрытой его мы здоровы и бодры при этом.
Так же, с другой стороны, и обратно нередко бывает.
Именно: болен наш дух, а все тело здорово и бодро.
Так же, как если нога, предположим, страдает больная,
А голова, между тем, никакого страданья не терпит.
Кроме того, когда сладкому сну предаются все члены,
И, распростершись, лежит отягченное тело без чувства,
Всё же имеется в нас и другое, что в это же время
Всячески бьется и всё восприемлет притом: и движенья
Радости все, и пустые, ничтожные сердца заботы.
То, что душа, как и дух, во членах находится наших,
И не гармония в нас возбуждает телесные чувства,
Явствует, прежде всего, из того, что коль даже и много

Saepe tamen nobis in membris vita moretur;
Atque eadem rursum, cum corpora pauca caloris
Diffugere forasque per os est editus aer,
Deserit extemplo venas atque ossa relinquit;
Noscere ut hinc possis non aequas omnia partis
Corpora habere neque ex aequo fulcire salutem,
Sed magis haec, venti quae sunt calidique vaporis
Semina, curare in membris ut vita moretur.
Est igitur calor ac ventus vitalis in ipso
Corpore qui nobis moribundos deserit artus.
Quapropter quoniam est animi natura reperta
Atque animae quasi pars hominis, redde harmoniai
Nomen, ad organicos alto delatum Heliconi;
Sive aliunde ipsi porro traxere et in illam
Transtulerunt, proprio quae tum res nomine egebat.
Quidquid id est, habeant: tu cetera percipe dicta.
    Nunc animum atque animam dico coniuncta teneri
Inter se atque unam naturam conficere ex se,
Sed caput esse quasi et dominari in corpore toto
Consilium quod nos animum mentemque vocamus.
Idque situm media regione in pectoris haeret.
Hic exsultat enim pavor ac metus, haec loca circum
Laetitiae mulcent; hic ergo mens animusquest.
Cetera pars animae per totum dissita corpus
Paret et ad numen mentis momenque movetur.
Idque sibi solum per se sapit, id sibi gaudet,
Cum neque res animam neque corpus commovet una.
Et quasi, cum caput aut oculus temptante dolore
Laeditur in nobis, non omni concruciamur
Corpore, sic animus nonnumquam laeditur ipse
Laetitiaque viget, cum cetera pars animai
Per membra atque artus nulla novitate cietur.
Verum ubi vementi magis est commota metu mens,
Consentire animam totam per membra videmus
Sudoresque ita palloremque exsistere toto

Отнято тела у нас, всё же жизнь остается во членах.
Но и обратно: когда ускользает лишь самая малость
Тел теплоты и чрез рот улетучится воздух наружу,
Сразу уходит вся жизнь, покидая и жилы и кости.
Можешь отсюда понять, что далёко не все выполняют
Ту же работу тела и жизнь обеспечить способны,
Но, главным образом, те, что собой семена представляют
Ветра и жара, блюдут, чтобы жизнь оставалась во членах.
Значит, и жизненный жар, и ветер присутствуют в самом
Теле у нас, уходя из него с наступлением смерти.
И потому, так как ясно теперь, что духа природа,
Как и природа души, есть некая часть человека,
Слово „гармония" ты отвергни: оно к музыкантам
Иль с Геликона пришло, или сами они раздобыли
Где-то его, чтоб означить предмет, не имевший названья.
Так иль иначе — оставь его им и дальнейшее слушай.
  Я утверждаю, что дух и душа состоят меж собою
В тесной связи и собой образуют единую сущность,
Но составляет главу и над целым господствует телом
Разум, который у нас зовется умом или духом.
Он в середине груди расположен и там пребывает.
Мечутся здесь и боязнь и ужас, и сладко трепещут
Радости. Вот почему ума здесь обитель и духа.
Часть остальная души, что рассеяна всюду по телу,
Движется волей ума и его мановенью подвластна.
Сам по себе он один разумеет и самодовлеет,
Даже когда ни души ни тела ничто не волнует.
И, наподобье того как у нас при болезни страдает
Иль голова или глаз, но при этом не всем своим телом
Мучимся мы, так и дух, случается, страждет нередко
Сам иль ликует порой, когда по суставам и членам
Часть остальная души ничем не тревожится новым.
Если же дух потрясен сильнейшей тревогой, мы видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует в теле:
Пот выступает на нем, бледнеет вся кожа, немеет

Corpore et infringi linguam vocemque aboriri,
Caligare oculos, sonere auris, succidere artus,
Denique concidere ex animi terrore videmus
Saepe homines; facile ut quivis hinc noscere possit
Esse animam cum animo coniunctam, quae cum animi vi
Percussast, exim corpus propellit et icit.
Haec eadem ratio naturam animi atque animai
Corpoream docet esse; ubi enim propellere membra,
Corripere ex somno corpus mutareque vultum
Atque hominem totum regere ac versare videtur,
Quorum nil fieri sine tactu posse videmus,
Nec tactum porro sine corpore, nonne fatendumst
Corporea natura animum constare animamque?
Praeterea pariter fungi cum corpore et una
Consentire animum nobis in corpore cernis.
Si minus offendit vitam vis horrida teli
Ossibus ac nervis disclusis intus adacta,
At tamen insequitur languor terraeque petitus
Suavis, et in terra mentis qui gignitur aestus,
Interdumque quasi exsurgendi incerta voluntas.
Ergo corpoream naturam animi esse necessest,
Corporeis quoniam telis ictuque laborat.
Is tibi nunc animus quali sit corpore et unde
Constiterit pergam rationem reddere dictis.
Principio esse aio persubtilem atque minutis
Perquam corporibus factum constare. Id ita esse
Hinc licet advertas animum ut pernoscere possis.
Nil adeo fieri celeri ratione videtur,
Quam sibi mens fieri proponit et incohat ipsa.
Ocius ergo animus quam res se perciet ulla,
Ante oculos quorum in promptu natura videtur.
Et quod mobile tanto operest, constare rotundis
Perquam seminibus debet perquamque minutis,
Momine uti parvo possint impulsa moveri.
Namque movetur aqua et tantillo momine flutat

Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились колени, и видно
Часто нам, как человек от ужаса падает наземь.
Всякий отсюда легко убедится, что связаны тесно
Дух и душа, и как только она поражается силой
Духа, сейчас же сама толкает и бьет она тело.

Эти же доводы нам говорят, что телесна природа
Духа с душой, раз она и членами движет, и тело
Будит внезапно от сна, и меняет лица выраженье,
И человеком она целиком руководит и правит.
Этого можно достичь не иначе, как осязаньем,
А осязания нет без тела. Не ясно ль отсюда
Нам, что и дух и душа обладают телесной природой?
Также ты видишь и то, что дух одинаково с телом
Чувствует в теле у нас, и все действия их обоюдны.
Пусть хоть не насмерть сразит нас копье, с ужасающей силой
Жилы и кости пронзив и внутрь глубоко проникнув,
Всё же мы замертво тут опускаемся наземь в томленьи
Сладком, но вдруг на земле возбуждается ум, и порою
На ноги смутное в нас возникает желанье подняться.
Значит, нам должно признать, что духа природа телесна,
Раз от оружья она и ударов телесных страдает.

Дальше теперь, какова в этом духе телесная сущность
И состоит из чего, я тебе объясню по порядку.
Прежде всего, укажу, что дух из тончайших, мельчайших
Тел основных состоит. В этом можешь легко убедиться,
Если к тому, что скажу я в дальнейшем, внимателен будешь.
Нет ничего, что могло б, очевидно, свершаться быстрее,
Чем это делает ум, что свершает намеренья тотчас.
Так что гораздо скорей может двигаться дух, чем любые
Вещи, что видимы нам и доступны для нашего взора.
Но, для того чтобы быть настолько подвижным, он должен
Весь состоять из семян совершенно округлых и мелких,
Чтобы и легкий толчок приводил их сейчас же в движенье.
Движется так и вода и течет от толчков незаметных,

Quippe volubilibus parvisque creata figuris.
At contra mellis constantior est natura
Et pigri latices magis et cunctantior actus;
Haeret enim inter se magis omnis materiai
Copia, nimirum quia non tam levibus exstat
Corporibus neque tam subtilibus atque rotundis.
Namque papaveris aura potest suspensa levisque
Cogere ut ab summo tibi diffluat altus acervus,
At contra lapidum collectum spicarumque
Noenu potest. Igitur parvissima corpora proquam
Et levissima sunt, ita mobilitate fruuntur;
At contra quaecumque magis cum pondere magno
Asperaque inveniuntur, eo stabilita magis sunt.
Nunc igitur quoniam est animi natura reperta
Mobilis egregie, perquam constare necessest
Corporibus parvis et levibus atque rotundis.
Quae tibi cognita res in multis, o bone, rebus
Vtilis invenietur et opportuna cluebit.
Haec quoque res etiam naturam dedicat eius,
Quam tenui constet textura quamque loco se
Contineat parvo, si possit conglomerari,
Quod simul atque hominem leti secura quies est
Indepta atque animi natura animaeque recessit,
Nil ibi libatum de toto corpore cernas
Ad speciem, nil ad pondus: mors omnia praestat
Vitalem praeter sensum calidumque vaporem.
Ergo animam totam perparvis esse necessest
Seminibus, nexam per venas viscera nervos;
Quatenus, omnis ubi e toto iam corpore cessit,
Extima membrorum circumcaesura tamen se
Incolumem praestat nec defit ponderis hilum.
Quod genus est Bacchi cum flos evanuit aut cum
Spiritus unguenti suavis diffugit in auras
Aut aliquo cum iam sucus de corpore cessit;
Nil oculis tamen esse minor res ipsa videtur

Ибо она состоит из катких и малых частичек.
Меда же, наоборот, несравненно устойчивей влага,
Каплет ленивее он и гораздо медлительней льется,
Ибо материи вся совокупность гораздо плотнее
Сцеплена в нем, состоя, несомненно, из менее гладких
Тел основных и совсем не из столь же округлых и тонких.
Так вот и маковых зерен высокую кучу рассеять
До основанья легко и ничтожному веянью ветра,
Но никогда ни камней ни колосьев, наваленных грудой,
Не разнесет он. Итак, чем тела будут меньше и глаже,
Тем и подвижность у них непременно окажется большей.
Те же, напротив, тела, что увесистей будут, а также
Шероховатей, всегда обнаружат и бóльшую стойкость.
Так как теперь установлено мной, что духа природа
Крайне подвижна, то он состоит, несомненно, из самых
Маленьких тел, что должны быть также и гладки и круглы.
Сведенья эти, мой друг, будь уверен, во всех отношеньях
Будут полезны тебе и во многом тебе пригодятся.
Вот что еще тебе даст представленье о сущности этой,
Тонкости ткани ее и ничтожности места, в котором
Вся бы вместилась она, если только могла бы сжиматься:
Только лишь смерти покой безмятежный постиг человека,
Только лишь дух и душа, покидая его, удалятся,
Убыли ты никакой не заметишь во всем его теле,—
Видом и весом оно неизменно: всё смерть сохраняет,
Кроме лишь жизненных чувств у него и горячего жара.
Значит, душа сплетена в своем целом составе из очень
Мелких семян, находясь в сухожилиях, жилах и мясе.
Ибо когда она вся уже вышла из целого тела,
То очертанья его остаются, однако, снаружи
Те же, и в весе оно не теряет при этом нисколько.
Так, коль букет пропадет у Вакховой влаги, иль если
Вдруг улетучится весь аромат благовонного масла,
Или же как-нибудь вкус из чего-либо весь удалится,
Нам не заметить на-глаз уменьшения этих предметов,

Propterea neque detractum de pondere quicquam,
Nimirum quia multa minutaque semina sucos
Efficiunt et odorem in toto corpore rerum.
Quare etiam atque etiam mentis naturam animaeque
Scire licet perquam pauxillis esse creatam
Seminibus, quoniam fugiens nil ponderis aufert.

Nec tamen haec simplex nobis natura putanda est.
Tenvis enim quaedam moribundos deserit aura
Mixta vapore, vapor porro trahit aera secum.
Nec calor est quisquam, cui non sit mixtus et aer;
Rara quod eius enim constat natura, necessest
Aeris inter eum primordia multa moveri.
Iam triplex animi est igitur natura reperta;
Nec tamen haec sat sunt ad sensum cuncta creandum,
Nil horum quoniam recipit mens posse creare
Sensiferos motus, nedum quae mente volutat.
Quarta quoque his igitur quaedam natura necessest
Attribuatur; east omnino nominis expers;
Quam neque mobilius quicquam neque tenvius exstat,
Nec magis e parvis et levibus est elementis;
Sensiferos motus quae didit prima per artus.
Prima cietur enim, parvis perfecta figuris;
Inde calor motus et venti caeca potestas
Accipit, inde aer; inde omnia mobilitantur,
Concutitur sanguis, tum viscera persentiscunt
Omnia, postremis datur ossibus atque medullis
Sive voluptas est sive est contrarius ardor.
Nec temere huc dolor usque potest penetrare neque acre
Permanare malum, quin omnia perturbentur
Vsque adeo ut vitae desit locus atque animai
Diffugiant partes per caulas corporis omnis.
Sed plerumque fit in summo quasi corpore finis
Motibus: hanc ob rem vitam retinere valemus.

Nunc ea quo pacto inter sese mixta quibusque
Compta modis vigeant rationem reddere aventem

Да и по весу они остаются нимало не меньше.
Странного нет ничего, ибо множество семечек мелких
В целом составе вещей образуют и запах и вкус их.
Так что опять повторю, что и дух и душа по природе
Из исключительно мелких семян состоят несомненно,
Ибо они, уходя, ничего не уносят из веса.

Но вместе с тем невозможно считать, что проста их природа:
Тонкое некое вон дуновенье при смерти исходит
С жаром в смешеньи, а жар за собой увлекает и воздух;
И никакого тепла без примеси воздуха нету,
Ибо, раз сущность тепла отличается редкостью, много
Воздуха первоначал в среде ее двигаться должно.
Значит, нашли мы уже, что тройственна духа природа.
Но для создания чувств всего этого все-таки мало,
Ибо нельзя допустить, что из этого могут возникнуть
Чувства движения в нас, а тем более — мысль пробудиться.
Вследствие этого нам четвертую некую сущность
Надо прибавить еще. Никакого ей нету названья,
Тоньше ее ничего и подвижнее нету в природе,
И элементов ни в чем нет более мелких и гладких;
Первая в членах она возбуждает движения чувства,
Ибо, из мелких фигур состоя, она движется первой;
Следом за нею тепло и ветра незримая сила
Движутся, воздух затем, а затем уж и всё остальное:
Бьется и кровь, и внутри повсюду по мясу проходит
Чувство, пока, наконец, и до мозга костей не достигнет, —
Будь удовольствие то иль противное жгучее чувство.
Но ни страданью нельзя проникнуть, ни боли вонзиться
Так глубоко без того, чтобы всё не пришло в беспорядок
Так, что и жизни самой не останется места, и части
Врозь разбегутся души, проходя через скважины тела.
Впрочем, обычно предел у поверхности тела поставлен
Этим движеньям, и жизнь удержать мы поэтому можем.

Дальше, стремленью тебе объяснить, каким образом вместе
Смешаны между собой эти силы и действуют стройно,

Abstrahit invitum patrii sermonis egestas;
Sed tamen, ut potero summatim attingere, tangam.
Inter enim cursant primordia principiorum
Motibus inter se, nil ut secernier unum
Possit nec spatio fieri divisa potestas,
Sed quasi multae vis unius corporis exstant.
Quod genus in quovis animantum viscere vulgo
Est odor et quidam color et sapor, et tamen ex his
Omnibus est unum perfectum corporis augmen.
Sic calor atque aer et venti caeca potestas
Mixta creant unam naturam et mobilis illa
Vis, initum motus ab se quae dividit ollis,
Sensifer unde oritur primum per viscera motus.
Nam penitus prorsum latet haec natura subestque
Nec magis hac infra quicquam est in corpore nostro
Atque anima est animae proporro totius ipsa.
Quod genus in nostris membris et corpore toto
Mixta latens animi vis est animaeque potestas,
Corporibus quia de parvis paucisque creatast.
Sic tibi nominis haec expers vis facta minutis
Corporibus latet atque animae quasi totius ipsa
Proporrost anima et dominatur corpore toto.
Consimili ratione necessest ventus et aer
Et calor inter se vigeant commixta per artus
Atque aliis aliud subsit magis emineatque
Vt quiddam fieri videatur ab omnibus unum,
Ni calor ac ventus sorsum sorsumque potestas
Aeris interimant sensum diductaque solvant.
Est etenim calor ille animo, quem sumit, in ira
Cum fervescit et ex oculis micat acrius ardor.
Est et frigida multa, comes formidinis, aura,
Quae ciet horrorem membris et concitat artus;
Est etiam quoque pacati status aeris ille,
Pectore tranquillo qui fit vultuque sereno.
Sed calidi plus est illis quibus acria corda

Служит препятствием мне наречия нашего скудость;
Но, хоть и в общих чертах, набросать попытаюсь я это.
Первоначала вещей, при движеньи взаимном, друг другу
Перебивают пути таким образом, что невозможно
Их обособить и действие их разграничить пространством,
Но как бы множество сил они в теле одном составляют,
Вроде того, как и в мясе любом у животных найдется
Запах особый и цвет, да и вкус, и, однако, все это
При сочетаньи дает единое целое тело.
Так же и воздух, тепло и ветра незримая мощность,
Вместе смешавшись, одно существо порождают, и с ними
Сила подвижная та, что дает им начало движенья,
Коим рождаются в нас впервые движения чувства.
Сила ведь эта, таясь, заключается в самых далеких
Недрах, и в теле у нас ничего не находится глубже,
Так что душою души она, в свою очередь, служит.
В этом же роде и в членах у нас и во всем нашем теле
Силы таятся души и способности духа в смешеньи,
Так как тела, из каких они созданы, малы и редки.
Так же и та у тебя безыменная сила из мелких
Тел состоит и, сокрыто таясь, представляет собою
Душу для целой души и над целым господствует телом.
Точно таким же путем непременно и ветер и воздух
Должны в смешеньи с теплом проявлять свои действия в теле
Друг перед другом назад отходя иль вперед выступая
Так, чтоб, однако, из них составлялось единое нечто;
Иначе ветер, тепло или воздуха сила расторгнут
Чувства и, действуя врозь, разделением их уничтожат.
Дух развивает тепло, когда, распалившися гневом,
Вдруг закипит, и глаза засверкают неистовой страстью.
Много и веянья в нем холодного, спутника страха,
Что заставляет дрожать сочлененья и корчиться тело;
Но и спокойное есть состояние воздуха также,
Что умиренной груди и ясному взгляду присуще.
Больше горячности в тех, у кого необуздано сердце

Iracundaque mens facile effervescit in ira.
Quo genere in primis vis est violenta leonum,
Pectora qui fremitu rumpunt plerumque gementes
Nec capere irarum fluctus in pectore possunt.
At ventosa magis cervorum frigida mens est
Et gelidas citius per viscera concitat auras,
Quae tremulum faciunt membris exsistere motum.
At natura boum placido magis aere vivit,
Nec nimis irai fax umquam subdita percit
Fumida, suffundens caecae caliginis umbram,
Nec gelidis torpet telis perfixa pavoris:
Interutrasque sitast, cervos saevosque leones.
Sic hominum genus est. Quamvis doctrina politos
Constituat pariter quosdam, tamen illa relinquit
Naturae cuiusque animi vestigia prima.
Nec radicitus evelli mala posse putandumst,
Quin proclivius hic iras decurrat ad acris,
Ille metu citius paulo temptetur, at ille
Tertius accipiat quaedam clementius aequo.
Inque aliis rebus multis differre necessest
Naturas hominum varias moresque sequaces;
Quorum ego nunc nequeo caecas exponere causas
Nec reperire figurarum tot nomina quot sunt
Principiis, unde haec oritur variantia rerum.
Illud in his rebus video firmare potesse,
Vsque adeo naturarum vestigia linqui
Parvula quae nequeat ratio depellere nobis,
Vt nil impediat dignam dis degere vitam.
    Haec igitur natura tenetur corpore ob omni
Ipsaque corporis est custos et causa salutis;
Nam communibus inter se radicibus haerent
Nec sine pernicie divelli posse videntur.
Quod genus e thuris glebis evellere odorem
Haud facile est, quin intereat natura quoque eius.
Sic animi atque animae naturam corpore toto

И раздражается ум, легко закипая во гневе.
Прежде всего, это свойственно львам, на насилие падким:
Грудь разрывается их от рыканья и дикого воя,
И не способны они в ней гнева удерживать волны.
Ум же оленей скорей обладает холодностью ветра
И возбуждает быстрей студеное веянье в теле,
Из-за чего пробегать начинает по членам их трепет.
Ну, а порода быков оживляется воздухом тихим;
Гневного факела дым, застилающий очи туманом,
Не ослепляет ее, чрезмерным огнем разгораясь,
Не цепенеет она и от стрел леденящего страха,
Посередине стоя между бешеных львов и оленей
То же и в роде людском: сколь иным ни давала б наука
Равного лоска, она тем не менее в каждом изгладить
Первоначальных следов дарований природных не может.
Да и не должно считать, что порок можно с корнем исторгнуть,
Чтоб не склонялись одни слишком сильно к жестокому гневу,
Чтобы другие не так волновалися страхом, а третьи
Не принимали всего с равнодушием бо̀льшим, чем надо.
Да и во многом другом непременно есть разница в людях
И по природе и всем из нее вытекающим нравам.
Но не могу я теперь изложить оснований сокрытых
Этих различий и дать названия стольким фигурам
Первоначал, из каких зарождается разница эта.
Вот что, однакоже, здесь утверждать, полагаю, возможно:
Так незначительны те следы изначальной природы,
Коих не в силах у нас уничтожить рассудок, что можем
Мы беспрепятственно жить богам подобающей жизнью.
Это души естество, таким образом, держится телом,
Но и для тела оно и страж и причина здоровья,
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
И без погибели их обоюдной нельзя их расторгнуть.
Вроде того как нельзя из комочков смолы благовонной
Было бы запах извлечь без того, чтоб она не пропала,
Так же и душу и дух невозможно из целого тела

Extrahere haud facile est, quin omnia dissoluantur.
Implexis ita principiis ab origine prima
Inter se fiunt consorti praedita vita;
Nec sibi quaeque sine alterius vi posse videtur
Corporis atque animi sorsum sentire potestas,
Sed communibus inter eas conflatur utrimque
Motibus accensus nobis per viscera sensus.
Praeterea corpus per se nec gignitur umquam
Nec crescit neque post mortem durare videtur.
Non enim, ut umor aquae dimittit saepe vaporem
Qui datus est, neque ea causa convellitur ipse,
Sed manet incolumis, non, inquam, sic animai
Discidium possunt artus perferre relicti,
Sed penitus pereunt convulsi conque putrescunt.
Ex ineunte aevo sic corporis atque animai
Mutua vitalis discunt contagia motus
Maternis etiam membris alvoque reposta,
Discidium ut nequeat fieri sine peste maloque;
Vt videas, quoniam coniunctast causa salutis,
Coniunctam quoque naturam consistere eorum.
    Quod superest, siquis corpus sentire refutat
Atque animam credit permixtam corpore toto
Suscipere hunc motum quem sensum nominitamus,
Vel manifestas res contra verasque repugnat.
Quid sit enim corpus sentire quis adferet umquam,
Si non ipsa palam quod res dedit ac docuit nos?
„At dimissa anima corpus caret undique sensu“.
Perdit enim quod non proprium fuit eius in aevo,
Multaque praeterea perdit cum expellitur aevo.
    Dicere porro oculos nullam rem cernere posse,
Sed per eos animum ut foribus spectare reclusis,
Difficilest, contra cum sensus ducat eorum;
Sensus enim trahit atque acies detrudit ad ipsas.
Fulgida praesertim cum cernere saepe nequimus,
Lumina luminibus quia nobis praepediuntur.

Было б исторгнуть, чтоб всё разложенью тогда не подверглось:
Переплетаются так их начала со дня зарожденья,
Что существуют они, наделенные общею жизнью.
И, очевидно, никак ни тело, ни дух не способны
Чувствовать сами собой, без взаимного действия, порознь,
Но раздувается в нас и внутри разгорается чувство
Из согласованных их и совместных друг с другом движений.
Дальше, само по себе никогда не рождается тело
И не растет, и продлить бытия не способно по смерти,
Ибо не так, как вода сообщенный ей жар испускает
Часто и всё ж оттого никакого не терпит ущерба,
Но остается вполне невредимой, не так, повторяю,
Могут разлуку с душой выносить отделенные члены,
Но погибают они окончательно, все загнивая.
И от рожденья всегда, таким образом, тело с душою
В тесной взаимной связи приучаются к жизни движеньям,
Даже еще находясь в материнской утробе и членах,
Так, что разлука для них невозможна без гибели тяжкой.
Видишь из этого ты, что, поскольку причина здоровья
Их обоюдна, должна обоюдною быть и природа.

Кроме того, если кто отрицает чувствительность тела
И говорит, что душа в смешеньи с телесным составом
Это движенье дает, что у нас называется чувством,
Тем отвергает он то, что для всех несомненно и явно.
Чем же еще доказать в самом деле чувствительность тела,
Если не тем, что гласит и внушает сама очевидность?
„Но ведь с утратой души пропадает и чувство у тела“.
Да, но теряет оно не свое исключительно свойство, —
Много и кроме того оно, жизни лишаясь, теряет.

А утверждать, что глаза ничего не способны увидеть,
Но что глядит через них наш дух, как в открытые двери,
Трудно: ведь зренье само восстает против этого мненья
И заставляет считать, что зрачками мы видим предметы.
Часто к тому же еще мы не видим блестящих предметов,
Так как препятствует свет светильникам нашего тела.

Quod foribus non fit; neque enim, qua cernimus ipsi,
Ostia suscipiunt ullum reclusa laborem.
Praeterea si pro foribus sunt lumina nostra,
Iam magis exemptis oculis debere videtur
Cernere res animus sublatis postibus ipsis.
Illud in his rebus nequaquam sumere possis,
Democriti quod sancta viri sententia ponit,
Corporis atque animi primordia singula privis
Apposita alternis variare, ac nectere membra.
Nam cum multo sunt animae elementa minora
Quam quibus e corpus nobis et viscera constant,
Tum numero quoque concedunt et rara per artus
Dissita sunt dumtaxat; ut hoc promittere possis,
Quantula prima queant nobis iniecta ciere
Corpora sensiferos motus in corpore, tanta
Intervalla tenere exordia prima animai.
Nam neque pulveris interdum sentimus adhaesum
Corpore nec membris incussam sidere cretam,
Nec nebulam noctu neque aranei tenvia fila
Obvia sentimus, quando obretimur euntes,
Nec supera caput eiusdem cecidisse vietam
Vestem nec plumas avium papposque volantis,
Qui nimia levitate cadunt plerumque gravatim,
Nec repentis itum cuiusviscumque animantis
Sentimus nec priva pedum vestigia quaeque,
Corpore quae in nostro culices et cetera ponunt.
Vsque adeo prius est in nobis multa ciendum,
Quam primordia sentiscant concussa animai
Semina corporibus nostris immixta per artus,
Et quam sis intervallis tuditantia possint
Concursare coire et dissultare vicissim.
Et magis est animus vitai claustra coercens
Et dominantior ad vitam quam vis animai.
Nam sine mente animoque nequit residere per artus
Temporis exiguam partem pars ulla animai,

Так не бывает с дверьми: ведь когда через них мы взираем,
Створы открытые их никаких затруднений не знают.
Кроме того, коль глаза только двери у нас заменяют,
То с устранением их, очевидно, гораздо бы лучше
Видеть способен был дух, коль самих косяков бы не стало.

В этих вопросах, смотри, не держись ты такого же взгляда,
Как полагает о том Демокрита священное мненье:
Будто одно за другим расположены первоначала
Тела и духа и так, чередуясь, связуют все члены.
Ведь элементы души, разумеется, мельче гораздо
Тех, из которых у нас составляются тело и мясо,
Да и число их не так велико, и рассеяны реже
В членах они; и тебе остается одно заключенье,
Именно: столь же малы расстояния между собою
Первоначал у души, сколь малы и тела, что впервые
Прикосновеньем у нас вызывают движения чувства.
Ибо не чувствуем мы иногда ни пылинок, прилипших
К телу, ни мела того, что порой осыпает нам члены;
Также, коль ночью туман или тонкая сеть паутины,
Встретившись, нас обовьют, то мы их на ходу не заметим;
Да и покров паука износившийся, сверху упавший
Прямо на голову нам, и пушинки, и семя летучек,
Вследствие легкости их летящие медленно книзу,
Не ощутимы для нас, как и ползанье всяческой твари,
И невозможно никак различить прикасание к телу
Каждой ноги комара и следов остальных насекомых.
Многое должно у нас, таким образом, тут возбудиться,
Прежде чем в теле души семена, что вмешаны в членах,
Первоначал потрясенье телесных почувствовать смогут
И, несмотря на свои расстоянья, взаимно столкнуться,
Вместе друг с другом сойдясь, и опять растолкнуться успеют.

Дух же при этом сильней бытия охраняет устои,
Нежели сила души, и над жизнью господствует больше.
Ибо совсем без ума и без духа не может остаться
Часть никакая души и мгновения времени в членах,

Sed comes insequitur facile et discedit in auras
Et gelidos artus in leti frigore linquit.
At manet in vita cui mens animusque remansit.
Quamvis est circum caesis lacer undique membris
Truncus, adempta anima circum membrisque remota
Vivit et aetherias vitalis suscipit auras.
Si non omnimodis, at magna parte animai
Privatus, tamen in vita cunctatur et haeret;
Vt, lacerato oculo circum si pupula mansit
Incolumis, stat cernendi vivata potestas,
Dummodo ne totum corrumpas luminis orbem
Et circum caedas aciem solamque relinquas;
Id quoque enim sine pernicie non fiet eorum.
At si tantula pars oculi media illa peresa est,
Occidit extemplo lumen tenebraeque sequuntur,
Incolumis quamvis alioqui splendidus orbis.
Hoc anima atque animus vincti sunt foedere semper.
Nunc age, nativos animantibus et mortalis
Esse animos animasque levis ut noscere possis,
Conquisita diu dulcique reperta labore
Digna tua pergam disponere carmina vita.
Tu fac utrumque uno sub iungas nomine eorum,
Atque animam verbi causa cum dicere pergam,
Mortalem esse docens, animum quoque dicere credas,
Quatenus est unum inter se coniunctaque res est.
Principio quoniam tenuem constare minutis
Corporibus docui multoque minoribus esse
Principiis factam quam liquidus umor aquai
Aut nebula aut fumus, nam longe mobilitate
Praestat et a tenui causa magis icta movetur,
Quippe ubi imaginibus fumi nebulaeque movetur.
Quod genus in somnis sopiti ubi cernimus alte
Exhalare vaporem altaria ferreque fumum;
Nam procul haec dubio nobis simulacra feruntur.
Nunc igitur quoniam quassatis undique vasis

Но, уходя ему вслед, разлетается в воздухе тотчас,
В холоде смерти лежать коченелое тело бросая.
Но остаются в живых, в ком ум их и дух удержался,
Даже когда у них все изувечены руки и ноги:
Словно колода они, без души, удаленной из членов,
Всё-таки живы еще и вдыхают живительный воздух.
Если души человек лишен не всецело, но большей
Части ее, то и тут за жизнь он цепляется крепко.
Так, если око кругом изранено, но невредимым
Будет зрачок, то живой не лишается зрение силы,
Если глазного совсем не испортишь ты яблока только
И не обрежешь его, одинокой оставив зеницу:
Этого сделать нельзя без погибели их обоюдной.
Если ж разрушишь ее, эту среднюю глаза частичку,
Сразу закатится свет и сейчас же наступят потемки,
Хоть бы во всем остальном и сияло яблоко целым.
Вот как и дух и душа договором связуются вечным.
Чтобы теперь ты постиг, что как дух, так и легкие души
Всяких созданий живых и рождаются и умирают,
Все изысканья свои — плоды моей сладкой работы —
Здесь пред тобою в стихах я, достойных тебя, излагаю.
Ты ж, под названьем одним понимая и то и другое,
Знай, что когда, например, говорю о душе я и смертность
Я доказую ее, то и дух вместе с ней разумею,
Ибо и дух и душа составляют единую сущность.
Прежде всего, состоит эта тонкая сущность из мелких
Тел, как сказал я уже, и начала ее несравненно
Меньше, чем те, из каких образуется жидкая влага,
Или туман, или дым, потому что она превосходит
Живостью их далеко, и малейший толчок ее движет,
Ибо и призрак тумана иль дыма ее уже движет.
Так в усыплении сна нам может представиться, будто
Жар высоко алтари выдыхают и дымом курятся;
Носятся призраки лишь без сомнения тут перед нами,
Так что, коль видишь теперь, что течет из разбитых сосудов

Diffluere umorem et laticem discedere cernis,
Et nebula ac fumus quoniam discedit in auras,
Crede animam quoque diffundi multoque perire
Ocius et citius dissolvi in corpora prima,
Cum semel ex hominis membris ablata recessit.
Quippe etenim corpus, quod vas quasi constitit eius,
Cum cohibere nequit conquassatum ex aliqua re
Ac rarefactum detracto sanguine venis,
Aere qui credas posse hanc cohiberier ullo,
Corpore qui nostro rarus magis incohibescit?
Praeterea gigni pariter cum corpore et una
Crescere sentimus pariterque senescere mentem.
Nam velut infirmo pueri teneroque vagantur
Corpore, sic animi sequitur sententia tenvis.
Inde ubi robustis adolevit viribus aetas,
Consilium quoque maius et auctior est animi vis.
Post ubi iam validis quassatum est viribus aevi
Corpus et obtusis ceciderunt viribus artus,
Claudicat ingenium, delirat lingua, labat mens,
Omnia deficiunt atque uno tempore desunt.
Ergo dissolui quoque convenit omnem animai
Naturam, ceu fumus, in altas aeris auras;
Quandoquidem gigni pariter pariterque videmus
Crescere et, ut docui, simul aevo fessa fatisci.
Huc accedit uti videamus, corpus ut ipsum
Suscipere immanis morbos durumque dolorem,
Sic animum curas acris luctumque metumque;
Quare participem leti quoque convenit esse.
Quin etiam morbis in corporis avius errat
Saepe animus; dementit enim deliraque fatur
Interdumque gravi lethargo fertur in altum
Aeternumque soporem oculis nutuque cadenti,
Vnde neque exaudit voces nec noscere vultus
Illorum potis est, ad vitam qui revocantes
Circumstant lacrimis rorantes ora genasque.

Влага и жидкой струей отовсюду из трещин выходит,
Если туман или дым точно так же уносятся в воздух,
Верь, что расходится так и душа и, быстрее гораздо
Вновь разлагаясь в тела изначальные, гибнет скорее,
Только лишь члены она человека, покинув, оставит.
Ибо, коль тело, что ей как будто бы служит сосудом,
Душу не может уже, потрясенное, сдерживать больше,
Ежели кровь из него утекла и оно разредилось,
Как допустить, что ее в состоянии сдерживать воздух?
Реже, чем тело, ведь он и не в силах удерживать душу!

Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом родится
И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе.
Ибо, подобно тому, как дети неровной и зыбкой
Ходят походкой, так дух с его мыслью у них еще слабы.
Позже, как, в возраст придя, возмужают они и окрепнут,
Больше рассудка у них, и растет их духовная сила.
После ж, когда уже всё расшаталось от старости тело
И одряхлели от лет всесильных разбитые члены,
Разум хромеет, язык заплетается, ум убывает;
Всё пропадает тогда и всё одновременно гибнет.
Следственно должно совсем и душе, наконец, разлагаться
И, распускаясь, как дым, уноситься в воздушные выси,
Так как, мы видим, она, одновременно, как указал я,
С телом рождаясь, растет и под бременем старости никнет.

Надо добавить еще, что, подобно тому, как и тело
Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою,
Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху,
А потому надлежит ему также причастным быть смерти.
Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто
Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли;
А иногда погружается он летаргией глубокой
В сон непробудный; тогда и глаза поникают, и шея;
Тут уж не слышит больной голосов, и не в силах он больше
Близких узнать, что его, окружая, стараются к жизни
Снова вернуть и лицо орошают и щеки слезами.

Quare animum quoque dissolui fateare necessest,
Quandoquidem penetrant in eum contagia morbi.
Nam dolor ac morbus leti fabricator uterquest,
Multorum exitio perdocti quod sumus ante.
Denique cur, hominem cum vini vis penetravit
Acris et in venas discessit diditus ardor,
Consequitur gravitas membrorum, praepediuntur
Crura vacillanti, tardescit lingua, madet mens,
Nant oculi, clamor, singultus, iurgia gliscunt,
Et iam cetera de genere hoc quaecumque sequuntur,
Cur ea sunt, nisi quod vemens violentia vini
Conturbare animam consuevit corpore in ipso?
At quaecumque queunt conturbari inque pediri,
Significant, paulo si durior insinuarit
Causa, fore ut pereant aevo privata futuro.
Quin etiam subito vi morbi saepe coactus
Ante oculos aliquis nostros, ut fulminis ictu,
Concidit et spumas agit, ingemit et tremit artus,
Desipit, extentat nervos, torquetur, anhelat
Inconstanter, et in iactando membra fatigat.
Nimirum quia vi morbi distracta per artus
Turbat agens anima spumas, ut in aequore salso
Ventorum validis fervescunt viribus undae.
Exprimitur porro gemitus, quia membra dolore
Adficiuntur et omnino quod semina vocis
Eiciuntur et ore foras glomerata feruntur
Qua quasi consuerunt et sunt munita viai.
Desipientia fit, quia vis animi atque animai
Conturbatur et, ut docui, divisa seorsum
Disiectatur eodem illo distracta veneno.
Inde ubi iam morbi reflexit causa reditque
In latebras acer corrupti corporis umor,
Tum quasi vaccillans primum consurgit et omnis
Paulatim redit in sensus animamque receptat.
Haec igitur tantis ubi morbis corpore in ipso

Стало быть, надо признать, что и дух разлагается также,
Если глубоко в него проникает зараза недуга.
Ибо и боль и недуг — одинаково зодчие смерти,
Как убедиться могли на погибели многих мы раньше.
И, наконец, почему, когда внутрь человека проникнет
Едкая крепость вина и огонь разольется по жилам,
Все тяжелеет у нас, заплетаются ноги, коснеет
Тело, шатаясь; язык цепенеет, и ум затуманен;
Мутны глаза, поднимаются крик, икота и ссоры.
Да и дальнейшее все, что при этом бывает обычно?
Не потому ль это так получается всё постоянно,
Что даже в теле душа возмущается крепостью винной?
То же, что может прийти в возмущенье и быть пораженным,
Явно, конечно, должно, при внедрении несколько большей
Силы, погибнуть вконец, продолжения жизни лишившись.
Мало того: человек, пораженный внезапным припадком,
Часто у нас на глазах, как от молньи удара, на землю
Падает с пеной у рта и, дрожа всеми членами, стонет;
Нет сознания в нем, сведены его мускулы корчей,
Дышит прерывисто он и разбитый лежит, обессилев.
Всё это нам говорит, что душа, расторгаясь в суставах
Силой болезни, кипит и пенится, как на соленом
Море бушуют валы под напором неистовым ветра.
Стон вырывается тут, потому что стесняются болью
Члены, и так как всегда семена извергаются крика,
Идя наружу, из уст, и, склубившись вместе, несутся
Торной дорогой, какой выходить постоянно привыкли.
А помраченье ума происходит, когда возмутятся
Дух и душа и, как я указал, разделяясь на части,
Врозь раздробятся они и расторгнутся этим же ядом.
После ж, как вспять повернет источник болезни, и в недра
Едкая влага назад, отравившая тело, вернется,
Как в опьяненьи, больной поднимается, мало-помалу
В чувство приходит опять, и душа его вновь оживает.
Если ж и душу и дух потрясают такие болезни

Iactentur miserisque modis distracta laborent,
Cur eadem credis sine corpore in aere aperto
Cum validis ventis aetatem degere posse?
Et quoniam mentem sanari, corpus ut aegrum,
Cernimus et flecti medicina posse videmus,
Id quoque praesagit mortalem vivere mentem.
Addere enim partis aut ordine traicere aequumst
Aut aliquid prorsum de summa detrahere hilum,
Commutare animum quicumque adoritur et infit
Aut aliam quavis naturam flectere quaerit.
At neque transferri sibi partis nec tribui vult
Immortale quod est quicquam neque defluere hilum.
Nam quodcumque suis mutatum finibus exit,
Continuo hoc mors est illius quod fuit ante.
Ergo animus sive aegrescit, mortalia signa
Mittit, uti docui, seu flectitur a medicina.
Vsque adeo falsae rationi vera videtur
Res occurrere et effugium praecludere eunti
Ancipitique refutatu convincere falsum.
Denique saepe hominem paulatim cernimus ire
Et membratim vitalem deperdere sensum;
In pedibus primum digitos livescere et unguis,
Inde pedes et crura mori, post inde per artus
Ire alios tractim gelidi vestigia leti.
Scinditur atque animae hic quoniam natura nec uno
Tempore sincera exsistit, mortalis habendast.
Quod si forte putas ipsam se posse per artus
Introrsum trahere et partis conducere in unum
Atque ideo cunctis sensum deducere membris,
At locus ille tamen, quo copia tanta animai
Cogitur, in sensu debet maiore videri;
Qui quoniam nusquamst, nimirum ut diximus ante,
Dilaniata foras dispergitur, interit ergo.
Quin etiam si iam libeat concedere falsum
Et dare posse animam glomerari in corpore eorum,

В теле самом и такой их ужасный недуг расторгает,
Как же ты можешь считать, что без тела, на воздухе вольном,
С буйными ветрами жизнь продолжать они были бы в силах?
Если ж мы видим, что ум точно так же, как тело больное,
Можно лечить и что он врачеванью вполне поддается,
Это нам тоже дает указанье, что жизнь его смертна.
Должен ведь что-то придать иль по-новому части расставить,
Или от целого взять хотя бы ничтожную долю
Всякий, кто вздумал бы дух изменять и к тому приступил бы,
Или еще что-нибудь переделывать стал бы стремиться.
Но не потерпит ничто, одаренное жизнью бессмертной,
Ни прибавленья частей, ни смещения их, ни утечки.
Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше.
Значит, болеет ли дух, поддается ль порой врачеванью, —
Признаки смертности он, как уж я указал, проявляет.
Так, очевидно, всегда восстает против ложных учений
Правда, и выхода им никуда не дает никакого,
С той и с другой стороны возражением ложь обличая.

И, наконец, человек на глазах у нас часто отходит
Мало-помалу и жизненных чувств он лишается вовсе;
Прежде всего, на ногах его пальцы и ногти синеют,
Там отмирают ступни и голени, следом за ними
Смерти холодной следы проникают и дальше в суставы.
Так как при этом душа распадается дальше, не сразу
Вся целиком исходя, то дòлжно считать ее смертной.
Если же думаешь ты, что сама она может в суставах
Сжаться внутри и свои все части сплотить воедино,
В теле все члены лишив таким образом всякого чувства,
Должно, однако, тогда то место, куда накопилось
Столько души, обладать и чувством значительно бòльшим.
Нет нигде таких мест, и душа, как уж мы говорили,
В клочья растерзана, вся разлетается, следственно — гибнет.
Мало того: если я уступлю даже ложному мненью
И допущу, что душа в состоянии в теле склубиться

Lumina qui linquunt moribundi particulatim,
Mortalem tamen esse animam fateare necesse,
Nec refert utrum pereat dispersa per auras
An contracta suis e partibus obbrutescat,
Quando hominem totum magis ac magis undique sensus
Deficit et vitae minus et minus undique restat.
Et quoniam mens est hominis pars una, loco quae
Fixa manet certo, velut aures atque oculi sunt
Atque alii sensus qui vitam cumque gubernant,
Et veluti manus atque oculus naresve seorsum
Secreta ab nobis nequeunt sentire neque esse,
Sed tamen in parvo liquuntur tempore tabe,
Sic animus per se non quit sine corpore et ipso
Esse homine, illius quasi quod vas esse videtur,
Sive aliud quid vis potius coniunctius ei
Fingere, quandoquidem conexu corpus adhaeret.
Denique corporis atque animi vivata potestas
Inter se coniuncta valent vitaque fruuntur;
Nec sine corpore enim vitalis edere motus
Sola potest animi per se natura nec autem
Cassum anima corpus durare et sensibus uti.
Scilicet avulsus radicibus ut nequit ullam
Dispicere ipse oculus rem sorsum corpore toto,
Sic anima atque animus per se nil posse videtur.
Nimirum quia per venas et viscera mixtim,
Per nervos atque ossa, tenentur corpore ab omni
Nec magnis intervallis primordia possunt
Libera dissultare, ideo conclusa moventur
Sensiferos motus, quos extra corpus in auras
Aeris haud possunt post mortem eiecta moveri,
Propterea quia non simili ratione tenentur.
Corpus enim atque animans erit aer, si cohibere
Sese anima atque in eo poterit concludere motus,
Quos ante in nervis et in ipso corpore agebat.
Quare etiam atque etiam resoluto corporis omni

У покидающих свет, умирающих мало-помалу,
Всё-таки смертность души признать непременно придется,
И безразлично для нас: погибает душа, разлетаясь
В воздухе, или, стянув свои части, она цепенеет,
Ежели весь человек всё больше и больше теряет
Чувства, и жизни ему остается всё меньше и меньше.

Кроме того, если ум есть часть человека, в котором
Место известное он занимает, как глаз или ухо,
Или любое из чувств, управляющих жизни движеньем,
И, наподобье того, как рука, или глаз, или ноздри
Чувствовать так же, как жить без нас неспособны отдельно,
Но загнивают всегда, разрушаясь в короткое время,
Так самобытно и дух, вне тела и вне человека,
Быть не способен; оно ему служит как будто сосудом
Или еще чем-нибудь, коль найдешь единение ближе,
Ибо теснейшая связь существует меж духом и телом.

И, наконец, у живых способностей тела и духа
Силы бывают и жизнь, лишь когда они связаны вместе.
Сам по себе ведь ни дух самобытно без тела не может
Жизни движений создать, ни бездушное тело не в силах
Ни бытия продолжать, ни остаться владеющим чувством.
И, наподобье того, как, вырванный с корнем, вне тела
Не в состоянии глаз различать никакого предмета,
Так самобытно ни дух ни душа ни на что не способны.
Да и понятно: они в смешеньи по жилам и мясу,
По сухожильям, костям — во всем заключаются теле;
Первоначалам у них невозможно свободно отпрянуть
На промежуток большой; из-за этого, будучи сперты,
Чувств движенья они вызывают, а если их в воздух
Выкинет смерть, то уже они вызвать их будут не в силах,
Ибо в подобной связи они больше не будут держаться.
Телом ведь станет тогда и живым существом будет воздух,
Коль удержаться душе в нем возможно и все те движенья
В нем заключить, что вела она в мышцах и в теле пред этим.
Должен еще и еще таким образом ты убедиться,

Tegmine et eiectis extra vitalibus auris
Dissolui sensus animi fateare necessest
Atque animam, quoniam coniunctast causa duobus.
Denique cum corpus nequeat perferre animai
Discidium quin in taetro tabescat odore,
Quid dubitas quin ex imo penitusque coorta
Emanarit uti fumus diffusa animae vis,
Atque ideo tanta mutatum putre ruina
Conciderit corpus, penitus quia mota loco sunt
Fundamenta, foras manante anima usque per artus
Perque viarum omnis flexus, in corpore qui sunt,
Atque foramina? Multimodis ut noscere possis
Dispertitam animae naturam exisse per artus
Et prius esse sibi distractam corpore in ipso,
Quam prolapsa foras enaret in aeris auras.
Quin etiam finis dum vitae vertitur intra,
Saepe aliqua tamen e causa labefacta videtur
Ire anima ac toto solui de corpore velle
Et quasi supremo languescere tempore vultus
Molliaque exsangui cadere omnia corpore membra.
Quod genus est, animo male factum cum perhibetur
Aut animam liquisse; ubi iam trepidatur et omnes
Extremum cupiunt vitae reprehendere vinclum.
Conquassatur enim tum mens animaeque potestas
Omnis et haec ipso cum corpore collabefiunt;
Vt gravior paulo possit dissolvere causa.
Quid dubitas tandem quin extra prodita corpus
Imbecilla foras in aperto, tegmine dempto,
Non modo non omnem possit durare per aevum
Sed minimum quodvis nequeat consistere tempus?
Nec sibi enim quisquam moriens sentire videtur
Ire foras animam incolumem de corpore toto
Nec prius ad iugulum et supera succedere fauces,
Verum deficere in certa regione locatam;
Vt sensus alios in parti quemque sua scit

Что, с разложением всей оболочки телесной, с исходом
Жизни дыханья, должны рассеяться чувства у духа
Вместе с душой, раз одна связует их вместе причина.

И, наконец, если тело с душой не выносит разрыва
И загнивает всегда, издавая ужаснейший запах,
Что ж сомневаешься ты, что, из самых глубин устремляясь,
Вон истекает душа и расходится, дыму подобно,
Тело же из-за того, изменяясь гниеньем, так тяжко
Рушится, что до основ все устои его расшатались,
После того как душа, ускользая наружу, по членам
И закоулкам и всем находящимся в теле отверстьям
Вытекла? Всячески ты в состояньи теперь убедиться
В том, что души естество разделенным выходит по членам
И, еще в теле самом находясь, расторгается прежде,
Чем, выходя из него, выплывает в воздушные токи.
Мало того, находясь еще в жизни пределах, нередко
Видимо всё-таки вон, по какой-то причине колеблясь,
Выйти готова душа и от тела совсем отрешиться;
И выраженье лица, как пред смертью, становитея томным
И без движенья лежит ослабелым бескровное тело.
Это бывает, когда говорится, что „дух захватило"
Или „душа замерла", когда все уж кругом суетятся,
С жизнью последнюю связь удержать в человеке стараясь;
Тут ведь и ум потрясен, и душевные силы, в расстройстве
Полном, готовы уже вместе с телом самим развалиться,
Так что удар посильней окончательно их бы разрушил.
Что ж? сомневаешься ты и теперь, что с изгнаньем из тела,
Без оболочки своей и без сил, на открытом просторе
Не в состояньи душа не только прожить вековечно,
Но и на миг лишь один удержаться никак не способна?
И ни один человек, умирая, не чувствует, видно,
Чтобы душа целиком исходила из целого тела
Иль чтоб сначала в гортань проходила она через горло;
Нет, убывает она на своем, ей назначенном месте,
Так же как чувства всегда на местах своего положенья

Dissolui. Quod si immortalis nostra foret mens,
Non tam se moriens dissolvi conquereretur,
Sed magis ire foras vestemque relinquere, ut anguis.
Denique cur animi numquam mens consiliumque
Gignitur in capite aut pedibus manibusve, sed unis
Sedibus et certis regionibus omnibus haeret,
Si non certa loca ad nascendum reddita cuique
Sunt, et ubi quicquid possit durare creatum
Atque ita multimodis partitis artubus esse,
Membrorum ut numquam exsistat praeposterus ordo?
Vsque adeo sequitur res rem neque flamma creari
Fluminibus solitast neque in igni gignier algor.
Praeterea si immortalis natura animaist
Et sentire potest secreta a corpore nostro,
Quinque, ut opinor, eam faciundum est sensibus auctam.
Nec ratione alia nosmet proponere nobis
Possumus infernas animas Acherunte vagari.
Pictores itaque et scriptorum saecla priora
Sic animas intro duxerunt sensibus auctas.
At neque sorsum oculi neque nares nec manus ipsa
Esse potest animae neque sorsum lingua neque aures;
Haud igitur per se possunt sentire neque esse.
Et quoniam toto sentimus corpore inesse
Vitalem sensum et totum esse animale videmus,
Si subito medium celeri praeciderit ictu
Vis aliqua ut sorsum partem secernat utramque,
Dispertita procul dubio quoque vis animai
Et discissa simul cum corpore disicietur.
At quod scinditur et partis discedit in ullas,
Scilicet aeternam sibi naturam abnuit esse.
Falciferos memorant currus abscidere membra
Saepe ita de subito permixta caede calentis,
Vt tremere in terra videatur ab artubus id quod
Decidit abscisum, cum mens tamen atque hominis vis
Mobilitate mali non quit sentire dolorem;

Гибнут. А если бы ум бессмертным у нас оказался,
То не сердился бы он на погибель свою, умирая,
Но, наподобье змеи, вылезал бы наружу из кожи.
Не оттого ль, наконец, и наш ум и сознание духа
Ни в голове, ни в ногах, ни в руках не родятся, а только
В области точной у всех и в едином содержатся месте,
Что для отдельных вещей отведен и особый участок,
Где и родятся они и где могут потом развиваться,
Располагаясь притом в таком многосложном порядке
Членов, который у них никогда не бывает превратен?
И, таким образом, всё идет по порядку: ни пламя
Не возникает в воде, ни холод в огне не родится.
Кроме того, коль душа, обладая бессмертной природой,
Чувства способна иметь, отделившись от нашего тела,
Всеми пятью наделить ее чувствами надо, пожалуй,
Ибо никоим путем мы иначе себе и представить
Не в состоянии душ, что блуждают в глуби Ахеронта.
Именно так в старину и писатели и живописцы
Изображали их нам наделенными чувствами всеми.
Но ведь ни глаз, ни ноздрей, ни руки у души не бывает,
Ни языка, ни ушей, раз она отделилась от тела;
Значит, ни чувства ни жизнь без тела для душ невозможны.
Если же в теле везде ощущение жизни разлито,
Одушевляя его, как мы видим, во всем его целом,
То, коль в средину удар, нанесенный внезапною силой,
Сразу его поразит, и оно пополам расщепится,
Ясно, что сила души, расчлененная тем же ударом,
Врозь разлетится тогда, одновременно с телом распавшись.
То же, что может, дробясь, разделяться на разные части,
Не позволяет признать за собою бессмертной природы.
Так, говорят, лезвея колесниц серпоносных нередко
Столь неожиданно рвут тела в беспорядочной бойне,
Что на земле увидать отсеченные руки и ноги
Можно в то время, как ум и сознанье людей не способны
Боли еще ощутить, причиненной стремительной раной;

Et simul in pugnae studio quod dedita mens est,
Corpore reliquo pugnam caedesque petessit,
Nec tenet amissam laevam cum tegmine saepe
Inter equos abstraxe rotas falcesque rapaces,
Nec cecidisse alius dextram, cum scandit et instat.
Inde alius conatur adempto surgere crure,
Cum digitos agitat propter moribundus humi pes.
Et caput abscisum calido viventeque trunco
Servat humi vultum vitalem oculosque patentis,
Donec reliquias animai reddidit omnis.
Quin etiam tibi si lingua vibrante minanti
Serpentis cauda e procero corpore truncum
Sit libitum in multas partis discidere ferro,
Omnia iam sorsum cernes ancisa recenti
Vulnere tortari et terram conspergere tabo,
Ipsam seque retro partem petere ore priorem
Vulneris ardenti ut morsu premat icta dolore.
Omnibus esse igitur totas dicemus in illis
Particulis animas? At ea ratione sequetur
Vnam animantem animas habuisse in corpore multas.
Ergo divisast ea quae fuit una simul cum
Corpore; quapropter mortale utramque putandumst,
In multas quoniam partis disciditur aeque.
Praeterea si immortalis natura animai
Constat et in corpus nascentibus insinuatur,
Cur super anteactam aetatem meminisse nequimus
Nec vestigia gestarum rerum ulla tenemus?
Nam si tanto operest animi mutata potestas,
Omnis ut actarum exciderit retinentia rerum,
Non, ut opinor, id a leto iam longius errat;
Quapropter fateare necessest quae fuit ante
Interiisse, et quae nunc est nunc esse creatam.
Praeterea si iam perfecto corpore nobis
Inferri solitast animi vivata potestas
Tum cum gignimur et vitae cum limen inimus,

Ибо весь ум у людей всецело захвачен сраженьем,
И на резню и на бой они рвутся с остатками тела,
Часто не видя, что нет уже левой руки, и волочат
Кони ее со щитом средь колес и серпов беспощадных;
Не замечает один, что без правой он на стену лезет,
На ногу хочет другой опереться, которой уж нету,
А шевелит на земле она пальцами в корчах предсмертных;
И голова, отлетев от живого и теплого тела,
Жизнь сохраняет в лице и во взоре, широко открытом,
Вплоть до того, как души не исчезнет последний остаток.
Мало того: коль змею с ее жалом мелькающим, грозно
Кверху подъятым хвостом и растянутым телом, на части
Ты бы железом рассек, то увидел тогда бы, как порознь
Каждый кусок по земле, отрезанный только что, в корчах
Бьется и почву кругом заливает отравленной кровью;
Как голова ее хвост укусить устремляется пастью,
Чтоб утолить свою боль, причиненную жгучею раной.
Что же, придется признать у каждой из этих частичек
Целую душу? Но тут воспоследует вывод, что в теле
У одного существа заключались многие души.
Значит, распалась душа, что единой была, вместе с телом.
И потому надо счесть, что смертна она, как и тело,
Ибо на много частей они могут равно рассекаться.

Кроме того, коль душа обладает бессмертной природой
И поселяется в нас, при рождении в тело внедряясь,
То почему же тогда мы не помним о жизни прошедшей,
Не сохраняем следов совершившихся раньше событий?
Ибо, коль духа могла измениться столь сильно способность,
Что совершенно о всём миновавшем утратил он память,
Это, как думаю я, отличается мало от смерти.
И потому мы должны убедиться, что бывшие души
Сгибли, а та, что теперь существует, теперь и родилась.

Кроме того, коль уже в совершенно готовое тело
К нам бы вселялись всегда способности духа живые,
С нашим рожденьем на свет и вступлением нá берег жизни,

Haud ita conveniebat uti cum corpore et una
Cum membris videatur in ipso sanguine cresse,
Sed velut in cavea per se sibi vivere solam
Convenit, ut sensu corpus tamen adfluat omne.
Quare etiam atque etiam neque originis esse putandumst
Expertis animas nec leti lege solutas.
Nam neque tanto opere adnecti potuisse putandumst
Corporibus nostris extrinsecus insinuatas,
Quod fieri totum contra manifesta docet res.
Namque ita conexa est per venas, viscera, nervos,
Ossaque, uti dentes quoque sensu participentur;
Morbus ut indicat et gelidai stringor aquai
Et lapis oppressus subitis e frugibus asper.
Nec, tam contextae cum sint, exire videntur
Incolumes posse et salvas exsolvere sese
Omnibus e nervis atque ossibus articulisque.
Quod si forte putas extrinsecus insinuatam
Permanare animam nobis per membra solere,
Tanto quique magis cum corpore fusa peribit.
Quod permanat enim dissolvitur, interit ergo.
Dispertitur enim per caulas corporis omnis.
Vt cibus, in membra atque artus cum diditur omnis,
Disperit atque aliam naturam sufficit ex se,
Sic anima atque animus quamvis integra recens in
Corpus eunt, tamen in manando dissoluuntur,
Dum quasi per caulas omnis diduntur in artus
Particulae quibus haec animi natura creatur,
Quae nunc in nostro dominatur corpore nata
Ex illa quae tum periit partita per artus.
Quapropter neque natali privata videtur
Esse die natura animae nec funeris expers.
Semina praeterea linquuntur necne animai
Corpore in exanimo? Quod si linquuntur et insunt,
Haud erit ut merito immortalis possit haberi,
Partibus amissis quoniam libata recessit.

То не могла бы душа в совокупности с членами тела,
В самой крови находясь, развиваться всё дальше, как видно,
Но как бы в клетке тогда самобытно жила одиноко,
Тело же всё-таки быть продолжало б исполненным чувства.
А потому, повторю, невозможно считать, что рожденья
Души не знают совсем и свободны от смерти законов.
Ибо представить нельзя, что так крепко вплетались бы души
В наши тела, коли в них извне бы они проникали,
И очевидность гласит, что бывает совсем по-другому:
Ибо связуется так с сухожильями, жилами, мясом,
Да и с костями душа, что зубам даже свойственно чувство,
Как указует на то их боль от воды ли холодной
Иль от песчинки, на зуб при жеваньи попавшей из хлеба.
Если ж в сплетеньи таком находятся души с телами,
То и распутаться им невредимо и выйти свободно,
Видно, нельзя изо всех сухожилий, костей и суставов.
Если ж подумаешь ты, что, извне проникая нам в тело,
Обыкновенно душа растекается всюду по членам,
То тем скорее она, растворенная в теле, исчезнет.
Ведь разрушается всё, растекаясь, а следственно — гибнет.
Ибо душа, расчленяясь, по скважинам тела проходит.
Как наша пища, везде расходясь по суставам и членам,
По разложеньи своем образует иную природу,
Так же и дух и душа, сколь бы целыми в новое тело
Ни проходили, должны они там распускаться, в то время
Как через скважины все проникают в суставы частицы,
Производящие ту наличную духа природу,
Что управляет теперь нашим телом, рожденная раньше
Тою душой, что уже, разойдясь по суставам, погибла.
А потому ни рождения дня, очевидно, не может
Быть лишенной душа по природе своей, ни кончины.

Кроме того, семена остаются ль души в бездыханном
Теле иль нет? Коли там пребывают они, оставаясь,
То мы не в праве тогда почитать за бессмертную душу,
Раз при уходе своем она терпит какую-то убыль.

Sin ita sincera ex membris ablata profugit
Vt nullas partis in corpore liquerit ex se,
Vnde cadavera rancenti iam viscere vermis
Exspirant atque unde animantum copia tanta
Exos et exsanguis tumidos perfluctuat artus?
Quod si forte animas extrinsecus insinuari
Vermibus et privas in corpora posse venire
Credis nec reputas cur milia multa animarum
Conveniant unde una recesserit, hoc tamen est ut
Quaerendum videatur et in discrimen agendum,
Vtrum tandem animae venentur semina quaeque
Vermiculorum ipsaeque sibi fabricentur ubi sint,
An quasi corporibus perfectis insinuentur.
At neque cur faciant ipsae quareve laborent
Dicere suppeditat. Neque enim, sine corpore cum sunt,
Sollicitae volitant morbis alguque fameque.
Corpus enim magis his vitiis adfine laborat
Et mala multa animus contage fungitur eius.
Sed tamen his esto quamvis facere utile corpus
Cui subeant; at qua possint via nulla videtur.
Haud igitur faciunt animae sibi corpora et artus.
Nec tamen est utqui perfectis insinuentur
Corporibus; neque enim poterunt subtiliter esse
Conexae neque consensus contagia fient.
Denique cur acris violentia triste leonum
Seminium sequitur, vulpes dolus, et fuga cervis
A patribus datur et patrius pavor incitat artus,
Et iam cetera de genere hoc cur omnia membris
Ex ineunte aevo generascunt ingenioque,
Si non, certa suo quia semine seminioque
Vis animi pariter crescit cum corpore quoque?
Quod si immortalis foret et mutare soleret
Corpora, permixtis animantes moribus essent,
Effugeret canis Hyrcano de semine saepe
Cornigeri incursum cervi tremeretque per auras

Если ж бежит она вон, целиком сохраняясь и в теле
Вовсе частей никаких от себя не оставив, — откуда,
Гнить начиная, червей испускают смердящие трупы?
Да и откуда же тут такою несметною кучей
В теле распухшем кишеть бескостным, бескровным созданьям?
Если же думаешь ты, что, извне проникая, способны
Души внедряться в червей, по отдельности в каждое тело,
И не размыслил о том, почему же сбираются вместе
Души несметные там, откуда одна удалилась,
Вот что тебе обсудить и обдумать, однако, придется:
Надо ль признать, наконец, что охотятся души за каждым
Семенем этих червей, для себя обиталища строя,
Или внедряются к ним в совершенно готовое тело?
Но для чего же им так поступать и зачем утруждаться
Этим, сказать мудрено: раз они улетели из тела,
Их не тревожат уже ни болезни, ни голод, ни холод;
Тело ведь больше всего ото всех этих нéдугов страждет,
И подвергается дух в сочетаньи с ним множеству бедствий.
Но, даже если для душ и полезно создание тела,
Чтобы вселиться в него, то не видно, как сделать им это.
Стало быть, членов и тел никогда себе души не строят.
Но и внедриться душе в совершенно готовое тело
Также нельзя, ибо с ним невозможно ей будет связаться,
И в сочетаньи таком не проявится общего чувства.

Не оттого ль, наконец, присуща свирепая лютость
Львиной семье, и лисе — коварство, а прыткость оленям
Передана от отцов, и в отцовском дрожат они страхе,
Не оттого ли и все остальные подобные свойства
Всем врождены и живут от младенчества в теле и в нраве,
Что возрастает во всех семенах и семействах отдельных
С телом совместно и дух, одинаково с ним развиваясь?
Если ж была бы душа бессмертна и вечно меняла б
Тело на тело, то нрав у животных тогда бы мешался:
Часто бежали бы прочь, нападенья пугаясь рогатых
Ланей, гирканские псы, трепетал бы в воздушных высотах

Aeris accipiter fugiens veniente columba,
Desiperent homines, saperent fera saecla ferarum.
Illud enim falsa fertur ratione, quod aiunt
Immortalem animam mutato corpore flecti.
Quod mutatur enim dissolvitur, interit ergo.
Traiciuntur enim partes atque ordine migrant;
Quare dissolui quoque debent posse per artus,
Denique ut intereant una cum corpore cunctae.
Sin animas hominum dicent in corpora semper
Ire humana, tamen quaeram cur e sapienti
Stulta queat fieri, nec prudens sit puer ullus,
Nec tam doctus equae pullus quam fortis equi vis.
Scilicet in tenero tenerascere corpore mentem
Confugient. Quod si iam fit, fateare necessest
Mortalem esse animam, quoniam mutata per artus
Tanto opere amittit vitam sensumque priorem.
Quove modo poterit pariter cum corpore quoque
Confirmata cupitum aetatis tangere florem
Vis animi, nisi erit consors in origine prima?
Quidve foras sibi vult membris exire senectis?
An metuit conclusa manere in corpore putri
Et domus aetatis spatio ne fessa vetusto
Obruat? At non sunt immortali ulla pericla.
    Denique conubia ad Veneris partusque ferarum
Esse animas praesto deridiculum esse videtur,
Exspectare immortalis mortalia membra
Innumero numero certareque praeproperanter
Inter se quae prima potissimaque insinuetur;
Si non forte ita sunt animarum foedera pacta
Vt quae prima volans advenerit insinuetur
Prima neque inter se contendant viribus hilum.
    Denique in aethere non arbor, non aequore in alto
Nubes esse queunt nec pisces vivere in arvis
Nec cruor in lignis neque saxis sucus inesse.
Certum ac dispositumst ubi quicquid crescat et insit.

Сокол парящий и вдаль улетал бы, завидя голубку,
Ум оставлял бы людей, разумели бы дикие звери.
Ибо, когда говорят, что бессмертна душа, но меняться
Может, сменяя тела, то такое суждение ложно.
Ведь разрушается всё, что меняется, следственно — гибнет.
Части ж души и смещаются тут и выходят из строя,
А потому разрушаться должны они также во членах
И, наконец, погибать целиком одновременно с телом.
Если же скажут, что души людей возвращаются вечно
Снова в людские тела, почему же, спрошу я, из умных
Можно им глупыми стать, почему неразумны младенцы,
И жеребенок не так понятлив, как взрослые кони?
„Да потому, — говорят, — что становится в немощном теле
Немощен ум". Но тогда ты обязан признать непременно
Смертность души, раз она изменяется в теле так сильно,
Что совершенно и жизнь и начальное чувство теряет.
Да и каким же путем одинаково с телом возможно
Было б, окрепнув, достичь желанного жизни расцвета
Силе духовной, не быв от рождения связанной с телом?
Что ж она вырваться вон из дряхлеющих членов стремится?
Иль она в теле гнилом опасается быть заключенной
И погребенною быть под обломками храмины ветхой
При разрушеньи ее? Но опасностей нет для бессмертных!

И не смешно ль, наконец, что стоят при соитьях любовных
И при рожденьи зверей в нетерпении души на страже:
Смертного тела они, бессмертные, ждут не дождутся
В неисчислимом числе и, бросаясь стремительно, рвутся
Первое место занять и скорее других водвориться?
Или, быть может, у них установлены точно законы,
Что прилетевшая первой душа и внедряется первой,
И никаких состязаний и распрей у них не бывает?

И, наконец, ни деревьев в эфире не может, ни в море
Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях;
И не бывает ни крови в дровах ни сока в каменьях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.

Sic animi natura nequit sine corpore oriri
Sola neque a nervis et sanguine longius esse.
Quod si posset enim, multo prius ipsa animi vis
In capite aut umeris aut imis calcibus esse
Posset et innasci quavis in parte soleret,
Tandem in eodem homine atque in eodem vase manere.
Quod quoniam nostro quoque constat corpore certum
Dispositumque videtur ubi esse et crescere possit
Sorsum anima atque animus, tanto magis infitiandum
Totum posse extra corpus durare genique.
Quare, corpus ubi interiit, periisse necessest
Confiteare animam distractam in corpore toto.
Quippe etenim mortale aeterno iungere et una
Consentire putare et fungi mutua posse
Desiperest. Quid enim diversius esse putandumst
Aut magis inter se disiunctum discrepitansque,
Quam mortale quod est immortali atque perenni
Iunctum in concilio saevas tolerare procellas?
Praeterea quaecumque manent aeterna necessest
Aut quia sunt solido cum corpore respuere ictus
Nec penetrare pati sibi quicquam quod queat artas
Dissociare intus partis, ut materiai
Corpora sunt quorum naturam ostendimus ante,
Aut ideo durare aetatem posse per omnem,
Plagarum quia sunt expertia, sicut inanest
Quod manet intactum neque ab ictu fungitur hilum,
Aut etiam quia nulla loci fit copia circum,
Quo quasi res possint discedere dissoluique,
Sicut summarum summast aeterna, neque extra
Quis locus est quo diffugiant neque corpora sunt quae
Possint incidere et valida dissolvere plaga.
Quod si forte ideo magis immortalis habendast,
Quod vitalibus ab rebus munita tenetur,
Aut quia non veniunt omnino aliena salutis
Aut quia quae veniunt aliqua ratione recedunt

Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.
Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила бы духа сама в голове, иль в плечах, или в пятках
Быть бы могла и в любой из частей зарождаться, но всё бы
В том же она человеке и в том же сосуде осталась.
Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела, и быть и рождаться.
Вот почему неизбежно признать, что с кончиною тела,
Всюду расторжена в нем, и душа одновременно гибнет.
Вечное ведь сочетать со смертным и думать, что вместе
Чувствовать могут они и что действия их обоюдны, —
Это безумье и вздор. Что представить себе мы раздельней
Можем и что меж собой различней и более розно,
Если не смертное всё по сравненью с бессмертным и вечным,
При сочетаньи в одно для отпора неистовым бурям?
Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,
Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи
Тесные разъединяло частей, — таковая природа
Есть у материи тел, на что я указывал раньше;
Или же может оно потому сохраняться вовеки,
Что не подвержено вовсе толчкам — пустоты это свойство:
Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять:
Вечное всё таково мироздание в целом, и места
Вне его нет, чтобы врозь разлететься, и тел нет, какие
Пасть на него бы могли и толчком его мощным разрушить.
Если же душу скорей почитать за бессмертную должно,
Как под защитою стен, образуемых силами жизни,
Иль потому, что она никаким недоступна недугам,
Иль, что каким-то путем отражаются все нападенья,

Pulsa prius quam quid noceant sentire queamus,
Ad nostrae naturam animae nil pertinet horum.
Praeter enim quam quod morbis cum corporis aegret,
Advenit id quod eam de rebus saepe futuris
Macerat inque metu male habet curisque fatigat
Praeteritisque male admissis peccata remordent.
Adde furorem animi proprium atque oblivia rerum,
Adde quod in nigras lethargi mergitur undas.
Nil igitur mors est ad nos neque pertinet hilum,
Quandoquidem natura animi mortalis habetur.
Et velut anteacto nil tempore sensimus aegri,
Ad confligendum venientibus undique Poenis,
Omnia cum belli trepido concussa tumultu
Horrida contremuere sub altis aetheris oris,
In dubioque fuere utrorum ad regna cadendum
Omnibus humanis esset terraque marique,
Sic, ubi non erimus, cum corporis atque animai
Discidium fuerit quibus e sumus uniter apti,
Scilicet haud nobis quicquam, qui non erimus tum,
Accidere omnino poterit sensumque movere,
Non si terra mari miscebitur et mare caelo.
Et si iam nostro sentit de corpore postquam
Distractast animi natura animaeque potestas,
Nil tamen est ad nos qui comptu coniugioque
Corporis atque animae consistimus uniter apti.
Nec, si materiem nostram collegerit aetas
Post obitum rursumque redegerit ut sita nunc est,
Atque iterum nobis fuerint data lumina vitae,
Pertineat quicquam tamen ad nos id quoque factum,
Interrupta semel cum sit repetentia nostri.
Et nunc nil ad nos de nobis attinet, ante
Qui fuimus, neque iam de illis nos adficit angor.
Nam cum respicias immensi temporis omne
Praeteritum spatium, tum motus materiai
Multimodis quam sint, facile hoc accredere possis,

Раньше чем нам ощутить удается всю их вредоносность,
То это к нашей душе не имеет совсем отношенья.
Кроме того, что душа и телесным подвержена болям,
Часто случается так, что она от предчувствий страдает.
Места от страха себе не находит, заботой томится,
И за проступки ее угрызения совести гложут.
Вспомни к тому же еще о безумьи, беспамятстве духа,
Вспомни, как в черную глубь погружается он летаргии.

Значит, нам смерть — ничто и ничуть не имеет значенья,
Ежели смертной должна непременно быть духа природа.
Как в миновавших веках никакой мы печали не знали,
При нападении войск отовсюду стекавшихся пунов,
В те времена, когда мир, потрясаемый громом сражений,
Весь трепетал и дрожал под высокими сводами неба,
И сомневалися все человеки, какому народу
Выпадут власть над людьми и господство на суше и море,
Так и когда уже нас не станет, когда разойдутся
Тело с душой, из которых мы в целое сплочены тесно,
С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине,
И никаких ощущений у нас не пробудится больше,
Даже коль море с землей и с морями смешается небо.
Если же сила души и природа духовная всё же
Чувства могла бы иметь, и расторжена будучи с телом,
То и тогда бы ничто это было для нас, раз мы только
Узами тела с душой и союзом их сплочены тесно.
Да и когда б вещество собиралося наше обратно
Временем после кончины и в нынешний вид возвращалось,
Если вторично на свет появиться дано бы нам было,
Всё-таки это для нас не имело бы вовсе значенья,
Так как о прошлом уже была б у нас прервана память;
Так же, как ныне для нас безразлично, чем были мы раньше,
И не томимся о том мы теперь никакою тревогой.
Ибо, коль взор обратить на прошедшее, мыслью окинув
Всю необъятность веков, и подумать, сколь многообразны
Были материи всей движенья, легко убедиться,

Semina saepe in eodem, ut nunc sunt, ordine posta
Haec eadem, quibus e nunc nos sumus, ante fuisse.
Nec memori tamen id quimus reprehendere mente;
Inter enim iectast vitai pausa vageque
Deerrarunt passim motus ab sensibus omnes.
Debet enim, misere si forte aegreque futurumst,
Ipse quoque esse in eo tum tempore, cui male possit
Accidere. Id quoniam mors eximit, esseque probet
Illum cui possint incommoda conciliari,
Scire licet nobis nil esse in morte timendum
Nec miserum fieri qui non est posse neque hilum
Differre an nullo fuerit iam tempore natus,
Mortalem vitam mors cum immortalis ademit.
    Proinde ubi se videas hominem indignarier ipsum,
Post mortem fore ut aut putescat corpore posto
Aut flammis interfiat malisve ferarum,
Scire licet non sincerum sonere atque subesse
Caecum aliquem cordi stimulum, quamvis neget ipse
Credere se quemquam sibi sensum in morte futurum.
Non, ut opinor, enim dat quod promittit et unde,
Nec radicitus e vita se tollit et eicit,
Sed facit esse sui quiddam super inscius ipse.
Vivus enim sibi cum proponit quisque futurum,
Corpus uti volucres lacerent in morte feraeque,
Ipse sui miseret; neque enim se dividit illim
Nec removet satis a proiecto corpore et illum
Se fingit sensuque suo contaminat adstans.
Hinc indignatur se mortalem esse creatum
Nec videt in vera nullum fore morte alium se
Qui possit vivus sibi se lugere peremptum
Stansque iacentem se lacerari urive dolere.
Nam si in morte malumst malis morsuque ferarum
Tractari, non invenio qui non sit acerbum
Ignibus impositum calidis torrescere flammis
Aut in melle situm suffocari atque rigere

Что семена, из каких мы теперь состоим, принимали
Часто порядок такой, в каковом пребывают и ныне.
Но тем не менее нам былого того не воспомнить:
Падает тут перерыв бытия, при котором потоки
Тел основных лишены были чувства и праздно блуждали.
Если же в будущем ждут и несчастья и горе, то должен
В это же время и тот оказаться, с кем могут случиться
Эти невзгоды, но раз изымает их смерть, преграждая
Жизнь у того, кто бы мог подвергнуться скопищу бедствий,
Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти,
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.

А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле,
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит не искренне, что уязвляет
Сердце его затаенная мысль, вопреки увереньям
Собственным, что никаких ощущений со смертью не будет;
Не соблюдает, по мне, он своих убеждений заветных,
С корнем из жизни себя извлечь не желая и вырвать,
Но бессознательно мнит, что не весь он по смерти погибнет.
Ибо тому, кто живой представляет себе, что по смерти
Тело терзают его и птицы и дикие звери,
Жалко себя самого; он себя отделить не способен
И отрешиться вполне от простертого трупа: себя он
Видит лежащим пред ним, и свои придает ему чувства.
В негодовании он на то, что смертным родился,
Не сознавая того, что при истинной смерти не может
Быть никого, кто бы мог, как живой, свою гибель оплакать,
Видя себя самого терзаемым или сожженным.
Ибо, коль горестно быть после смерти раздробленным пастью
Диких зверей, почему не ужасно — понять не могу я —
В пламени жарком гореть, на костре погребальном пылая,
Или положенным в мед задыхаться и мерзнуть от стужи,

Frigore, cum summo gelidi cubat aequore saxi,
Vrgerive superne obtritum pondere terrae.
„Iam iam non domus accipiet te laeta, neque uxor
Optima nec dulces occurrent oscula nati
Praeripere et tacita pectus dulcedine tangent.
Non poteris factis florentibus esse, tuisque
Praesidium. Misero misere“ aiunt „omnia ademit
Vna dies infesta tibi tot praemia vitae“.
Illud in his rebus non addunt „Nec tibi earum
Iam desiderium rerum super insidet una“.
Quod bene si videant animo dictisque sequantur,
Dissoluant animi magno se angore metuque.
„Tu quidem ut es leto sopitus, sic eris aevi
Quod superest cunctis privatu' doloribus aegris.
At nos horrifico cinefactum te prope busto
Insatiabiliter deflevimus, aeternumque
Nulla dies nobis maerorem e pectore demet“.
Illud ab hoc igitur quaerendum est, quid sit amari
Tanto opere, ad somnum si res redit atque quietem.
Cur quisquam aeterno possit tabescere luctu.
Hoc etiam faciunt ubi discubuere tenentque
Pocula saepe homines et inumbrant ora coronis,
Ex animo ut dicant „Brevis hic est fructus homullis;
Iam fuerit neque post umquam revocare licebit“.
Tamquam in morte mali cum primis hoc sit eorum,
Quod sitis exurat miseros atque arida torrat,
Aut aliae cuius desiderium insideat rei.
Nec sibi enim quisquam tum se vitamque requirit,
Cum pariter mens et corpus sopita quiescunt.
Nam licet aeternum per nos sic esse soporem,
Nec desiderium nostri nos adficit ullum.
Et tamen haudquaquam nostros tunc illa per artus
Longe ab sensiferis primordia motibus errant,
Cum correptus homo ex somno se colligit ipse.
Multo igitur mortem minus ad nos esse putandumst,

Ежели труп распростерт на холодных каменьях гробницы
Или могильной землей засыпан и тяжко раздавлен.
„Нет, никогда ни твой радостный дом ни жена дорогая
Больше не примут тебя, не сбегутся и малые дети
Наперерыв целовать и наполнить отрадою сердце.
Не в состоянии ты уже больше способствовать благу
И процветанью родных. Погубил, о несчастный! — взывают —
Этот единственный день злополучный все радости жизни!"
Но не прибавит никто: „Но зато у тебя не осталось
Больше тоски никакой, ни стремленья ко всем этим благам".
Если же мысли у них и слова бы их были разумны,
Стал бы свободен их ум от великой заботы и страха.
„Ты ведь, как был, так и впредь в усыпленьи останешься смертном
Все остальные века без забот и без тягостной скорби,
Мы же пред жутким костром, где твой труп обращается в пепел,
Мы безутешно тебя оплакали; вечной печали
Нам никогда не унять и не вырвать из скорбного сердца".
Надо спросить у того, кто так рассуждает: „Да что же
Горького тут, — коли всё возвращается к сну и покою, —
Чтобы всегда изнывать и томиться в тоске безысходной?"
Люди нередко еще, возлежа на пиру и подъемля
Кубки и лица себе осенивши венком, начинают
Так от души восклицать: „Коротко наслажденье людишек:
Было — и нету его, и никак не вернуть его снова".
Точно по смерти для них нет большего зла и несчастья,
Чем непрерывно страдать иссушающей жгучею жаждой
Иль угнетенному быть неуёмным иным вожделеньем.
Но ведь никто о себе и о жизни своей не жалеет,
Если и тело и ум погружаются в сон безмятежный,
Ибо охотно идем мы на то, чтобы сон этот вечно
Длился, и мы никогда о себе не тоскуем при этом.
И тем не менее тут во всем нашем теле и членах
Первоначала всегда сохраняют движения чувства,
Раз, пробудившись от сна, человек ободряется снова.
Смерть, таким образом, нас еще меньше касается, если

Si minus esse potest quam quod nil esse videmus;
Maior enim turbae disiectus materiai
Consequitur leto nec quisquam expergitus exstat,
Frigida quem semel est vitai pausa secuta.
Denique si vocem rerum natura repente
Mittat et hoc alicui nostrum sic increpet ipsa
„Quid tibi tanto operest, mortalis, quod nimis aegris
Luctibus indulges? Quid mortem congemis ac fles?
Nam si grata fuit tibi vita anteacta priorque
Et non omnia pertusum congesta quasi in vas
Commoda perfluxere atque ingrata interiere,
Cur non ut plenus vitae conviva recedis
Aequo animoque capis securam, stulte, quietem?
Sin ea quae fructus cumque es periere profusa
Vitaque in offensust, cur amplius addere quaeris,
Rursum quod pereat male et ingratum occidat omne,
Non potius vitae finem facis atque laboris?
Nam tibi praeterea quod machiner inveniamque,
Quod placeat, nil est: eadem sunt omnia semper.
Si tibi non annis corpus iam marcet et artus
Confecti languent, eadem tamen omnia restant,
Omnia si pergas vivendo vincere saecla,
Atque etiam potius, si numquam sis moriturus“.
Quid respondemus, nisi iustam intendere litem
Naturam et veram verbis exponere causam?
Grandior hic vero si iam seniorque quaeratur
Atque obitum lamentetur miser amplius aequo,
Non merito inclamet magis et voce increpet acri?
„Aufer abhinc lacrimas, balatro, et compesce querelas!
Omnia perfunctus vitai praemia marces.
Sed quia semper aves quod abest, praesentia temnis,
Imperfecta tibi elapsast ingrataque vita
Et nec opinanti mors ad caput adstitit ante
Quam satur ac plenus possis discedere rerum.
Nunc aliena tua tamen aetate omnia mitte

Можно быть меньше того, что ничто представляет собою.
Ибо материя тут в беспорядок сильнейший приходит
И расторгается в нас со смертью: никто не проснется,
Только лишь хладный конец положит предел нашей жизни.
   Если же тут, наконец, сама начала бы природа
Вдруг говорить и средь нас кого-нибудь так упрекнула:
„Что тебя, смертный, гнетет и тревожит безмерно печалью
Горькою? Что изнываешь и плачешь при мысли о смерти?
Ведь коль минувшая жизнь пошла тебе впрок перед этим,
И не напрасно прошли и исчезли все ее блага,
Будто в пробитый сосуд налитые, утекши бесследно,
Что ж не уходишь, как гость, пресыщенный пиршеством жизни,
И не вкушаешь, глупец, равнодушно покой безмятежный?
Если же всё достоянье твое растеклось и погибло,
В тягость вся жизнь тебе стала, — к чему же ты ищешь прибавки,
Раз она так же опять пропадет и задаром исчезнет,
А не положишь конца этой жизни и всем ее мукам?
Нет у меня ничего, что тебе смастерить и придумать
Я бы в утеху могла: остается извечно всё то же;
Даже коль тело твое одряхлеть не успело и члены
Не ослабели от лет, — всё равно, остается всё то же,
Если тебе пережить суждено поколенья людские
Иль, если, лучше сказать, даже вовсе избегнешь ты смерти“.
Что же мы скажем в ответ, как не то, что природа законный
Иск предъявляет, вставая в защиту правого дела?
Если ж печалится так человек пожилой или старый
И о кончине своей сокрушается больше, чем должно,
То не в праве ль она еще более резко прикрикнуть:
„Прочь со слезами, брехун, уйми свои жалобы тотчас!
Жизни все блага познав, стариком ты сделался дряхлым!
Пренебрегая наличным, о том, чего нет, ты мечтаешь:
Вот и прошла, ускользнув, твоя жизнь и без прока погибла,
И неожиданно смерть подошла к твоему изголовью,
Раньше, чем мог бы уйти ты из жизни, довольный и сытый.
Но, тем не менее, брось всё то, что годам твоим чуждо,

Aequo animoque agedum gnatis concede: necessest".
Iure, ut opinor, agat, iure increpet inciletque.
Cedit enim rerum novitate extrusa vetustas
Semper, et ex aliis aliud reparare necessest.
Nec quisquam in barathrum nec Tartara deditur atra.
Materies opus est ut crescant postera saecla;
Quae tamen omnia te vita perfuncta sequentur;
Nec minus ergo ante haec quam tu cecidere, cadentque.
Sic alid ex alio numquam desistet oriri
Vitaque mancipio nulli datur, omnibus usu.
Respice item quam nil ad nos anteacta vetustas
Temporis aeterni fuerit, quam nascimur ante.
Hoc igitur speculum nobis natura futuri
Temporis exponit post mortem denique nostram.
Numquid ibi horribile apparet, num triste videtur
Quicquam, non omni somno securius exstat?
Atque ea nimirum quaecumque Acherunte profundo
Prodita sunt esse, in vita sunt omnia nobis.
Nec miser impendens magnum timet aere saxum
Tantalus, ut famast, cassa formidine torpens;
Sed magis in vita divum metus urget inanis
Mortalis casumque timent quem cuique ferat fors.
Nec Tityon volucres ineunt Acherunte iacentem
Nec quod sub magno scrutentur pectore quicquam
Perpetuam aetatem possunt reperire profecto.
Quamlibet immani proiectu corporis exstet,
Qui non sola novem dispessis iugera membris
Obtineat, sed qui terrai totius orbem,
Non tamen aeternum poterit perferre dolorem
Nec praebere cibum proprio de corpore semper.
Sed Tityos nobis hic est, in amore iacentem
Quem volucres lacerant atque exest anxius angor
Aut alia quavis scindunt cuppedine curae.
Sisyphus in vita quoque nobis ante oculos est
Qui petere a populo fascis saevasque securis

И равнодушно отдай свое место потомкам: так надо“
Думаю, так укорять и бранить нас в праве природа,
Ибо отжившее всё вытесняется новым, и вещи
Восстановляются вновь одни из других непременно.
И не уходит никто в преисподней мрачную бездну,
Ибо запас вещества поколениям нужен грядущим,
Но и они за тобой последуют, жизнь завершивши;
И потому-то, как ты, они сгинули раньше и сгинут.
Так возникает всегда неизменно одно из другого.
В собственность жизнь никому не дается, а только на время.
Ты посмотри: как мало для нас значенья имела
Вечного времени часть, что прошла перед нашим рожденьем.
Это грядущих времен нам зеркало ставит природа
Для созерцанья того, что наступит по нашей кончине:
Разве там что-нибудь ужас наводит иль мрачное что-то
Видится там, а не то, что всякого сна безмятежней?
Всё, что, согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто,
Всё, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней.
Тантала нет, что боится висящего в воздухе камня,
Как говорят, цепенея, несчастный, от страха пустого;
В жизни скорее гнетет напрасный страх пред богами
Смертных, и каждый судьбы и случайностей рока трепещет.
И не когтят в Ахеронте лежащего Тития птицы,
Да и не могут они несомненно в груди его мощной
Вечно себе находить предмет для терзаний бессменных,
Как ни громадны его распростертого тела размеры;
Хоть бы распластан он был не нá девять югеров только,
А занимали бы всю поверхность земли его члены,
Всё-таки он бы не смог ни мучений вытерпеть вечных,
Ни доставлять непрерывно им пищи собственным телом.
Титий у нас — это тот, кто лежит, пораженный любовью;
Птицы терзают его — то мучительно гложет тревога,
Или же рвут на куски иные заботы и страсти.
Также у нас и Сизиф пред глазами находится в жизни:
Кто от народа секир жестоких и ликторских связок

Imbibit et semper victus tristisque recedit.
Nam petere imperium, quod inanest nec datur umquam,
Atque in eo semper durum sufferre laborem,
Hoc est adverso nixantem trudere monte
Saxum, quod tamen e summo iam vertice rursum
Volvitur et plani raptim petit aequora campi.
Deinde animi ingratam naturam pascere semper
Atque explere bonis rebus satiareque numquam,
Quod faciunt nobis annorum tempora, circum
Cum redeunt fetusque ferunt variosque lepores,
Nec tamen explemur vitai fructibus umquam,
Hoc, ut opinor, id est, aevo florente puellas
Quod memorant laticem pertusum congerere in vas,
Quod tamen expleri nulla ratione potestur.
Cerberus et Furiae iam vero et lucis egenus
Tartarus horriferos eructans faucibus aestus,
Qui neque sunt usquam nec possunt esse profecto;
Sed metus in vita poenarum pro male factis
Est insignibus insignis, scelerisque luella,
Carcer et horribilis de saxo iactu' deorsum,
Verbera, carnifices, robur, pix, lammina, taedae;
Quae tamen etsi absunt, at mens sibi conscia factis
Praemetuens adhibet stimulos torretque flagellis
Nec videt interea qui terminus esse malorum
Possit nec quae sit poenarum denique finis
Atque eadem metuit magis haec ne in morte gravescant.
Hic Acherusia fit stultorum denique vita.
Hoc etiam tibi tute interdum dicere possis:
„Lumina sis oculis etiam bonus Ancu' reliquit
Qui melior multis quam tu fuit, improbe, rebus.
Inde alii multi reges rerumque potentes
Occiderunt, magnis qui gentibus imperitarunt.
Ille quoque ipse, viam qui quondam per mare magnum
Stravit iterque dedit legionibus ire per altum
Ac pedibus salsas docuit super ire lacunas

Жадно ждет, но всегда пораженный и мрачный уходит;
Ибо стремиться ко власти, что тщетно всегда и ничтожно,
Тягостный труд вынося при этом еще постоянно,
Это всё то же, что в гору толкать с напряженным усильем
Камень, который, уже достигнув самой вершины,
Всё-таки катится вниз и опять на равнину несется.
Далее, вечно питать ненасытную духа природу,
Не в состояньи ее удовольствовать благами теми,
Что доставляют для нас времен годовых перемены,
В круговороте своем принося и плоды и утехи
Всякие (мы ж никогда не довольны жизни дарами), —
Это, по-моему, то же, что нам говорят о цветущих
Девах, которые воду в пробитый сосуд наливают,
Он же никак до краев наполниться влагой не может.
Что же до Кербера, Фурий, а также лишенного света
Тартара, что̀ изрыгает из пасти ужасное пламя, —
Этого нет нигде, да и быть безусловно не может.
Страх наказаний зато существует при жизни за наши
Злые дела по заслугам и кара за нашу преступность:
Тюрьмы, свержение вниз со скалы жестокое, плети,
Факелы, пытки, смола, палачи, раскаленные прутья.
Ежели даже их нет налицо, то сознанье проступков
Всё-таки мучит людей и стрекалами жалит боязни;
Нет у них и надежд, что конец этим бедам наступит,
Иль хоть какой-то предел наказаниям будет положен:
Ждут и боятся они ухудшения их после смерти.
Так и становится жизнь у глупцов, наконец, Ахеронтом.

Вот что еще ты себе говори иногда в назиданье:
„Собственных света очей даже Анк достославный лишился,
Ну, а насколько же был он лучше тебя, нечестивца;
Много затем и других, и царей и владык многомощных,
Целыми правивших властно народами, тоже погибло;
Даже и тот, кто когда-то по волнам великого моря
Путь проложил и открыл легионам дорогу по глуби,
Кто научил их пешком проходить по соленым пространствам,

Et contempsit equis insultans murmura ponti,
Lumine adempto animam moribundo corpore fudit.
Scipiadas, belli fulmen, Carthaginis horror,
Ossa dedit terrae proinde ac famul infimus esset.
Adde repertores doctrinarum atque leporum,
Adde Heliconiadum comites; quorum unus Homerus
Sceptra potitus eadem aliis sopitu' quietest.
Denique Democritum postquam matura vetustas
Admonuit memores motus languescere mentis,
Sponte sua leto caput obvius obtulit ipse.
Ipse Epicurus obit decurso lumine vitae,
Qui genus humanum ingenio superavit et omnis
Restinxit, stellas exortus ut aetherius sol.
Tu vero dubitas et indignabere obire?
Mortua cui vita est prope iam vivo atque videnti,
Qui somno partem maiorem conteris aevi
Et vigilans stertis nec somnia cernere cessas
Sollicitamque geris cassa formidine mentem
Nec reperire potes tibi quid sit saepe mali, cum
Ebrius urgeris multis miser undique curis
Atque animi incerto fluitans errore vagaris".

Si possent homines, proinde ac sentire videntur
Pondus inesse animo quod se gravitate fatiget,
E quibus id fiat causis quoque noscere et unde
Tanta mali tamquam moles in pectore constet,
Haud ita vitam agerent, ut nunc plerumque videmus
Quid sibi quisque velit nescire et quaerere semper
Commutare locum quasi onus deponere possit.
Exit saepe foras magnis ex aedibus ille,
Esse domi quem pertaesumst, subitoque revertit,
Quippe foris nilo melius qui sentiat esse.
Currit agens mannos ad villam praecipitanter,
Auxilium tectis quasi ferre ardentibus instans;
Oscitat extemplo, tetigit cum limina villae,
Aut abit in somnum gravis atque oblivia quaerit,

Дерзко скакал на конях по пучинам рокочущим понта,
Света лишился и дух из смертного выпустил тела.
И Сципион, эта молния войн и гроза Карфагена,
Отдал кости земле, как самый последний прислужник.
Вспомни создателей ты и наук и художеств изящных,
Вспомни сопутников Муз геликонских, Гомера, который
Скиптром один овладел, но почил, как и прочие люди.
И, наконец, Демокрит, когда уже зрелая старость
Предупредила его о слабеющей силе рассудка,
Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу.
Сам Эпикур отошел по свершении поприща жизни,
Он, превзошедший людей дарованьем своим и затмивший
Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.
Что ж сомневаешься тут и на смерть негодуешь свою ты,
Чья и живого вся жизнь и зрячего смерти подобна,
Раз ты проводишь во сне ее бо́льшую долю бесцельно,
Если, и бодрствуя, ты храпишь и живешь в сновиденьях,
Ужасом вздорным всегда возмущая свой ум беспокойный,
Часто не в силах понять, что тебя угнетает, когда ты,
Жалкий, страдаешь, бедняк, опьяненный заботами вечно,
И в помраченьи ума волнуешься ты понапрасну?“

Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом тяжелым,
Также сознать и причины его, и откуда такая,
Камнем гнетущая грудь, появилась страданий громада,
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим от гнета.
Часто палаты свои покидает, кому опостылел
Собственный дом, но туда возвращается снова внезапно,
Не находя вне его никакого себе облегченья;
Вот он своих рысаков сломя голову гонит в именье,
Точно спешит на пожар для спасенья горящего дома,
Но начинает зевать, и порога еще не коснувшись;
Иль погружается в сон тяжелый, забыться желая,

Aut etiam properans urbem petit atque revisit.
Hoc se quisque modo fugitat, quem scilicet, ut fit,
Effugere haud potis est; ingratis haeret et odit
Propterea, morbi quia causam non tenet aeger;
Quam bene si videat, iam rebus quisque relictis
Naturam primum studeat cognoscere rerum,
Temporis aeterni quoniam, non unius horae,
Ambigitur status, in quo sit mortalibus omnis
Aetas, post mortem quae restat cumque, manenda.
    Denique tanto opere in dubiis trepidare periclis
Quae mala nos subigit vitai tanta cupido?
Certa quidem finis vitae mortalibus adstat
Nec devitari letum pote quin obeamus.
Praeterea versamur ibidem atque insumus usque
Nec nova vivendo procuditur ulla voluptas.
Sed dum abest quod avemus, id exsuperare videtur
Cetera; post aliud, cum contigit illud, avemus,
Et sitis aequa tenet vitai semper hiantis.
Posteraque in dubiost fortunam quam vehat aetas,
Quidve ferat nobis casus quive exitus instet.
Nec prorsum vitam ducendo demimus hilum
Tempore de mortis nec delibare valemus,
Quo minus esse diu possimus forte perempti.
Proinde licet quot vis vivendo condere saecla;
Mors aeterna tamen nilo minus illa manebit,
Nec minus ille diu iam non erit, ex hodierno
Lumine qui finem vitai fecit, et ille,
Mensibus atque annis qui multis occidit ante.

Или же в город спешит поскорее опять возвратиться.
Так-то вот каждый бежит от себя и, понятно, не может
Прочь убежать; поневоле с собой остается в досаде,
Ибо причины своей болезни недужный не знает.
А понимай он ее, он бы, всё остальное оставив,
Прежде всего природу вещей постарался постигнуть.
Дело ведь здесь не идет о каком-нибудь часе едином,
А состояньи, в каком неизбежно все смертные люди
Должны по смерти своей во веки веков оставаться.

Что ж, наконец, за несчастная страсть и привязанность к жизни
Нас заставляет всегда трепетать в постоянной тревоге?
Определенный предел установлен для века людского,
И ожидает нас всех неизбежная встреча со смертью.
Кроме того, обращаясь всегда в окружении том же,
Новых добиться утех нельзя продолжением жизни:
То, чего нет у нас, представляется нам вожделенным,
Но, достигая его, вожделенно мы ищем другого,
И неуёмной всегда томимся мы жаждою жизни.
Нам неизвестно, какой нам выпадет жребий в грядущем,
Что̀ нам готовит судьба и какой нас конец ожидает.
На волос даже нельзя продлением жизни уменьшить
Длительность смерти никак и добиться ее сокращенья,
Чтобы поменьше могли мы пробыть в состоянии смерти.
Сколько угодно прожить поколений поэтому можешь,
Всё-таки вечная смерть непременно тебя ожидает.
В небытии пребывать суждено одинаково долго
Тем, кто конец положил своей жизни сегодня, и также
Тем, кто скончался уже на месяцы раньше и годы.

LVCRETI
DE RERVM NATVRA

LIBER QVARTVS

Avia Pieridum peragro loca nullius ante
Trita solo. Iuvat integros accedere fontis
Atque haurire, iuvatque novos decerpere flores
Insignemque meo capiti petere inde coronam,
Vnde prius nulli velarint tempora Musae;
Primum quod magnis doceo de rebus et artis
Religionum animum nodis exsolvere pergo,
Deinde quod obscura de re tam lucida pango
Carmina, musaeo contingens cuncta lepore.
Id quoque enim non ab nulla ratione videtur;
Nam veluti pueris absinthia taetra medentes
Cum dare conantur, prius oras pocula circum
Contingunt mellis dulci flavoque liquore,
Vt puerorum aetas improvida ludificetur
Labrorum tenus, interea perpotet amarum

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отрадно устами
К свежим припасть родникам и отрадно чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанью, стараясь
Дух человека извлечь из тесных тенет суеверий,
А, во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду.
Это, как видишь ты, смысл, несомненно, имеет разумный:
Если ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, то всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь;

Absinthi laticem deceptaque non capiatur,
Sed potius tali pacto recreata valescat,
Sic ego nunc, quoniam haec ratio plerumque videtur
Tristior esse quibus non est tractata, retroque
Vulgus abhorret ab hac, volui tibi suaviloquenti
Carmine Pierio rationem exponere nostram
Et quasi musaeo dulci contingere melle,
Si tibi forte animum tali ratione tenere
Versibus in nostris possem, dum percipis omnem
Naturam rerum ac persentis utilitatem.
    Atque animi quoniam docui natura quid esset
Et quibus e rebus cum corpore compta vigeret
Quove modo distracta rediret in ordia prima,
Nunc agere incipiam tibi, quod vementer ad has res
Attinet, esse ea quae rerum simulacra vocamus;
Quae, quasi membranae summo de corpore rerum
Dereptae, volitant ultroque citroque per auras,
Atque eadem nobis vigilantibus obvia mentis
Terrificant atque in somnis, cum saepe figuras
Contuimur miras simulacraque luce carentum,
Quae nos horrifice languentis saepe sopore
Excierunt, ne forte animas Acherunte reamur
Effugere aut umbras inter vivos volitare,
Neve aliquid nostri post mortem posse relinqui,
Cum corpus simul atque animi natura perempta
In sua discessum dederint primordia quaeque.
    Dico igitur rerum effigias tenuisque figuras
Mittier ab rebus summo de corpore eorum.
Id licet hinc quamvis hebeti cognoscere corde.

    Sed quoniam docui cunctarum exordia rerum
Qualia sint et quam variis distantia formis
Sponte sua volitent aeterno percita motu,
Quoque modo possit res ex his quaeque creari,
Nunc agere incipiam tibi, quod vementer ad has res.

Но не становятся жертвой обмана они, а, напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.
Так поступаю и я. А поскольку учение наше
Непосвященным всегда представляется слишком суровым
И ненавистно оно толпе, то хотел я представить
Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом.
Может быть, этим путем я сумею твой ум и вниманье
К нашим стихам приковать до тех пор, пока ты не постигнешь
Всей природы вещей и познаешь от этого пользу.
После того, как тебе объяснил я духа природу:
Как он живет, находясь в связи непосредственной с телом,
И, при разрыве ее, возвращается в первоначала,
Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает.
Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем;
Тонкой подобно плеве, от поверхности тел отделяясь,
В воздухе реют они, летая во всех направленьях.
Эти же призраки, нам представляясь, в испуг повергают
Нас наяву и во сне, когда часто мы видим фигуры
Странные призраков тех, кто лишен лицезрения света;
В ужасе мы ото сна пробуждаемся, их увидавши.
Но и подумать нельзя, чтоб могли из глубин Ахеронта
Души уйти, или между живых пролетали бы тени,
Иль чтоб могло что-нибудь от нас оставаться по смерти,
Если и тело и дух, одновременно с телом погибнув,
Врозь разошлись и опять разложились на первоначала.
Значит, я здесь говорю, что с поверхности всяких предметов
Отображения их отделяются тонкого вида.
Даже тупому уму понять это будет нетрудно.

Но, объяснивши тебе предварительно сущность и свойства
Мира начал основных, и как, различаясь по формам,
Непроизвольно они несутся в движении вечном,
Также и то, как из них созидаются всякие вещи,
Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает.

Principio quoniam mittunt in rebus apertis
Corpora res multae, partim diffusa solute,
Robora ceu fumum mittunt ignesque vaporem,
Et partim contexta magis condensaque, ut olim
Cum teretes ponunt tunicas aestate cicadae,
Et vituli cum membranas de corpore summo
Nascentes mittunt, et item cum lubrica serpens
Exuit in spinis vestem; nam saepe videmus
Illorum spoliis vepris volitantibus auctas.
Quae quoniam fiunt, tenuis quoque debet imago
Ab rebus mitti summo de corpore rerum.
Nam cur illa cadant magis ab rebusque recedant
Quam quae tenvia sunt, hiscendist nulla potestas;
Praesertim cum sint in summis corpora rebus
Multa minuta, iaci quae possint ordine eodem
Quo fuerint, et formai servare figuram,
Et multo citius, quanto minus indupediri
Pauca queunt et sunt in prima fronte locata.
Nam certe iacere ac largiri multa videmus,
Non solum ex alto penitusque, ut diximus ante,
Verum de summis ipsum quoque saepe colorem.
Et vulgo faciunt id lutea russaque vela
Et ferrugina, cum magnis intenta theatris
Per malos vulgata trabesque trementia flutant.
Namque ibi consessum caveai subter et omnem
Scaenai speciem, patrum matrumque decorem
Inficiunt coguntque suo fluitare colore.
Et quanto circum mage sunt inclusa theatri
Moenia, tam magis haec intus perfusa lepore
Omnia corrident correpta luce diei.
Ergo lintea de summo cum corpore fucum

Attinet, esse ea quae rerum simulacra vocamus;
Quae quasi membranae vel cortex nominitandast,
Quod speciem ac formam similem gerit eius imago,
Cuiuscumque cluet de corpore fusa vagari.

Прежде всего, от вещей очевидных для нас и доступных
Много таких выделяется тел, что расходятся сразу:
Дым от полен, например, или жар, от огня исходящий,
Или таких, что плотней и гораздо сплётеннее, вроде
Круглой запрядки цикад, оставляемой летней порою,
Или же тонкой плевы, что спадает с поверхности тела
Новорожденных телят, или скользкой змеи оболочки,
Что оставляет она на колючках; ведь часто мы видим,
Как на ветвистых кустах повисают летучие шкурки.
Если же всё это так, то и тонкие образы также
Должны итти из вещей, от поверхности тел отделяясь,
Ибо никак доказать невозможно, что те выделенья
Могут скорей отходить от вещей, чем тончайшие эти.
Да и особенно, раз заключает поверхность предметов
Множество крохотных тел, что способны от них отрываться
В точном порядке, всегда сохраняя их облик и форму,
Мчась несравненно быстрей, потому что им меньше препятствий,
Так как не часты они и на первом находятся месте.
Ибо мы видим, что много вещей к выделеньям способны
Не из глубин лишь и недр, как сказали мы раньше, но также
С самой поверхности; так они часто и цвет испускают.
Это бывает, когда фиолетовый, или же красный,
Иль желтоватый покров над обширным театром натянут
И развевается он, к шестам прикрепленный и к брусьям.
Тут и сидящий народ на ступенях, и сцены пространство
Вместе с нарядом матрон и сенаторов пышной одеждой
Эти покровы своей заливают цветною волною.
И, чем теснее кругом театрального зданья ограда,
Тем и цветистей на всем отражается отблеск прекрасный,
И улыбается всё при умеренном солнечном свете.
Если ж окраска идет от поверхности тканей, то дóлжны

Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем;
Тонкой они подобны плеве, иль корой назовем их,
Ибо и форму и вид хранят отражения эти,
Тел, из которых они выделяясь, блуждают повсюду.

Mittunt, effigias quoque debent mittere tenvis
Res quaeque, ex summo quoniam iaculantur utraque.
Sunt igitur iam formarum vestigia certa,
Quae vulgo volitant subtili praedita filo
Nec singillatim possunt secreta videri.
Praeterea omnis odor, fumus, vapor, atque aliae res
Consimiles ideo diffusae rebus abundant,
Ex alto quia dum veniunt intrinsecus ortae,
Scinduntur per iter flexum, nec recta viarum
Ostia sunt, qua contendant exire coortae.
At contra tenuis summi membrana coloris
Cum iacitur, nil est quod eam discerpere possit,
In promptu quoniam est in prima fronte locata.
Postremo speculis in aqua splendoreque in omni
Quaecumque apparent nobis simulacra, necessest,
Quandoquidem simili specie sunt praedita rerum,
Exin imaginibus missis consistere eorum.
Sunt igitur tenues formae rerum his similesque
Effigiae, singillatim quas cernere nemo
Cum possit, tamen assiduo crebroque repulsu
Reiectae reddunt speculorum ex aequore visum,
Nec ratione alia servari posse videntur,
Tanto opere ut similes reddantur cuique figurae.
Nunc age quam tenui natura constet imago
Percipe. Et in primis, quoniam primordia tantum
Sunt infra nostros sensus tantoque minora
Quam quae primum oculi coeptant non posse tueri,
Nunc tamen id quoque uti confirmem, exordia rerum
Cunctarum quam sint subtilia percipe paucis.
Primum animalia sunt iam partim tantula, quorum
Tertia pars nulla possit ratione videri.
Horum intestinum quodvis quale esse putandumst?
Quid cordis globus aut oculi? Quid membra? Quid artus?
Quantula sunt! Quid praeterea primordia quaeque,
Vnde anima atque animi constet natura necessumst?

Всякие вещи давать и подобия тонкие также,
Раз от поверхности тел отлетает и то и другое.
Значит, как видно, следы несомненные форм существуют;
Реют повсюду они, состоя из прозрачнейшей ткани,
И, отделяясь, совсем недоступны для зрения порознь.
Кроме того, всякий дым, как и запах, и жар, и другие
Вещи, подобные им, истекают в рассеянном виде
Из-за того, что, внутри зародясь, из глубин возникая,
По закоулкам пути раздробляются: нет им прямого
Выхода, чтобы уйти, вырываяся сплоченным целым.
Наоборот же: плеву тончайшую внешней окраски
Не в состояньи ничто разорвать при ее отделеньи,
Раз наготове она и на первом находится месте.
Призраки все, наконец, что являются нам, отражаясь
В зеркале или в воде, иль в поверхности всякой блестящей,
Так как по виду они настоящим предметам подобны,
Должны из образов быть, что исходят от этих предметов.
Значит, у всяких вещей существуют тончайшие формы,
Или подобия их, хоть никто не способен их видеть
Порознь, но все же, путем беспрерывных своих отражений,
Видны бывают они, отдаваясь от глади зеркальной.
И сохраняться нельзя, очевидно, им иначе, чтобы
В точности отображать всевозможных предметов фигуры.

Ну, а теперь ты узнай о тончайшей природе такого
Образа. Прежде всего, ты прими во вниманье, насколько
Первоначала лежат за пределами нашего чувства,
Будучи мельче всего, что уже недоступно для глаза.
Чтобы, однако, иметь подтверждение этого, надо
Выслушать вкратце тебе, как тонки основные начала.
Много, во-первых, таких существует животных, которых
Третьей доли уже мы никак не способны увидеть.
А каковы же нутра у них части любые должны быть?
Сердца комок или глаз? Их отдельные члены, суставы?
Как они малы! А все по отдельности первоначала,
Сущность откуда души или духа должна получаться?

Nonne vides quam sint subtilia quamque minuta?
Praeterea quaecumque suo de corpore odorem
Exspirant acrem, panaces, absinthia taetra,
125 Habrotonique graves et tristia centaurea,
Quorum unum quidvis leviter si forte duobus
126[a] Attigeris digitis, foedum servabis odorem.

* * *

Quin potius noscas rerum simulacra vagari
Multa modis multis nulla vi cassaque sensu?
Sed ne forte putes ea demum sola vagari,
130 Quaecumque ab rebus rerum simulacra recedunt,
Sunt etiam quae sponte sua gignuntur et ipsa
Constituuntur in hoc caelo, qui dicitur aer,
135 Quae multis formata modis sublime feruntur.
133 Vt nubis facile interdum concrescere in alto
Cernimus et mundi speciem violare serenam,
136 Aera mulcentis motu. Nam saepe Gigantum
Ora volare videntur et umbram ducere late,
Interdum magni montes avulsaque saxa
Montibus anteire et solem succedere praeter,
140 Inde alios trahere atque inducere belua nimbos.
Nec speciem mutare suam liquentia cessant
Et cuiusque modi formarum vertere in oras.
168 Praeterea modo cum fuerit liquidissima caeli
Tempestas, perquam subito fit turbida foede,
170 Vndique uti tenebras omnis Acherunta rearis
Liquisse et magnas caeli complesse cavernas,
Vsque adeo taetra nimborum nocte coorta
Impendent atrae Formidinis ora superne;
Quorum quantula pars sit imago dicere nemost
175 Qui possit neque eam rationem reddere dictis.
143 Nunc ea quam facili et celeri ratione genantur
Perpetuoque fluant ab rebus lapsaque cedant
144[a] Percipe, ne coeptes nostris diffidere dictis.

Разве не видно тебе, до чего они тонки и мелки?
Дальше, растения все, издающие резкий и острый
Запах, полынь, например, горьковатая, иль панацея,
Иль чернобыльник пахучий, иль терпкий тысячелистник, —
Если к любому из них ты хотя бы слегка прикоснешься
Пальцами, всё ж на руке останется запах противный.

* * *

Так что не лучше ль признать, что во множестве, многоразлично
Призраки реют вещей, но без сил и для чувств неприметно?
Но не подумай, смотри, будто те лишь летают повсюду
Призраки разных вещей, что от самых вещей отделились.
Могут рождаться они самобытно и сами возникнуть
В небе, которое мы называем воздушным пространством.
Вверх улетают они, принимая различные формы.
Так в вышине облака, как мы видим, легко заклубившись,
Светлое мира лицо омрачают порою и воздух
Нежат движеньем своим. И нередко нам кажется, будто
Там исполины летят и стелют широкие тени,
Или громада горы надвигается сверху, и камни
С гор низвергаются вдруг, заслоняя сияние солнца.
Следом же тучи бегут, принимая обличье чудовищ,
И, расплываясь затем, непрестанно свой вид изменяют,
Переходя из одних очертаний при этом в другие.
Кроме того, небеса, за минуту сверкавшие ясно,
Часто внезапно везде облекаются бурною тьмою
Так, что как будто бы весь с Ахеронта поднявшийся сумрак
Вырвался вон, захватив и заполнив небесные своды.
Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув;
Сколь же ничтожная часть этой тучи есть ее образ,
Нам не исчислит никто и не выразит этого словом.
Ну, а теперь, как легко и как быстро рождаются эти
Призраки, как от вещей постоянным исходят потоком,
Я поясню, чтоб к словам не питал ты моим недоверья.

Semper enim summum quicquid de rebus abundat,
Quod iaculentur. Et hoc alias cum pervenit in res,
Transit, ut in primis vestem. Sed ubi aspera saxa
Aut in materiam ligni pervenit, ibi iam
Scinditur, ut nullum simulacrum reddere possit.
At cum splendida quae constant opposta fuerunt
Densaque, ut in primis speculum est, nil accidit horum.
Nam neque, uti vestem, possunt transire, neque autem
Scindi; quam meminit levor praestare salutem.
Quapropter fit ut hinc nobis simulacra redundent.
Et quamvis subito quovis in tempore, quamque
Rem contra speculum ponas, apparet imago;
Perpetuo fluere ut noscas e corpore summo
Texturas rerum tenuis tenuisque figuras.
Ergo multa brevi spatio simulacra genuntur,
Vt merito celer his rebus dicatur origo.
Et quasi multa brevi spatio summittere debet
Lumina sol, ut perpetuo sint omnia plena,
Sic ab rebus item simili ratione necessest
Temporis in puncto rerum simulacra ferantur
Multa modis multis in cunctas undique partis;
Quandoquidem speculum quocumque obvertimus oris,
Res ibi respondent simili forma atque colore.
Nunc age, quam celeri motu simulacra ferantur
Et quae mobilitas ollis tranantibus auras
Reddita sit, longo spatio ut brevis hora teratur,
In quem quaeque locum diverso numine tendunt,
Suavidicis potius quam multis versibus edam;
Parvus ut est cycni melior canor, ille gruum quam
Clamor in aetheriis dispersus nubibus Austri.
Principio persaepe levis res atque minutis
Corporibus factas celeris licet esse videre.
In quo iam genere est solis lux et vapor eius,
Propterea quia sunt e primis facta minutis,
Quae quasi cuduntur perque aeris intervallum

Ибо поверхность вещей источает всегда изобильно
То, что летит от нее. Истечения эти, встречая
Ткани какие-нибудь, проникают насквозь; но, коль скоро
Твердые камни у них на пути или дерево, тотчас
Врозь расщепляются так, что создать отражений не могут.
Если ж столкнутся они с блестящим и плотным предметом,
С зеркалом, прежде всего, — ничего не бывает такого.
Ибо им тут ни пройти, как проходят они через ткани,
Ни расщепиться нельзя: соблюдает их в целости гладкость.
Вот по причине какой отраженья оттуда к нам льются.
И, хоть внезапно поставь, хоть в любое мгновенье любую
Вещь перед зеркалом ты, — отраженье появится сразу.
Ясно теперь для тебя, что с поверхности тел непрерывно
Тонкие ткани вещей и фигуры их тонкие льются.
Множество призраков в миг, таким образом, тут возникает,
Так что мы в праве сказать, что они зарождаются быстро;
И, наподобье того, как должно во мгновение солнце
Много лучей испускать, чтобы все постоянно сияло,
Так же совсем от вещей во мгновение ока в несметном
Множестве призраки их непременно должны уноситься,
Многоразличным путем разлетаясь во всех направленьях,
Так как, куда бы вертеть мы ни начали зеркало, всюду
Вещи оно отразит, сохраняя и цвет их и форму.

Ну, а теперь, какова быстрота и подвижность, с которой
Призраки мчатся, когда сквозь воздух они проплывают,
Так что мгновенно пройти расстоянье далекое могут
К месту любому, куда побужденьем различным стремятся,
Не многословно тебе объясню, но в стихах сладкозвучных:
Лебедя краткая песнь превосходит тот крик журавлиный,
Что раздается вверху, в облаках, нагоняемых Австром.
Легким, во-первых, вещам, из мелких тел состоящим,
Чаще, чем всяким другим, быстрота очевидно присуща.
Солнечный свет, как и жар, относятся к этим предметам,
Так как они состоят из мелких начальных частичек;
Бьются как будто они друг о друга в пространстве воздушном,

Non dubitant transire sequenti concita plaga.
Suppeditatur enim confestim lumine lumen,
Et quasi protelo stimulatur fulgere fulgur.
Quapropter simulacra pari ratione necesse est
Immemorabile per spatium transcurrere posse
Temporis in puncto, primum quod parvula causa
Est procul a tergo quae provehat atque propellat,
Quod superest, ubi tam volucri levitate ferantur,
Deinde quod usque adeo textura praedita rara
Mittuntur, facile ut quasvis penetrare queant res
Et quasi permanare per aeris intervallum.
Praeterea siquae penitus corpuscula rerum
Ex altoque foras mittuntur, solis uti lux
Ac vapor, haec puncto cernuntur lapsa diei
Per totum caeli spatium diffundere sese,
Perque volare mare ac terras caelumque rigare,
Quid quae sunt igitur iam prima fronte parata,
Cum iaciuntur et emissum res nulla moratur?
Quone vides citius debere et longius ire
Multiplexque loci spatium transcurrere eodem
Tempore quo solis pervulgant lumina caelum?
Hoc etiam in primis specimen verum esse videtur,
Quam celeri motu rerum simulacra ferantur,
Quod simul ac primum sub diu splendor aquai
Ponitur, extemplo caelo stellante serena
Sidera respondent in aqua radiantia mundi.
Iamne vides igitur quam puncto tempore imago
Aetheris ex oris in terrarum accidat oras?
Quare etiam atque etiam mitti fateare necessest
Corpora quae feriant oculos visumque lacessant.
Perpetuoque fluunt certis ab rebus odores;
Frigus ut a fluviis, calor ab sole, aestus ab undis
Aequoris, exesor moerorum litora circum.
Nec variae cessant voces volitare per auras.
Denique in os salsi venit umor saepe saporis,

Без промедленья идя непрерывно, под градом ударов:
Тотчас же луч за лучом непременно опять возникает,
Молнья за молньей летит, и одна подстрекает другую.
Значит, подобным путем непременно и призраки могут
Неизмеримую даль пробегать во мгновение ока,
Прежде всего потому, что довольно ничтожной причины,
Что́ бы их, сзади толкнув, далеко уносила и гнала,
Если, к тому же, вперед они столь быстролетно несутся,
И, наконец, потому, что их редкая ткань при полете
Без затрудненья пройти сквозь любые способна преграды
И просочиться везде, где угодно, в пространстве воздушном.
Кроме того, если тельца вещей, как мы видим, способны
Вон из глубин вылетать потаенных и мчаться, как мчится
Солнечный свет или жар, вылетая наружу, мгновенно
Всюду по своду небес растекаясь широким потоком,
Перелетая моря, заливая и землю и небо,
Что же ты скажешь о тех, что на первом находятся месте
И наготове стоят, и ничто им нестись не мешает?
Видишь ли ты, до чего уходить они будут скорее
И по пространству лететь во много раз дальше в то время,
Как по небесному своду проносится солнца сиянье?
Вот что послужит еще доказательством самым вернейшим
Скорости той, что вещей присуща призракам быстрым:
Стоит лишь вынести нам под открытое звездное небо
Полный водою сосуд, как сейчас же в нем отразятся
Звезды небес и лучи засверкают на глади зеркальной.
Видишь ли ты, наконец, как мгновенно является образ
Из поднебесных высот и пределов земли достигает?

Так что, опять повторю: неизбежно признать вылетанье
Телец, которые бьют по глазам, вызывая в них зренье.
Запахи также всегда от известных вещей истекают,
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от соленых
Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно по воздуху всюду;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,

Cum mare versamur propter, dilutaque contra
Cum tuimur misceri absinthia, tangit amaror.
Vsque adeo omnibus ab rebus res quaeque fluenter
Fertur et in cunctas dimittitur undique partis,
Nec mora nec requies interdatur ulla fluendi,
Perpetuo quoniam sentimus, et omnia semper
Cernere odorari licet et sentire sonare.
Praeterea quoniam manibus tractata figura
In tenebris quaedam cognoscitur esse eadem quae
Cernitur in luce et claro candore, necessest
Consimili causa tactum visumque moveri.
Nunc igitur si quadratum temptamus et id nos
Commovet in tenebris, in luci quae poterit res
Accidere ad speciem quadrata, nisi eius imago?
Esse in imaginibus quapropter causa videtur
Cernendi neque posse sine his res ulla videri.
Nunc ea quae dico rerum simulacra feruntur
Vndique et in cunctas iaciuntur didita partis.
Verum nos oculis quia solis cernere quimus,
Propterea fit uti, speciem quo vertimus, omnes
Res ibi eam contra feriant forma atque colore.
Et quantum quaeque ab nobis res absit, imago
Efficit ut videamus et internoscere curat.
Nam cum mittitur, extemplo protrudit agitque
Aera qui inter se cumque est oculosque locatus,
Isque ita per nostras acies perlabitur omnis
Et quasi perterget pupillas atque ita transit.
Propterea fit uti videamus quam procul absit
Res quaeque. Et quanto plus aeris ante agitatur
Et nostros oculos perterget longior aura,
Tam procul esse magis res quaeque remota videtur.
Scilicet, haec summe celeri ratione geruntur,
Quale sit ut videamus et una quam procul absit.
Illud in his rebus minime mirabile habendumst,
Cur, ea quae feriant oculos simulacra videri

Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
С нами полынный настой растворяют, мы чувствуем горечь
Так ото всяких вещей непрестанным потоком струятся
Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направленьям;
Без остановки идет и без отдыха это теченье,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Всё мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим.
Дальше, раз ощупью мы, осязая любую фигуру,
Можем признать в темноте ее тою же самой, что видим
Мы среди белого дня, в освещении ярком, то, значит,
Сходным путем возбуждаются в нас осязанье и зренье.
Так что, когда мы впотьмах осязаем квадрат и таким он
Нам представляется тут, то что же квадратным при свете
Взора способно достичь, как не образ того же квадрата?
Видим из этого мы, что причиною зрения служат
Образы нам, и без них ничего мы не можем увидеть.
Призраки эти вещей, о каких говорю я, несутся
Всюду, и мчатся они, разлетаясь по всем направленьям.
Но оттого, что смотреть мы одними глазами способны,
И происходит, что там лишь, куда обращаем мы взоры,
Может по ним ударять и окраска и форма предметов.
И расстояние то, что от нас отделяет предметы,
Образ нам видеть дает и его распознать помогает.
Ибо, от вещи пойдя, он сейчас же толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен;
Весь этот воздух тогда сквозь наши глаза проскользает
И, задевая зрачки, таким способом дальше проходит.
Так происходит, что мы различаем, насколько далеко
Каждая вещь отстоит. И чем гонится воздуха больше,
Чем протяженней струя, что наши глаза задевает,
Тем отдаленнее нам представляются разные вещи.
Надо сказать, что идет это все с быстротой чрезвычайной,
Так что мы сразу и вещь и ее расстояние видим.
Здесь не должно вызывать удивления в нас, почему же,
Ежели призраков тех, что в глаза ударяют, не можем

Singula cum nequeant, res ipsae perspiciantur.
Ventus enim quoque paulatim cum verberat et cum
Acre fluit frigus, non privam quamque solemus
Particulam venti sentire et frigoris eius,
Sed magis unorsum, fierique perinde videmus
Corpore tum plagas in nostro tamquam aliquae res
Verberet atque sui det sensum corporis extra.
Praeterea lapidem digito cum tundimus, ipsum
Tangimus extremum saxi summumque colorem,
Nec sentimus eum tactu, verum magis ipsam
Duritiem penitus saxi sentimus in alto.
    Nunc age, cur ultra speculum videatur imago
Percipe; nam certe penitus semota videtur.
Quod genus illa foris quae vere transpiciuntur,
Ianua cum per se transpectum praebet apertum,
Multa facitque foris ex aedibus ut videantur.
Is quoque enim duplici geminoque fit aere visus.
Primus enim citra postis tum cernitur aer,
Inde fores ipsae dextra laevaque sequuntur,
Post extraria lux oculos perterget et aer
Alter, et illa, foris quae vere transpiciuntur.
Sic ubi se primum speculi proiecit imago,
Dum venit ad nostras acies, protrudit agitque
Aera qui inter se cumquest oculosque locatus,
Et facit ut prius hunc omnem sentire queamus
Quam speculum. Sed ubi speculum quoque sensimus ipsum,
Continuo a nobis in eum quae fertur imago
Pervenit et nostros oculos reiecta revisit,
Atque alium prae se propellens aera volvit,
Et facit ut prius hunc quam se videamus, eoque
Distare ab speculo tantum semota videtur.
Quare etiam atque etiam minime mirarier est par,
Quod similis ratiost rerum quas ianua monstrat
Illis quae reddunt speculorum ex aequore visum,
Aeribus binis quoniam res confit utraque.

Видеть в отдельности мы, различаем мы самые вещи:
Так, когда ветер нас бьет, учащая порывы, иль резкий
Холод струится, то мы ведь обычно не чувствуем порознь
Ветра отдельных частиц или холода; нет, мы скорее
Их совокупность тогда ощущаем и видим, что наше
Тело удары несет, совершенно как будто бы нечто
Бьет нас, давая извне представленье о собственном теле.
Кроме того, коль стучать начинаем мы пальцем о камень,
То, прикасаясь к самой его внешней, наружной окраске,
Мы осязаньем совсем не ее ощущаем, а только
Самую твердость скалы до глубоких ее оснований.

Ну, а теперь ты узнай, почему нам за зеркалом виден
Образ; ведь кажется нам, что он вглубь отодвинут далеко.
Это похоже на то, что наружи действительно видно,
Если отворена дверь и, вид открывая свободный,
Из дому многое нам позволяет наружи увидеть.
Воздухом также двойным вызывается виденье это:
Прежде всего различать начинаем мы воздух пред дверью,
Справа и слева затем появляются створки дверные,
Свет задевает глаза после этого внешний, и воздух
Новый, и далее то, что наружи действительно видно.
Так же и образ: когда отразится от зеркала, тотчас
К нашему взору идя, пред собой он толкает и гонит
Воздух, который меж ним и глазами у нас расположен,
Делая так, что его целиком ощущаем скорее,
Нежели зеркало, мы. Но, лишь только мы зеркало видим,
Тотчас приходит от нас до него доносящийся образ
И, отраженный, опять до наших глаз достигает,
И пред собою струю он нового воздуха гонит,
Делая так, что его мы до образа видим; и это
Видеть нам образ дает в расстояньи от зеркала должном.
Так что опять повторю: удивляться нисколько не надо
Что точно так же, как в дверь, мы многое видим, и образ
Виден бывает для нас, отдаваясь от глади зеркальной,
Ибо и тут, как и там, двоякий воздействует воздух.

Nunc ea quae nobis membrorum dextera pars est,
In speculis fit ut in laeva videatur eo quod
Planitiem ad speculi veniens cum offendit imago,
Non convertitur incolumis, sed recta retrorsum
Sic eliditur, ut siquis, prius arida quam sit
Cretea persona, allidat pilaeve trabive,
Atque ea continuo rectam si fronte figuram
Servet et elisam retro sese exprimat ipsa.
Fiet ut, ante oculus fuerit qui dexter, ut idem
Nunc sit laevus, et e laevo sit mutua dexter.
Fit quoque de speculo in speculum ut tradatur imago,
Quinque etiam aut sex ut fieri simulacra suerint.
Nam quaecumque retro parte interiore latebunt,
Inde tamen, quamvis torte penitusque remota,
Omnia per flexos aditus educta licebit
Pluribus haec speculis videantur in aedibus esse.
Vsque adeo e speculo in speculum translucet imago,
Et cum laeva data est, fit rursum ut dextera fiat,
Inde retro rursum redit et convertit eodem.
Quin etiam quaecumque latuscula sunt speculorum
Assimili lateris flexura praedita nostri,
Dextera ea propter nobis simulacra remittunt,
Aut quia de speculo in speculum transfertur imago,
Inde ad nos elisa bis advolat, aut etiam quod
Circum agitur, cum venit, imago propterea quod
Flexa figura docet speculi convertier ad nos.
Indugredi porro pariter simulacra pedemque
Ponere nobiscum credas gestumque imitari
Propterea quia, de speculi qua parte recedas,
Continuo nequeunt illinc simulacra reverti;
Omnia quandoquidem cogit natura referri
Ac resilire ab rebus ad aequos reddita flexus.

Splendida porro oculi fugitant vitantque tueri.
Sol etiam caecat, contra si tendere pergas,
Propterea quia vis magnast ipsius, et alte

Части же тела, затем, что у нас расположены справа,
В зеркале будут всегда потому находиться налево,
Что, когда образ, идя, ударяется в зеркала плоскость,
Он неизменным никак обернуться не может, но прямо
Он отдается назад точно так же, как маска из глины,
Если сырою ее ударить о столб или балку;
Коль сохранила б она очертания прежние, тотчас
После удара должна наизнанку у нас обернуться:
Правый глаз у нее тут окажется левым, а бывший
Левым сначала — взамен непременно очутится справа.
Также бывает еще, что, от зеркала в зеркало образ
Передаваясь, дает до пяти и шести отражений.
И, таким образом, все потаенные даже предметы,
Хоть бы скрывались они глубоко в закоулках укромных,
Могут, извилистый путь проходя, появляться посредством
Многих зеркал и свое обнаружить присутствие в доме.
Так, отражаясь, идет из зеркала в зеркало образ:
Будучи с левой руки, переходит направо обратно
И, обернувшись, опять в положеньи является прежнем.
Мало того: зеркала из бочков, обладающих в целом
Тем же изгибом, какой существует у нашего бока,
К нам отсылают назад расположенный правильно призрак
Иль потому, что несется от зеркала к зеркалу образ
И долетает затем до нас, отразившися дважды,
Или еще потому что, идучи, образ крутѝтся
И обращается к нам, искривлению зеркала вторя.
Далее, кажется нам, что призраки ходят и с нами
Вместе шагают и всем подражают движениям нашим
Из-за того, что та зеркала часть, от которой ушли мы,
Перестает от себя отбрасывать призраки тотчас,
Ибо отскакивать всё от вещей заставляет природа
И отражаться назад под таким же углом, как упало.

Дальше: стремятся глаза убежать и укрыться от блеска
Если же станешь смотреть ты на солнце, оно ослепляет,
Ибо и сила его самого велика, да и сверху,

Aera per purum graviter simulacra feruntur
Et feriunt oculos turbantia composituras.
Praeterea splendor quicumque est acer adurit
Saepe oculos ideo quod semina possidet ignis
Multa, dolorem oculis quae gignunt insinuando.
Lurida praeterea fiunt quaecumque tuentur
Arquati, quia luroris de corpore eorum
Semina multa fluunt simulacris obvia rerum,
Multaque sunt oculis in eorum denique mixta,
Quae contage sua palloribus omnia pingunt.
E tenebris autem quae sunt in luce tuemur
Propterea quia, cum propior caliginis aer
Ater init oculos prior et possedit apertos,
Insequitur candens confestim lucidus aer,
Qui quasi purgat eos ac nigras discutit umbras
Aeris illius. Nam multis partibus hic est
Mobilior multisque minutior et mage pollens.
Qui simul atque vias oculorum luce replevit
Atque patefecit, quas ante obsederat aer
Ater, continuo rerum simulacra sequuntur
Quae sita sunt in luce, lacessuntque ut videamus.
Quod contra facere in tenebris e luce nequimus
Propterea, quia posterior caliginis aer
Crassior insequitur, qui cuncta foramina complet
Obsiditque vias oculorum, ne simulacra
Possint ullarum rerum coniecta movere.
Quadratasque procul turris cum cernimus urbis,
Propterea fit uti videantur saepe rotundae,
Angulus obtusus quia longe cernitur omnis,
Sive etiam potius non cernitur ac perit eius
Plaga nec ad nostras acies perlabitur ictus,
Aera per multum quia dum simulacra feruntur,
Cogit hebescere eum crebris offensibus aer.
Hoc ubi suffugit sensum simul angulus omnis,
Fit quasi ut ad tornum saxorum structa tuantur,

В воздухе чистом летя, его призраки падают тяжко
И ударяют в глаза, приводя в разрушение ткани.
Кроме того, всякий блеск слишком яркий глаза опаляет
Часто нам в силу того, что семян в нем огня заключенных
Много, которые боль порождают, в глаза проникая.
Дальше, становится всё желтоватым, на что ни посмотрит
Всякий желтушный больной, ибо тело у них источает
Много семян желтизны навстречу призраку вещи,
Да и в глаза, наконец, у них вмешано много таких же,
Бледный оттенок всему, что затронут они, придающих.
Из темноты ж потому освещенные видим мы вещи,
Что, хотя мрачная мгла ближайшего воздуха раньше
Нам проникает в глаза открытые, их застилая,
Следом, однако, идет белизною сияющий воздух
И очищает наш взор, разгоняя все черные тени
Воздуха темного: он несравненно его и подвижней,
Тоньше гораздо его и гораздо более мощен.
Только лишь светом своим он проходы глазные заполнит,
Освободивши пути, что до этого заняты были
Воздухом темным, тотчас появляются призраки следом
Всех освещенных вещей, заставляя нас тут же их видеть.
Из освещенных же мест ничего в темноте мы не видим
Из-за того, что вослед надвигается мрачною мглою
Воздух густой и собой отверстия все заполняет;
Все занимает он тут проходы глазные, и призрак
Вещи уже никакой, ударяясь, глаза не затронет.
Если же издали мы на квадратные города башни
Смотрим, то нам потому они круглыми кажутся часто,
Что всякий угол вдали представляется нам притупленным,
Или он даже скорей незаметен совсем: пропадает
Всякий толчок от него, и удар не доходит до глаза,
Ибо, коль воздуха слой, чрез который все призраки мчатся,
Толст, то удары слабеть начинают от частых препятствий.
Так, когда вовсе углы ускользают от нашего чувства,
Кажется нам под резец округлённой постройка из камня;

Non tamen ut coram quae sunt vereque rotunda,
Sed quasi adumbratim paulum simulata videntur.
Vmbra videtur item nobis in sole moveri
Et vestigia nostra sequi gestumque imitari;
Aera si credis privatum lumine posse
Indugredi, mòtus hominum gestumque sequentem.
Nam nil esse potest aliud nisi lumine cassus
Aer id quod nos umbram perhibere suemus.
Nimirum, quia terra locis ex ordine certis
Lumine privatur solis quacumque meantes
Officimus, repletur item quod liquimus eius,
Propterea fit uti videatur, quae fuit umbra
Corporis, e regione eadem nos usque secuta.
Semper enim nova se radiorum lumina fundunt
Primaque dispereunt, quasi in ignem lana trahatur.
Propterea facile et spoliatur lumine terra,
Et repletur item nigrasque sibi abluit umbras.
Nec tamen hic oculos falli concedimus hilum.
Nam quocumque loco sit lux atque umbra tueri
Illorum est. Eadem vero sint lumina necne,
Vmbraque quae fuit hic eadem nunc transeat illuc,
An potius fiat paulo quod diximus ante,
Hoc animi demum ratio discernere debet,
Nec possunt oculi naturam noscere rerum.
Proinde animi vitium hoc oculis adfingere noli.
Qua vehimur navi, fertur, cum stare videtur;
Quae manet in statione, ea praeter creditur ire.
Et fugere ad puppim colles campique videntur,
Quos agimus praeter navem velisque volamus.
Sidera cessare aetheriis adfixa cavernis
Cuncta videntur, et assiduo sunt omnia motu,
Quandoquidem longos obitus exorta revisunt,
Cum permensa suo sunt caelum corpore claro.
Solque pari ratione manere et luna videtur
In statione, ea quae ferri res indicat ipsa.

Правда, не так, как вблизи действительно круглые зданья,
Но в очертаньях своих приблизительно сходною с ними.
Кажется также, что тень шевелится наша на солнце,
По следу идя и всем подражая движениям нашим,
Ежели только шагать, по-твоему, воздух способен,
Света лишенный, и всем человека движениям вторить:
То ведь, что тенью мы все называем обычно, не может
Что-то иное собой представлять, как не воздух без света.
Это действительно так, потому что земля постепенно
Света лишается там, где солнце, идя, мы закроем,
И наполняется им в том месте, откуда уходим.
Вследствие этого нам представляется как бы бегущей
Прямо за нами та тень, что своим мы отбросили телом.
Вечно ведь света лучи изливаются прежним на смену
И исчезают, как шерсть, коль в огонь ее тянутся нити.
Вот почему так легко земля и лишается света,
И наполняется им, и смывает все черные тени.

Не допускаем при том мы, чтоб глаз хоть слегка ошибался,
Ибо увидеть, где свет, а где тени легли, — это дело
Нашего глаза; но тот же ли свет здесь сияет иль новый,
Та же иль новая тень переходит с места на место,
Иль происходит здесь то, о чем только что мы говорили, —
Этот вопрос разрешить единственно разум обязан;
Глаз же природу вещей познавать совершенно не может,
А потому не вини его в том, в чем повинен лишь разум.
Кажется нам, что корабль, на котором плывем мы, недвижен,
Тот же, который стоит причаленный, — мимо проходит;
Кажется, будто к корме убегают холмы и долины,
Мимо которых идет наш корабль, паруса распустивши.
Звезды кажутся нам укрепленными в сводах эфирных,
Но тем не менее все они движутся без перерыва,
Так как восходят и вновь к отдаленному мчатся закату,
Путь совершив в небесах и пройдя их сверкающим телом.
Кажется нам, что и солнце с луной остаются на месте,
Стоя спокойно, хотя и несутся они в самом деле.

Exstantesque procul medio de gurgite montes,
Classibus inter quos liber patet exitus ingens,
Insula coniunctis tamen ex his una videtur.
Atria versari et circumcursare columnae
Vsque adeo fit uti pueris videantur, ubi ipsi
Desierunt verti, vix ut iam credere possint
Non supra sese ruere omnia tecta minari.
Iamque rubrum tremulis iubar ignibus erigere alte
Cum coeptat natura supraque extollere montis,
Quos tibi tum supra sol montis esse videtur
Comminus ipse suo contingens fervidus igni,
Vix absunt nobis missus bis mille sagittae,
Vix etiam cursus quingentos saepe veruti.
Inter eos solemque iacent immania ponti
Aequora substrata aetheriis ingentibus oris,
Interiectaque sunt terrarum milia multa,
Quae variae retinent gentes et saecla ferarum.
At collectus aquae digitum non altior unum,
Qui lapides inter sistit per strata viarum,
Despectum praebet sub terras impete tanto,
A terris quantum caeli patet altus hiatus;
Nubila despicere et caelum ut videare videre et
Corpora mirande sub terras abdita caelo.
Denique ubi in medio nobis equus acer obhaesit
Flumine et in rapidas amnis despeximus undas,
Stantis equi corpus transversum ferre videtur
Vis et in adversum flumen contrudere raptim,
Et quocumque oculos traiecimus omnia ferri
Et fluere assimili nobis ratione videntur.
Porticus aequali quamvis est denique ductu
Stansque in perpetuum paribus suffulta columnis,
Longa tamen parte ab summa cum tota videtur,
Paulatim trahit angusti fastigia coni,
Tecta solo iungens atque omnia dextera laevis,
Donec in obscurum coni conduxit acumen.

Горы, которые ввысь из морской поднялися пучины,
Между которых проход кораблям остается обширный,
Издали всё-таки нам представляются островом целым.
Даже тогда, как уже перестали ребята кружиться,
Всё еще кажется им, что вертится атрий и ходит
Вся колоннада кругом; и едва они могут поверить,
Что не грозят задавить их, обрушившись, стены и крыша.
И над холмами когда поднимать начинает природа
Красную зо́рю, в лучах переливных горящую ярко,
Кажется, будто холмы, над которыми солнце восходит,
Прямо вплотную огнем раскаленным оно заливает.
Тысячи две лишь полетов стрелы отделяет нередко
Все эти горы от нас иль пятьсот перелетов копейных,
А на пространстве от них и до солнца раскинулись глади
Моря огромных равнин, под безбрежным простертых эфиром;
Многие тысячи стран в промежутке находятся этом,
Где и различный народ обитает и всякие звери.
В луже стоячей воды, глубиною не более пальца,
Что меж камней мостовой соберется на улицах наших,
Видно такую же глубь необъятную нам под землею,
Как от земли до небес, распростертую бездной открытой;
Нам представляется тут, что и тучи мы видим и небо,
И в изумленьи глядим на небесные звезды под землю.
И, наконец, если конь заупрямится борзый под нами
По середине реки, и мы взглянем на быстрые воды,
Будет казаться тогда, что влечется стремительной силой
Тело коня поперек и уносится против теченья;
И, обращая глаза на любые предметы, увидим,
Будто бы мчатся они и плывут точно так же в потоке.
Портик, который в конец из конца равномерно построен,
На протяжении всём утвержденный на равных колоннах,
Кажется всё-таки нам, если вдоль сквозь него мы посмотрим,
Мало-помалу к концу сходящимся конусом узким,
Кровлю сближая с землей и правую сторону — с левой,
Вплоть до того, пока весь не сольется в туманной вершине.

In pelago nautis ex undis ortus in undis
Sol fit uti videatur obire et condere lumen;
Quippe ubi nil aliud nisi aquam caelumque tuentur;
Ne leviter credas labefactari undique sensus.
At maris ignaris in portu clauda videntur
Navigia aplustris fractis obnitier undis.
Nam quaecumque supra rorem salis edita pars est
Remorum, recta est, et recta superne guberna.
Quae demersa liquorem obeunt, refracta videntur
Omnia converti sursumque supina reverti
Et reflexa prope in summo fluitare liquore.
Raraque per caelum cum venti nubila portant
Tempore nocturno, tum splendida signa videntur
Labier adversum nimbos atque ire superne
Longe aliam in partem ac vera ratione feruntur.
At si forte oculo manus uni subdita subter
Pressit eum, quodam sensu fit uti videantur
Omnia, quae tuimur, fieri tum bina tuendo:
Bina lucernarum florentia lumina flammis,
Binaque per totas aedes geminare supellex,
Et duplices hominum facies et corpora bina.
Denique cum suavi devinxit membra sopore
Somnus et in summa corpus iacet omne quiete,
Tum vigilare tamen nobis et membra movere
Nostra videmur, et in noctis caligine caeca
Cernere censemus solem lumenque diurnum,
Conclusoque loco caelum, mare, flumina, montis
Mutare et campos pedibus transire videmur,
Et sonitus audire, severa silentia noctis
Vndique cum constent, et reddere dicta tacentes.
Cetera de genere hoc mirande multa videmus,
Quae violare fidem quasi sensibus omnia quaerunt,
Nequiquam, quoniam pars horum maxima fallit
Propter opinatus animi, quos addimus ipsi,
Pro visis ut sint quae non sunt sensibu' visa.

А морякам на морях представляется, будто бы солнце
Утром восходит из волн и в волнах, заходя, потухает,
Ибо они ничего, кроме моря и неба, не видят;
Но не подумай, смотри, что всегда посрамляются чувства.
Кажется в гавани тем, кто не знает морей, что хромают
Все корабли на воде и стоят с перебитой кормою,
Ибо у весел та часть, что из волн выдается соленых,
Прямо идет, и пряма у рулей их надводная доля;
Всё же, что в воду ушло, представляется нам преломленным
Загнутым будто назад и как будто изогнутым кверху,
Так что на самой почти поверхности плавает водной.
Иль, когда ветры начнут по небу ночною порою
Редкие тучи нести, то нам кажется, будто навстречу
Светлые звезды скользят и поверх облаков убегают,
Идя совсем не туда, куда мчатся они в самом деле.
Если же как-нибудь мы, случайно подпершись рукою,
Снизу надавим на глаз, то покажутся нам почему-то
Будто двойными тогда все предметы, какие мы видим:
Станет двоиться в глазах и светильника яркое пламя,
Станет двоиться и вся по дому стоящая утварь,
Так же, как лица людей и тела их начнут раздвояться.
И, наконец, когда сон дремотою сладкою свяжет
Члены, и тело лежит, безмятежным объято покоем,
Всё-таки кажется нам, что мы бодрствуем будто, и члены
Движутся наши тогда, и в тумане ночном непроглядном
Будто сияние дня и блестящее солнце мы видим;
И, находясь взаперти, мы по морю, и рекам, и горам
В страны иные идем, и поля мы пешком переходим;
Слышим мы звук голосов в суровом безмолвии ночи
И произносим слова, сохраняя, однако, молчанье.
Видим мы много еще в этом роде чудесных явлений,
Словно желающих в нас подорвать всё доверие к чувствам,
Но понапрасну: ведь тут большей частью ведут к заблужденью
Нас измышленья ума, привносимые нами самими,
Видимым то заставляя считать, что чувствам не видно.

Nam nil aegrius est quam res secernere apertas
Ab dubiis, animus quas ab se protinus addit.
    Denique nil sciri siquis putat, id quoque nescit
An sciri possit, quoniam nil scire fatetur.
Hunc igitur contra mittam contendere causam,
Qui capite ipse sua in statuit vestigia sese.
Et tamen hoc quoque uti concedam scire, at id ipsum
Quaeram, cum in rebus veri nil viderit ante'
Vnde sciat quid sit scire et nescire vicissim,
Notitiam veri quae res falsique crearit,
Et dubium certo quae res differre probarit.
Invenies primis ab sensibus esse creatam
Notitiam veri, neque sensus posse refelli.
Nam maiore fide debet reperirier illud,
Sponte sua veris quod possit vincere falsa.
Quid maiore fide porro quam sensus haberi
Debet? An ab sensu falso ratio orta valebit
Dicere eos contra, quae tota ab sensibus orta est?
Qui nisi sunt veri, ratio quoque falsa fit omnis.
An poterunt oculos aures reprehendere, an auris
Tactus? An hunc porro tactum sapor arguet oris,
An confutabunt nares oculive revincent?
Non, ut opinor, ita est. Nam sorsum cuique potestas
Divisast, sua vis cuiquest, ideoque necesse est
Et quod molle sit et gelidum fervensve seorsum,
Et sorsum varios rerum sentire colores,
Et quaecumque coloribu' sint coniuncta videre.
Sorsus item sapor oris habet vim, sorsus odores
Nascuntur, sorsum sonitus. Ideoque necesse est
Non possint alios alii convincere sensus.
Nec porro poterunt ipsi reprehendere sese,
Aequa fides quoniam debebit semper haberi.
Proinde quod in quoquest his visum tempore, verumst.
Et si non poterit ratio dissolvere causam,
Cur ea quae fuerint iuxtim quadrata, procul sint

Ибо труднее всего отделить от вещей очевидных
Недостоверную вещь, привносимую умственно нами.
Если же думает кто, что немысленно знанье, не знает,
Может ли это он знать, коль свое утверждает незнанье.
И с утверждающим так заводить не желаю я спора,
Ибо он голову там помещает, где ноги должны быть.
Но тем не менее я, допуская, что знает он это,
Как же, — спрошу, — если он не видал достоверного раньше,
Знает он то, что́ собой представляет незнанье и знанье,
Что́ породило в нем мысль как об истинном, так и о ложном,
Как разобрался он в том, что сомнительно, что достоверно?
Ты убедишься сейчас, что понятие истины чувства
В нас порождают; и чувств опровергнуть ничем невозможно,
Ибо доверие в нас возбуждать наибольшее должно
То, что само по себе своей истиной ложь побеждает.
Что же доверие в нас возбуждать может больше, чем чувство?
Будет ли разум, идя от ложного чувства, способен
Противу чувств возражать, коль из них целиком он исходит?
Если ж не верны они, то и разум весь должен быть ложен.
Или же ухо глаза опровергнуть окажется в силах,
А осязание — слух? Или вкус уличит осязанье,
Или же ноздри его укорят, иль глаза образумят?
Я полагаю, что нет: ведь особые каждому чувству
Область и сила даны, и поэтому необходимо
Чувству особому в нас ощущать то, что мягко, что твердо,
Холодно иль горячо, иль окрашено так иль иначе,
И различать у вещей присущую каждой окраску.
Силой особою вкус обладает, особо родится
Запах, особо и звук. И поэтому необходимо
Следует, что обличать не способны чувства друг друга,
Да и не могут никак они сами себя опровергнуть,
Так как им всем доверять всегда одинаково должно.
А потому то, что им показалось когда-либо, — верно.
Если же разум у нас разобраться не будет способен
В том, почему тот предмет, что квадратен вблизи, издалёка

Visa rotunda, tamen praestat rationis egentem
Reddere mendose causas utriusque figurae,
Quam manibus manifesta suis emittere quoquam
Et violare fidem primam et convellere tota
Fundamenta, quibus nixatur vita salusque.
Non modo enim ratio ruat omnis, vita quoque ipsa
Concidat extemplo, nisi credere sensibus ausis
Praecipitesque locos vitare et cetera, quae sint
In genere hoc fugienda, sequi contraria quae sint.
Illa tibi est igitur verborum copia cassa
Omnis, quae contra sensus instructa paratast.
Denique ut in fabrica, si pravast regula prima,
Normaque si fallax rectis regionibus exit,
Et libella aliqua si ex parti claudicat hilum,
Omnia mendose fieri atque obstipa necesse est
Prava, cubantia, prona, supina, atque absona tecta,
Iam ruere ut quaedam videantur velle, ruantque
Prodita iudiciis fallacibus omnia primis,
Sic igitur ratio tibi rerum prava necessest
Falsaque sit, falsis quaecumque ab sensibus ortast.
    Nunc alii sensus quo pacto quisque suam rem
Sentiat, haudquaquam ratio scruposa relicta est.
    Principio auditur sonus et vox omnis, in auris
Insinuata suo pepulere ubi corpore sensum.
Corpoream quoque enim vocem constare fatendumst
Et sonitum, quoniam possunt impellere sensus.
Praeterea radit vox fauces saepe facitque
Asperiora foras gradiens arteria clamor.
Quippe, per angustum turba maiore coorta
Ire foras ubi coeperunt primordia vocum,
Scilicet, expleti quoque ianua raditur oris.
Haud igitur dubiumst quin voces verbaque constent
Corporeis e principiis, ut laedere possint.
Nec te fallit item quid corporis auferat et quid
Detrahat ex hominum nervis ac viribus ipsis

Кажется круглым, то всё ж, когда нет оснований разумных,
Лучше ошибочно дать объясненья обеим фигурам,
Чем упускать из-под рук неизвестно куда очевидность
И, подорвав основное доверие к чувствам, низвергнуть
То, на чем зиждется вся наша жизнь и ее безмятежность.
Ибо не только падет всякий разум тогда, но погибнет
Самая жизнь вместе с ним, коль тыввериться чувству не смеешь
И от стремнин убегать и от прочих опасностей также,
Коих бежать надлежит, и итти за противоположным.
Всё это скопище слов, таким образом, что наготове
С чувствами броситься в бой, будь уверен, — одно пустословье.
Как при постройке домов, коль начальное криво прави́ло,
Коль наугольник фальшив и от линий прямых отступает,
Если хромает отвес и хотя бы чуть-чуть он неровен,
Всё непременно тогда выйдет здание криво и косо,
Будет горбато, вперед и назад отклоняясь нескладно,
Точно готово сейчас завалиться; и валится часто
Дом, если он пострадал от ошибок в начальном расчете;
Так и сужденье твое о вещах будет лживо и вздорно,
Если исходит оно от заведомо ложного чувства.

Ну, а теперь объяснить, каким образом чувства другие
Свой ощущают предмет, не представит больших затруднений.

Слышится, прежде всего, всякий звук или голос, как только,
В уши проникнув, своим они телом нам чувство затронут.
Ибо и голос и звук непременно должны быть телесны,
Если способны они приводить наши чувства в движенье.
Голос, к тому же, гортань нам часто скребет, и наружу
Крик исходя, все пути горловые шершавит немало.
Ибо, лишь в узкую щель, накопляясь большою толпою,
Первоначала начнут голосов вырываться наружу,
Выход, конечно, в уста, заполняемый ими, скребе́тся.
Так что сомнения нет, что должны состоять из телесных
Голос и слово начал, раз наносят они пораненья.
Также ты знаешь, какой причиняет телу убыток,
Сколько и нервов берет, сколько сил у людей отнимает

Perpetuus sermo nigrai noctis ad umbram
Aurorae perductus ab exoriente nitore,
Praesertim si cum summost clamore profusus.
Ergo corpoream vocem constare necessest,
Multa loquens quoniam amittit de corpore partem.
Asperitas autem vocis fit ab asperitate
Principiorum et item levor levore creatur.
Nec simili penetrant auris primordia forma,
Cum tuba depresso graviter sub murmure mugit
Et reboat raucum retro cita barbara bombum,
Et validis cycni torrentibus ex Heliconis
Cum liquidam tollunt lugubri voce querelam.

Hasce igitur penitus voces cum corpore nostro
Exprimimus rectoque foras emittimus ore,
Mobilis articulat verborum daedala lingua
Formaturaque labrorum pro parte figurat.
Hoc ubi non longum spatiumst unde una profecta
Perveniat vox quaeque, necessest verba quoque ipsa
Plane exaudiri discernique articulatim:
Servat enim formaturam servatque figuram.
At si interpositum spatium sit longius aequo,
Aera per multum confundi verba necessest
Et conturbari vocem, dum transvolat auras.
Ergo fit, sonitum ut possis sentire neque illam
Internoscere, verborum sententia quae sit:
Vsque adeo confusa venit vox inque pedita.
Praeterea verbum saepe unum perciet auris
Omnibus in populo, missum praeconis ab ore.
In multas igitur voces vox una repente
Diffugit, in privas quoniam se dividit auris,
Obsignans formam verbis clarumque sonorem.
At quae pars vocum non auris incidit ipsas,
Praeterlata perit frustra diffusa per auras.
Pars solidis allisa locis reiecta sonorem
Reddit et interdum frustratur imagine verbi.

Бесперерывная речь, от сиянья зари восходящей
Произносимая вплоть до глубокого сумрака ночи,
Если, к тому же, она произносится голосом громким.
Значит, признать мы должны непременно, что голос телесен,
Если от долгих речей убывает часть нашего тела.
Голоса грубость всегда порождается грубостью самых
Звука начал основных, а от гладкости гладкость зависит.
В уши внедряются нам разновидные первоначала:
Коль завывает труба, и глубокие звуки глухие
Дико рокочут ее, отдаваясь раскатистым шумом,
Или когда Геликон средь журчания быстрых потоков
Звонкая лебедя песнь оглашает мольбою унылой.

Дальше, когда из глубин вытесняются нашего тела
Звуки, которые мы через рот испускаем наружу,
Гибкий, искусный язык на слова разделяет их быстро,
С помощью также и губ, принимающих должную форму.
И коль не долог тот путь, по какому до нас долетает
Каждый в отдельности звук, то и сами слова непременно
Ясно доходят до нас и слышатся членораздельно:
Звук ведь тогда сохраняет свой склад, сохраняет и форму.
Если же слишком далек этот путь для отдельного звука,
В толще воздушной слова неизбежно сливаются вместе,
И, проходя сквозь нее, непременно мешается голос.
Так происходит, что ты, хоть и слышишь какие-то звуки,
Но разобраться в словах и понять их значенье не можешь:
Столь неразборчиво звук долетает до нас и столь смутно.
Часто бывает и так, что в народном собраньи до слуха
Всех долетает одно глашатая громкое слово:
Голос единственный здесь дробится на много отдельных
Вдруг, потому что идет, по отдельным ушам разбегаясь,
Звучную форму словам, направляемым в них, придавая.
Та же часть голосов, что до самых ушей не доходит,
Попусту мимо идет и, рассеявшись в воздухе, гибнет;
Часть же другая, в пути отскочивши от твердых предметов,
Звук отдает и порой морочит подобием слова.

Quae bene cum videas, rationem reddere possis
Tute tibi atque aliis, quo pacto per loca sola
Saxa paris formas verborum ex ordine reddant,
Palantis comites cum montis inter opacos
Quaerimus et magna dispersos voce ciemus.
Sex etiam aut septem loca vidi reddere voces,
Vnam cum iaceres: ita colles collibus ipsi
Verba repulsantes iterabant dicta referri.
Haec loca capripedes Satyros Nymphasque tenere
Finitimi fingunt et Faunos esse loquuntur
Quorum noctivago strepitu ludoque iocanti
Adfirmant vulgo taciturna silentia rumpi,
Chordarumque sonos fieri dulcisque querelas,
Tibia quas fundit digitis pulsata canentum,
Et genus agricolum late sentiscere, cum Pan
Pinea semiferi capitis velamina quassans
Vnco saepe labro calamos percurrit hiantis,
Fistula silvestrem ne cesset fundere Musam.
Cetera de genere hoc monstra ac portenta loquuntur
Ne loca deserta ab divis quoque forte putentur
Sola tenere. Ideo iactant miracula dictis,
Aut aliqua ratione alia dicuntur, ut omne
Humanum genus est avidum nimis auricularum.
Quod superest, non est mirandum qua ratione,
Per loca quae nequeunt oculi res cernere apertas,
Haec loca per voces veniant aurisque lacessant.
Colloquium clausis foribus quoque saepe videmus,
Nimirum, quia vox per flexa foramina rerum
Incolumis transire potest, simulacra renutant.
Perscinduntur enim, nisi recta foramina tranant,
Qualia sunt vitri, species qua transvolat omnis.
Praeterea partis in cunctas dividitur vox,
Ex aliis aliae quoniam gignuntur, ubi una
Dissiluit semel in multas exorta, quasi ignis
Saepe solet scintilla suos se spargere in ignis.

Это усвоив, теперь ты себе самому в состояньи,
Как и другим, объяснить, каким образом в местности дикой
Скалы слова отдают, соблюдая их склад и порядок,
Ежели спутников мы, заблудившихся в горных ущельях,
Ищем и голосом их созываем разбредшихся громким.
Видеть пришлось мне места, где раз шесть или семь отдается
Изданный звук, где холмы от холмов отражают немедля
Слово за словом, на них отвечая и вторя друг другу.
Эти места, по словам в соседстве живущего люда,
Служат пристанищем Нимф, козлоногих Сатиров и Фавнов,
Это они, говорят, затевают веселье и ночью
Шумно играют везде, тишину и покой нарушая;
Рокот доносится струн, и жалобно-нежные слышны
Звуки, какие свирель из-под пальцев певцов изливает;
Издали слышит народ деревенский, как Пан, головою
Полузвериной качая венок из веток сосновых,
Часто поджатой губой скользит по стволам тростниковым,
Чтоб на цевнице его заливалася Муза лесная.
Всяких других измышляют они и страшилищ и чудищ,
Чтоб не подумал никто, что пустыни их даже богами
Брошены. А потому и слагают чудесные сказки, —
Или, быть может, еще потому они так поступают,
Что человеческий слух до всяческих росказней падок.
Я продолжаю. Тебе удивляться нимало не надо,
Что сквозь преграды, глазам ничего не дающие видеть,
Звуки доходят до нас и касаются нашего слуха.
Часто, мы видим, идет разговор за затворенной дверью,
Ибо, действительно, там по извилистым голос отверстьям
Может свободно итти, где для образов нету прохода:
Ведь расщепятся они, если эти отверстья не прямы,
Как у стекла, где проплыть может призрак любой без препятствий.
Кроме того, разлетается голос по всем направленьям,
Ибо одни из других голоса возникают: лишь только
Голос раздался один, как дробится сейчас же на много
Так же, как искры огня рассыпаются в новые искры.

Ergo replentur loca vocibus abdita retro,
Omnia quae circum fervunt sonituque cientur.
At simulacra viis derectis omnia tendunt
Vt sunt missa semel; quapropter cernere nemo
Saepe supra potis est, at voces accipere extra.
Et tamen ipsa quoque haec, dum transit clausa domorum,
Vox obtunditur atque auris confusa penetrat,
Et sonitum potius quam verba audire videmur.
Nec, qui sentimus sucum, lingua atque palatum
Plusculum habent in se rationis plus operaeve.
Principio sucum sentimus in ore cibum cum
Mandendo exprimimus, ceu plenam spongiam aquai
Siquis forte manu premere ac siccare coepit.
Inde quod exprimimus per caulas omne palati
Diditur et rarae per flexa foramina linguae.
Hoc ubi levia sunt manantis corpora suci,
Suaviter attingunt et suaviter omnia tractant,
Vmida linguai circum sudantia templa.
At contra pungunt sensum lacerantque coorta,
Quanto quaeque magis sunt asperitate repleta.
Deinde voluptas est e suco fine palati;
Cum vero deorsum per fauces praecipitavit,
Nulla voluptas est dum diditur omnis in artus.
Nec refert quicquam quo victu corpus alatur,
Dummodo quod capias concoctum didere possis
Artubus et stomachi umectum servare tenorem.
Nunc aliis alius qui sit cibus ut videamus
Expediam, quareve, aliis quod triste et amarumst,
Hoc tamen esse aliis possit perdulce videri,
Tantaque in his rebus distantia differitasquest,
Vt quod aliis cibus est aliis fuat acre venenum.
Est itaque ut serpens, hominis quae tacta salivis
Disperit ac sese mandendo conficit ipsa.
Praeterea nobis veratrum est acre venenum,
At capris adipes et coturnicibus auget.

Так в потаенных местах голоса постоянно роятся,
И раздается их звук, пробуждая окрестности всюду;
Призраки ж все по пути устремляются только прямому,
Как изначала пошли; и поэтому мы не способны
Видеть сквозь стены домов, голоса же оттуда мы слышим.
Впрочем, и голос, когда он проходит в замкнутые двери,
То заглушается всё ж и невнятно внедряется в уши,
Так что скорей не слова, а лишь звуки мы слышим при этом.
    То, чем мы чувствуем вкус, — наш язык или нёбо, — нисколько
Более сложны для нас, при разборе их действий, не будут.
Вкус мы сначала во рту ощущаем, когда при жеваньи
Выдавим сок из еды, наподобье того, как из губки,
Если в руке ее сжать, можно досуха вытянуть воду.
Далее, выжатый сок по проходам расходится нёба
И проникает в язык, по извилистым идучи порам.
Коль основные тела сочащейся жидкости гладки,
Сладко щекочут они и сладко касаются всюду
Влажных пространств языка, из себя выделяющих слюни.
Чувство, напротив, колоть и его раздирать начинают
Эти тела тем скорей, чем грубее они и шершавей.
Вкуса услада, затем, ограничена полостью нёба.
Если же соки прошли через горло и ниже спустились,
Нет услады уже, когда сок разошелся по членам.
И безразлично, какой едою питается тело,
Лишь бы по членам могла разойтись переваренной пища,
А в животе бы всегда сохранялась должная влажность.
    Ну, а теперь объясню, отчего для иного иная
Пища подходит, и как то, что гадко иному и горько,
Может казаться другим чрезвычайно приятным и вкусным.
Разница здесь велика, и различие вкусов громадно:
То, что питает одних, для других служит ядом смертельным.
Так, если только змеи коснется слюна человека,
Сгинет змея и себя самоё, искусавши, прикончит.
А с чемерицы, для нас служащей отравой смертельной,
Козы тучнеют и жир нагоняют себе перепелки.

Id quibus ut fiat rebus cognoscere possis,
Principio meminisse decet quae diximus ante,
Semina multimodis in rebus mixta teneri.
Porro omnes quaecumque cibum capiunt animantes,
Vt sunt dissimiles extrinsecus et generatim
Extima membrorum circumcaesura coercet,
Proinde et seminibus constant variante figura.
Semina cum porro distent, differre necessest
Intervalla viasque, foramina quae perhibemus,
Omnibus in membris et in ore ipsoque palato.
Esse minora igitur quaedam maioraque debent,
Esse triquetra aliis, aliis quadrata necessest,
Multa rotunda, modis multis multangula quaedam.
Namque figurarum ratio ut motusque reposcunt,
Proinde foraminibus debent differre figurae,
Et variare viae proinde ac textura coercet.
Hoc ubi quod suave est aliis, aliis fit amarum,
Illi, cui suave est, levissima corpora debent
Contractabiliter caulas intrare palati,
At contra quibus est eadem res intus acerba,
Aspera, nimirum, penetrant hamataque fauces.
Nunc facile est ex his rebus cognoscere quaeque.
Quippe ubi cui febris bili superante coorta est
Aut alia ratione aliquast vis excita morbi,
Perturbatur ibi iam totum corpus, et omnes
Commutantur ibi positurae principiorum;
Fit prius ad sensum ut quae corpora conveniebant
Nunc non conveniant, et cetera sint magis apta,
Quae penetrata queunt sensum progignere acerbum.
Vtraque enim sunt in mellis commixta sapore;
Id quod iam supera tibi saepe ostendimus ante.
Nunc age quo pacto naris adiectus odoris
Tangat agam. Primum res multas esse necessest
Vnde fluens volvat varius se fluctus odorum,
Et fluere et mitti vulgo spargique putandumst;

Чтобы понять, отчего это так происходит, ты должен
Вспомнить, во-первых, о том, о чем ранее мы говорили:
Что семена у вещей перемешаны многообразно.
Далее, все существа, что живут и питаются пищей,
Раз непохожи они по наружности, и по породам
Все очертанья у них отличаются внешностью разной,
Значит, они состоят из семян точно так же различных.
Далее, коль семена отличны, должны различаться
Все промежутки, пути (что порами мы называем)
В членах повсюду, во рту и в самом, разумеется, нёбе.
Стало быть, надо одним быть поменьше, другим же — побольше:
И треугольны у тех они будут, у этих — квадратны,
Многие круглы из них, а иные и многоугольны.
Ибо, раз требует склад и движенье семян изначальных,
То непременно должны быть несхожи по складу и поры
И различаться пути, сообразно строению ткани.
Так, если сладко одним, что другому становится горьким,
То у того, кому сладко, должны, прикасаяся нежно,
Гладкие очень тела расходиться по нёбным проходам;
Наоборот, у того, кому это же кажется терпким,
Грубые в поры идут семена крючковатого складу.
Это поняв, ты легко разберешься и в прочих явленьях.
Так, если желчи приток вызывает у нас лихорадку,
Или иная болезнь по причине другой нас охватит,
Тело приходит тогда в беспорядок полнейший, и всюду
В нем положенья свои изменять начинают начала;
То, что до этого нам подходило и было приятно,
Тут не подходит уже, а другое, напротив, отрадней,
Что̀, проникая, могло оказаться скорее несносным.
Смесь и того и другого во вкусе имеется меда,
Как я об этом тебе говорил уже часто и раньше.

Ну, а теперь я скажу, каким образом трогает ноздри
Запах. Во-первых, вещей несомненно есть много, откуда
Запахов разных поток, изливаясь, течет и струится;
Надо считать, что они, растекаясь, разносятся всюду.

Verum aliis alius magis est animantibus aptus
Dissimilis propter formas. Ideoque per auras
Mellis apes quamvis longe ducuntur odore,
Vulturiique cadaveribus. Tum fissa ferarum
Vngula quo tulerit gressum promissa canum vis
Ducit, et humanum longe praesentit odorem
Romulidarum arcis servator, candidus anser.
Sic aliis alius nidor datus ad sua quemque
Pabula ducit et a taetro resilire veneno
Cogit, eoque modo servantur saecla ferarum.
Hic odor ipse igitur, naris quicumque lacessit,
Est alio ut possit permitti longius alter.
Sed tamen haud quisquam tam longe fertur eorum
Quam sonitus, quam vox, mitto iam dicere quam res
Quae feriunt oculorum acies visumque lacessunt.
Errabundus enim tarde venit, ac perit ante
Paulatim facilis distractus in aeris auras;
Ex alto primum quia vix emittitur ex re:
Nam penitus fluere atque recedere rebus odores
Significat quod fracta magis redolere videntur
Omnia, quod contrita, quod igni collabefacta.
Deinde videre licet maioribus esse creatum
Principiis quam vox, quoniam per saxea saepta
Non penetrat, qua vox vulgo sonitusque feruntur.
Quare etiam quod olet non tam facile esse videbis
Investigare in qua sit regione locatum.
Refrigescit enim cunctando plaga per auras,
Nec calida ad sensum decurrunt nuntia rerum.
Errant saepe canes itaque et vestigia quaerunt.
Nec tamen hoc solis in odoribus atque saporum
In generest, sed item species rerum atque colores
Non ita conveniunt ad sensus omnibus omnes,
Vt non sint aliis quaedam magis acria visu.
Quin etiam gallum, noctem explaudentibus alis
Auroram clara consuetum voce vocare,

Но для различных существ приятен и запах различный
Вследствие разности форм. Из-за этого, в воздухе рея,
Издали даже пчела привлекается запахом меда,
Коршунов — падаль манит, по следам же копыт раздвоённых
Чуют собаки, куда побежать за укрывшимся зверем;
Издали слышит уже хорошо человеческий запах
Римских хранитель твердынь и спаситель их — гусь белоснежный.
Нюх, таким образом, дан различный различным созданьям
И, приводя их к еде, заставляет от смрадного яда
Прочь убегать, и зверей охраняет он этим породы.

Самые запахи все, щекотать нам способные ноздри,
Могут то дальше итти, то на ближнее лишь расстоянье.
Но никогда ни один не проходит столь длинной дороги,
Как голоса или звук, доносящийся к нам издалека,
Не говоря уж о том, что глаза поражает и зренье.
Медленно запах идет и, блуждая, в пути погибает,
Мало-помалу легко расходясь в дуновении ветра,
Так как, во-первых, с трудом покидает он недра предметов,
Ибо всегда, из глубин вытекая, является запах,
Как это видно во всем, что разбито и пахнет сильнее,
Так же как то, что растерто, и то, что разрушило пламя.
Надо заметить затем, что начала у запаха больше,
Нежели звука тела, ибо запах сквозь стену из камня
Не в состояньи пройти, голоса же и звуки проходят.
Вот почему не легко нам бывает заметить, как видишь,
В месте каком расположен предмет, от которого пахнет.
Запаха стынет толчок от того, что он в воздухе медлит,
И не доходят до чувств горячими вестники вещи.
Часто поэтому псы блуждают, следы потерявши.

Впрочем, не запахи лишь или вкусы имеют такие
Свойства, как я указал, но и вид и окраска предметов
Не одинаково всем подходящи всегда и приятны:
Могут иные из них быть резче для зренья иного.
Мало того: петуха, привыкшего крыльями хлопать
Ночью и громко кричать, призывая зарю на рассвете,

Noenu queunt rapidi contra constare leones
Inque tueri: ita continuo meminere fugai,
Nimirum, quia sunt gallorum in corpore quaedam
Semina, quae cum sunt oculis immissa leonum,
Pupillas interfodiunt acremque dolorem
Praebent, ut nequeant contra durare feroces;
Cum tamen haec nostras acies nil laedere possint,
Aut quia non penetrant, aut quod penetrantibus illis
Exitus ex oculis liber datur, in remorando
Laedere ne possint ex ulla lumina parte.
Nunc age, quae moveant animum res accipe, et unde
Quae veniunt veniant in mentem percipe paucis.
Principio hoc dico, rerum simulacra vagari
Multa modis multis in cunctas undique partis
Tenvia, quae facile inter se iunguntur in auris,
Obvia cum veniunt, ut aranea bratteaque auri.
Quippe etenim multo magis haec sunt tenvia textu
Quam quae percipiunt oculos visumque lacessunt,
Corporis haec quoniam penetrant per rara cientque
Tenvem animi naturam intus sensumque lacessunt.
Centauros itaque et Scyllarum membra videmus
Cerbereasque canum facies simulacraque eorum,
Quorum morte obita tellus amplectitur ossa;
Omne genus quoniam passim simulacra feruntur,
Partim sponte sua quae fiunt aere in ipso,
Partim quae variis ab rebus cumque recedunt
Et quae confiunt ex horum facta figuris.
Nam certe ex vivo Centauri non fit imago,
Nulla fuit quoniam talis natura animalis,
Verum ubi equi atque hominis casu convenit imago,
Haerescit facile extemplo, quod diximus ante,
Propter subtilem naturam et tenvia texta.
Cetera de genere hoc eadem ratione creantur.
Quae cum mobiliter summa levitate feruntur,
Vt prius ostendi, facile uno commovet ictu

Ярые львы выносить совершенно не в силах и тотчас,
Только завидят его где-нибудь, обращаются в бегство.
Ясно, конечно, для нас, почему это так происходит:
Некие есть семена, что, от тел петухов отлетая,
Львам попадают в глаза и сверлят им зрачки, причиняя
Острую боль, и для них, хоть и лютых, она нестерпима.
Зренье же наше ничуть от подобных семян не страдает
Иль оттого, что нельзя им проникнуть в глаза, иль, проникнув,
Могут свободно уйти и задержкой своей никакого
Глазу страданья они нигде причинить не способны.

Ну а теперь ты узнай, чем движется дух, и откуда
То, что приходит на ум, приходит, ты выслушай вкратце.
Призраки разных вещей, говорю я, во-первых, витают
Многоразличным путем, разлетаясь во всех направленьях
Тонкие; так же легко они в воздухе, встретясь друг с другом,
Сходятся вместе, как нить паутины иль золота блестки.
Дело ведь в том, что их ткань по строенью значительно тоньше
Образов, бьющих в глаза и у нас вызывающих зренье,
Ибо, нам в тело они проникая чрез поры, тревожат
Тонкую сущность души и приводят в движение чувство.
Так появляются нам и Кентавры и всякие Скиллы,
С Кербером схожие псы, и воочию призраки видны
Тех, кого смерть унесла и чьи кости землею объяты:
Всякого вида везде и повсюду ведь призраки мчатся,
Частью сами собой возникая в пространстве воздушном,
Частью от разных вещей отделяясь и прочь отлетая,
И получаясь из образов их, сочетавшихся вместе.
Ведь не живым существом порождается образ Кентавра,
Ибо созданий таких никогда не бывало, конечно;
Но, коли образ коня с человеческим как-то сойдется,
Сцепятся тотчас они, как об этом сказали мы раньше,
Вследствие легкости их и строения тонкого ткани.
Так же и прочее всё в этом роде всегда возникает.
Необычайно легко и с такой быстротой они мчатся,
Как указал я уже, что любые из образов легких

Quaelibet una animum nobis subtilis imago;
Tenvis enim mens est et mire mobilis ipsa.
    Haec fieri, ut memoro, facile hinc cognoscere possis.
Quatenus hoc simile est illi, quod mente videmus
Atque oculis, simili fieri ratione necesse est.
Nunc igitur quoniam docui me forte leonem
Cernere per simulacra, oculos quaecumqe lacessunt,
Scire licet mentem simili ratione moveri,
Per simulacra leonem et cetera quae videt aeque
Nec minus atque oculi, nisi quod mage tenvia cernit.
Nec ratione alia, cum somnus membra profudit,
Mens animi vigilat, nisi quod simulacra lacessunt
Haec eadem nostros animos, quae cum vigilamus,
Vsque adeo, certe ut videamur cernere eum, quem
Relicta vita iam mors et terra potitast.
Hoc ideo fieri cogit natura, quod omnes
Corporis offecti sensus per membra quiescunt
Nec possunt falsum veris convincere rebus
Praeterea meminisse iacet languetque sopore,
Nec dissentit eum mortis letique potitum
Iam pridem, quem mens vivum se cernere credit.
Quod superest, non est mirum simulacra moveri
Bracchiaque in numerum iactare et cetera membra.
Nam fit ut in somnis facere hoc videatur imago.
Quippe? Vbi prima perit alioque est altera nata
Inde statu, prior hic gestum mutasse videtur.
Scilicet, id fieri celeri ratione putandumst:
Tanta est mobilitas et rerum copia tanta,
Tantaque sensibili quovis est tempore in uno
Copia particularam, ut possit suppeditare.
    Multaque in his rebus quaeruntur, multaque nobis
Clarandumst, plane si res exponere avemus.
Quaeritur in primis quare, quod cuique libido
Venerit, extemplo mens cogitet eius id ipsum.
Anne voluntatem nostram simulacra tuentur,

Сразу, ударом одним, сообщают движение духу.
Тонок ведь ум наш и сам по себе чрезвычайно подвижен.
Что это так, без труда из дальнейшего ты убедишься.
Если есть сходство меж тем, что мы видим умом и глазами
То и причины того и другого должны быть подобны.
Раз уже я указал, что льва, предположим, я вижу
С помощью призраков, мне в глазах возбуждающих зренье,
Можно понять, что и ум приходит в движение так же,
С помощью призраков льва, да и прочее всё различая,
Как и глаза, но еще он и более тонкое видит.
И не иначе наш дух, когда сном распростерты все члены,
Бодрствует, как потому, что его в это время тревожат
Призраки те же, что ум, когда бодрствуем мы, возбуждают
Ярки настолько они, что, нам кажется, въяве мы видим
Тех, чьею жизнью давно уже смерть и земля овладели.
Из-за того это всё допускает природа свершаться,
Что в нашем теле тогда все чувства объяты покоем
И не способны к тому, чтобы истиной ложь опровергнуть.
В изнеможении сна к тому же и память слабеет,
В спор не вступая с умом, что добычей могилы и смерти
Стали давно уже те, кто живыми во сне ему снятся.
Не мудрено, наконец, что двигаться призраки могут,
Мерно руками махать да и прочие делать движенья,
Как это часто во сне, нам кажется, делает образ.
Что же? Лишь первый исчез, как сейчас же в ином положенье
Новый родится за ним, а нам кажется, — двинулся первый.
Скорость, с которой идет эта смена, конечно, огромна:
Столь велика быстрота и столько есть образов всяких,
Столь необъятен запас частичек в любое мгновенье,
Что́ ощутимо для нас, и хватить его полностью может.
Много вопросов еще остается и многое надо
Выяснить, ежели мы к очевидности полной стремимся.
Первый вопрос: почему, не успело возникнуть желанье,
Как уж немедленно ум начинает об этом же думать?
Призраки все не следят ли за нашею волей и, только

Et simul ac volumus nobis occurrit imago,
Si mare, si terram cordist, si denique caelum?
Conventus hominum, pompam, convivia, pugnas,
Omnia sub verbone creat natura paratque?
Cum praesertim aliis eadem in regione locoque
Longe dissimilis animus res cogitet omnis.
Quid porro, in numerum procedere cum simulacra
Cernimus in somnis et mollia membra movere,
Mollia, mobiliter cum alternis bracchia mittunt
Et repetunt oculis gestum pede convenienti?
Scilicet arte madent simulacra et docta vagantur,
Nocturno facere ut possint in tempore ludos.
An magis illud erit verum? Quia tempore in uno,
Cum sentimus, id est, cum vox emittitur una,
Tempora multa latent, ratio quae comperit esse,
Propterea fit uti quovis in tempore quaeque
Praesto sint simulacra locis in quisque parata.
Tanta est mobilitas et rerum copia tanta.
Hoc ubi prima perit alioque est altera nata
Inde statu, prior hic gestum mutasse videtur.
Et quia tenvia sunt, nisi quae contendit, acute
Cernere non potis est animus; proinde omnia quae sunt
Praeterea pereunt, nisi si ad quae se ipse paravit.
Ipse parat sese porro speratque futurum
Vt videat quod consequitur rem quamque; fit ergo.
Nonne vides oculos etiam, cum tenvia quae sunt
Cernere coeperunt, contendere se atque parare,
Nec sine eo fieri posse ut cernamus acute?
Et tamen in rebus quoque apertis noscere possis,
Si non advertas animum, proinde esse quasi omni
Tempore semotum fuerit longeque remotum.
Cur igitur mirumst, animus si cetera perdit
Praeterquam quibus est in rebus deditus ipse?
Deinde adopinamur de signis maxima parvis
Ac nos in fraudem induimus frustraminis ipsi.

Стоит лишь нам захотеть, не является ль тут же и образ,
Море ль на сердце у нас, иль земля, или самое небо?
Сходбищ народных, пиров, торжественных шествий, сражений
Не порождает ли нам по единому слову природа,
Да и к тому же, когда у людей, находящихся вместе,
Дух помышляет совсем о несхожих и разных предметах?
Что же еще нам сказать, когда видим во сне мы, как мерно
Призраки идут вперед и гибкое двигают тело,
Гибкое, ибо легко, изгибаясь, их вертятся руки,
И пред глазами у нас они вторят движеньям ногами?
Призраки, видно, сильны в искусстве и очень толковы,
Если, витая в ночи, они тешиться играми могут?
Или верней объяснить это тем, что в едином мгновеньи,
Нам ощутимом, скажу: во мгновении, нужном для звука,
Много мгновений лежит, о которых мы разумом знаем,
И потому-то всегда, в любое мгновенье, любые
Призраки в месте любом в наличности и наготове?
Столь велика быстрота и столько есть образов всяких.
Только лишь первый исчез, как сейчас же в ином положеньи
Новый родится за ним, а нам кажется, — двинулся первый.
В силу же тонкости их, отчетливо видимы духу
Только лишь те, на каких он вниманье свое остановит;
Мимо другие пройдут, к восприятью каких не готов он.
Приспособляется он и надеется в будущем видеть
Всё, что случится с любым явленьем: успех обеспечен.
Не замечаешь ли ты, что и глаз наш всегда напряженно
Приспособляется сам к рассмотрению тонких предметов,
И невозможно для нас их отчетливо видеть иначе?
Даже коль дело идет о вещах очевидных, ты знаешь,
Что без внимания к ним постоянно нам кажется, будто
Каждый предмет удален на большое от нас расстоянье;
Что же мудреного в том, что и дух упускает из виду
Всё, исключая лишь то, чему сам он всецело отдался?
И, наконец, от примет небольших мы приходим к огромным
Выводам, сами себя в западню вовлекая обмана.

Fit quoque ut interdum non suppeditetur imago
Eiusdem generis, sed femina quae fuit ante,
In manibus vir uti factus videatur adesse,
Aut alia ex alia facies aetasque sequatur.
826 Quod ne miremur sopor atque oblivia curant.
822 Illud in his rebus vitium vementer inesse
822a Credimus atque hunc te cum primis mentis avemus
Effugere errorem vitareque praemetuenter,
Lumina ne facias oculorum clara creata,
Prospicere ut possimus, et ut proferre queamus
827 Proceros passus, ideo fastigia posse
Surarum ac feminum pedibus fundata plicari,
Bracchia tum porro validis ex apta lacertis
Esse manusque datas utraque ex parte ministras,
Vt facere ad vitam possemus quae foret usus.
Cetera de genere hoc inter quaecumque pretantur
Omnia perversa praepostera sunt ratione,
Nil ideo quoniam natumst in corpore ut uti
Possemus, sed quod natumst id procreat usum.
Nec fuit ante videre oculorum lumina nata
Nec dictis orare prius quam lingua creatast,
Sed potius longe linguae praecessit origo
Sermonem, multoque creatae sunt prius aures
Quam sonus est auditus, et omnia denique membra
Ante fuere, ut opinor, eorum quam foret usus.
Haud igitur potuere utendi crescere causa.
At contra conferre manu certamina pugnae
Et lacerare artus foedareque membra cruore
Ante fuit multo quam lucida tela volarent,
Et vulnus vitare prius natura coegit
Quam daret obiectum parmai laeva per artem.
Scilicet, et fessum corpus mandare quieti
Multo antiquius est quam lecti mollia strata,
Et sedare sitim prius est quam pocula natum.
Haec igitur possent utendi cognita causa

Также бывает порой, что иным, не похожим на первый,
Образ заменится вдруг, и, что женщиной раньше казалось,
Может у нас на глазах оказаться нежданно мужчиной,
Или сменяются тут друг за другом и лица и возраст.
Сон и забвение нам помогают тому не дивиться.

Здесь существует еще коренное одно заблужденье,
Как я уверен; и мы всеми силами будем стремиться,
Чтоб избегал ты его и берегся от грубой ошибки,
И не считал, что глазам дарованы ясные взоры,
Чтобы могли мы смотреть; или что для ходьбы и движенья
Шагом широким вперед устроено так, что способны
Бедра и голени ног в суставах конечных сгибаться;
Или что руки у нас к плечам приспособлены крепким;
Или же кисти даны, как служанки, и справа и слева,
Чтобы мы с помощью их исполняли, что нужно для жизни.
Также и прочее всё, что толкуется в этом же роде,
Все отношенья вещей извращает превратным сужденьем.
Для применения нам ничего не рождается в теле,
То, что родится, само порождает себе примененье.
До зарождения глаз ведь и зрения не было вовсе,
До появленья на свет языка не бывало и речи,
Но, несомненно, возник он значительно ранее слова;
Уши задолго еще до того появились, как первый
Звук был услышан, и все, одним словом, отдельные члены
Существовали уже, я уверен, до их примененья.
Значит, никак не могли они все для него создаваться.
Наоборот же, вступать в рукопашные схватки и битвы,
Тело терзать и пятнать себе руки пролитою кровью
Стали задолго пред тем, как помчались блестящие стрелы.
И уклоняться от ран людей побудила природа
Раньше искусства щитом ограждать себе левую руку;
Да и привычка вверять утомленное тело покою
Много древнее, чем спать, растянувшись на мягких постелях;
И утоление жажды родилося раньше, чем кубки.
И, таким образом, всё, что нам жизнь и нужда подсказала,

Credier, ex usu quae sint vitaque reperta.
Illa quidem sorsum sunt omnia, quae prius ipsa
Nata dedere suae post notitiam utilitatis.
Quo genere in primis sensus et membra videmus;
Quare etiam atque etiam procul est ut credere possis
Vtilitatis ob officium potuisse creari.

Illud item non est mirandum, corporis ipsa
Quod natura cibum quaerit cuiusque animantis.
Quippe etenim fluere atque recedere corpora rebus
Multa modis multis docui, sed plurima debent
Ex animalibu'. Quae quia sunt exercita motu,
Multa per os exhalantur, cum languida anhelant,
Multaque per sudorem ex alto pressa feruntur.
His igitur rebus rarescit corpus et omnis
Subruitur natura; dolor quam consequitur rem.
Propterea capitur cibus, ut suffulciat artus
Et recreet viris interdatus, atque patentem
Per membra ac venas ut amorem obturet edendi.
Vmor item discedit in omnia quae loca cumque
Poscunt umorem; glomerataque multa vaporis
Corpora, quae stomacho praebent incendia nostro,
Dissipat adveniens liquor ac restinguit ut ignem,
Vrere ne possit calor amplius aridus artus
Sic igitur tibi anhela sitis de corpore nostro
Abluitur, sic expletur ieiuna cupido.

Nunc qui fiat uti passus proferre queamus,
Cum volumus, varieque datum sit membra movere,
Et quae res tantum hoc oneris protrudere nostri
Corporis insuerit, dicam: tu percipe dicta.
Dico animo nostro primum simulacra meandi
Accidere atque animum pulsare, ut diximus ante.
Inde voluntas fit; neque enim facere incipit ullam
Rem quisquam, quam mens providit quid velit ante.
Id quod providet, illius rei constat imago.
Ergo animus cum sese ita commovet ut velit ire

Было, как можно считать, изобретено для примененья.
Иначе с тем обстоит, что само по себе появилось
И уже после того на свою указало нам пользу.
Первое место у нас занимают здесь чувства и члены.
Так что, опять повторю, совершенно немыслимо думать,
Будто бы пользой для нас обусловлено их появленье.

Также не должно тому удивляться, что в самой природе
Всяких созданий живых заложена пищи потребность.
Ибо ведь множество тел, из вещей вытекая, выходит
Разным путем, как указывал я, но особенно много
Их из животных идет, потому что от частых движений
Много летит их из уст, при тяжелом дыханьи, и много
Также их пóтом идет, изнутри вытесняясь наружу.
Тело при этом редеть начинает, и вся его сущность
Рухнуть готова уже, и страдания следуют дальше.
Пища затем и нужна, чтобы ею поддерживать тело,
Чтобы она, расходясь, возрождала в нем сызнова силы
В членах и жилах и пасть ненасытного чрева заткнула.
Также и влага течет и проходит повсюду, где тело
Требует влаги себе, да и жáра телá, что, скопившись
Кучей у нас в животе, опалить его могут пожаром,
Гасятся жидкостью там, растворяющей их, чтобы пламя
Члены пожечь не могло своим иссушающим пылом.
Так избавляемся мы от жажды, спирающей горло,
Так утоляем мы свой неуёмный мучительный голод.

Ну, а теперь почему подвигаться вперед мы способны,
Как захотим, и даны нам различные телодвиженья,
Сила какая дает нам возможность столь тяжкое бремя
Тела толкать, я скажу, ты же слушай, как я рассуждаю.
Я говорю, что вперед появляется призрак движенья
В духе у нас и его ударяет, как сказано раньше;
Воля родится затем: ведь никто никакого не может
Дела начать, пока дух не предвидит, чего он желает;
Что же предвидит он, то и является образом вещи.
Так что, когда возбуждается дух и охвачен стремленьем

Inque gredi, ferit extemplo quae in corpore toto,
Per membra atque artus, animai dissita vis est.
Et facilest factu, quoniam coniuncta tenetur.
Inde ea proporro corpus ferit, atque ita tota
Paulatim moles protruditur atque movetur.
Praeterea tum rarescit quoque corpus, et aer
(Scilicet, ut debet qui semper mobilis exstat)
Per patefacta venit penetratque foramina largus,
Et dispergitur ad partis ita quasque minutas
Corporis. Hic igitur rebus fit utrimque duabus,
Corpus ut ac navis remis ventoque feratur.
Nec tamen illud in his rebus mirabile constat,
Tantula quod tantum corpus corpuscula possunt
Contorquere et onus totum convertere nostrum.
Quippe etenim ventus subtili corpore tenvis
Trudit agens magnam magno molimine navem,
Et manus una regit quantovis impete euntem
Atque gubernaclum contorquet quolibet unum,
Multaque, per trocleas et tympana, pondere magno
Commovet atque levi sustollit machina nisu.

Nunc quibus ille modis somnus per membra quietem
Irriget atque animi curas e pectore solvat,
Suavidicis potius quam multis versibus edam;
Parvus ut est cycni melior canor, ille gruum quam
Clamor in aetheriis dispersus nubibus Austri.
Tu mihi da tenuis auris animumque sagacem,
Ne fieri negites quae dicam posse, retroque
Vera repulsanti discedas pectore dicta,
Tutemet in culpa cum sis neque cernere possis.
Principio somnus fit ubi est distracta per artus
Vis animae partimque foras eiecta recessit
Et partim contrusa magis concessit in altum.
Dissoluuntur enim tum demum membra fluuntque.
Nam dubium non est, animai quin opera sit
Sensus hic in nobis, quem cum sopor impedit esse,

Двигаться, тотчас удар он силе души сообщает,
Чтó по суставам везде и по членам рассеяна в теле;
Это не трудно ему, ибо тесно с душою он связан.
Следом же тело душа ударяет, и мало-помалу
Так вся громада вперед от толчка получает движенье.
Тело же, кроме того, редеть начинает, и воздух, —
Как подобает ему при движеньи его постоянном, —
Входит обильно в него, проникая в открытые поры,
И растекается там, доходя до мельчайших частичек
Тела. Итак, от двойной здесь исходит причины движенье:
Тело как будто корабль, что и вёсла уносят и ветер.
Да и, по правде сказать, ничего тут мудреного нету
В том, что возможно таким ничтожнейшим тельцам свободно
Тяжестью править такой и у нас поворачивать тело.
Гонит же ветер, при всей своей сущности легкой и тонкой,
Мощный корабль пред собой, как бы ни был он тяжек и грузен;
Только одною рукой его бег направляется быстрый,
Только единственный руль руководит им как угодно.
И, при посредстве колес и лебедок, без всяких усилий
Множество тяжестей кран и ворочает и поднимает.

Ну, а теперь, каким образом сон овевает покоем
Тело, заботы души изгоняя из нашего сердца,
Не многословно тебе объясню, но в стихах сладкозвучных:
Лебедя краткая песнь превосходит тот крик журавлиный,
Чтó раздается вверху, в облаках, нагоняемых Австром.
Ты же, прошу я, свой слух предоставь мне и ум прозорливый,
Чтобы возможность того не отвергнуть, о чем говорю я,
И не уйти, оттолкнув от сердца правдивые речи,
Будучи сам виноват, что не видишь своих заблуждений.
Сон наступает тогда, когда разбежится по членам
Сила души, и она выгоняется частью наружу,
Частью же, сбившись плотней, в глубину удаляется тела.
Все расслабляются тут и становятся дряблыми члены.
Ибо сомнения нет, что душой возбуждается чувство
В теле у нас, а когда усыпленье его пресекает,

Tum nobis animam perturbatam esse putandumst
Eiectamque foras; non omnem; namque iaceret
Aeterno corpus perfusum frigore leti.
Quippe ubi nulla latens animai pars remaneret
In membris, cinere ut multa latet obrutus ignis,
Vnde reconflari sensus per membra repente
Posset, ut ex igni caeco consurgere flamma?
Sed quibus haec rebus novitas confiat, et unde
Perturbari anima et corpus languescere possit,
Expediam: tu fac ne ventis verba profundam.
Principio externa corpus de parte necessum est,
Aeriis quoniam vicinum tangitur auris,
Tundier atque eius crebro pulsarier ictu,
Propterea que fere res omnes aut corio sunt,
Aut etiam conchis, aut callo, aut cortice tectae.
Interiorem etiam partem spirantibus aer
Verberat hic idem, cum ducitur atque reflatur.
Quare utrimque secus cum corpus vapulet, et cum
Perveniant plagae per parva foramina nobis
Corporis ad primas partis elementaque prima,
Fit quasi paulatim nobis per membra ruina.
Conturbantur enim positurae principiorum
Corporis atque animi. Fit uti pars inde animai
Eiciatur, et introrsum pars abdita cedat,
Pars etiam distracta per artus non queat esse
Coniuncta inter se neque motu mutua fungi;
Inter enim saepit coetus natura viasque;
Ergo sensus abit mutatis motibus alte.
Et quoniam non est quasi quod suffulciat artus,
Debile fit corpus, languescuntque omnia membra,
Bracchia palpebraeque cadunt, poplitesque cubanti
Saepe tamen summittuntur virisque resolvunt.
Deinde cibum sequitur somnus, quia, quae facit aer,
Haec eadem cibus, in venas dum diditur omnis,
Efficit. Et multo sopor ille gravissimus exstat,

То, безусловно, душа пребывает в смятении наша,
Выгнанной вон из него, но не вся, ибо иначе тело
Вечно б осталось лежать, объятое холодом смерти.
Если ж и части души никакой не осталось бы скрытой
В теле, подобно огню, под кучею скрытому пепла,
Чувство откуда могло оживиться бы в теле внезапно
Так же, как может огонь из потухшего пламени вспыхнуть?

Но обусловлена чем перемена такая, откуда
Может смятенье души и расслабленность тела явиться,
Я объясню, и смотри, чтоб слова я не нá ветер бросил.
Прежде всего, стороной наружною всякое тело,
В силу того, что его окружают воздушные токи,
Быть под ударом должно и толчки их испытывать часто.
Вот почему большинство из созданий покрыто снаружи
Шкурою, иль скорлупой, или толстою кожей, иль коркой.
Внутренних также частей у дышащих касается воздух,
Их поражая всегда при вдыхании и выдыханьи.
А потому, что с обеих сторон ударяется тело
И проникают толчки через разные мелкие поры
В тело до самых основ и начальных его элементов,
Мало-помалу оно в разрушение как бы приходит.
Ибо тогда у начал нарушаются их положенья
В теле и духе. Душа изгоняется частью наружу,
Частью, гонимая внутрь, забивается в самые недра,
Частью ж, рассеясь везде по суставам, она не способна
Вместе сплотиться уже и взаимные делать движенья:
К соединению ей преграждает дороги природа.
Так удаляется вглубь, с нарушеньем движения, чувство;
А оттого, что уж нет ничего, чтоб поддерживать тело,
Ослабевает оно, и становятся дряблыми члены;
И опускаются руки и веки, и часто колени
Гнутся бессильно, хотя и лежит усыпленное тело.
Также за пищею сон наступает: ведь то же, что воздух,
Делает пища, когда растекается всюду по жилам.
В сон погружаешься ты наиболее тяжкий в то время,

Quem satur aut lassus capias, quia plurima tum se
Corpora conturbant magno contusa labore.
Fit ratione eadem coniectus parte animai
Altior, atque foras eiectus largior eius,
Et divisior inter se ac distractior intus.
Et quo quisque fere studio devinctus adhaeret,
Aut quibus in rebus multum sumus ante morati
Atque in ea ratione fuit contenta magis mens,
In somnis eadem plerumque videmur obire;
Causidici causas agere et componere leges,
Induperatores pugnare ac proelia obire,
Nautae contractum cum ventis degere bellum,
Nos agere hoc autem et naturam quaerere rerum
Semper et inventam patriis exponere chartis.
Cetera sic studia atque artes plerumque videntur
In somnis animos hominum frustrata tenere.
Et quicumque dies multos ex ordine ludis
Assiduas dederunt operas, plerumque videmus,
Cum iam destiterunt ea sensibus usurpare,
Reliquas tamen esse vias in mente patentis,
Qua possint eadem rerum simulacra venire.
Per multos itaque illa dies eadem obversantur
Ante oculos, etiam vigilantes ut videantur
Cernere saltantis et mollia membra moventis,
Et citharae liquidum carmen chordasque loquentis
Auribus accipere, et consessum cernere eundem
Scaenaique simul varios splendere decores.
Vsque adeo magni refert studium atque voluntas,
Et quibus in rebus consuerint esse operati
Non homines solum sed vero animalia cuncta.
Quippe videbis equos fortis, cum membra iacebunt,
In somnis sudare tamen spirareque semper
Et quasi de palma summas contendere viris
Aut quasi carceribus patefactis velle volare.
Venantumque canes in molli saepe quiete

Как или сыт, иль устал, ибо тут постигает смятенье
Многое множество тел, потрясенных тяжелой работой.
Это ведет и к тому, что душа забивается частью
Глубже, а вон выходя, она бо́льшим потоком стремится
И, разделяясь внутри, дробится гораздо сильнее.
Если же кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавалися мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я — продолжаю свой труд и вещей неуклонно природу,
Кажется мне, я ищу и родным языком излагаю.
Да и другие дела и искусства как будто бы часто
Мысли людей, погрузившихся в сон, увлекают обманно.
Если подряд много дней с увлечением играми занят
Был кто-нибудь непрерывно, мы видим, что, большею частью,
Даже когда прекратилось воздействие зрелищ на чувства,
Всё же в уме у него остаются пути, по которым
Призраки тех же вещей туда проникают свободно.
Так в продолжение дней эти самые призраки реют
Перед глазами людей, и они, даже бодрствуя, видят
Точно и пляски опять и движения гибкого тела;
Пение звонких кифар и говора струн голосистых
Звук раздается в ушах, и привычных зрителей видно,
Сцена открыта опять и пестреет блестящим убранством.
Вот до чего велико значение склонностей, вкусов,
Как и привычки к тому постоянному делу, которым
Заняты люди, а кроме людей и животные также.
Можешь ведь ты наблюдать, в самом деле, как быстрые кони,
В сон погрузившись, потеть начинают, дышать учащенно,
Будто упорно скача за пальмою первенства в беге,
Иль, из ограды летя открытой, стремительно мчатся.
Часто охотничьи псы, несмотря на спокойную дрёму,

Iactant crura tamen subito vocesque repente
Mittunt et crebro reducunt naribus auras,
Vt vestigia si teneant inventa ferarum,
Expergefactique sequuntur inania saepe
Cervorum simulacra, fugae quasi dedita cernant,
Donec discussis redeant erroribus ad se.
At consueta domi catulorum blanda propago
Discutere et corpus de terra corripere instant,
Proinde quasi ignotas facies atque ora tuantur.
Et quo quaeque magis sunt aspera seminiorum,
Tam magis in somnis eadem saevire necessust.
At variae fugiunt volucres pinnisque repente
Sollicitant divum nocturno tempore lucos,
Accipitres somno in leni si proelia pugnas
Edere sunt persectantes visaeque volantes.
Porro hominum mentes, magnis quae motibus edunt
Magna, itidem saepe in somnis faciuntque geruntque:
Reges expugnant, capiuntur, proelia miscent,
Tollunt clamorem, quasi si iugulentur, ibidem.
Multi depugnant gemitusque doloribus edunt,
Et quasi pantherae morsu saevive leonis
Mandantur magnis clamoribus omnia complent.
Multi de magnis per somnum rebu' loquuntur,
Indicioque sui facti persaepe fuere.
Multi mortem obeunt. Multi, de montibus altis
Vt qui praecipitent ad terram, corpore toto
Exterrentur et ex somno quasi mentibu' capti
Vix ad se redeunt, permoti corporis aestu.
Flumen item sitiens aut fontem propter amoenum
Assidet et totum prope faucibus occupat amnem.
Puri saepe lacum propter si ac dolia curta
Somno devincti credunt se extollere vestem,
Totius umorem saccatum corpori' fundunt,
Cum Babylonica magnifico splendore rigantur.
Tum quibus aetatis freta primitus insinuatur

Вдруг или нá ноги вскочат, иль громко внезапно залают,
Нюхают воздух кругом, беспокойно ноздрями поводят,
Будто бы чуют они и пó следу рыщут за зверем;
Или, во сне увидав уходящего быстро оленя,
Гонят его наяву, обманный преследуя призрак,
И, лишь очнувшись от сна, прекращают напрасную травлю.
Ласковых племя щенят, к хозяйскому дому привыкших,
То ощетинится вдруг, то хочет с земли приподняться,
Будто бы видят они чужих незнакомые лица.
И чем свирепее норов у каждой отдельной породы,
Тем и неистовей будет она и во сне непременно.
Пестрые птицы летят и трепетом крыльев внезапным
Рощ священных покой нарушают ночною порою,
Коль в усыплении легком почудится им, что в погоне
Ястреб над ними парит и отважно бросается сверху.
Также и люди во сне постоянно свершать продолжают
Те же деянья, какие и въяве они совершали:
Грады пленяют цари, полоняются сами, воюют,
Крик подымая такой, как будто их режут на месте;
Многие бьются вразмах, жестоко вопят от мучений,
Точно свирепому льву иль пантере даны на съеденье,
И оглашают далеко округу стенанием громким.
Многие также во сне выдают сокровенные тайны
И выдавали не раз иные свои преступленья.
Многим является смерть, а многие будто с высоких
Гор низвергаются вниз и, будто всей тяжестью тела
Рухнув, в безумьи со сна не могут опомниться сразу
В страхе: бросает их в жар, и дрожь пробегает по телу.
Также и жаждущий пить у ручья себя видит и, жадно
Ртом приникая к воде, точно всю ее выпить стремится.
Мальчики часто во сне, представляя себя иль у ямы,
Иль у ночного горшка с приподнятой кверху рубашкой,
Весь выпускают запас накопившейся влаги из тела
И покрывала насквозь вавилонские пышные мочат.
К тем же, в кого проникать и тревожить их бурную юность

Semen, ubi ipsa dies membris matura creavit,
Conveniunt simulacra foris e corpore quoque,
Nuntia praeclari vultus pulchrique coloris,
Qui ciet irritans loca turgida semine multo,
Vt quasi transactis saepe omnibu' rebu' profundant
Fluminis ingentis fluctus vestemque cruentent.
Sollicitatur id in nobis, quod diximus ante,
Semen, adulta aetas cum primum roborat artus.
Namque alias aliud res commovet atque lacessit;
Ex homine humanum semen ciet una hominis vis.
Quod simul atque suis eiectum sedibus exit,
Per membra atque artus decedit corpore toto,
In loca conveniens nervorum certa, cietque
Continuo partis genitalis corporis ipsas.
Irritata tument loca semine, fitque voluntas
Eicere id quo se contendit dira libido,
Idque petit corpus, mens unde est saucia amore.
Namque omnes plerumque cadunt in vulnus, et illam
Emicat in partem sanguis, unde icimur ictu,
Et si comminus est, hostem ruber occupat umor.
Sic igitur Veneris qui telis accipit ictus,
Sive puer membris muliebribus hunc iaculatur,
Seu mulier toto iactans e corpore amorem,
Vnde feritur, eo tendit gestitque coire
Et iacere umorem in corpus de corpore ductum.
Namque voluptatem praesagit muta cupido.
Haec Venus est nobis; hinc autemst nomen Amoris,
Hinc illaec primum Veneris dulcedinis in cor
Stillavit gutta et successit frigida cura.
Nam si abest quod ames, praesto simulacra tamen sunt
Illius et nomen dulce obversatur ad auris.
Sed fugitare decet simulacra et pabula amoris
Absterrere sibi atque alio convertere mentem
Et iacere umorem collectum in corpora quaeque,
Nec retinere, semel conversum unius amore,

Начало семя, в тот день, лишь во членах оно созревает,
Сходятся призраки вдруг, возникая извне и являя
Образы всяческих тел, прекрасных лицом и цветущих.
Тут раздражаются в них надутые семенем части,
Так что нередко они, совершив как будто, что надо,
Вон выпуская струю изобильную, пачкают платье.

И возбуждается в нас это семя, как мы указали,
Тою порою, когда возмужалое тело окрепло.
Вследствие разных причин раздражаются разные вещи:
Образом только людским из людей извергается семя.
Только лишь выбьется вон и свое оно место оставит,
Как, по суставам стремясь и по членам, уходит из тела,
В определенных местах накопляясь по жилам, и тотчас
Тут возбуждает само у людей детородные части.
Их раздражает оно и вздувает, рождая желанье
Выбросить семя туда, куда манит их дикая похоть,
К телу стремяся тому, что наш ум уязвило любовью.
Обыкновенно ведь все упадают на рану, и брызжет
Кровь в направлении том, откуда удар был получен;
И, если близок наш враг, то обрызган он алою влагой.
Также поэтому тот, кто поранен стрелою Венеры, —
Мальчик ли ранил его, обладающий женственным станом,
Женщина ль телом своим, напоенным всесильной любовью, —
Тянется прямо туда, откуда он ранен, и страстно
Жаждет сойтись и попасть своей влагою в тело из тела,
Ибо безмолвная страсть предвещает ему наслажденье.

Это Венера для нас; это мы называем Любовью,
В сердце отсюда течет сладострастья Венерина влага,
Капля за каплей сочась, и холодная следом забота.
Ибо, хоть та далеко, кого любишь, — всегда пред тобою
Призрак ее, и в ушах звучит ее сладкое имя.
Но убегать надо нам этих призраков, искореняя
Всё, что питает любовь, и свой ум направлять на другое,
Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей,

Et servare sibi curam certumque dolorem.
Vlcus enim vivescit et inveterascit alendo
Inque dies gliscit furor atque aerumna gravescit,
Si non prima novis conturbes vulnera plagis
Vulgivagaque vagus Venere ante recentia cures
Aut alio possis animi traducere motus.
Nec Veneris fructu caret is qui vitat amorem,
Sed potius quae sunt sine poena commoda sumit.
Nam certe purast sanis magis inde voluptas
Quam miseris. Etenim potiundi tempore in ipso
Fluctuat incertis erroribus ardor amantum,
Nec constat quid primum oculis manibusque fruantur.
Quod petiere, premunt arte faciuntque dolorem
Corporis, et dentis inlidunt saepe labellis
Osculaque adfligunt, quia non est pura voluptas
Et stimuli subsunt, qui instigant laedere id ipsum,
Quodcumque est, rabies unde ilaec germina surgunt.
Sed leviter poenas frangit Venus inter amorem,
Blandaque refrenat morsus admixta voluptas.
Namque in eo spes est, unde est ardoris origo,
Restingui quoque posse ab eodem corpore flammam.
Quod fieri contra totum natura repugnat;
Vnaque res haec est, cuius quam plurima habemus,
Tam magis ardescit dira cuppedine pectus.
Nam cibus atque umor membris assumitur intus;
Quae quoniam certas possunt obsidere partis,
Hoc facile expletur laticum frugumque cupido.
Ex hominis vero facie pulchroque colore
Nil datur in corpus praeter simulacra fruendum
Tenvia; quae vento spes raptast saepe misella.
Vt bibere in somnis sitiens cum quaerit, et umor
Non datur, ardorem qui membris stinguere possit,
Sed laticum simulacra petit frustraque laborat
In medioque sitit torrenti flumine potans,
Sic in amore Venus simulacris ludit amantis,

Тем обрекая себя на заботу и верную муку.
Ведь не способна зажить застарелая язва, питаясь;
День ото дня всё растет и безумье и тяжкое горе,
Ежели новыми ты не уймешь свои прежние раны.
Если их, свежих еще, не доверишь Венере Доступной,
Иль не сумеешь уму иное придать направленье.

Вовсе Венеры плодов не лишен, кто любви избегает:
Он наслаждается тем, что дается без всяких страданий.
Чище услада для тех, кто здоров и владеет собою,
Чем для сходящих с ума. Ведь и в самый миг обладанья
Страсть продолжает кипеть и безвыходно мучит влюбленных:
Сами не знают они, что́ насытить: глаза или руки?
Цель вожделений своих сжимают в объятьях и, телу
Боль причиняя порой, впиваются в губы зубами
Так, что немеют уста, ибо чистой здесь нету услады;
Жало таится внутри, побуждая любовников ранить
То, что внушает им страсть и откуда родилась их ярость.
Но в упоеньи любви утоляет страданья Венера,
Примесью нежных утех ослабляя боль от укусов.
Ибо надежда живет, что способно то самое тело,
Что разжигает огонь, его пламя заставить угаснуть.
Опровергает всегда заблуждение это природа.
Здесь неизменно одно: чем полнее у нас обладанье,
Тем всё сильнее в груди распаляется дикая страстность.
Пища ведь или питье проникает во внутренность тела,
И раз она занимать способна известное место,
То и бывает легко утолить нам и голод и жажду.
Но человека лицо и вся его яркая прелесть
Тела насытить ничем, кроме призраков тонких, не могут,
Тщетна надежда на них и нередко уносится ветром.
Как постоянно во сне, когда жаждущий хочет напиться
И не находит воды, чтоб унять свою жгучую жажду,
Ловит он призрак ручья, но напрасны труды и старанья:
Даже и в волнах реки он пьет, но напиться не может, —
Так и Венера в любви только призраком дразнит влюбленных

Nec satiare queunt spectando corpora coram,
Nec manibus quicquam teneris abradere membris
Possunt errantes incerti corpore toto.
Denique cum membris collatis flore fruuntur
Aetatis, iam cum praesagit gaudia corpus
Atque in eost Venus ut muliebria conserat arva,
Adfigunt avide corpus iunguntque salivas
Oris et inspirant pressantes dentibus ora.
Nequiquam, quoniam nil inde abradere possunt
Nec penetrare et abire in corpus corpore toto;
Nam facere interdum velle et certare videntur:
Vsque adeo cupide in Veneris compagibus haerent,
Membra voluptatis dum vi labefacta liquescunt.
Tandem ubi se erupit nervis collecta cupido,
Parva fit ardoris violenti pausa parumper.
Inde redit rabies eadem et furor ille revisit,
Cum sibi quod cupiunt ipsi contingere quaerunt,
Nec reperire malum id possunt quae machina vincat;
Vsque adeo incerti tabescunt vulnere caeco.

Adde quod absumunt viris pereuntque labore,
Adde quod alterius sub nutu degitur aetas.
Labitur interea res et Babylonica fiunt,
Languent officia atque aegrotat fama vacillans.
Vnguenta et pulchra in pedibus Sicyonia rident,
Scilicet, et grandes viridi cum luce zmaragdi
Auro includuntur, teriturque thalassina vestis
Assidue et Veneris sudorem exercita potat.
Et bene parta patrum fiunt anademata, mitrae,
Interdum in pallam atque Alidensia Ciaque vertunt.
Eximia veste et victu convivia, ludi,
Pocula crebra, unguenta, coronae, serta parantur,
Nequiquam, quoniam medio de fonte leporum
Surgit amari aliquid, quod in ipsis floribus angat,
Aut cum conscius ipse animus se forte remordet
Desidiose agere aetatem lustrisque perire,

Не в состояньи они, созерцая, насытиться телом,
Выжать они ничего из нежного тела не могут,
Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканьях.
И, наконец, уже слившися с ним, посреди наслаждений
Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
Как и пробиться во внутрь и в тело всем телом проникнуть
Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться:
Так вожделенно они застревают в тенётах Венеры, —
Млеет их тело тогда, растворяясь в любовной усладе,
И, наконец, когда страсть, накопившися в жилах, прорвется,
То небольшой перерыв наступает в неистовом пыле.
Но возвращается вновь и безумье и ярость всё та же,
Лишь начинают опять устремляться к предмету желаний,
Средств не умея найти, чтобы справиться с этой напастью:
Так их изводит вконец неизвестная скрытая рана.
    Тратят и силы к тому ж влюбленные в тяжких страданьях,
И протекает их жизнь по капризу и воле другого;
Всё достояние их в вавилонские ткани уходит,
Долг в небреженьи лежит, и расшатано доброе имя.
На умащенных ногах сикионская обувь сверкает,
Блещут в оправе златой изумруды с зеленым отливом,
Треплется платье у них голубое, подобное волнам,
И постоянно оно пропитано потом Венеры.
Всё состоянье отцов, нажитое честно, на ленты
Или на митры идет и заморские ценные ткани.
Пышно убранство пиров с роскошными яствами, игры
Вечно у них и вино, благовонья, венки и гирлянды.
Тщетно! Из самых глубин наслаждений исходит при этом
Горькое что-то, что их среди самых цветов донимает,
Иль потому, что грызет сознанье того, что проводят
Праздно они свою жизнь и погрязли в нечистом болоте,

Aut quod in ambiguo verbum iaculata reliquit,
Quod cupido adfixum cordi vivescit ut ignis,
Aut nimium iactare oculos aliumve tueri
Quod putat in vultuque videt vestigia risus.
Atque in amore mala haec proprio summeque secundo
Inveniuntur; in adverso vero atque inopi sunt,
Prendere quae possis oculorum lumine operto,
Innumerabilia; ut melius vigilare sit ante,
Qua docui ratione, cavereque ne inliciaris.
Nam vitare, plagas in amoris ne iaciamur,
Non ita difficile est quam captum retibus ipsis
Exire et validos Veneris perrumpere nodos.
Et tamen implicitus quoque possis inque peditus
Effugere infestum, nisi tute tibi obvius obstes
Et praetermittas animi vitia omnia primum
Aut quae corpori' sunt eius, quam praepetis ac vis.
Nam faciunt homines plerumque cupidine caeci
Et tribuunt ea quae non sunt his commoda vere.
Multimodis igitur pravas turpisque videmus
Esse in deliciis summoque in honore vigere.
Atque alios alii irrident Veneremque suadent
Vt placent, quoniam foedo adflictentur amore,
Nec sua respiciunt miseri mala maxima saepe.
Nigra melichrus est, immunda et fetida acosmos,
Caesia Palladium, nervosa et lignea dorcas,
Parvula, pumilio, chariton mia, tota merum sal,
Magna atque immanis cataplexis plenaque honoris.
Balba loqui non quit, traulizi, muta pudens est;
At flagrans odiosa loquacula Lampadium fit.
Ischnon eromenion tum fit, cum vivere non quit
Prae macie; rhadine verost iam mortua tussi.
At tumida et mammosa Ceres est ipsa ab Iaccho,
Simula Silena ac saturast, labeosa philema.
Cetera de genere hoc longum est si dicere coner.
Sed tamen esto iam quantovis oris honore,

Иль оттого, что намек двусмысленный, брошенный „ею",
В страстное сердце впился и пламенем в нем разгорелся,
Или же кажется им, что слишком стреляет глазами,
Иль загляделась „она" на другого и, видно, смеется.

Эти же беды в любви настоящей и самой счастливой
Также встречаются нам; а те, что ты можешь заметить,
Даже закрывши глаза, в любви безнадежной, несчастной,
Неисчислимы. Итак, заранее лучше держаться
Настороже, как уж я указал, и не быть обольщенным,
Ибо избегнуть тенет любовных и в сеть не попасться
Легче гораздо, чем, там очутившись, обратно на волю
Выйти, порвавши узлы, сплетенные крепко Венерой.
Но, и запутавшись в них, ты всё-таки мог бы избегнуть
Зла, если сам ты себе поперек не стоял бы дороги,
Не замечая совсем пороков души или тела
И недостатков у той, которой желаешь и жаждешь.
Так большинство поступает людей в ослеплении страстью,
Видя достоинства там, где их вовсе у женщины нету;
Так что дурная собой и порочная часто предметом
Служит любовных утех, благоденствуя в высшем почете.
Часто смеются одни над другими, внушая Венеры
Милость снискать, коль они угнетаемы страстью позорной,
Не замечая своих, несчастные, бо́льших напастей.
Черная кажется им „медуницей", грязнуха — „простушкой".
Коль сероглаза она, то — „Паллада сама", а худая —
„Козочка". Карлица то — „грациозная крошечка", „искра";
Дылду они назовут „величавой", „достоинства полной";
„Мило щебечет" заика для них, а немая — „стыдлива";
Та, что несносно трещит беспрестанно, — „огонь настоящий";
„Неги изящной полна" тщедушная им и больная;
Самая „сладость" для них, что кашляет в смертной чахотке;
Туша грудастая им — „Церера, кормящая Вакха";
Если курноса — „Силена", губаста — „лобзания сладость".
Долго не кончить бы мне, приводя в этом роде примеры.
Но, даже будь у нее лицо как угодно прекрасно,

Cui Veneris membris vis omnibus exoriatur:
Nempe aliae quoque sunt; nempe hac sine viximus ante.
Nempe eadem facit, et scimus facere, omnia turpi,
Et miseram taetris se suffit odoribus ipsa,
Quam famulae longe fugitant furtimque cachinnant.
At lacrimans exclusus amator limina saepe
Floribus et sertis operit postisque superbos
Vnguit amaracino et foribus miser oscula figit;
Quem si, iam admissum, venientem offenderit aura
Vna modo, causas abeundi quaerat honestas,
Et meditata diu cadat alte sumpta querela,
Stultitiaque ibi se damnet, tribuisse quod illi
Plus videat quam mortali concedere par est.
Nec Veneres nostras hoc fallit; quo magis ipsae
Omnia summo opere hos vitae postscaenia celant,
Quos retinere volunt adstrictosque esse in amore,
Nequiquam, quoniam tu animo tamen omnia possis
Protrahere in lucem atque omnis inquirere risus
Et, si bello animost et non odiosa, vicissim
Praetermittere et humanis concedere rebus.
    Nec mulier semper ficto suspirat amore,
Quae complexa viri corpus cum corpore iungit
Et tenet assuctis umectans oscula labris.
Nam facit ex animo saepe, et communia quaerens
Gaudia sollicitat spatium decurrere amoris.
Nec ratione alia volucres armenta feraeque
Et pecudes et equae maribus subsidere possent,
Si non, ipsa quod illarum subat, ardet abundans
Natura et Venerem salientum laeta retractat.
Nonne vides etiam quos mutua saepe voluptas
Vinxit, ut in vinclis communibus excrucientur?
In triviis cum saepe canes, discedere aventes
1210 Diversi cupide summis ex viribu' tendunt,
1204 Cum interea validis Veneris compagibus haerent!
1205 Quod facerent numquam nisi mutua gaudia nossent,

Пусть и всё тело ее обаянием дышит Венеры,
Ведь и другие же есть: без нее-то ведь жили мы раньше;
Всё, что дурные собой, она делает так же, мы знаем,
И отравляет себя, несчастная, запахом скверным,
Так что служанки бегут от нее и украдкой смеются.
Но недопущенный всё ж в слезах постоянно любовник
Ей на порог и цветы и гирлянды кладет, майораном
Мажет он гордый косяк и двери, несчастный, целует.
Но лишь впустили б его и пахнуло бы чем-то, как тотчас
Стал бы предлогов искать благовидных к уходу, и долго
В сердце таимая им осеклась бы слезная просьба;
Стал бы себя упрекать он в глупости, видя, что больше
Качеств он „ей“ приписал, чем то допустимо для смертной.
Это для наших Венер не тайна: с тем бóльшим стараньем
Сторону жизни они закулисную прячут от взоров
Тех, кого удержать им хочется в сети любовной.
Тщетно: постигнуть легко это можешь и вывесть наружу
Все их секреты и все смехотворные их ухищренья,
Или, с другой стороны, коль „она“ и кротка и не вздорна,
Можешь сквозь пальцы взглянуть ты на слабости эти людские.
　　Кроме того, не всегда притворною дышит любовью
Женщина, телом своим сливаясь с телом мужчины
И поцелуем взасос увлажненные губы впивая.
Часто она от души это делает в жажде взаимных
Ласк, возбуждая его к состязанью на поле любовном.
И не могли бы никак ни скотина, ни звери, ни птицы,
Ни кобылицы самцам отдаваться в том случае, если
Не полыхала бы в них неуёмно природная похоть
И не влекла бы она вожделенно к Венере стремиться.
Да и не видишь ли ты, как те, что утехой друг с другом
Сцеплены, часто от мук изнывают в оковах взаимных?
На перекрестках дорог нередко, стремясь разлучиться,
В разные стороны псы, из сил выбиваясь, тянут,
Крепко, однако, они застревают в тенётах Венеры!
И никогда б не пошли на это они, коль не знали б

Quae iacere in fraudem possent vinctosque tenere.
Quare etiam atque etiam, ut dico, est communi' voluptas.

Et commiscendo cum semine forte virilem
Femina vim vicit subita vi corripuitque,
Tum similes matrum materno semine fiunt,
Vt patribus patrio. Sed quos utriusque figurae
Esse vides, iuxtim miscentis vulta parentum,
Corpore de patrio et materno sanguine crescunt,
Semina cum Veneris stimulis excita per artus
Obvia conflixit conspirans mutuus ardor,
Et neque utrum superavit eorum nec superatumst.
Fit quoque ut interdum similes exsistere avorum
Possint et referant proavorum saepe figuras
Propterea quia multa modis primordia multis
Mixta suo celant in corpore saepe parentes,
Quae patribus patres tradunt ab stirpe profecta;
Inde Venus varia producit sorte figuras
Maiorumque refert vultus vocesque comasque;
Quandoquidem nilo minus haec de semine certo
Fiunt quam facies et corpora membraque nobis.
Et muliebre oritur patrio de semine saeclum,
Maternoque mares exsistunt corpore creti.
Semper enim partus duplici de semine constat,
Atque utri similest magis id quodcumque creatur,
Eius habet plus parte aequa; quod cernere possis,
Sive virum suboles sivest muliebris origo.

Nec divina satum genitalem numina cuiquam
Absterrent, pater a gnatis ne dulcibus umquam
Appelletur et ut sterili Venere exigat aevum;
Quod plerumque putant, et multo sanguine maesti
Conspergunt aras adolentque altaria donis,
Vt gravidas reddant uxores semine largo.
Nequiquam divum numen sortisque fatigant.
Nam steriles nimium crasso sunt semine partim,
Et liquido praeter iustum tenuique vicissim.

Радости общих утех, что в обман и оковы ввергают.
Так что опять повторю я: утехи любви обоюдны.
Если в смешеньи семян случится, что женская сила
Верх над мужскою возьмет и ее одолеет внезапно,
С матерью схожих детей породит материнское семя,
Семя отцово — с отцом. А те, что походят, как видно,
И на отца и на мать и черты проявляют обоих,
Эти от плоти отца и от матери крови родятся,
Если Венеры стрелой семена возбужденные в теле
Вместе столкнутся, одним обоюдным гонимые пылом,
И ни одно победить не сможет, ни быть побежденным.
Может случаться и так, что дети порою бывают
С дедами схожи лицом и на прадедов часто походят.
Ибо нередко отцы в своем собственном теле скрывают
Множество первоначал в смешении многообразном,
Из роду в род от отцов к отцам по наследству идущих;
Так производит детей жеребьевкой Венера, и предков
Волосы, голос, лицо возрождает она у потомков.
Ибо ведь это всегда из семян возникает известных,
Так же, как лица у нас и тела, да и все наши члены.
Дальше: как женщин рождать способно отцовское семя,
Так материнская плоть — произвесть и мужское потомство.
Ибо зависят всегда от двоякого семени дети,
И на того из двоих родителей больше походит
Всё, что родится, кому обязано больше; и видно,
Отпрыск ли это мужской или женское то порожденье.
И не по воле богов от иного посев плодотворный
Отнят, чтоб он никогда от любезных детей не услышал
Имя отца и навек в любви оставался бесплодным.
Многие думают так и, скорбя, обагряют обильной
Кровью они алтари и дарами святилища полнят,
Чтобы могли понести от обильного семени жены.
Тщетно, однако, богам и оракулам их докучают:
Ибо бесплодны они оттого, что иль слишком густое
Семя у них, иль оно чрезмерно текуче и жидко.

Tenve locis quia non potis est adfigere adhaesum,
Liquitur extemplo et revocatum cedit abortu.
Crassius hinc porro quoniam concretius aequo
Mittitur, aut non tam prolixo provolat ictu
Aut penetrare locos aeque nequit aut penetratum
Aegre admiscetur muliebri semine semen.
Nam multum harmoniae Veneris differre videntur.
Atque alias alii complent magis, ex aliisque
Succipiunt aliae pondus magis inque gravescunt.
Et multae steriles Hymenaeis ante fuerunt
Pluribus et nactae post sunt tamen unde puellos
Suscipere et partu possent ditescere dulci.
Et quibus ante domi fecundae saepe nequissent
Vxores parere, inventast illis quoque compar
Natura, ut possent gnatis munire senectam.
Vsque adeo magni refert, ut semina possint
Seminibus commisceri genitaliter apta,
Crassaque conveniant liquidis et liquida crassis.
Atque in eo refert quo victu vita colatur;
Namque aliis rebus concrescunt semina membris,
Atque aliis extenvantur tabentque vicissim.
Et quibus ipsa modis tractetur blanda voluptas,
Id quoque permagni refert; nam more ferarum
Quadrupedumque magis ritu plerumque putantur
Concipere uxores, quia sic loca sumere possunt,
Pectoribus positis, sublatis semina lumbis.
Nec molles opu' sunt motus uxoribus hilum.
Nam mulier prohibet se concipere atque repugnat,
Clunibus ipsa viri Venerem si laeta retractat
Atque exossato ciet omni pectore fluctus;
Eicit enim sulcum recta regione viaque
Vomeris, atque locis avertit seminis ictum.
Idque sua causa consuerunt scorta moveri,
Ne complerentur crebro gravidaeque iacerent,
Et simul ipsa viris Venus ut concinnior esset;

Жидкое (так как прильнуть к надлежащему месту не может)
Тотчас стекает назад и уходит, плода не зачавши;
Семя же гуще, из них извергаяся сплоченным больше,
Чем надлежит, иль лететь не способно достаточно быстро,
Иль равномерно туда, куда нужно, проникнуть не может,
Или, проникнув, с трудом мешается с семенем женским.
Ибо зависит в любви от гармонии, видимо, много.
Этот скорее одну отягчает, а та от другого
Может скорей понести и беременной сделаться легче.
Многие жены, дотоль неплодными бывши во многих
Браках, нашли, наконец, однако, мужей, от которых
Были способны зачать и потомством от них насладиться.
Также нередко и те, у кого плодовитые жены
Всё ж не рожали детей, подходящих супруг находили
И свою старость детьми могли, наконец, обеспечить.
Крайне существенно тут, при смешеньи семян обоюдном,
Чтоб в сочетанье они плодотворное вместе сливались:
Жидкое семя — с густым, густое же — с семенем жидким.
Также существенно то, какой мы питаемся пищей,
Ибо от пищи одной семена в нашем теле густеют,
Наоборот, от другой становятся жиже и чахнут.
Также и способ, каким предаются любовным утехам,
Очень существен, затем, что считается часто, что жены
Могут удобней зачать по способу четвероногих,
Или зверей, потому что тогда достигают до нужных
Мест семена, коль опущена грудь и приподняты чресла.
И в сладострастных отнюдь не нуждаются жены движеньях.
Женщины сами себе зачинать не дают и мешают,
Если на похоть мужчин отвечают движением бедер
И вызывают у них из расслабленных тел истеченье.
Этим сбивают они борозду с надлежащей дороги
Плуга и семени ток отводят от нужного места.
Эти движенья всегда преднамеренно делают девки,
Чтоб не беременеть им и на сносе не быть постоянно,
И утончённей дарить мужчинам любовные ласки, —

Coniugibus quod nil nostris opus esse videtur.
Nec divinitus interdum Venerisque sagittis
Deteriore fit ut forma muliercula ametur.
Nam facit ipsa suis interdum femina factis
Morigerisque modis et munde corpore culto,
Vt facile insuescat secum te degere vitam.
Quod superest, consuetudo concinnat amorem;
Nam leviter quamvis quod crebro tunditur ictu,
Vincitur in longo spatio tamen atque labascit.
Nonne vides etiam guttas in saxa cadentis
Vmoris longo in spatio pertundere saxa?

То, что для наших супруг, очевидно, нисколько не нужно.
Да и не воля богов, не Венерины стрелы причиной
Служат того, что порой и дурнушка бывает любима.
Ибо порою ее поведенье, приветливость нрава
И чистоплотность ведут к тому, что легко приучает
Женщина эта тебя проводить твою жизнь с нею вместе.
И, в завершенье всего, привычка любовь вызывает.
Ибо всё то, что хотя и легко, но упорно долбится,
Всё ж уступает всегда и, в конце концов, подается.
Разве не видишь того, как, падая, капля за каплей,
Точит каменья вода и насквозь, наконец, пробивает?

LVCRETI
DE RERVM NATVRA

LIBER QVINTVS

Quis potis est dignum pollenti pectore carmen
Condere pro rerum maiestate hisque repertis?
Quisve valet verbis tantum, qui fingere laudes
Pro meritis eius possit, qui talia nobis
Pectore parta suo quaesitaque praemia liquit?
Nemo, ut opinor, erit mortali corpore cretus.
Nam si, ut ipsa petit maiestas cognita rerum,
Dicendum est, deus ille fuit, deus, inclute Memmi,
Qui princeps vitae rationem invenit eam quae
Nunc appellatur sapientia, quique per artem
Fluctibus e tantis vitam tantisque tenebris
In tam tranquillo et tam clara luce locavit.
Confer enim divina aliorum antiqua reperta.
Namque Ceres fertur fruges Liberque liquoris
Vitigeni laticem mortalibus instituisse;
Cum tamen his posset sine rebus vita manere,
Vt fama est aliquas etiam nunc vivere gentis.

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ПЯТАЯ

Кто в состояньи найти в своем сердце столь мощную силу,
Чтобы достойно воспеть все величие этих открытий?
Кто же владеет словами настолько, что мог бы прославить
Должно заслуги того, кто собственной силою духа
Столько сокровищ добыл и оставил их нам во владенье?
Нет, я уверен, никто из рожденных со смертною плотью.
Ибо, коль выразить мысль сообразно с величием дела,
Богом он был, мой доблестный Меммий, поистине богом!
Он, кто впервые нашел ту основу разумную жизни,
Что называем теперь мы мудростью. Он, кто искусно
Жизнь из волнений таких и такой темноты непроглядной
В полную ввел тишину, озаренную ярким сияньем.
С этим теперь сопоставь ты богов откровения древних:
Так, говорят, обработке полей научила Церера
Смертных, а сок из гроздей виноградных выдавливать — Либер,
Хоть и без этих даров продолжалось бы жизни теченье,
Как и доныне живут, по слухам, иные народы;

At bene non poterat sin puro pectore vivi;
Quo magis hic merito nobis deus esse videtur,
Ex quo nunc etiam per magnas didita gentis
Dulcia permulcent animos solacia vitae.
Herculis antistare autem si facta putabis,
Longius a vera multo ratione ferere.
Quid Nemeaeus enim nobis nunc magnus hiatus
Ille leonis obesset et horrens Arcadius sus?
Denique quid Cretae taurus Lernaeaque pestis
Hydra venenatis posset vallata colubris?
Quidve tripectora tergemini vis Geryonai
Et Diomedis equi spirantes naribus ignem
31 Bistoniasque plagas atque Ismara propter, avesve
30 Tanto opere officerent nobis Stymphala colentes?
32 Aureaque Hesperidum servans fulgentia mala,
Asper, acerba tuens, immani corpore serpens
Arboris amplexus stirpem quid denique obesset
Propter Atlanteum litus pelagique severa.
Quo neque noster adit quisquam nec barbarus audet?
Cetera de genere hoc quae sunt portenta perempta,
Si non victa forent, quid tandem viva nocerent?
Nil, ut opinor: ita ad satiatem terra ferarum
Nunc etiam scatit et trepido terrore repleta est
Per nemora ac montis magnos silvasque profundas;
Quae loca vitandi plerumque est nostra potestas.
At nisi purgatumst pectus, quae proelia nobis
Atque pericula tunc ingratis insinuandum!
Quantae tum scindunt hominem cuppedinis acres
Sollicitum curae quantique perinde timores!
Quidve superbia spurcitia ac petulantia? Quantas
Efficiunt clades! Quid luxus desidiaeque?
Haec igitur qui cuncta subegerit ex animoque
Expulerit dictis, non armis, nonne decebit
Hunc hominem numero divum dignarier esse?
Cum bene praesertim multa ac divinitus ipsis

Но безмятежная жизнь невозможна без чистого сердца.
Вот почему еще больше достоин богом считаться
Тот, чьи доныне везде, расходясь по великим народам,
Душам отраду дают утешения сладкие жизни.
Если же ты предпочтенье отдашь Геркулеса деяньям,
То еще дальше тогда уклонишься от истинной правды.
Чем бы огромная нам, в самом деле, теперь угрожала
Пасть Немейского льва иль щетинистый вепрь Эриманфа?
Критский бык, наконец, или Лерны пагуба — гидра,
Змей ядовитых кольцом окруженная, разве нам страшны?
Что́ Гериона для нас трехгрудого сила тройная,
Иль Диомеда Фракийца дышащие пламенем кони
На Бистониды полях и на горных отрогах Исмара?
Разве бы мучили нас Стимфальские страшные птицы?
Да и блестящих плодов золотых Гесперидских хранитель
Зоркий, свирепый дракон, обвивающий телом огромным
Дерева корни и ствол, разве мог бы он вред нанести нам
Там у Атланта брегов и у шумно гудящего моря,
Где появиться ни мы не отважимся ни чужеземец?
Так и другие, подобные им, истребленные чуда
Чем бы могли угрожать, даже если бы живы остались?
Нет, я уверен, ничем: и доселе земля в изобильи
Диких рождает зверей, и наполнены ужасом смутным
Чащи, и горная высь, и лесные глубокие дебри;
Но избегать этих мест мы почти что всегда в состояньи.
Если же сердце не чисто у нас, то какие боренья,
Сколько опасностей нам угрожает тогда поневоле,
Сколько жестоких забот и терзаний, внушаемых страстью,
Мучат смятенных людей и какие вселяют тревоги!
Гордость надменная, скупость и дерзкая наглость — какие
Беды они за собою влекут! А роскошь и праздность?
И потому, кто всё это низверг при помощи слова,
А не оружьем изгнал из души, неужель не достойно
Будет нам к сонму богов человека того сопричислить?
Если к тому же еще, одержимый божественным духом,

Immortalibu' de divis dare dicta suerit
Atque omnem rerum naturam pandere dictis.
Cuius ego ingressus vestigia dum rationes
Persequor ac doceo dictis, quo quaeque creata
Foedere sint, in eo quam sit durare necessum
Nec validas valeant aevi rescindere leges,
Quo genere in primis animi natura reperta est
Nativo primum consistere corpore creta
Nec posse incolumis magnum durare per aevum,
Sed simulacra solere in somnis fallere mentem
Cernere cum videamur eum quem vita reliquit.
Quod superest, nunc huc rationis detulit ordo,
Vt mihi mortali consistere corpore mundum
Nativumque simul ratio reddunda sit esse;
Et quibus ille modis congressus materiai
Fundarit terram, caelum, mare, sidera, solem,
Lunaique globum; tum quae tellure animantes
Exstiterint, et quae nullo sint tempore natae;
Quove modo genus humanum variante loquela
Coeperit inter se vesci per nomina rerum;
Et quibus ille modis divum metus insinuarit
Pectora, terrarum qui in orbi sancta tuetur
Fana, lacus, lucos, aras, simulacraque divum.
Praeterea solis cursus lunaeque meatus
Expediam qua vi flectat natura gubernans;
Ne forte haec inter caelum terramque reamur
Libera sponte sua cursus lustrare perennis
Morigera ad fruges augendas atque animantis,
Neve aliqua divum volvi ratione putemus.
Nam bene qui didicere deos securum agere aevum,
Si tamen interea mirantur qua ratione
Quaeque geri possint, praesertim rebus in illis
Quae supera caput aetheriis cernuntur in oris,
Rursus in antiquas referuntur religiones
Et dominos acris adsciscunt, omnia posse

Многое он говорил о бессмертных богах, постоянно
Всю природу вещей объясняя в своих изреченьях.

Я по стопам его ныне иду и ему продолжаю
Следовать, здесь излагая своими словами порядок,
Коим и создано всё и в котором всё пребывает,
Времени вечный закон нерушимый не в силах расторгнуть.
Прежде всего, мы нашли путем рассуждений, что сущность
Духа телесна, и он, как и всё, что рождается, смертен,
И невредимым во век пребывать для него невозможно.
Это ведь призраки нас во сне в заблуждение вводят,
Если, нам кажется, видим того мы, кто жизнью покинут.
Мне объяснить остается, — и к этому ход рассуждений
Наших приводит, — что мир образован из смертного тела
И одновременно то, что имел он начало когда-то;
Как получилось, что тут сочетанье материи дало
Землю, и небо, и море, и звезды, и солнце, и лунный
Шар, а затем и какие из нашей земли появились
Твари живые, а также каких никогда не рождалось;
Как человеческий род словами различными начал
Между собою общаться, названья давая предметам,
Как в наше сердце проник этот ужас и страх пред богами,
Всюду, на всем протяженьи земли, охраняющий святость
Капищ, озер и дубрав, алтарей и богов изваяний.
Кроме того, и теченьем луны, и движением солнца
Силой какой, объясню, руководит кормило природы,
Чтоб не подумали мы, что между землею и небом
Собственной волей они пробегают свой путь постоянный,
Произрастанью содействуя нив и живущих созданий,
И не сочли, что вращением их божество управляет.
Ибо и те, кто познал, что боги живут безмятежно,
Всё-таки, если начнут удивляться, каким же порядком
Всё происходит кругом, особенно то, что мы видим
Над головою у нас в беспредельных пространствах эфира,
Часто они обращаются вновь к суевериям древним
И признают над собой, несчастные, строгих хозяев,

Quos miseri credunt, ignari quid queat esse,
Quid nequeat, finita potestas denique cuique
Quanam sit ratione atque alte terminus haerens.
Quod superest, ne te in promissis plura moremur,
Principio maria ac terras caelumque tuere;
Quorum naturam triplicem, tria corpora, Memmi,
Tris species tam dissimilis, tria talia texta,
Vna dies dabit exitio, multosque per annos
Sustentata ruet moles et machina mundi.
Nec me animi fallit quam res nova miraque menti
Accidat exitium caeli terraeque futurum,
Et quam difficile id mihi sit pervincere dictis;
Vt fit ubi insolitam rem apportes auribus ante
Nec tamen hanc possis oculorum subdere visu
Nec iacere indu manus, via qua munita fidei
Proxima fert humanum in pectus templaque mentis.
Sed tamen effabor. Dictis dabit ipsa fidem res
Forsitan et graviter terrarum motibus ortis
Omnia conquassari in parvo tempore cernes.
Quod procul a nobis flectat fortuna gubernans,
Et ratio potius quam res persuadeat ipsa
Succidere horrisono posse omnia victa fragore.
Qua prius aggrediar quam de re fundere fata
Sanctius et multo certa ratione magis quam
Pythia quae tripode a Phoebi lauroque profatur,
Multa tibi expediam doctis solacia dictis;
Religione refrenatus ne forte rearis
Terras et solem et caelum, mare, sidera, lunam,
Corpore divino debere aeterna manere,
Propterea que putes ritu par esse Gigantum
Pendere eos poenas immani pro scelere omnis
Qui ratione sua disturbent moenia mundi
Praeclarumque velint caeli restinguere solem
Immortalia mortali sermone notantes;
Quae procul usque adeo divino a numine distent,

Веруя в то, что они всемогущи, не зная, что́ может
Происходить, что́ не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана, и какой ей предел установлен.
    Впрочем, не буду томить я тебя обещаньями дольше.
Прежде всего, посмотри на моря, на земли и небо;
Все эти три естества, три тела отдельные, Меммий,
Три столь различные формы и три основные сплетенья
Сгинут в какой-нибудь день, и стоявшая долгие годы
Рухнет громада тогда, и погибнет строение мира.
Знаю отлично, что всех поражает и кажется дикой
Нам эта мысль о грядущем небес и земли разрушеньи;
Трудно мне будет ее доказать убедительной речью.
Так происходит всегда, когда преподносится слуху
То, что, однако, нельзя ни глазу сделать доступным,
Ни осязанию рук; а ведь это ближайший и торный
Путь убеждения, в сердце ведущий и в область сознанья.
Всё-таки выскажусь я: словам моим самое дело
Веру, быть может, придаст, и ты, при земли колебаньях,
Сможешь увидеть, что всё сокрушается в краткое время —
Да отвратит испытанье такое судьбины кормило!
И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться всё с ужасающим грохотом может.
    Прежде, однако, чем я начну изрекать прорицанья
Много священней и тех достоверней гораздо, какие
Пифия нам говорит с треножника Феба под лавром,
Много разумных вещей сообщу я тебе в утешенье.
Чтобы не счел ты, уздой религии стянутый, будто
Солнце, земля и луна, и звезды, и море, и небо
Вечно остаться должны, обладая божественным телом,
И не подумал бы ты, что должны, по примеру Гигантов,
Каре жестокой подвергнуться все за свои преступленья,
Кто мирозданья оплот расторгает своим разуменьем
Или дерзает тушить на небе пресветлое солнце,
Смертною речью своей клеймя бессмертное нечто.
Всё это столь далеко от божественной сути, однако,

Inque deum numero quae sint indigna videri,
Notitiam potius praebere ut posse putentur
Quid sit vitali motu sensuque remotum.
Quippe etenim non est, cum quovis corpore ut esse
Posse animi natura putetur consiliumque;
Sicut in aethere non arbor, non aequore salso
Nubes esse queunt, neque pisces vivere in arvis,
Nec cruor in lignis, neque saxis sucus inesse.
Certum ac dispositumst ubi quicquid crescat et insit.
Sic animi natura nequit sine corpore oriri
Sola neque a nervis et sanguine longius esse.
Quod si posset enim, multo prius ipsa animi vis
In capite aut umeris aut imis calcibus esse
Posset et innasci quavis in parte soleret,
Tandem in eodem homine atque in eodem vase manere.
Quod quoniam nostro quoque constat corpore certum
Dispositumque videtur ubi esse et crescere possit
Sorsum anima atque animus, tanto magis infitiandum
Totum posse extra corpus formamque animalem
Putribus in glebis terrarum aut solis in igni
Aut in aqua durare aut altis aetheris oris.
Haud igitur constant divino praedita sensu,
Quandoquidem nequeunt vitaliter esse animata.
Illud item non est ut possis credere, sedis
Esse deum sanctas in mundi partibus ullis.
Tenvis enim natura deum longeque remota
Sensibus ab nostris animi vix mente videtur;
Quae quoniam manuum tactum suffugit et ictum,
Tactile nil nobis quod sit contingere debet.
Tangere enim non quit quod tangi non licet ipsum.
Quare etiam sedes quoque nostris sedibus esse
Dissimiles debent, tenues de corpore eorum;
Quae tibi posterius largo sermone probabo.
Dicere porro hominum causa voluisse parare
Praeclaram mundi naturam, propterea que

И не достойно в числе богов почитаться, что, право,
Может скорее помочь составить о том представленье,
Чтó лишено совершенно движения жизни и чувства.
Ибо никак допустить невозможно для тела любого,
Чтоб обладало оно духовной природой и смыслом.
Так ни деревьев в эфире не может, ни в море соленом
Быть никогда облаков, ни рыб водиться на пашнях,
И не бывает ни крови в дровах, ни сока в каменьях:
Точно назначено, где чему быть и где развиваться.
Так же и духа природа не может без тела возникнуть
И пребывать самобытно, отдельно от мышц и от крови.
Если же это и было б возможно, гораздо скорее
Сила духа сама в голове, иль в плечах, или в пятках
Быть бы могла и в любой из частей зарождаться, но всё бы
В том же она человеке и в том же сосуде осталась.
Если же в теле у нас, очевидно, назначено точно
Место особое, где существуют и могут развиться
Дух и душа, то тем больше должны мы всецело отвергнуть,
Что они могут одни, вне тела и формы животной,
В комьях ли рыхлых земли или где-нибудь в пламени солнца,
Или в воде пребывать, иль в пределах высоких эфира.
Значит, всё это отнюдь не владеет божественным чувством,
Раз не имеет в себе никакого дыхания жизни.

Также поверить никак невозможно и в то, что святые
Где-то жилища богов обретаются в мира пределах,
Ибо природа богов настолько тонка и от чувства
Нашего столь далека, что едва ли умом постижима.
Если ж она осязанью рукой и толчкам недоступна,
То и сама не должна осязать то, что мы осязаем:
То, что нельзя осязать, и само осязанию чуждо.
Так и жилища богов непохожи на наши жилища
Быть непременно должны и тонки сообразно с их телом.
Это потом я тебе докажу в рассужденьи подробном.
Думать же, что для людей изготовить изволили боги
Дивную мира природу, что будто по этой причине

Allaudabile opus divum laudare decere
Aeternumque putare atque immortale futurum,
Nec fas esse, deum quod sit ratione vetusta
Gentibus humanis fundatum perpetuo aevo,
Sollicitare suis ulla vi ex sedibus umquam
Nec verbis vexare et ab imo evertere summa,
Cetera de genere hoc adfingere et addere, Memmi,
Desiperest. Quid enim immortalibus atque beatis
Gratia nostra queat largirier emolumenti,
Vt nostra quicquam causa gerere aggrediantur?
Quidve novi potuit tanto post ante quietos
Inlicere ut cuperent vitam mutare priorem?
Nam gaudere novis rebus debere videtur
Cui veteres obsunt; sed cui nil accidit aegri
Tempore in anteacto, cum pulchre degeret aevum,
Quid potuit novitatis amorem accendere tali?
175 An, credo, in tenebris vita ac maerore iacebat,
176 Donec diluxit rerum genitalis origo?
174 Quidve mali fuerat nobis non esse creatis?
177 Natus enim debet quicumque est velle manere
In vita, donec retinebit blanda voluptas.
Qui numquam vero vitae gustavit amorem
Nec fuit in numero, quid obest non esse creatum?
Exemplum porro gignundis rebus et ipsa
Notities divis hominum unde est insita primum,
Quid vellent facere ut scirent animoque viderent,
Quove modost umquam vis cognita principiorum
Quidque inter sese permutato ordine possent,
Si non ipsa dedit specimen natura creandi?
Namque ita multa modis multis primordia rerum
Ex infinito iam tempore percita plagis
Ponderibusque suis consuerunt concita ferri
Omnimodisque coire atque omnia pertemptare,
Quaecumque inter se possent congressa creare,
Vt non sit mirum si in talis disposituras

Нам подобает богов достославное славить творенье
И полагать, что оно и бессмертным и вечным пребудет,
Что нечестиво всё то, что божественным промыслом древле
Было для рода людей установлено твердо навеки,
Как-нибудь нам колебать, потрясая в самих основаньях,
Или словами дерзать окончательно всё ниспровергнуть, —
Все эти вымыслы, Меммий, и все измышленья такие
Только безумье одно. Какую бессмертным блаженным
Выгоду можно извлечь изо всей благодарности нашей,
Если б они ради нас предприняли что-нибудь делать?
Новость какая могла бы, столь долго дотоль безмятежных,
Их соблазнить и склонить к изменению прежней их жизни?
Новшествам рады лишь те, кому, очевидно, несносен
Старый порядок вещей. У кого ж не случалось печали
В прежнее время, и кто свой век проводил беззаботно,
Чт́о у того разожжет стремление к новым порядкам?
Или, быть может, их жизнь влачилась в тоске и во мраке,
Прежде чем занялась заря зарождения мира?
Да и для нас что дурного, коль мы не родились бы вовсе?
Всякий рожденный на свет непременно в живых оставаться
Хочет, пока привлекают его наслаждений утехи,
Но для того, кто любви никогда не отведывал к жизни
И не причислен к живым, — что плохого совсем не родиться?
Дальше: откуда взялся у богов образец мирозданья,
Да и само представленье о людях запало впервые,
Чтобы сознанье того, чт́о желательно сделать, явилось?
Как же узнали они и о силе частиц изначальных
И о возможностях их в сочетаниях между собою,
Если природа сама не давала примера творенья?
Ибо начала вещей во множестве, многоразлично
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Тяжестью также своей гнетомые, носятся вечно,
Всячески между собой сочетаясь и всё испытуя,
Что только могут они породить из своих столкновений.
И удивляться нельзя, что они в положенья такие

Deciderunt quoque et in talis venere meatus,
Qualibus haec rerum geritur nunc summa novando.
Quod si iam rerum ignorem primordia quae sint,
Hoc tamen ex ipsis caeli rationibus ausim
Confirmare aliisque ex rebus reddere multis,
Nequaquam nobis divinitus esse paratam
Naturam rerum: tanta stat praedita culpa.
Principio quantum caeli tegit impetus ingens,
Inde avidam partem montes silvaeque ferarum
Possedere, tenent rupes vastaeque paludes
Et mare, quod late terrarum distinet oras.
Inde duas porro prope partis fervidus ardor
Assiduusque geli casus mortalibus aufert.
Quod superest arvi, tamen id natura sua vi
Sentibus obducat, ni vis humana resistat
Vitai causa valido consueta bidenti
Ingemere et terram pressis proscindere aratris.
Si non fecundas vertentes vomere glebas
Terraique solum subigentes cimus ad ortus,
Sponte sua nequeant liquidas exsistere in auras,
Et tamen interdum magno quaesita labore
Cum iam per terras frondent atque omnia florent,
Aut nimiis torret fervoribus aetherius sol
Aut subiti perimunt imbres gelidaeque pruinae,
Flabraque ventorum violento turbine vexant.
Praeterea genus horriferum natura ferarum
Humanae genti infestum terraque marique
Cur alit atque auget? Cur anni tempora morbos
Apportant? Quare mors immatura vagatur?
Tum porro puer, ut saevis proiectus ab undis
Navita, nudus humi iacet, infans, indigus omni
Vitali auxilio, cum primum in luminis oras
Nixibus ex alvo matris natura profudit,
Vagituque locum lugubri complet, ut aequumst
Cui tantum in vita restet transire malorum.

Между собою пришли и в такое движенье, которым
Держится нынешний мир в постоянном своем обновленьи.
    Если бы даже совсем оставались мне неизвестны
Первоначала вещей, и тогда по небесным явленьям,
Как и по многим другим, я дерзнул бы считать достоверным
Что не для нас и отнюдь не божественной создана волей
Эта природа вещей: столь много в ней всяких пороков.
Прежде всего, из того, что объято громадою неба,
Часть захватили себе иль чащи лесные и горы,
Полные диких зверей, иль болота и голые скалы,
Или моря, широко разделившие страны земные.
Около двух остальных частей или зной раскаленный,
Или же вечный мороз отнимают у смертного рода.
Что ж остается под пашню, то силой природа своею
Всё бы покрыла бурьяном, когда б не противились люди,
Жизнь защищая свою, привыкнув над крепкой мотыгой
Тяжко вздыхать и поля бороздить нагнетаемым плугом.
Если ж, ворочая в них сошником плодородные глыбы
И разрыхляя земельный покров, не пробудим их к жизни,
Самостоятельно в воздух прозрачный ничто не пробьется.
Всё ж зачастую и то, что трудом добывается тяжким,
Даже когда на полях зеленеть и цвести начинает, —
Иль непомерно палит раскаленное солнце с эфира,
Или же вдруг истребляют дожди, или иней холодный,
Или же ветры гнетут, поднимаясь неистовым вихрем.
Кроме того, почему враждебное роду людскому
Племя ужасных зверей природа на суше и в море
Кормит, плодит? Почему с переменой погоды болезни
Губят людей? И зачем преждевременно смерть настигает?
Вот и младенец: он, точно моряк, что жестокой волною
Выброшен, так и лежит на земле нагой, бессловесный,
В жизни совсем беспомощный, лишь только из матери чрева
В тяжких потугах на свет его породила природа;
Плач заунывный его раздается кругом, и понятно:
Много ему предстоит испытать злоключений при жизни.

At variae crescunt pecudes armenta feraeque,
Nec crepitacillis opus est nec cuiquam adhibendast
Almae nutricis blanda atque infracta loquela
Nec varias quaerunt vestis pro tempore caeli,
Denique non armis opus est, non moenibus altis,
Qui sua tutentur, quando omnibus omnia large
Tellus ipsa parit naturaque daedala rerum.
Principio quoniam terrai corpus et umor
Aurarumque leves animae calidique vapores,
E quibus haec rerum consistere summa videtur,
Omnia nativo ac mortali corpore constant,
Debet eodem omnis mundi natura putari.
Quippe etenim quorum partis et membra videmus
Corpore nativo ac mortalibus esse figuris,
Haec eadem ferme mortalia cernimus esse
Et nativa simul. Quapropter maxima mundi
Cum videam membra ac partis consumpta regigni,
Scire licet caeli quoque item terraeque fuisse
Principiale aliquod tempus clademque futuram.
Illud in his rebus ne corripuisse rearis
Me mihi, quod terram atque ignem mortalia sumpsi
Esse neque umorem dubitavi aurasque perire
Atque eadem gigni rursusque augescere dixi,
Principio pars terrai nonnulla, perusta
Solibus assiduis, multa pulsata pedum vi,
Pulveris exhalat nebulam nubisque volantis
Quas validi toto dispergunt aere venti.
Pars etiam glebarum ad diluviem revocatur
Imbribus et ripas radentia flumina rodunt.
Praeterea pro parte sua, quodcumque alid auget,
Redditur; et quoniam dubio procul esse videtur
Omniparens eadem rerum commune sepulcrum,
Ergo terra tibi libatur et aucta recrescit.
Quod superest, umore novo mare flumina fontis
Semper abundare et latices manare perennis

Скот, между тем, вырастает и крупный, и мелкий, и звери;
Ни в погремушках нужды у них нет, ни в том, чтобы в детстве
Лепетом ломаным их утешала кормилица нежно;
Да и одежды им разной по времени года не надо;
Нет, наконец, им нужды ни в оружьи ни в стенах высоких,
Чтобы свое охранять достоянье: им всем в изобильи
Всё производит земля и природа готовит искусно.

Прежде всего, если тело земли и текучая влага,
Легкое ветра дыханье, а также и жар раскаленный, —
Что̀ составляет, мы видим, всю эту вещей совокупность,
Всё состоит целиком из рожденного смертного тела,
То почитаться должна таковой же и мира природа,
Ибо, коль мы о частях или членах чего-нибудь знаем,
Что и начала имели тела их и формы их смертны,
Мы заключаем тогда, что и в целом предмет этот смертен,
Как и рожден вместе с тем. И если огромные мира
Члены и части, — я вижу, — погибнув, опять возникают,
Ясно, что было когда-то начальное некое время
И для небес и земли, и что им предстоит разрушенье.

Ты не подумай, что я поспешил со своим заключеньем,
Если сказал, что земля или пламя подвержены смерти,
Ежели счел несомненным, что гибнут и влага и воздух,
Иль утверждал, что родится всё это и вновь вырастает,
Почва, во-первых, когда накаляет ее непрерывно
В части какой-нибудь солнце, когда ее топчут ногами,
То выдыхает она туманные легкие тучи
Пыли, которую мощный разносит по воздуху ветер.
Частью же комья земли растворяются силою ливней,
И берега разъедают и точат бегущие реки.
Но, в свою очередь, то, что дает приращенье другому,
Восстановляется вновь. И когда появляются вещи
Из всетворящей земли, и она же им служит могилой,
То, очевидно, земля убывает и вновь вырастает.

Дальше, о том, что всегда источники, реки и море
Новою влагой полны и что воды текут постоянно,

Nil opus est verbis: magnus decursus aquarum
Vndique declarat. Sed primum quicquid aquai
Tollitur in summaque fit ut nil umor abundet,
Partim quod validi verrentes aequora venti
Diminuunt radiisque retexens aetherius sol,
Partim quod subter per terras diditur omnis.
Percolatur enim virus retroque remanat
Materies umoris et ad caput amnibus omnis
Convenit, inde super terras fluit agmine dulci
Qua via secta semel liquido pede detulit undas.
    Aera nunc igitur dicam qui corpore toto
Innumerabiliter privas mutatur in horas.
Semper enim, quodcumque fluit de rebus, id omne
Aeris in magnum fertur mare; qui nisi contra
Corpora retribuat rebus recreetque fluentis,
Omnia iam resoluta forent et in aera versa.
Haud igitur cessat gigni de rebus et in res
Recidere, assidue quoniam fluere omnia constat.
    Largus item liquidi fons luminis, aetherius sol,
Irrigat assidue caelum candore recenti
Suppeditatque novo confestim lumine lumen.
Nam primum quicquid fulgoris disperit ei,
Quocumque accidit. Id licet hinc cognoscere possis,
Quod simul ac primum nubes succedere soli
Coepere et radios inter quasi rumpere lucis,
Extemplo inferior pars horum disperit omnis,
Terraque inumbratur qua nimbi cumque feruntur;
Vt noscas splendore novo res semper egere,
Et primum iactum fulgoris quemque perire,
Nec ratione alia res posse in sole videri,
Perpetuo ni suppeditet lucis caput ipsum.
Quin etiam nocturna tibi, terrestria quae sunt,
Lumina, pendentes lychni claraeque coruscis
Fulguribus pingues multa caligine taedae
Consimili properant ratione, ardore ministro,

Нет нужды говорить: потоков великих стремленье
Это являет везде; но вода постепенно уходит,
Так что в целом и нет никакого избытка во влаге.
Частью стремительный ветр, взметая морские равнины,
Воду уносит, а солнце лучами ее распускает,
Частью же в недрах земли она растекается всюду,
Ибо морская вода проникает сквозь почву, и жидкость
В землю сочится назад, собираясь к источникам водным,
После чего по земле устремляется пресным потоком
Там, где дорогу для волн она влажной пятою пробила.
К воздуху я теперь перейду: бесконечно состав свой
Множество раз он меняет в течение каждого часа.
Ибо всё то, что течет от вещей, постоянно несется
В бездны воздушных морей; и если бы воздух обратно
Не возмещал эту убыль телами, их вновь восполняя,
Всё бы тогда разложилось уже, превратившися в воздух.
Так порождается он из вещей непрестанно и в них же
Вновь попадает назад, ибо всё течет постоянно.
Так же и света родник изобильный — эфирное солнце
В небо сияние льет постоянное свежим потоком,
Тотчас же луч за лучом непрерывно опять посылая,
Ибо сейчас же лучи исчезают одни за другими,
Где б ни упали они. В этом сам ты легко убедишься:
Только лишь тучи начнут проходить, появляясь под солнцем,
И световые лучи прерывают как будто собою,
Тотчас же нижняя часть лучей исчезает бесследно,
И покрывается тенью земля, где проносятся тучи.
Ясно, что нужно вещам всегда обновление света,
Что пропадают лучи сейчас же, как только упали,
И невозможно, чтоб вещь освещенною солнцем являлась,
Если бы свет от него бесконечным потоком не лился.
Да и ночные, смотри, светильники наши земные —
Лампы висячие иль горящие трепетным светом
Факелы смольные, дымом и сажей коптящие черной,
Точно таким же путем спешат, разгораяся жарко,

Suppeditare novum lumen, tremere ignibus instant,
Instant, nec loca lux inter quasi rupta relinquit.
Vsque adeo properanter ab omnibus ignibus ei
Exitium celeri celatur origine flammae.
Sic igitur solem lunam stellasque putandum
Ex alio atque alio lucem iactare subortu
Et primum quicquid flammarum perdere semper;
Inviolabilia haec ne credas forte vigere.
Denique non lapides quoque vinci cernis ab aevo,
Non altas turris ruere et putrescere saxa,
Non delubra deum simulacraque fessa fatisci,
Nec sanctum numen fati protollere finis
Posse neque adversus naturae foedera niti?
Denique non monumenta virum dilapsa videmus
Quaerere proporro sibi sene senescere credas?
Non ruere avulsos silices a montibus altis
Nec validas aevi viris perferre patique
Finiti? Neque enim caderent avulsa repente,
Ex infinito quae tempore pertolerassent
Omnia tormenta aetatis privata fragore.
Denique iam tuere hoc, circum supraque quod omnem
Continet amplexu terram: si procreat ex se
Omnia, quod quidam memorant, recipitque perempta,
Totum nativo ac mortali corpore constat.
Nam quodcumque alias ex se res auget alitque,
Deminui debet, recreari, cum recipit res.
Praeterea si nulla fuit genitalis origo
Terrarum et caeli semperque aeterna fuere,
Cur supera bellum Thebanum et funera Troiae
Non alias alii quoque res cecinere poetae?
Quo tot facta virum totiens cecidere neque usquam
Aeternis famae monumentis insita florent?
Verum, ut opinor, habet novitatem summa, recensque
Naturast mundi neque pridem exordia cepit.
Quare etiam quaedam nunc artes expoliuntur,

Снова и снова светить; мерцают огнями и блещут,
Блещут, и будто бы свет беспрерывный кругом разливают:
Так торопливо огни стремятся все вместе скорее
Света потерю сокрыть рождением пламени быстрым.
Так что должны мы признать, что и солнце, и месяц, и звезды
Света метают лучи, возмещая их снова и снова,
Пламя теряя всегда, излученное ранее ими;
А потому и не верь, что они нерушимы и вечны.
　　Иль, наконец, ты не видишь, что век побеждает и камни,
Рушатся башни и в прах рассыпаются твердые скалы,
Храмы ветшают богов и кумиры приходят в упадок,
А божество неспособно продлить роковые пределы
И побороть непреложный закон и порядок природы?
Иль, наконец, мы не зрим, что руины мужей монументов
Сами вопрос задают: не уверен ли ты в их истленьи?
Что, отрываясь от гор, низвергаются наземь утесы,
И неспособны они выносить сокрушительной силы
Века предельного? Ведь иначе бы вдруг не срывалось
То, что от века веков терпело и стойко сносило
Все истязания лет и не рушилось с грохотом громким.
　　Ты посмотри, наконец, и на то, что́, с высот распростершись,
Землю объяло кругом. Коль оно из себя порождает
Всё, — как считают иные, — и всё, что погибло, приемлет,
В целом оно состоит из рожденного смертного тела,
Ибо всё то, что растит из себя и питает другие
Вещи, должно убывать, а приемля их вновь, обновляться.
　　Если же, кроме того, никогда не имели начала
Ни небеса ни земля и всегда пребывали от века,
То почему до Фиванской войны и падения Трои
Не воспевали иных событий иные поэты?
Кануло столько куда деяний мужей и забылось,
И не цветет, воплотившись в творения славы бессмертной?
Нет, я уверен, вещей совокупность нова, и недавня
Мира природа еще и не древле имела начало.
Вот отчего и теперь еще много различных художеств

Nunc etiam augescunt; nunc addita navigiis sunt
Multa, modo organici melicos peperere sonores;
Denique natura haec rerum ratioque repertast
Nuper, et hanc primus cum primis ipse repertus
Nunc ego sum in patrias qui possim vertere voces.
Quod si forte fuisse antehac eadem omnia credis,
Sed periisse hominum torrenti saecla vapore,
Aut cecidisse urbis magno vexamine mundi,
Aut ex imbribus assiduis exisse rapaces
Per terras amnis atque oppida coperuisse,
Tanto quique magis victus fateare necessest
Exitium quoque terrarum caelique futurum.
Nam cum res tantis morbis tantisque periclis
Temptarentur, ibi si tristior incubuisset
Causa, darent late cladem magnasque ruinas.
Nec ratione alia mortales esse videmur
Inter nos, nisi quod morbis aegrescimus isdem
Atque illi quos a vita natura removit.

Praeterea quaecumque manent aeterna necessust
Aut, quia sunt solido cum corpore, respuere ictus
Nec penetrare pati sibi quicquam quod queat artas
Dissociare intus partis, ut materiai
Corpora sunt, quorum naturam ostendimus ante,
Aut ideo durare aetatem posse per omnem,
Plagarum quia sunt expertia, sicut inane est,
Quod manet intactum neque ab ictu fungitur hilum,
Aut etiam quia nulla loci fit copia circum,
Quo quasi res possint discedere dissoluique,
Sicut summarum summa est aeterna, neque extra
Qui locus est quo dissiliant, neque corpora sunt quae
Possint incidere et valida dissolvere plaga.
At neque, uti docui, solido cum corpore mundi
Naturast, quoniam admixtumst in rebus inane,
Nec tamen est ut inane, neque autem corpora desunt,
Ex infinito quae possint forte coorta

Всё к совершенству идут. Теперь улучшений немало
В судостроении есть и немало возникло мелодий;
Только теперь, наконец, и природа вещей и порядок
Были открыты; я сам оказался способен из первых
Первым его изъяснить, на родном языке излагая.
Если же думаешь ты, что и ранее было всё это,
Но поколенья людей от палящего жара погибли,
Или что рухнули все города в мировых потрясеньях,
Иль понеслись по земле от дождей постоянных потоки,
Всё увлекая кругом, и селения все поглотили, —
Должен тем более ты уступить и признать непременно,
Что небесам и земле предстоит неизбежная гибель.
Ибо, коль вещи таким подвергались несчастьям и стольким
Недугам тяжким, то, раз их постигла бы худшая участь,
Сгинули все бы они и разрушились в тяжком паденьи.
И не иначе и мы почитаемся смертными также,
Как потому лишь, что все мы подвержены тем же болезням,
Чтó и другие, кого из жизни природа изъяла.
Кроме того, всё то, что вечным должно оставаться,
Или, по плотности тела, должно, отражая удары,
Не допускать, чтобы что-нибудь внутрь проникало и связи
Тесные разъединяло частей, — таковая природа
Есть у материи тел, на что я указывал раньше,—
Или же может оно потому сохраняться вовеки,
Что не подвержено вовсе толчкам, — пустоты это свойство:
Неосязаема вовсе она и ударов не терпит;
Или еще потому, что кругом нет места, куда бы
Всё это будто бы врозь могло разойтись и растаять, —
Вечное всё таково мироздание в целом, и нету
Вне его места, чтоб врозь разлететься, и тел нет, какие
Пасть на него бы могли и толчком его мощным расторгнуть.
Но, доказал я уже, состоит не из плотного тела
Мира природа: в составе вещей пустота существует;
И пустотой не является мир; и в телах недостатка
Нет, что могли бы нежданно всю эту вещей совокупность,

Corruere hanc rerum violento turbine summam
Aut aliam quamvis cladem importare pericli,
Nec porro natura loci spatiumque profundi
Deficit, exspergi quo possint moenia mundi,
Aut alia quavis possunt vi pulsa perire.
Haud igitur leti praeclusa est ianua caelo
Nec soli terraeque neque altis aequoris undis,
Sed patet immani et vasto respectat hiatu.
Quare etiam nativa necessumst confiteare
Haec eadem; neque enim, mortali corpore quae sunt,
Ex infinito iam tempore adhuc potuissent
Immensi validas aevi contemnere viris.
Denique tantopere inter se cum maxima mundi
Pugnent membra, pio nequaquam concita bello,
Nonne vides aliquam longi certaminis ollis
Posse dari finem? Vel cum sol et vapor omnis
Omnibus epotis umoribus exsuperarint?
Quod facere intendunt, neque adhuc conata patrantur:
Tantum suppeditant amnes ultraque minantur
Omnia diluviare ex alto gurgite ponti,
Nequiquam, quoniam verrentes aequora venti
Deminuunt radiisque retexens aetherius sol,
Et siccare prius confidunt omnia posse
Quam liquor incepti possit contingere finem.
Tantum spirantes aequo certamine bellum
Magnis inter se de rebus cernere certant,
Cum semel interea fuerit superantior ignis
Et semel, ut fama est, umor regnarit in arvis.
Ignis enim superavit et ardens multa perussit,
Avia cum Phaethonta rapax vis solis equorum
Aethere raptavit toto terrasque per omnis.
At pater omnipotens ira tum percitus acri
Magnanimum Phaethonta repenti fulminis ictu
Deturbavit equis in terram, solque cadenti
Obvius aeternam succepit lampada mundi

Из беспредельности выйдя, свалить сокрушительным смерчем
Или иначе ее уничтожить какой-либо силой.
Места достаточно есть и бездонного много пространства,
Чтобы рассыпаться в нем могли мироздания стены
Иль от напора другой какой-нибудь силы погибнуть:
Смерти не замкнута дверь ни для свода небес, ни для солнца,
Ни для земли, ни для вод на равнинах глубокого моря,—
Настежь отверста она и зияет огромною пастью.
И потому неизбежно признать, что всё это начало
Также имело свое: невозможно для смертного тела
Было бы испоконь века досель еще быть в состояньи
Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой.
И при борьбе, наконец, меж великими членами мира
И нечестивой войне, которая их охватила,
Разве не видишь, что сей усобице длительной может
Быть и предел положён? Например, если солнцем и жаром
Влага осушится вся, и они, наконец, одолеют?
К этому вечно они стремятся, но всё понапрасну:
Столь изобильно текут и грозят, в свою очередь, волны
Сами всё затопить из пучины глубокого моря.
Тщетно! Могучие ветры, взметая морские равнины,
Воду уносят, а солнце лучами ее распускает
В твердой надежде на то, что всё иссушить они смогут
Раньше, чем влаге удастся достигнуть намеченной цели.
Так неустанно они ведут с переменным успехом
Этот усиленный бой, добиваясь упорно господства.
Всё-таки раз удалось огню одолеть, и однажды,
Как существует молва, вода на полях воцарилась.
Верх взял огонь и пожег он многое в пламени жарком,
Как Фаэтона, помчав, без дороги в стремительном беге
Кони Солнца несли по эфиру всему и по землям.
Но всемогущий отец, распалившийся гневом жестоким,
Многоотважного сверг Фаэтона внезапною молньей
Наземь с коней, и к нему, ниспадавшему, вышло навстречу
Солнце, успев подхватить извечный светильник вселенной;

Disiectosque redegit equos iunxitque trementis,
Inde suum per iter recreavit cuncta gubernans.
Scilicet ut veteres Graium cecinere poetae.
Quod procul a vera nimis est ratione repulsum.
Ignis enim superare potest ubi materiai
Ex infinito sunt corpora plura coorta;
Inde cadunt vires aliqua ratione revictae,
Aut pereunt res exustae torrentibus auris.
Vmor item quondam coepit superare coortus,
Vt fama est, hominum multas quando obruit urbis.
Inde ubi vis aliqua ratione aversa recessit,
Ex infinito fuerat quaecumque coorta,
Constiterunt imbres et flumina vim minuerunt.
Sed quibus ille modis coniectus materiai
Fundarit terram et caelum pontique profunda,
Solis lunai cursus, ex ordine ponam.
Nam certe neque consilio primordia rerum
Ordine se suo quaeque sagaci mente locarunt
Nec quos quaeque darent motus pepigere profecto,
Sed quia multa modis multis primordia rerum
Ex infinito iam tempore percita plagis
Ponderibusque suis consuerunt concita ferri
Omnimodisque coire atque omnia pertemptare,
Quaecumque inter se possent congressa creare,
Propterea fit uti magnum vulgata per aevum
Omne genus coetus et motus experiundo
Tandem conveniant ea quae convecta repente
Magnarum rerum fiunt exordia saepe,
Terrai maris et caeli generisque animantum.
Hic neque tum solis rota cerni lumine largo
Altivolans poterat, nec magni sidera mundi,
Nec mare, nec caelum, nec denique terra, neque aer,
Nec similis nostris rebus res ulla videri,
Sed nova tempestas quaedam molesque coorta
Omne genus de principiis, discordia quorum

Вместе собравши коней, запрягло разметавшихся в страхе
И оживило опять вселенную, правя их бегом.
Именно так воспевали старинные греков поэты.
Правдоподобия нет, однако же, в этих рассказах:
Может огонь одолеть в том случае, если скопилось
Из бесконечности тел его материи много;
После же силы его, побежденные, снова слабеют,
Или же губит он всё, сожигая палящим дыханьем.
Некогда также вода прибывать начала и, скопившись,
Много она городов залила, говорят, многолюдных.
После ж, как силы ее, одоленные, вновь отступили, —
Из бесконечности выйдя пред этим и вместе скопившись, —
Лить перестали дожди, и силу убавили реки.

Как же случилося то, что стеченье материи дало
Землю и своды небес, а также и моря глубины,
Солнца пути и луны, — разъясню я теперь по порядку.
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместилися стройном порядке
И о движеньях своих не условились раньше, конечно.
Если ж начала вещей во множестве, многоразлично
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь,
Тяжестью также своей гнетомые, носятся вечно,
Всячески между собой сочетаясь и всё испытуя,
Что̀ только могут они породить из своих столкновений, —
То и случается тут, что они в этом странствии вечном,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
Сходятся так, наконец, что взаимная их совокупность
Часто великих вещей собой образует зачатки:
Моря, земли и небес, и племени тварей живущих.

Ни светоносного круга высоколетящего солнца
Не различалось тогда, ни созвездий великого мира
И ни морей, ни небес, ни земли, ни воздуха так же,
Как ничего из вещей, схожих с нашими, не было видно.
Был только хаос один и какая-то дикая буря
Всякого рода начал, беспорядок нестройный которых

Intervalla, vias, conexus, pondera, plagas,
Concursus, motus turbabat proelia miscens,
Propter dissimilis formas variasque figuras
Quod non omnia sic poterant coniuncta manere
Nec motus inter sese dare convenientis.
Diffugere inde loci partes coepere paresque
Cum paribus iungi res et discludere mundum
Membraque dividere et magnas disponere partis,
Hoc est, a terris altum secernere caelum,
Et sorsum mare, uti secreto umore pateret,
Sorsus item puri secretique aetheris ignes.
Quippe etenim primum terrai corpora quaeque,
Propterea quod erant gravia et perplexa, coibant
In medio atque imas capiebant omnia sedis;
Quae quanto magis inter se perplexa coibant,
Tam magis expressere ea quae mare, sidera, solem
Lunamque efficerent et magni moenia mundi.
Omnia enim magis haec e levibus atque rotundis
Seminibus multoque minoribu' sunt elementis
Quam tellus. Ideo, per rara foramina, terrae
Partibus erumpens primus se sustulit aether
Ignifer et multos secum levis abstulit ignis,
Non alia longe ratione ac saepe videmus,
Aurea cum primum gemmantis rore per herbas
Matutina rubent radiati lumina solis
Exhalantque lacus nebulam fluviique perennes
Ipsaque ut interdum tellus fumare videtur;
Omnia quae sursum cum conciliantur, in alto
Corpore concreto subtexunt nubila caelum.
Sic igitur tum se levis ac diffusilis aether
Corpore concreto circumdatus undique flexit
Et late diffusus in omnis undique partis
Omnia sic avido complexu cetera saepsit.
Hunc exordia sunt solis lunaeque secuta,
Interutrasque globi quorum vertuntur in auris;

Все промежутки, пути, сочетания, тяжесть, удары,
Встречи, движения их возмущал, затевая сраженья,
Так как, при разнице форм и в силу несходства в фигурах,
Ни съединенными так им нельзя было всем оставаться,
Ни произвесть меж собой каких-либо стройных движений.
Врозь разбегаться затем стали разные части, со сходным
Сходное в связи входить и мир разграничивать стало,
Члены его разделять и дробить на великие части.
Стало тогда от земли отделяться высокое небо,
Стали моря отходить, обособившись водным пространством
И выделяться огни стали чистые в дальнем эфире.

Стали сначала земли тела все отдельные купно, —
Так как они тяжелы и сцеплены крепко, — сходиться,
Все в середине и в самом низу места занимая.
Чем они больше и больше, сцепляясь друг с другом, сходились,
Тем и сильней выжимали тела, что моря образуют,
Звезды, солнце, луну и стены великого мира:
Это ведь всё состоит из семян и круглее и глаже
И заключает в себе элементы значительно мельче,
Чем у земли. Потому через скважины пористой почвы
Вырвался первым эфир огненосный и вместе с собою
Много увлек он огней, поднимаяся с легкостью кверху
Тем же примерно путем, как случается часто нам видеть
Утром, когда по траве, окропленной росою алмазной,
Пламенем алым блестят лучи восходящего солнца
И выдыхают туман озёра и вечные реки,
Да и земля иногда в это время как будто дымится.
Только лишь всё это, ввысь поднимаясь, сливается вместе,
Сплоченным телом вверху облака небосвод обвивают.
В те времена и эфир, точно так же, текучий и легкий,
Сплоченным телом наш мир окружая, во свод изогнулся
И, распростершись везде, растекаясь по всем направленьям
Всё остальное в своих заключил он объятиях жадных.
Следом за ним зародились зачатки и солнца с луною,
Коих вертятся шары посредине в пространстве воздушном,

Quae neque terra sibi adscivit nec maximus aether,
Quod neque tam fuerunt gravia ut depressa sederent,
Nec levia ut possent per summas labier oras,
Et tamen interutrasque ita sunt, ut corpora viva
Versent et partes ut mundi totius exstent;
Quod genus in nobis quaedam licet in statione
Membra manere, tamen cum sint ea quae moveantur.
His igitur rebus retractis terra repente,
Maxima qua nunc se ponti plaga caerula tendit,
Succidit et salso suffudit gurgite fossas.
Inque dies quanto circum magis aetheris aestus
Et radii solis cogebant undique terram
Verberibus crebris extrema ad limina in artum,
In medio ut propulsa suo condensa coiret,
Tam magis expressus salsus de corpore sudor
Augebat mare manando camposque natantis,
Et tanto magis illa foras elapsa volabant
Corpora multa vaporis et aeris altaque caeli
Densebant procul a terris fulgentia templa.
Sidebant campi, crescebant montibus altis
Ascensus; neque enim poterant subsidere saxa
Nec pariter tantundem omnes succumbere partes.
Sic igitur terrae concreto corpore pondus
Constitit, atque omnis mundi quasi limus in imum
Confluxit gravis et subsedit funditus ut faex;
Inde mare, inde aer, inde aether ignifer ipse
Corporibus liquidis sunt omnia pura relicta,
Et leviora aliis alia, et liquidissimus aether
Atque levissimus aerias super influit auras,
Nec liquidum corpus turbantibus aeris auris
Commiscet; sinit haec violentis omnia verti
Turbinibus, sinit incertis turbare procellis,
Ipse suos ignis certo fert impete labens.
Nam modice fluere atque uno posse aethera nisu
Significat Pontos, mare certo quod fluit aestu

И ни земля не присвоила их, ни эфир необъятный,
Ибо не столь тяжелы они были, чтоб вниз опуститься,
И не настолько легки, чтобы выскользнуть к высшим пределам
Как бы живые тела, они кружатся в среднем пространстве
И представляют собой мироздания целого части.
Это же мы наблюдаем в себе: в состояньи покоя
Могут быть члены одни, между тем как другие — в движеньи.
Сразу же после того, как отторглось все это внезапно, —
Там, где простерлась теперь океана лазурная область, —
Вниз провалилась земля и пучиной соленой залилась.
День ото дня, чем сильней и эфир раскаленный и солнце,
Распространяя лучи, отовсюду давили на землю,
Так что, под градом толчков на все ее крайние части,
Плотно сбивалась она, постепенно сгущаяся к центру,
Тем изобильнее пот у нее выжимался из тела,
Влагой соленой моря и водные полня равнины;
Тем изобильней тогда и множество вон улетало
Жара и воздуха тел, далеко над землей поднимаясь,
И уплотняло вверху обители светлые неба.
Стали поля оседать, вырастали высокие горы
Кверху подъемом своим: ведь нельзя было снизиться скалам,
Как и нельзя было всей равномерно земле опуститься.
Так утвердилось земли, сплотившися, грузное тело,
Будто бы ил со всего мирового пространства тяжелый
Стекся на самое дно и осел наподобие гущи.
Море же, воздух затем, а затем и эфир огненосный
С телом прозрачным своим остались смешения чужды.
Всё это легче одно другого, а самый текучий,
Как и легчайший, эфир плывет над потоком воздушным
И не мешает свое текучее тело с мятежным
Воздуха током совсем: допускает он всё там свирепым
Вихрям крутить; допускает вздыматься там бурям нестройным,
Сам увлекая огни свои стройным и плавным стремленьем.
То, что эфир может течь равномерно, единым напором,
Понт указует нам — море, текущее стройным потоком,

Vnum labendi conservans usque tenorem.
    Motibus astrorum nunc quae sit causa canamus.
Principio magnus caeli si vertitur orbis,
Ex utraque polum parti premere aera nobis
Dicendum est extraque tenere et claudere utrimque;
Inde alium supra fluere atque intendere eodem
Quo volvenda micant aeterni sidera mundi;
Aut alium subter, contra qui subvehat orbem,
Vt fluvios versare rotas atque haustra videmus.
Est etiam quoque uti possit caelum omne manere
In statione, tamen cum lucida signa ferantur;
Sive quod inclusi rapidi sunt aetheris aestus
Quaerentesque viam circum versantur et ignes
Passim per caeli volvunt Summania templa;
Sive aliunde fluens alicunde extrinsecus aer
Versat agens ignis; sive ipsi serpere possunt
Quo cuiusque cibus vocat atque invitat euntis,
Flammea per caelum pascentes corpora passim.
Nam quid in hoc mundo sit eorum ponere certum
Difficile est; sed quid possit fiatque per omne
In variis mundis varia ratione creatis,
Id doceo plurisque sequor disponere causas,
Motibus astrorum quae possint esse per omne;
E quibus una tamen siet hic quoque causa necessest,
Quae vegeat motum signis; sed quae sit earum
Praecipere haudquaquamst pedetemptim progredientis.
    Terraque ut in media mundi regione quiescat,
Evanescere paulatim et decrescere pondus
Convenit, atque aliam naturam subter habere
Ex ineunte aevo coniunctam atque uniter aptam
Partibus aeriis mundi, quibus insita vivit.
Propterea non est oneri neque deprimit auras;
Vt sua cuique homini nullo sunt pondere membra
Nec caput est oneri collo, nec denique totum
Corporis in pedibus pondus sentimus inesse;

Вечно плавно в одном направленьи скользя неуклонно.
Ныне движения звезд воспоем мы с тобою причину.
Прежде всего, если круг обращается неба великий,
Необходимо признать нам, что оба конца его оси
Воздух гнетет и ее замыкает снаружи и держит;
Сверху ж потоком другим он течет в направлении том же,
В коем, мерцая, бегут созвездия вечного мира;
Или же снизу он круг небесный вращает обратно,
Так же, как реки вертят водяные колеса с ковшами.
Но допустимо и то, что весь небосвод пребывает
Вечно недвижен, тогда как несутся блестящие звезды.
Иль потому, что эфира стремительный ток, заключенный,
Выхода ищет себе и крутится вверху, он и катит
Всюду огни и несет по Суммановым областям неба;
Иль, притекая извне из другого источника, воздух
Гонит, вращая, огни; или сами скользить они могут
В том направленьи, куда привлекает и манит их пища,
Тело питая свое огневое на небе повсюду.
Трудно наверно решить, какая же действует в этом
Мире причина; но то, что̀ возможно и что̀ происходит
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Я объясняю и ряд излагаю причин, по которым
Может движенье светил совершаться в пространстве вселенной.
Всё же из этих причин непременно одна побуждает
Звезды к движенью и здесь; но какая — предписывать это
Вовсе не должен тот, кто исследует всё постепенно.
Далее, чтобы земля в середине покоилась мира,
Мало-помалу легчать, уменьшаяся в собственном весе,
Следует ей и иметь естество под собою другое,
Испоконь века в одно сплочённое целое тесно
С мира частями воздушными, где она в жизнь воплотилась.
Вот почему и не в тягость земля и не давит на воздух:
Так же, как члены его человеку любому не в тягость,
Как голова не обуза для шеи, и нам не заметно,
Что опирается всей своей тяжестью тело на ноги.

At quaecumque foris veniunt impostaque nobis
Pondera sunt laedunt, permulto saepe minora.
Vsque adeo magni refert quid quaeque queat res.
Sic igitur tellus non est aliena repente
Allata atque auris aliunde obiecta alienis,
Sed pariter prima concepta ab origine mundi
Certaque pars eius, quasi nobis membra, videtur.
Praeterea grandi tonitru concussa repente
Terra supra quae se sunt concutit omnia motu;
Quod facere haud ulla posset ratione, nisi esset
Partibus aeriis mundi caeloque revincta.
Nam communibus inter se radicibus haerent
Ex ineunte aevo coniuncta atque uniter apta.
Nonne vides etiam quam magno pondere nobis
Sustineat corpus tenuissima vis animai
Propterea quia tam coniuncta atque uniter apta est?
Denique iam saltu pernici tollere corpus
Quid potis est nisi vis animae, quae membra gubernat?
Iamne vides quantum tenuis natura valere
Possit, ubi est coniuncta gravi cum corpore, ut aer
Coniunctus terris et nobis est animi vis?

Nec nimio solis maior rota nec minor ardor
Esse potest, nostris quam sensibus esse videtur.
Nam quibus e spatiis cumque ignes lumina possunt
Adicere et calidum membris adflare vaporem,
Nil illi his intervallis de corpore libant
Flammarum nil ad speciem est contractior ignis.
Proinde, calor quoniam solis lumenque profusum
Perveniunt nostros ad sensus et loca fulgent,
Forma quoque hinc solis debet filumque videri,
Nil adeo ut possis plus aut minus addere, vere.
Lunaque sive notho fertur loca lumine lustrans,
Sive suam proprio iactat de corpore lucem,
Quidquid id est, nilo fertur maiore figura
Quam, nostris oculis qua cernimus, esse videtur.

Если же тяжесть извне на нас налегает, то часто
Мы изнываем под ней, будь она и во много раз легче:
Крайне существенно нам учитывать то, что возможно.
Так что не вторглась земля, точно чуждое нечто, внезапно
В чуждый ей воздух извне, откуда-то в нем оказавшись,
Но одновременно с ним зачалась от начала вселенной,
Частью известной ее, как у нас наши члены, являясь.
Кроме того, если гром потрясает раскатом внезапным
Землю, она и сама всё то, что над нею, колеблет.
Этого сделать никак не могла бы, не будь она крепко
Связана с мира частями воздушными так же, как с небом.
Ибо на общих корнях они держатся цепко друг с другом,
Испоконь века в одно сплочённые целое тесно.
Да и не видишь ли ты, что тела великую тяжесть
Сущность тончайшая нашей души поддерживать может
В силу того, что в одно они целое сплочены тесно?
Что́, наконец, приподнять может быстрым скачком наше тело
Если не сила души, которая членами правит?
Видишь ли, мощью какой обладает и тонкая сущность,
Ежели с телом она тяжелым сплотилась, — как воздух
Сплочен с землей или сила души с человеческой плотью?

Пламенный солнечный диск, пылающий жаром, не может
Больше значительно быть или меньше, чем кажется чувствам.
Ибо, с какого огни расстояния свет ни бросали б
И ни вдыхали бы жар раскаленный во все наши члены,
Пламя в составе своем ничего не теряет при этом,
И отдаленность огня не являет его уменьшенным.
Значит, коль свет и тепло, изливаясь обильно из солнца
Наших касаются чувств и пространства земли озаряют,
Солнце нам видно с земли в его настоящих размерах,
И полагать, что оно или больше иль меньше, не должно.
Да и луна, — всё равно, несется ль она, озаряя
Светом присвоенным всё, или собственный свет излучает,—
Что бы там ни было, — всё ж и она по размерам не больше,
Чем представляется нам и является нашему взору.

Nam prius omnia, quae longe semota tuemur
Aera per multum, specie confusa videntur
Quam minui filum. Quapropter luna necesse est,
Quandoquidem claram speciem certamque figuram
Praebet, ut est oris extremis cumque notata
Quantaque,. tanta quoque hinc nobis videatur in alto.
Postremo quoscumque vides hinc aetheris ignis,
Scire licet perquam pauxillo posse minores
Esse vel exigua maiores parte brevique,
Quandoquidem quoscumque in terris cernimus ignis,
Dum tremor est clarus, dum cernitur ardor eorum,
Perparvum quiddam interdum mutare videntur
Alteram utram in partem filum, quo longius absunt.
Illud item non est mirandum, qua ratione
Tantulus ille queat tantum sol mittere lumen,
Quod maria ac terras omnis caelumque rigando
Compleat et calido perfundat cuncta vapore.
Nam licet hinc mundi patefactum totius unum
Largifluum fontem scatere atque erumpere lumen,
Ex omni mundo quia sic elementa vaporis
Vndique conveniunt et sic coniectus eorum
Confluit, ex uno capite hic ut profluat ardor.
Nonne vides etiam quam late parvus aquai
Prata riget fons interdum campisque redundet?
Est etiam quoque uti non magno solis ab igni
Aera percipiat calidis fervoribus ardor,
Opportunus ita est si forte et idoneus aer,
Vt queat accendi parvis ardoribus ictus;
Quod genus interdum segetes stipulamque videmus
Accidere ex una scintilla incendia passim.
Forsitan et rosea sol alte lampade lucens
Possideat multum caecis fervoribus ignem
Circum se, nullo qui sit fulgore notatus,
Aestifer ut tantum radiorum exaugeat ictum.
Nec ratio solis simplex et recta patescit,

Ибо всё то, что в большом отдаленьи, сквозь воздуха толщу
Мы наблюдаем, скорей представляется в облике смутном,
Чем в уменьшенных чертах. Потому и луну непременно,
Раз ее облик и вид представляется ясным и четким,
Видеть отсюда должны мы на небе такою же точно,
Как она есть по своим очертаньям краев и размерам.
Также эфира огни, наконец, что ты видишь отсюда,
Могут на деле совсем незначительно быть или меньше,
Или же больше того, чем кажется нашему глазу,
Раз и земные огни, которые всюду мы видим,
Ежели явственно их трепетанье, коль пламя их видно,
Кажутся лишь иногда измененными самую малость
В сторону ту иль другую, поскольку они отдаленны.
Также не должно тому удивляться, как может такое
Малое солнце давать такое обилие света,
Чтобы волнами его и моря, и все земли, и небо
Полнить и все заливать потоком горячего жара,
Ибо возможно, что здесь единственный в мире источник
Света открыт и лучи изливает он мощной струею,
Если из мира всего скопляются жара зачатки
Здесь, отовсюду сходясь, и сюда собираются вместе
В общий единый родник, тепло изливающий всюду.
Разве не видишь: порой орошает и малый источник
Водной струею луга и равнины кругом заливает?
Также возможно и то, что от солнца огня небольшого
Воздух объемлется весь раскаленным, пылающим зноем,
Если допустим, что он настолько к огню восприимчив,
Что распаляется весь при малейшем воздействии жара
Так же, как видим порой, и солома, и колос на ниве
Сразу от искры одной загораются в общем пожаре.
Может быть также, небес светильник розовый — солнце
Множеством жарких огней обладает, невидимых нами,
Что́ окружают его совершенно без всякого блеска,
Лишь умножая своей теплотою лучей его силу.
Также нельзя привести простой и единой причины

Quo pacto aestivis e partibus Aegocerotis
Brumalis adeat flexus atque inde revertens
Canceris ut vertat metas ad solstitialis,
Lunaque mensibus id spatium videatur obire,
Annua sol in quo consumit tempora cursu.
Non, inquam, simplex his rebus reddita causast.
Nam fieri vel cum primis id posse videtur,
Democriti quod sancta viri sententia ponit,
Quanto quaeque magis sint terram sidera propter,
Tanto posse minus cum caeli turbine ferri.
Evanescere enim rapidas illius et acris
Imminui subter viris, ideoque relinqui
Paulatim solem cum posterioribu' signis,
Inferior multo quod sit quam fervida signa.
Et magis hoc lunam: quanto demissior eius
Cursus abest procul a caelo terrisque propinquat,
Tanto posse minus cum signis tendere cursum.
Flaccidiore etiam quanto iam turbine fertur
Inferior quam sol, tanto magis omnia signa
Hanc adipiscuntur circum praeterque feruntur.
Propterea fit ut haec ad signum quodque reverti
Mobilius videatur, ad hanc quia signa revisunt.
Fit quoque ut e mundi transversis partibus aer
Alternis certo fluere alter tempore possit,
Qui queat aestivis solem detrudere signis
Brumalis usque ad flexus gelidumque rigorem,
Et qui reiciat gelidis a frigoris umbris
Aestiferas usque in partis et fervida signa.
Et ratione pari lunam stellasque putandumst,
Quae volvunt magnos in magnis orbibus annos,
Aeribus posse alternis e partibus ire.
Nonne vides etiam diversis nubila ventis
Diversas ire in partis inferna supernis?
Qui minus illa queant per magnos aetheris orbis
Aestibus inter se diversis sidera ferri?

Для объясненья того, как солнце из летних пределов
До поворота зимой в Козероге идет и обратно
Вновь к остановке своей подходит на тропике Рака,
Или того, почему луна в один месяц проходит
Тем же путем круговым, что солнце в год пробегает.
Этим явлениям дать простого нельзя объясненья.
Можно, во-первых, считать, что все это так происходит,
Как полагает о том Демокрита священное мненье.
То есть, чем ближе к земле проходят светила, тем меньше
Могут они увлекаться вращеньем небесного вихря,
Ибо стремленье его и напор, постепенно слабея
Книзу, становятся меньше; поэтому мало-помалу
Солнце всегда отстает от движения звездного круга,
Ниже гораздо идя пылающих в небе созвездий.
А еще больше луна: чем путь ее ниже проходит,
Дальше от неба лежит и ближе к земле расположен,
Тем еще меньше она поспевать за созвездьями может.
И, чем слабее тот вихрь, которым луна, увлекаясь,
Ниже, чем солнце, идет, тем скорее небесные знаки
Все обгоняют ее и вокруг нее мимо несутся.
Тут-то и кажется нам, что луна достигает скорее
Каждого знака опять, ибо к ней возвращаются знаки.
Но допустимо и то, что от полюсов мира противных
Воздух потоком двойным в положенный срок вытекает.
Может он солнце теснить, прогоняя от летних созвездий
До самого поворота зимой и до стужи холодной,
И от холодных теней ледяных отгонять его снова
В жаркие лета края, обратно к созвездиям знойным.
Можно считать, что подобным путем и луна и планеты,
Долгие годы свои обращаясь по долгим орбитам,
Воздуха током двойным подвигаются в неба пространствах.
Разве не видишь, что так, противным гонимые ветром,
Тучи вверху и внизу идут в направленьи противном?
Так почему ж по кругам необъятным эфира не могут
Эти светила нестись, противным гонимые вихрем?

At nox obruit ingenti caligine terras,
Aut ubi de longo cursu sol ultima caeli
Impulit atque suos efflavit languidus ignis
Concussos itere et labefactos aere multo,
Aut quia sub terras cursum convertere cogit
Vis eadem, supra quae terras pertulit orbem.
Tempore item certo roseam Matuta per oras
Aetheris auroram differt et lumina pandit,
Aut quia sol idem, sub terras ille revertens,
Anticipat caelum radiis accendere temptans,
Aut quia conveniunt ignes et semina multa
Confluere ardoris consuerunt tempore certo,
Quae faciunt solis nova semper lumina gigni;
Quod genus Idaeis fama est e montibus altis
Dispersos ignis orienti lumine cerni,
Inde coire globum quasi in unum et conficere orbem.
Nec tamen illud in his rebus mirabile debet
Esse, quod haec ignis tam certo tempore possunt
Semina confluere et solis reparare nitorem.
Multa videmus enim, certo quae tempore fiunt
Omnibus in rebus. Florescunt tempore certo
Arbusta et certo dimittunt tempore florem.
Nec minus in certo dentis cadere imperat aetas
Tempore et impubem molli pubescere veste
Et pariter mollem malis demittere barbam.
Fulmina postremo, nix, imbres, nubila, venti
Non nimis incertis fiunt in partibus anni.
Namque ubi sic fuerunt causarum exordia prima
Atque ita res mundi cecidere ab origine prima,
Conseque quoque iam redeunt ex ordine certo.
Crescere itemque dies licet et tabescere noctes,
Et minui luces, cum sumant augmina noctes,
Aut quia sol idem sub terras atque superne
Imparibus currens anfractibus aetheris oras
Partit et in partis non aequas dividit orbem,

Ночь же туманною мглой одевает все страны земные,
Или когда, совершив свой бег продолжительный, солнце
К неба подходит краям и гаснет, огни выдыхая,
Долгим путем изнурив и разбив их о воздуха толщу,
Иль потому, что оно под землю уводится силой
Той же, какая его над землей заставляет вращаться.

Также, в положенный срок появляясь на небе, Матута
В розовом свете зарю разливает повсюду в эфире
Иль потому, что, пройдя под землей, то же самое солнце
Небо спешит упредить, лучами его зажигая,
Иль потому, что огни и тепла семена неизменно
Утром в положенный срок во множестве сходятся вместе,
Новое солнце всегда заставляя опять возгораться.
Это, как носится слух, наблюдается с Иды вершины:
Там пред рассветом огней разрозненных видно сиянье;
Сходятся шаром потом они будто и круг образуют.
Но вызывать не должно при этом у нас удивленья
То, что огня семена способны стекаться совместно
В точно положенный срок и блеск восстанавливать солнца.
Видим же мы, что в положенный срок совершается много
Всяких явлений других: в положенный срок зацветает
Лес, и в положенный срок увядают цветы на деревьях;
Да и зубам выпадать в положенный возрастом также
Срок надлежит, и пушку, на щеках появляясь, одеждой
Мягкою их покрывать и мягкой расти бородою.
Молнии, снег и дожди, наконец, и ненастье, и ветры, —
Все наступают в году в достаточно точное время,
Ибо, когда таковы изначальные были причины,
И оказались такими все вещи с рождения мира,
То и теперь они вновь возвращаются в точном порядке.

Также возможно, что дни прибывают, а ночи хиреют,
И уменьшается свет, когда прибавляются ночи,
Иль потому, что в эфирных краях то же самое солнце,
Что́ под землею бежит и над нею, неравные дуги
Чертит, орбиту свою деля не на равные доли;

Et quod ab alterutra detraxit parte, reponit
Eius in adversa tanto plus parte relatus,
Donec ad id signum caeli pervenit, ubi anni
Nodus nocturnas exaequat lucibus umbras.
Nam medio cursu flatus Aquilonis et Austri
Distinet aequato caelum discrimine metas
Propter signiferi posituram totius orbis,
Annua sol in quo concludit tempora serpens,
Obliquo terras et caelum lumine lustrans,
Vt ratio declarat eorum qui loca caeli
Omnia dispositis signis ornata notarunt.
Aut quia crassior est certis in partibus aer
Sub terris ideo tremulum iubar haesitat ignis
Nec penetrare potest facile atque emergere ad ortus.
Propterea noctes hiberno tempore longae
Cessant, dum veniat radiatum insigne diei.
Aut etiam, quia sic alternis partibus anni
Tardius et citius consuerunt confluere ignes;
Propterea fit uti videantur dicere verum,
Qui faciunt solem certa desurgere parte
Inque dies privos nova lumina suppeditare.

Luna potest solis radiis percussa nitere
Inque dies magis id lumen convertere nobis
Ad speciem, quantum solis secedit ab orbi,
Donec eum contra pleno bene lumine fulsit
Atque oriens obitus eius super edita vidit;
Inde minutatim retro quasi condere lumen
Debet item, quanto propius iam solis ad ignem
Labitur ex alia signorum parte per orbem;
Vt faciunt, lunam qui fingunt esse pilai
Consimilem cursusque viam sub sole tenere.
Est etiam quare proprio cum lumine possit
Volvier et varias splendoris reddere formas.
Corpus enim licet esse aliud quod fertur et una
Labitur omnimodis occursans officiensque,

Что́ от одной из долей оно отняло, то прибавляет
К доле орбиты другой, при обратном в нее возвращеньи,
Вплоть до того, как дойдет до небесного знака, где года
Узел сияние дней уравняет с ночными тенями.
Ибо в средине пути, между Северным ветром и Южным,
Солнце равно отстоит от своих поворотов на небе
В силу того положенья, что Круг Зодиака имеет,
Где завершает свои обороты годичные солнце,
Небо и страны земли освещая косыми лучами,
Как объясняют нам те, которые области неба
Все разделили, на нем наметив отдельные знаки.
Иль потому, что в известных местах может гуще быть воздух
И оттого под землей застревает и медлит восходом
Трепетный солнечный свет, не легко пробиваясь наружу.
Так объясняется то, что тянутся ночи зимою
Долго, пока не блеснет лучистого утра сиянье.
Или еще потому, что со сменою времени года
Медленней или быстрей сливаться огни начинают.
Вот почему говорят, как мне кажется, сущую правду,
Кто полагает, что солнце восходит на месте известном,
Где ежедневно оно возгорается снова и снова.

Может луна блестеть, ударяема солнца лучами,
День ото дня свой лик обращая всё больше и больше
К нашему взору, по мере того, как отходит от солнца
До полнолунья, когда напротив него засверкает
И на восходе своем увидит его заходящим.
Мало-помалу затем ей приходится как бы обратно
Прятать от взоров свой свет, когда она круг завершает,
К солнца спускаясь огню по другой стороне Зодиака.
Так представляется тем, кто считает луну шаровидной,
Напоминающей мяч и бегущею ниже, чем солнце.

Но допустимо и то, что, собственный свет излучая,
Катится в небе луна и дает изменения блеска,
Ибо возможно, что с ней вращается тело другое,
Что заступает ей путь, постоянно от нас заслоняя;

Nec potis est cerni, quia cassum lumine fertur.
Versarique potest, globus ut, si forte, pilai
Dimidia ex parti candenti lumine tinctus,
Versandoque globum variantis edere formas,
Donec eam partem, quaecumque est ignibus aucta,
Ad speciem vertit nobis oculosque patentis;
Inde minutatim retro contorquet et aufert
Luciferam partem glomeraminis atque pilai;
Vt Babylonica Chaldaeum doctrina refutans
Astrologorum artem contra convincere tendit,
Proinde quasi id fieri nequeat quod pugnat uterque,
Aut minus hoc illo sit cur amplectier ausis.
Denique cur nequeat semper nova luna creari
Ordine formarum certo certisque figuris
Inque dies privos aborisci quaeque creata
Atque alia illius reparari in parte locoque,
Difficilest ratione docere et vincere verbis,
Ordine cum possint tam certo multa creari.
It Ver et Venus, et Veneris praenuntius ante
Pennatus graditur, Zephyri vestigia propter
Flora quibus mater praespargens ante viai
Cuncta coloribus egregiis et odoribus opplet.
Inde loci sequitur calor aridus et comes una
Pulverulenta Ceres et etesia flabra Aquilonum.
Inde Autumnus adit, graditur simul Euhius Euan.
Inde aliae tempestates ventique sequuntur,
Altitonans Volturnus et Auster fulmine pollens.
Tandem bruma nives adfert pigrumque rigorem
Reddit; Hiemps sequitur crepitans hanc dentibus algu.
Quo minus est mirum si certo tempore luna
Gignitur et certo deletur tempore rursus,
Cum fieri possint tam certo tempore multa.
Solis item quoque defectus lunaeque latebras
Pluribus e causis fieri tibi posse putandumst.
Nam cur luna queat terram secludere solis

Нам же не видно оно, ибо мчится лишенное света.
Может вращаться луна и как шар или, если угодно,
Мяч, в половине одной облитый сияющим блеском,
При обращеньи своем являя различные фазы,
Вплоть до того, как она откроется нашему взору
Той стороною, где вся сверкает пламенем ярким,
Мало-помалу затем обращаяся вспять и скрывая
Всю светоносную часть своего шаровидного тела.
Так вавилонские нам указуют халдеи, сужденьем
Этим низвергнуть стремясь ученье других звездочетов.
Будто нельзя допустить, что возможно и то и другое,
Иль что учение то нисколько не хуже, чем это.
Иль почему, наконец, невозможно луне нарождаться
Новой всегда и менять свои фазы в известном порядке,
И ежедневно опять исчезать народившейся каждой,
Чтобы на место нее и взамен появлялась другая, —
Было бы трудно найти основанье и довод бесспорный:
Может ведь многое вновь нарождаться в известном порядке.
Вот и Весна, и Венера идет, и Венеры крылатый
Вестник грядет впереди, и, Зефиру вослед, перед ними
Шествует Флора-мать и, цветы на пути рассыпая,
Красками пышными всё наполняет и запахом сладким.
Знойная следом жара и вся покрытая пылью
С нею Церера идет, и годичные дуют Бореи.
Осень затем настает, и проносится „Эвоэ-Эван".
Следуют после того и погоды и ветры другие:
Громом гремящий Волтурн и Австр, блистающий молньей.
Солноворот, наконец, приносит снега, и в морозе
Вновь цепенеет Зима, и стучат ее зубы от стужи.
Что же мудреного в том, что в положенный срок зарождаться
Может луна, и опять в положенный срок исчезает,
Если в положенный срок появляются многие вещи?

И омраченья луны и солнца затмения также
Могут, как надо считать, совершаться по многим причинам.
Ибо коль может луна от земли загораживать солнцу

Lumine et a terris altum caput obstruere ei,
Obiciens caecum radiis ardentibus orbem;
Tempore eodem aliud facere id non posse putetur
Corpus quod cassum labatur lumine semper?
Solque suos etiam dimittere languidus ignis
Tempore cur certo nequeat recreareque lumen,
Cum loca praeteriit flammis infesta per auras,
Quae faciunt ignis interstingui atque perire?
Et cur terra queat lunam spoliare vicissim
Lumine et oppressum solem super ipsa tenere,
Menstrua dum rigidas coni perlabitur umbras;
Tempore eodem aliud nequeat succurrere lunae
Corpus vel supra solis perlabier orbem,
Quod radios interrumpat lumenque profusum?
Et tamen ipsa suo si fulget luna nitore,
Cur nequeat certa mundi languescere parte,
Dum loca luminibus propriis inimica per exit?
Quod superest, quoniam magni per caerula mundi
Qua fieri quicquid posset ratione resolvi,
Solis uti varios cursus lunaeque meatus
Noscere possemus quae vis et causa cieret,
Quove modo possent offecto lumine obire
Et neque opinantis tenebris obducere terras,
Cum quasi conivent et aperto lumine rursum
Omnia convisunt clara loca candida luce,
Nunc redeo ad mundi novitatem et mollia terrae
Arva, novo fetu quid primum in luminis oras
Tollere et incertis crerint committere ventis.
Principio genus herbarum viridemque nitorem
Terra dedit circum collis camposque per omnis,
Florida fulserunt viridanti prata colore,
Arboribusque datumst variis exinde per auras
Crescendi magnum immissis certamen habenis.
Vt pluma atque pili primum saetaeque creantur
Quadrupedum membris et corpore pennipotentum,

Свет и на небе главу возвышать между ним и землею,
Темный свой выставив диск навстречу лучам его жарким,
Разве нельзя допустить, что на то же способно иное
Тело, что может скользить, навеки лишенное света?
Иль почему же нельзя, чтоб теряло огни, угасая,
Солнце в положенный срок и сызнова свет возрождало,
В тех областях проходя, где пламени воздух враждебен,
Где потухают огни и где они временно гибнут?
Далее, если земля лишать в свою очередь света
Может луну и собой загораживать солнце, покуда
Конусом тени луна суровым скользит в новолунье,
Разве нельзя допустить, что тогда под луной пробегает
Или над солнцем скользит какое-то тело иное,
Что́ прерывает лучи и теченье обильное света?
Если ж луна, наконец, своим собственным блеском сверкает,
То почему ж не тускнеть ей в какой-нибудь области мира,
Где ее собственный свет встречает препятствия всюду?
Ныне тебе объяснив, на каких основаниях может
Всё совершаться и быть в лазури великого мира,
Как о теченьи луны и различных движениях солнца
Можно судить, и какая причина и сила их движет,
Как они могут порой исчезать при закрытии света
И во внезапную тьму погружать неожиданно земли,
Будто смежая глаза, и снова затем открывать их,
Всё озирая кругом озаренное ярким сияньем, —
Я возвращаюсь опять к младенчеству мира и рыхлым
Пашням земли и к тому, что́ они при начале творенья
Вызвать решили на свет и доверить изменчивым ветрам.

В самом начале травой всевозможной и зеленью свежей
Всюду покрыла земля изобильно холмы и равнины:
Зазеленели луга, сверкая цветущим покровом,
Там и породам различным деревьев на воздухе вольном
Дан был простор состязаться в своем необузданном росте.
Как обрастают сперва пушком, волосами, щетиной
Четвероногих тела и птиц оперенные члены,

Sic nova tum tellus herbas virgultaque primum
Sustulit, inde loci mortalia saecla creavit
Multa modis multis varia ratione coorta.
Nam neque de caelo cecidisse animalia possunt,
Nec terrestria de salsis exisse lacunis.
Linquitur ut merito maternum nomen adepta
Terra sit, e terra quoniam sunt cuncta creata.
Multaque nunc etiam exsistunt animalia terris
Imbribus et calido solis concreta vapore;
Quo minus est mirum, si tum sunt plura coorta
Et maiora, nova tellure atque aethere adulta.
Principio genus alituum variaeque volucres
Ova relinquebant exclusae tempore verno,
Folliculos ut nunc teretes aestate cicadae
Linquunt sponte sua victum vitamque petentes.
Tum tibi terra dedit primum mortalia saecla.
Multus enim calor atque umor superabat in arvis.
Hoc ubi quaeque loci regio opportuna dabatur,
Crescebant uteri terram radicibus apti;
Quos ubi tempore maturo patefecerat aetas
Infantum fugiens umorem aurasque petessens,
Convertebat ibi natura foramina terrae
Et sucum venis cogebat fundere apertis
Consimilem lactis, sicut nunc femina quaeque
Cum peperit, dulci repletur lacte, quod omnis
Impetus in mammas convertitur ille alimenti.
Terra cibum pueris, vestem vapor, herba cubile
Praebebat multa et molli lanugine abundans.
At novitas mundi nec frigora dura ciebat
Nec nimios aestus nec magnis viribus auras.
Omnia enim pariter crescunt et robora sumunt.
Quare etiam atque etiam maternum nomen adepta
Terra tenet merito, quoniam genus ipsa creavit
Humanum atque animal prope certo tempore fudit
Omne quod in magnis bacchatur montibu' passim,

Так молодая земля травой и кустами сначала
Вся поросла, а потом породила и смертных животных
Множество, разным путем и в условиях разных возникших.
Ибо не могут никак животные с неба свалиться
Или из заводей выйти соленых земные созданья.
Вот почему остается признать, что заслуженно носит
Матери имя земля, ибо всё из земли породилось.
Много еще и теперь из нее выходит животных,
Влагой дождей воплощенных и жаром горячего солнца.
Не мудрено, что крупней были твари тогда, да и больше
Их порождалось, землей молодой и эфиром взращенных.
Прежде всего, окрыленные птиц разновидных породы
Яйца бросали свои, вылупляясь весенней порою,
Так же, как сами теперь вылезают из круглых запрядок
Летом цикады, ожить и сыскать пропитанье желая.
Тут же земля создала поколения первые смертных,
Ибо в полях и тепла изобилие было и влаги.
Всюду поэтому, где представлялось удобное место,
В почву корнями вцепясь, вырастали утробы; когда же
Их разверзали, созрев в урочное время, младенцы,
Влаги стремясь избежать и на воздух выбраться вольный,
Тотчас природа туда обращала все поры земные
И заставляла из них изливаться по жилам открытым
Сок с молоком однородный, как ныне у женщины каждой
Грудь ее после родов молоком наливается сладким,
Ибо питанья приток к сосцам устремляется сразу.
Пищу давала земля, тепло заменяло одежду
Детям и ложе — трава, обильная мягкой подстилкой.
Юный тогда еще мир не давал ни морозов жестоких,
Ни непомерной жары, ни ветров неистовой силы:
Всё ведь растет постепенно и мало-помалу мужает.

Так что опять повторю: очевидно, заслуженно носит
Матери имя земля, потому что сама сотворила
Весь человеческий род и в урочное время извергла
Всякого рода зверей, по нагорным резвящихся высям,

Aeriasque simul volucris variantibu' formis.
Sed quia finem aliquam pariendi debet habere,
Destitit, ut mulier spatio defessa vetusto.
Mutat enim mundi naturam totius aetas
Ex alioque alius status excipere omnia debet,
Nec manet ulla sui similis res: omnia migrant,
Omnia commutat natura et vertere cogit.
Namque aliud putrescit et aevo debile languet,
Porro aliud succrescit et e contemptibus exit.
Sic igitur mundi naturam totius aetas
Mutat et ex alio terram status excipit alter,
Quod tulit ut nequeat, possit quod non tulit ante.
Multaque tum tellus etiam portenta creare
Conatast mira facie membrisque coorta,
Androgynem, interutras necutrumque utrimque remotum,
Orba pedum partim, manuum viduata vicissim,
Muta sine ore etiam, sine vultu caeca reperta,
Vinctaque membrorum per totum corpus adhaesu,
Nec facere ut possent quicquam nec cedere quoquam
Nec vitare malum nec sumere quod foret usus.
Cetera de genere hoc monstra ac portenta creabat,
Nequiquam, quoniam natura absterruit auctum
Nec potuere cupitum aetatis tangere florem,
Nec reperire cibum, nec iungi per Veneris res.
Multa videmus enim rebus concurrere debere,
Vt propagando possint procudere saecla;
Pabula primum ut sint, genitalia deinde per artus
Semina qua possint membris manare remissis;
Feminaque ut maribus coniungi possit, habere
Mutua qui mutent inter se gaudia uterque.
Multaque tum interiisse animantum saecla necessest
Nec potuisse propagando procudere prolem.
Nam quaecumque vides vesci vitalibus auris,
Aut dolus, aut virtus, aut denique mobilitas est
Ex ineunte aevo genus id tutata reservans.

И одновременно птиц всевозможных, летающих в небе.
Но потому, что рожать без конца никому не возможно,
Стала неплодной она, утомившись, как жены, с годами.
Ибо природу всего мироздания время меняет:
Из одного состояния всё переходит в другое.
Не остается ничто незыблемым: всё преходяще,
Всё претворяет природа и всё заставляет меняться.
Тут истлевает одно и чахнет, с годами слабея,
Там же другое растет, выходя из ничтожества к блеску.
Так изменяет природу всего мироздания время,
И переходит земля в состоянье одно из другого:
То, что давала, не даст, а дает, чего не было раньше.
Много и чудищ тогда земля сотворить попыталась
Необычайного вида и странного телосложенья:
Жено-мужей, не причастных ни полу тому ни другому,
Или уродов без ног, или вовсе безруких, напротив,
Или безротых немых и безглазых слепых, порождая
Даже таких, у кого на теле все члены сцепились,
Так что ни делать они не могли ничего, ни податься,
Чтобы избегнуть беды иль достать то, что было им нужно.
Всяких других создавала она и страшилищ и чудищ —
Тщетно: природа запрет на развитие их наложила.
Были не в силах они ни жизни расцвета достигнуть,
Ни пропитанье добыть, ни в объятиях слиться любовных.
Много, как видно, должно сочетаться различных условий,
Чтобы породы сковать, размножение их обеспечив.
Нужен, во-первых, им корм, а затем и пути, по которым
В тело могли б семена из расслабленных членов излиться;
А чтобы самки могли входить в сочетанье с самцами,
Им для взаимных утех подходящие надобны члены.
Много животных тогда поколений должно было сгинуть,
Коль размноженьем приплод не могли они выковать новый.
Те же, что, видишь, теперь живительным воздухом дышат,
С юности ранней всегда берегут и блюдут свое племя,
Или отвагой храня, или хитростью, или проворством.

Multaque sunt, nobis ex utilitate sua quae
Commendata manent, tutelae tradita nostrae.
Principio genus acre leonum saevaque saecla
Tutatast virtus, vulpis dolus et fuga cervos.
At levisomna canum fido cum pectore corda
Et genus omne quod est veterino semine partum
Lanigeraeque simul pecudes et bucera saecla
Omnia sunt hominum tutelae tradita, Memmi.
Nam cupide fugere feras pacemque secuta
Sunt et larga suo sine pabula parta labore,
Quae damus utilitatis eorum praemia causa.
At quis nil horum tribuit natura, nec ipsa
Sponte sua possent ut vivere nec dare nobis
Vtilitatem aliquam, quare pateremur eorum
Praesidio nostro pasci genus esseque tutum,
Scilicet haec aliis praedae lucroque iacebant
Indupedita suis fatalibus omnia vinclis,
Donec ad interitum genus id natura redegit.
    Sed neque Centauri tuerunt, nec tempore in ullo
Esse queunt duplici natura et corpore bino
Ex alienigenis membris compacta, potestas
Hinc illinc partis ut non par esse potissit.
Id licet hinc quamvis hebeti coguoscere corde.
Principio circum tribus actis impiger annis
Floret equus, puer haudquaquam; nam saepe etiam nunc
Vbera mammarum in somnis lactantia quaeret.
Post ubi equum validae vires aetate senecta
Membraque deficiunt fugienti languida vita,
Tum demum pueris aevo florente iuventas
Occipit et molli vestit lanugine malas.
Ne forte ex homine et veterino semine equorum
Confieri credas Centauros posse neque esse,
Aut rabidis canibus succinctas semimarinis
Corporibus Scyllas et cetera de genere horum,
Inter se quorum discordia membra videmus;

Также и много других, которых к себе приручили
Мы ради пользы своей, сохранились под нашей защитой.
Племя свирепое львов и хищников лютых породы
Смелость спасла, а лисиц — коварство и прыткость — оленей.
Но легкосонные псы с их привязчивым, преданным сердцем
Вместе с породою всей подъяремных и вьючных животных
И густорунные овцы и племя быков круторогих —
Все под защитой людей живут в безопасности, Меммий.
Ибо от диких зверей убежать они страстно стремились
И беззаботно зажить, находя себе корм изобильный;
Мы же их кормим за то, что они нам пользу приносят.
Те же, которых совсем этих качеств лишила природа,
Так что они не могли ни сами прожить, ни полезны
Быть нам хоть сколько-нибудь, чтобы мы допускали кормиться
Их под охраной своей, блюдя в безопасности род их, —
Эти породы другим доставались в добычу и в жертву,
В узы цепей роковых закованы крепко, доколе
Не привела, наконец, их природа к погибели полной.
    Но никогда никаких не бывало Кентавров, и тварей
Быть не могло бы с двойным естеством или с телом двояким,
Сплоченных из разнородных частей и которых бы свойства
Были различны на той и другой половине их тела.
Даже тупому уму понять это будет нетрудно.
Ведь на исходе трех лет уже в полном расцвете ретивый
Конь, а дитя остается младенцем еще и нередко
Ищет во сне материнских сосцов, молоком отягченных.
Позже, когда у коней начинают от старости силы
И одряхлевшие члены слабеть с убегающей жизнью,
Только тогда для детей наступает цветущая юность
И начинают пушком одеваться их нежные щеки.
А потому и не верь, что от семени лошади вьючной
И от людей бы могли получиться живые Кентавры;
Как и немыслимы Скиллы, которых тела полурыбьи
Ярые псы обвивают кругом, да и прочие твари,
Члены которых живут, как мы видим, в разладе друг с другом,

Quae neque florescunt pariter nec robora sumunt
Corporibus neque proiciunt aetate senecta
Nec simili Venere ardescunt nec moribus unis
Conveniunt, neque sunt eadem iucunda per artus.
Quippe videre licet pinguescere saepe cicuta
Barbigeras pecudes, homini quae est acre venenum.
Flamma quidem vero cum corpora fulva leonum
Tam soleat torrere atque urere quam genus omne
Visceris in terris quodcumque et sanguinis exstet,
Qui fieri potuit, triplici cum corpore ut una,
Prima leo, postrema draco, media ipsa Chimaera
Ore foras acrem flaret de corpore flammam?
Quare etiam tellure nova caeloque recenti
Talia qui fingit potuisse animalia gigni,
Nixus in hoc uno novitatis nomine inani,
Multa licet simili ratione effutiat ore,
Aurea tum dicat per terras flumina vulgo
Fluxisse et gemmis florere arbusta suesse,
Aut hominem tanto membrorum esse impete natum,
Trans maria alta pedum nisus ut ponere posset
Et manibus totum circum se vertere caelum.
Nam quod multa fuere in terris semina rerum
Tempore quo primum tellus animalia fudit,
Nil tamen est signi mixtas potuisse creari
Inter se pecudes compactaque membra animantum,
Propterea quia quae de terris nunc quoque abundant
Herbarum genera ac fruges arbustaque laeta
Non tamen inter se possunt complexa creari,
Sed res quaeque suo ritu procedit et omnes
Foedere naturae certo discrimina servant.

At genus humanum multo fuit illud in arvis
Durius, ut decuit, tellus quod dura creasset,
Et maioribus et solidis magis ossibus intus
Fundatum, validis aptum per viscera nervis,
Nec facile ex aestu nec frigore quod caperetur,

И невозможно для них ни расцвета совместно достигнуть,
Ни равномерно мужать, ни утрачивать силы под старость;
Не пламенеют они одинаковой страстью, не сходны
Нравом они, и телам их различная пища полезна.
Так от цикуты стада бородатые часто жиреют,
А человеку она смертоносною служит отравой.
Если же пламя огня желтобурое львиное тело
Так же и жжет и палит, как и все остальные породы,—
Всё, что у нас на земле состоит из плоти и крови, —
Может ли быть, чтобы с телом тройным и единым Химера -
Лев головою, задом дракон и коза серединой —
Страшный из тела огонь выдыхала зияющей пастью?
Кто ж измышляет, что новой землею и небом недавним
Созданы быть бы могли такие творенья живые,
Тот, лишь на имя одно „новизны" опираясь пустое,
Много способен еще наболтать несуразностей всяких:
Может, пожалуй, сказать, что тогда по земле золотые
Реки текли и цвели самоцветами всюду деревья,
А человек нарождался таким непомерно огромным,
Что по глубинам морей он шагал совершенно свободно
И поворачивать мог руками небесные своды.
Но хоть и много в земле семян вещества обреталось
В те времена, как она впервые животных извергла,
Нет указаний на то, что могли бы со смешанным телом
Твари возникнуть и в них разнородные члены сплотиться,
Ибо и то, что теперь из земли вырастает в избытке, —
Разного рода трава и злаки, и поросль густая, —
Всё же не может никак в сплетеньи взаимном возникнуть:
Всё вырастает своим чередом, и все вещи законы
Твердо природы блюдут и отличья свои сохраняют.
    Та же порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и бо́льших;
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя

Nec novitate cibi nec labi corporis ulla.
Multaque per caelum solis volventia lustra
Vulgivago vitam tractabant more ferarum.
Nec robustus erat curvi moderator aratri
Quisquam, nec scibat ferro molirier arva
Nec nova defodere in terram virgulta neque altis
Arboribus veteres decidere falcibu' ramos.
Quod sol atque imbres dederant, quod terra crearat
Sponte sua, satis id placabat pectora donum.
Glandiferas inter curabant corpora quercus
Plerumque; et quae nunc hiberno tempore cernis
Arbuta puniceo fieri matura colore,
Plurima tum tellus etiam maiora ferebat.
Multaque praeterea novitas tum florida mundi
Pabula dura tulit, miseris mortalibus ampla.
At sedare sitim fluvii fontesque vocabant,
Vt nunc montibus e magnis decursus aquai
Claru' citat late sitientia saecla ferarum.
Denique nota vagi silvestria templa tenebant
Nympharum, quibus e scibant umori' fluenta
Lubrica proluvie larga lavere umida saxa,
Vmida saxa, super viridi stillantia musco,
Et partim plano scatere atque erumpere campo.
Necdum res igni scibant tractare neque uti
Pellibus et spoliis corpus vestire ferarum,
Sed nemora atque cavos montis silvasque colebant
Et frutices inter condebant squalida membra,
Verbera ventorum vitare imbrisque coacti.
Nec commune bonum poterant spectare neque ullis
Moribus inter se scibant nec legibus uti.
Quod cuique obtulerat praedae fortuna, ferebat
Sponte sua sibi quisque valere et vivere doctus.
Et Venus in silvis iungebat corpora amantum;
Conciliabat enim vel mutua quamque cupido
Vel violenta viri vis atque impensa libido

Иль непривычной еды и всяких телесных недугов.
Долго, в течение многих кругов обращения солнца,
Жизнь проводил человек, скитаясь как дикие звери.
Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама порождала
Вольно земля, то вполне утоляло и все их желанья.
Большею частью они пропитанье себе находили
Между дубов с желудями, а те, что теперь созревают, —
Арбута ягоды зимней порою и цветом багряным
Рдеют, ты видишь, — крупней и обильнее почва давала.
Множество, кроме того, приносила цветущая юность
Мира и грубых кормов для жалких людей в изобильи.
А к утолению жажды источники звали и реки;
Как и теперь, низвергаяся с гор, многошумные воды
Жаждущих стаи зверей отовсюду к себе привлекают.
И, наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им, токи
Плавно скользящей воды омывают влажные скалы,
Влажные скалы, росой над зеленым покрытые мохом,
Частью же, вон вырываясь, бегут по открытой равнине.
Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношеньях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одном постоянно заботясь
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем не уёмная похоть,

Vel pretium, glandes atque arbuta vel pira lecta.
Et manuum mira freti virtute pedumque
Consectabantur silvestria saecla ferarum
Missilibus saxis et magno pondere clavae;
Multaque vincebant, vitabant pauca latebris;
Saetigerisque pares subus silvestria membra
Nuda dabant terrae nocturno tempore capti,
Circum se foliis ac frondibus involventes.
Nec plangore diem magno solemque per agros
Quaerebant pavidi palantes noctis in umbris,
Sed taciti respectabant somnoque sepulti,
Dum rosea face sol inferret lumina caelo.
A parvis quod enim consuerant cernere semper
Alterno tenebras et lucem tempore gigni,
Non erat ut fieri posset mirarier umquam
Nec diffidere, ne terras aeterna teneret
Nox in perpetuum detracto lumine solis.
Sed magis illud erat curae, quod saecla ferarum
Infestam miseris faciebant saepe quietem.
Eiectique domo fugiebant saxea tecta
Spumigeri suis adventu validique leonis
Atque intempesta cedebant nocte paventes
Hospitibus saevis instrata cubilia fronde.

Nec nimio tum plus quam nunc mortalia saecla
Dulcia linquebant lamentis lumina vitae.
Vnus enim tum quisque magis deprensus eorum
Pabula viva feris praebebat, dentibus haustus,
Et nemora ac montis gemitu silvasque replebat
Viva videns vivo sepeliri viscera busto.
At quos effugium servarat corpore adeso,
Posterius tremulas super ulcera taetra tenentes
Palmas horriferis accibant vocibus Orcum,
Donique eos vita privarant vermina saeva
Expertis opis, ignaros quid vulnera vellent.
At non multa virum sub signis milia ducta

Или же плата такая, как жолуди, ягоды, груши.
На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким, тяжелым дубьём и бросали в них мёткие камни;
Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим загрубелым, подобно щетинистым вепрям,
Наземь валилися спать нагишом с наступлением ночи
И зарывались в листву или ветви густые с деревьев.
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали, в молчаньи и в сон погрузившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце.
Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомненье
Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки.
Больше заботы им то причиняло, что дикие звери
Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.
Крова лишаясь, они из-под каменных сводов бежали
При появленьи могучего льва иль вспененного вепря
И уступали глухой полунóчью свирепым пришельцам,
В ужасе диком, свои листвою покрытые ложа.

Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
Сладостный свет бытия оставляли со стоном печальным.
Правда, тогда человек, в одиночку попавшися, чаще
Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя, как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объеденным телом
Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащею язвы
Гнусные, Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали, доколе их боль не лишала жестокая жизни,
Их беспомóщных, не знавших, чем надо залечивать раны.
Но не губила зато под знаменами тысяч народа

Vna dies dabat exitio nec turbida ponti
Aequora lidebant navis ad saxa virosque.
Hic temere incassum frustra mare saepe coortum
Saevibat leviterque minas ponebat inanis,
Nec poterat quemquam placidi pellacia ponti
Subdola pellicere in fraudem ridentibus undis,
Improba navigii ratio cum caeca iacebat.
Tum penuria deinde cibi languentia leto
Membra dabat, contra nunc rerum copia mersat.
Illi imprudentes ipsi sibi saepe venenum
Vergebant, nunc dant aliis sollertius ipsi.
Inde casas postquam ac pellis ignemque pararunt,
Et mulier coniuncta viro concessit in unum
Hospitium, ac lecti socialia iura duobus
Cognita sunt, prolemque ex se videre creatam,
Tum genus humanum primum mollescere coepit
Ignis enim curavit ut alsia corpora frigus
Non ita iam possent caeli sub tegmine ferre,
Et Venus imminuit viris, puerique parentum
Blanditiis facile ingenium fregere superbum.
Tunc et amicitiem coeperunt iungere aventes
Finitimi inter se nec laedere nec violari,
Et pueros commendarunt muliebreque saeclum,
Vocibus et gestu cum balbe significarent
Imbecillorum esse aequum misererier omnis.
Nec tamen omnimodis poterat concordia gigni,
Sed bona magnaque pars servabat foedera caste;
Aut genus humanum iam tum foret omne peremptum
Nec potuisset adhuc perducere saecla propago.
At varios linguae sonitus natura subegit
Mittere et utilitas expressit nomina rerum,
Non alia longe ratione atque ipsa videtur
Protrahere ad gestum pueros infantia linguae,
Cum facit ut digito quae sint praesentia monstrent.
Sentit enim vis quisque suas quoad possit abuti.

Битва лишь за день один. Да и бурные моря равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни.
Даром, напрасно, вотще вздымаяся, волны бесились
Часто и так же легко оставляли пустые угрозы,
И не могли никого коварные моря соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь волнами.
Дерзкое людям совсем мореходство не ведомо было.
Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
Смерти. Напротив, теперь излишество нас убивает.
Те наливали себе по неведенью часто отраву
Сами, а ныне другим дают ее с бо́льшим искусством.

После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того, как жена, сочетавшися с мужем, единым
Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидали потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться.
Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
Так уж легко выносить холода под небесным покровом.
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
Грубый родителей нрав сломить без труда удавалось.
Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилья.
Требуя к детям притом снисхожденья и к женскому полу,
Смутно давали понять движеньями тела и криком,
Что сострадательным быть подобает ко всем слабосильным.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласья, но всё же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
Иначе весь человеческий род уж тогда бы пресекся,
И не могли бы досель поколенья его размножаться.

Что же до звуков, какие язык производит, — природа
Вызвала их, а нужда подсказала названья предметов
Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,
К телодвиженьям ведет неспособность к словам, понуждая
Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними.
Чувствует каждый, на что свои силы способен направить:

Cornua nata prius vitulo quam frontibus exstent,
Illis iratus petit atque infestus inurget.
At catuli pantherarum scymnique leonum
Vnguibus ac pedibus iam tum morsuque repugnant,
Vix etiam cum sunt dentes unguesque creati.
Alituum porro genus alis omne videmus
Fidere et a pinnis tremulum petere auxiliatum.
Proinde putare aliquem tum nomina distribuisse
Rebus et inde homines didicisse vocabula prima,
Desiperest. Nam cur hic posset cuncta notare
Vocibus et varios sonitus emittere linguae,
Tempore eodem alii facere id non quisse putentur?
Praeterea si non alii quoque vocibus usi
Inter se fuerant, unde insita notities est
Vtilitatis et unde data est huic prima potestas,
Quid vellet facere ut sciret animoque videret?
Cogere item pluris unus victosque domare
Non poterat, rerum ut perdiscere nomina vellent.
Nec ratione docere ulla suadereque surdis,
Quid sit opus facto, facilest; neque enim paterentur
Nec ratione ulla sibi ferrent amplius auris
Vocis inauditos sonitus obtundere frustra.
Postremo quid in hac mirabile tantoperest re,
Si genus humanum, cui vox et lingua vigeret,
Pro vario sensu varia res voce notaret?
Cum pecudes mutae, cum denique saecla ferarum
Dissimilis soleant voces variasque ciere,
Cum metus aut dolor est et cum iam gaudia gliscunt.
Quippe etenim licet id rebus cognoscere apertis.
Irritata canum cum primum magna Molossum
Mollia ricta fremunt duros nudantia dentis,
Longe alio sonitu rabies restricta minatur,
Et cum iam latrant et vocibus omnia complent.
Et catulos blande cum lingua lambere temptant
Aut ubi eos iactant pedibus morsuque petentes

Прежде еще, чем на лбу у теленка рога показались,
Он уж сердито грозит и враждебно бодается ими;
И не успели еще зародиться ни когти ни зубы
У молодого потомства пантер и у львят, как они уж
Когтем и лапою бьют и пускают в защиту укусы.
Птичий весь, далее, род полагается, видим, на крылья
И охраняет себя движением трепетным перьев.
А потому полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Всё и различные звуки издать языком, то зачем же
Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношеньях взаимных
Не применяли, откуда запало в него представленье
Пользы от этого иль возникла такая способность,
Чтобы сознанье того, что желательно сделать, явилось?
Также не мог он один насильно смирить и принудить
Многих к тому, чтоб они названья вещей заучили.
Да и ко слову глухих не легко убедить и наставить
В том, как им надобно быть: они бы совсем не стерпели
И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну
Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.
Что же тут странного в том, наконец, если род человеков
Голосом и языком одаренный, означил предметы
Разными звуками все, по различным своим ощущеньям?
Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
Если охвачены страхом иль чувствуют боль или радость.
В этом путем наблюдений простых ты легко убедишься:
Если Молосские псы в раздраженьи огромною пастью
Мягкою только ворчат, оскаливши крепкие зубы,
То по-иному звучат их сдавленной злости угрозы,
Чем если лают они и голосом всё наполняют.
Также, когда языком щенят они с нежностью лижут,
Или же лапами их тормошат и хватают их пастью,

Suspensis teneros imitantur dentibus haustus,
Longe alio pacto gannitu vocis adulant,
Et cum deserti baubantur in aedibus aut cum
Plorantes fugiunt summisso corpore plagas.
Denique non hinnitus item differre videtur,
Inter equas ubi equus florenti aetate iuvencus
Pinnigeri saevit calcaribus ictus amoris,
Et fremitum patulis sub naribus edit ad arma,
Et cum sic alias concussis artubus hinnit?
Postremo genus alituum variaeque volucres,
Accipitres atque ossifragae mergique marinis
Fluctibus in salso victum vitamque petentes,
Longe alias alio iaciunt in tempore voces,
Et cum de victu certant praedaeque repugnant.
Et partim mutant cum tempestatibus una
Raucisonos cantus, cornicum ut saecla vetusta
Corvorumque greges ubi aquam dicuntur et imbris
Poscere et interdum ventos aurasque vocare.
Ergo si varii sensus animalia cogunt,
Muta tamen cum sint, varias emittere voces,
Quanto mortalis magis aequumst tum potuisse
Dissimilis alia atque alia res voce notare!
Illud in his rebus tacitus ne forte requiras,
Fulmen detulit in terram mortalibus ignem
Primitus, inde omnis flammarum diditur ardor.
Multa videmus enim caelestibus incita flammis
Fulgere, cum caeli donavit plaga vapore.
Et ramosa tamen cum ventis pulsa vacillans
Aestuat in ramos incumbens arboris arbor,
Exprimitur validis extritus viribus ignis
Et micat interdum flammai fervidus ardor,
Mutua dum inter se rami stirpesque teruntur.
Quorum utrumque dedisse potest mortalibus ignem.
Inde cibum coquere ac flammae mollire vapore
Sol docuit, quoniam mitescere multa videbant

Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,
То по-иному совсем они тявкают с ласковым визгом,
Чем если в доме одни они воют, иль с жалобным воплем,
Телом припавши к земле, от побоев хотят увернуться.
Разве не видно затем и в ржании разницы также,
Юный когда жеребец, преисполненный силы, беснуясь,
Носится между кобыл, крылатым пришпоренный богом,
Иль когда храп из ноздрей раздутых пускает при битве,
Или же попросту ржет иногда, содрогаясь всем телом?
Да и крылатая птиц, наконец, разновидных порода —
Ястреб, гагара, скопа̀, — когда они по морю ищут
В волнах соленых себе пропитанье и корм добывают,
То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
Чем если спорят за корм или борются с самой добычей.
Также иные из них с переменой погоды меняют
Хриплое пенье свое: например, воро́н долговечных
Племя и воронов стаи, когда, — говорят, — призывают
Сырость они и дожди или ветр накликают и бури.
Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных!
Во избежанье с твоей стороны молчаливых вопросов,
Знай же, что смертным огонь принесен на землю впервые
Молнией был. От нее и расходится всякое пламя.
Видим, ведь, много вещей, огнем небесным объятых,
Блещут, ударом с небес пораженные, вспыхнув от жара.
Но и от ветра, когда, раскачавшись, деревья ветвями
Сильно шатаясь, начнут налегать одно на другое,
Мощное трение их исторгает огонь, и порою,
Вспыхнувши, вдруг заблестит и взнесется горячее пламя,
Если взаимно они и стволами и сучьями трутся.
То и другое могло огонь доставить для смертных.
После же пищу варить и смягчать ее пламени жаром
Солнце наставило их, ибо видели люди, что силой

Verberibus radiorum atque aestu victa per agros.
    Inque dies magis hi victum vitamque priorem
Commutare novis monstrabant rebus et igni,
Ingenio qui praestabant et corde vigebant.
Condere coeperunt urbis arcemque locare
Praesidium reges ipsi sibi perfugiumque,
Et pecus atque agros divisere atque dedere
Pro facie cuiusque et viribus ingenioque;
Nam facies multum valuit viresque vigebant.
Posterius res inventast aurumque repertum,
Quod facile et validis et pulchris dempsit honorem;
Divitioris enim sectam plerumque sequuntur
Quamlibet et fortes et pulchro corpore creti.
Quod siquis vera vitam ratione gubernet,
Divitiae grandes homini sunt vivere parce
Aequo animo; neque enim est umquam penuria parvi.
At claros homines voluerunt se atque potentis,
Vt fundamento stabili fortuna maneret
Et placidam possent opulenti degere vitam,
Nequiquam, quoniam ad summum succedere honorem
Certantes iter infestum fecere viai,
Et tamen e summo, quasi fulmen, deicit ictos
Invidia interdum contemptim in Tartara taetra;
Invidia quoniam, ceu fulmine, summa vaporant
Plerumque et quae sunt aliis magis edita cumque;
Vt satius multo iam sit parere quietum
Quam regere imperio res velle et regna tenere.
Proinde sine incassum defessi sanguine sudent,
Angustum per iter luctantes ambitionis;
Quandoquidem sapiunt alieno ex ore petuntque
Res ex auditis potius quam sensibus ipsis,
Nec magis id nunc est neque erit mox quam fuit ante.
    Ergo regibus occisis subversa iacebat
Pristina maiestas soliorum et sceptra superba,
Et capitis summi praeclarum insigne cruentum

Знойно палящих лучей умягчается многое в поле.
    День ото дня улучшать и пищу и жизнь научали
Те, при посредстве огня и всяческих нововведений,
Кто даровитее был и умом среди всех выдавался.
Начали строить цари города, воздвигать укрепленья,
В них и оплот для себя находя и убежище сами;
И поделили поля и скотину они, одаряя
Всех по наружности их и по их дарованьям и силам,
Ибо наружность тогда почиталась и славились силы.
Позже богатство пришло и золото было открыто,
Что́ без труда и красивых и сильных лишило почета,
Ибо за тем, кто богаче, обычною следуют свитой
Те, кто и силой своей и красой богачей превосходит.
Тот же, кто в жизни себе кормилом взял истинный разум,
Тот обладает всегда богатством умеренной жизни;
Дух безмятежен его, и живет он, довольствуясь малым.
Люди же вместо того устремились ко славе и власти,
Думая этим себе благоденствие твердо упрочить
И проводить свою жизнь при достатке в спокойствии полном.
Тщетно! Все те, кто достичь до вершины почета стремятся,
Гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей.
С самых почета высот будто молнией их поражает
Зависть и в Тартара мрак низвергает нередко кромешный.
Зависть ведь чаще всего зажигает, как молния, выси,
Всё, что стоит над другим и вершиной своей выдается.
Лучше поэтому жить, повинуясь, в спокойствии полном,
Нежели власти желать верховной и царского сана.
Пусть же напрасно они обливаются по́том кровавым,
Изнемогая в борьбе на пути честолюбия узком:
Всё разуменье свое из чужих они уст почерпают,
Слушают мненья других, а собственным чувствам не внемлют.
Было так прежде, так есть и теперь, и впоследствии будет.
    По убиеньи царей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их и былое величие тронов,
И украшенье державной главы, обагренное кровью,

Sub pedibus vulgi magnum lugebat honorem;
Nam cupide conculcatur nimis ante metutum.
Res itaque ad summam faecem turbasque redibat,
Imperium sibi cum ac summatum quisque petebat.
Inde magistratum partim docuere creare
Iuraque constituere, ut vellent legibus uti.
Nam genus humanum, defessum vi colere aevum,
Ex inimicitiis languebat; quo magis ipsum
Sponte sua cecidit sub leges artaque iura.
Acrius ex ira quod enim se quisque parabat
Vlcisci quam nunc concessumst legibus aequis,
Hanc ob rem est homines pertaesum vi colere aevum.
Inde metus maculat poenarum praemia vitae.
Circumretit enim vis atque iniuria quemque
Atque, unde exortast, ad eum plerumque revertit,
Nec facilest placidam ac pacatam degere vitam
Qui violat factis communia foedera pacis.
Etsi fallit enim divum genus humanumque,
Perpetuo tamen id fore clam diffidere debet;
Quippe ubi se multi per somnia saepe loquentes
Aut morbo delirantes protraxe ferantur
Et celata diu in medium peccata dedisse.
Nunc quae causa deum per magnas numina gentis
Pervulgarit et ararum compleverit urbis
Suscipiendaque curarit sollemnia sacra,
Quae nunc in magnis florent sacra rebu' locisque,
Vnde etiam nunc est mortalibus insitus horror
Qui delubra deum nova toto suscitat orbi
Terrarum et festis cogit celebrare diebus,
Non ita difficilest rationem reddere verbis.
Quippe etenim iam tum divum mortalia saecla
Egregias animo facies vigilante videbant
Et magis in somnis mirando corporis auctu.
His igitur sensum tribuebant propterea quod
Membra movere videbantur vocesque superbas

Под ноги черни упав, за великую почесть платилось:
Жадно ведь топчется то, что некогда ужас внушало.
Смуты настали затем и полнейший во всем беспорядок:
Каждый ко власти тогда и к господству над всеми стремился.
Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе жесточе
Мстить, чем теперь это нам дозволяет закон справедливый,
И потому опротивела жизнь при насилии вечном.
Страх наказаний с тех пор омрачает все жизни соблазны:
В сети свои произвол и насилие каждого ловят,
Обыкновенно к тому, от кого изошли, возвращаясь;
Жить для того нелегко спокойной и мирною жизнью,
Чьи нарушают дела договоры всеобщего мира.
Пусть и богов и людей ему обмануть удается,
Всё ж утаить навсегда преступления нету надежды,
Ибо невольно, во сне говоря иль в бреду при болезни,
Многие сами себя выдавали, бывало, нередко
И открывали свои сокровенные долго злодейства.

Ну, а причину того, что богов почитанье в народах
Распространилось везде, города алтарями наполнив,
И учредился обряд торжественных богослужений,
Ныне в особых местах, совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что̀ воздвигает богам всё новые капища всюду
На протяженьи земли и по праздникам их наполняет, —
Всё это здесь объяснить не составит больших затруднений.
Дело ведь в том, что уже и тогда поколениям смертных
Дивные лики богов случалось, и бодрствуя, видеть,
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что, казалось,
Телодвиженья они совершали и гордые речи,

Mittere pro facie praeclara et viribus amplis.
Aeternamque dabant vitam, quia semper eorum
Suppeditabatur facies et forma manebat,
Et tamen omnino quod tantis viribus auctos
Non temere ulla vi convinci posse putabant.
Fortunisque ideo longe praestare putabant,
Quod mortis timor haud quemquam vexaret eorum,
Et simul in somnis quia multa et mira videbant
Efficere et nullum capere ipsos inde laborem.
Praeterea caeli rationes ordine certo
Et varia annorum cernebant tempora verti
Nec poterant quibus id fieret cognoscere causis
Ergo perfugium sibi habebant omnia divis
Tradere et illorum nutu facere omnia flecti.
In caeloque deum sedis et templa locarunt,
Per caelum volvi quia nox et luna videtur,
Luna, dies, et nox, et noctis signa severa,
Noctivagaeque faces caeli, flammaeque volantes,
Nubila, sol, imbres, nix, venti, fulmina, grando,
Et rapidi fremitus, et murmura magna minarum.
O genus infelix humanum, talia divis
Cum tribuit facta atque iras adiunxit acerbas!
Quantos tum gemitus ipsi sibi, quantaque nobis
Vulnera, quas lacrimas peperere minoribu’ nostris!
Nec pietas ullast velatum saepe videri
Vertier ad lapidem atque omnis accedere ad aras,
Nec procumbere humi prostratum et pandere palmas
Ante deum delubra, nec aras sanguine multo
Spargere quadrupedum, nec votis nectere vota,
Sed mage pacata posse omnia mente tueri.
Nam cum suspicimus magni caelestia mundi
Templa super stellisque micantibus aethera fixum,
Et venit in mentem solis lunaeque viarum,
Tunc aliis oppressa malis in pectora cura
Illa quoque expergefactum caput erigere infit,

Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вещали.
Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и всё тем же являлся их образ;
Главным же образом мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой.
И потому несравненным богов полагали блаженство,
Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью.
И в сновиденьях еще представлялося людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий.
Видели, кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом порядке,
Но не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали всё это,
Предполагая, что всё направляется их мановеньем.
В небе жилища богов и обители их помещали,
Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя,
Солнце и тучи, и снег, и град, и молньи, и ветры,
Бурь стремительный вихрь и грозные грома раскаты.
О человеческий род несчастный! Такие явленья
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь,
Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты,
Но в созерцаньи всего при полном спокойствии духа.
Ибо, когда мы глаза подымаем к небесным пространствам,
Видя в мерцании звезд высо́ты эфира над нами,
И устремляется мысль на луны и на солнца движенья,
То из-под гнета других мучений в груди начинает
Голову вверх поднимать, пробуждаясь, такая забота:

Nequae forte deum nobis immensa potestas
Sit, vario motu quae candida sidera verset.
Temptat enim dubiam mentem rationis egestas,
Ecquaenam fuerit mundi genitalis origo,
Et simul ecquae sit finis, quoad moenia mundi
Solliciti motus hunc possint ferre laborem,
An divinitus aeterna donata salute
Perpetuo possint aevi labentia tractu
Immensi validas aevi contemnere viris.
Praeterea cui non animus formidine divum
Contrahitur, cui non correpunt membra pavore,
Fulminis horribili cum plaga torrida tellus
Contremit et magnum percurrunt murmura caelum?
Non populi gentesque tremunt, regesque superbi
Corripiunt divum percussi membra timore
Nequid ob admissum foede dictumve superbe
Poenarum grave sit solvendi tempus adactum?
Summa etiam cum vis violenti per mare venti
Induperatorem classis super aequora verrit
Cum validis pariter legionibus atque elephantis,
Non divum pacem votis adit ac prece quaesit
Ventorum pavidus paces animasque secundas,
Nequiquam, quoniam violento turbine saepe
Correptus nilo fertur minus ad vada leti?
Vsque adeo res humanas vis abdita quaedam
Obterit et pulchros fascis saevasque securis
Proculcare ac ludibrio sibi habere videtur.
Denique sub pedibus tellus cum tota vacillat
Concussaeque cadunt urbes dubiaeque minantur,
Quid mirum si se temnunt mortalia saecla
Atque potestates magnas mirasque relinquunt
In rebus viris divum, quae cunct gubernent?
Quod superest, aes atque aurum ferrumque repertumst
Et simul argenti pondus plumbique potestas,
Ignis ubi ingentis silvas ardore cremarat

Нет ли над нами богов, безграничная мощность которых
Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды?
Скудость познания мысль беспокоит тревожным сомненьем,
Именно: было иль нет когда-то рождение мира,
И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены
Неугомонный напор движения выдержать могут;
Или, по воле богов одаренные крепостью вечной,
Могут, в теченье веков нерушимо всегда сохраняясь,
Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой?
Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молньи, а небо кругом огласят громовые раскаты?
И не трепещут ли все племена и народы, и разве
Гордые с ними цари пред богами не корчатся в страхе,
Как бы за гнусности все, и проступки, и наглые речи
Не подошло, наконец, и тяжелое время расплаты?
Также, над морем когда проносясь, сокрушительной силой
Ветер неистовый мчит по волнам предводителя флота,
Все легионы его и слонов вместе с ним увлекая, —
Разве тогда не дает он обетов богам и, объятый
Страхом, не молит он их о затишьи и ветре попутном?
Тщетно: подхваченный вдруг ураганом неистовым, часто
Он, несмотря ни на что, уносится к заводям смерти.
Так все деянья людей сокровенная некая сила
Рушит, а пышные связки и грозные с ними секиры
Любо, как видно, ей в прах попирать и посмешищем делать.
И, наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
Падают или грозят города потрясенные рухнуть,
Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничтожают себя и всецело богам оставляют
Чудные силы и власть управления всею вселенной?

Было открыто затем и железо и золото с медью,
Веское также еще серебро и свинцовая сила,
После того как огонь истребил, охвативши пожаром,

Montibus in magnis, seu caelo fulmine misso,
Sive quod inter se bellum silvestre gerentes
Hostibus intulerant ignem formidinis ergo,
Sive quod inducti terrae bonitate volebant
Pandere agros pinguis et pascua reddere rura,
Sive feras interficere et ditescere praeda.
Nam fovea atque igni prius est venarier ortum
Quam saepire plagis saltum canibusque ciere.
Quidquid id est, quacumque e causa flammeus ardor
Horribili sonitu silvas exederat altis
Ab radicibus et terram percoxerat igni,
Manabat venis ferventibus in loca terrae
Concava conveniens argenti rivus et auri,
Aeris item et plumbi. Quae cum concreta videbant
Posterius claro in terra splendere colore,
Tollebant nitido capti levique lepore.
Et simili formata videbant esse figura
Atque lacunarum fuerant vestigia cuique.
Tum penetrabat eos posse haec liquefacta calore
Quamlibet in formam et faciem decurrere rerum
Et prorsum quamvis in acuta ac tenvia posse
Mucronum duci fastigia procudendo,
Vt sibi tela parent, silvasque ut caedere possint
Materiemque dolare et levia radere tigna
Et terebrare etiam ac pertundere perque forare.
Nec minus argento facere haec auroque parabant
Quam validi primum violentis viribus aeris,
Nequiquam, quoniam cedebat victa potestas,
Nec poterant pariter durum sufferre laborem.
Tum fuit in pretio magis aes, aurumque iacebat
Propter inutilitatem hebeti mucrone retusum.
Nunc iacet aes, aurum in summum successit honorem.
Sic volvenda aetas commutat tempora rerum.
Quod fuit in pretio, fit nullo denique honore;
Porro aliud succedit et e contemptibus exit

Лес на высоких горах иль от молньи, ударившей с неба,
Или еще потому, что в лесах воевавшие люди
Для устрашенья врагов зажигали огонь им навстречу,
Или хотели они, привлеченные щедростью почвы,
Тучных прибавить полей и под пастбища место очистить,
Или зверей убивать и добычей от них богатиться,
Ибо сначала огонь применяли и ямы, охотясь,
Раньше, чем псами травить научились и ставить тенёта.
Но какова б ни была причина того, что пожаром
С шумом зловещим леса пожирало горячее пламя
До основанья корней, — только недра земли распалялись,
И, в углубленья ее собираясь, по жилам кипящим
Золото, медь, серебро потекли раскаленным потоком
Вместе с ручьями свинца. А когда на земле появились
Слитки застывшие их, отливавшие ярко, то люди
Начали их поднимать, плененные глянцем блестящим,
И замечали притом, что из них соответствует каждый
В точности впадине той, которая их заключала.
Это внушило ту мысль, что, расплавив, металлы возможно
В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
И до любой остроты и до тонкости также возможно
Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
Чтобы оружье иметь и орудья для рубки деревьев,
Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры.
Это они серебром или золотом делать пытались
Так же сначала, как силой могучей и мощною меди.
Тщетно: слабей была стойкость у этих металлов, и с медью
Вровень они не могли выдерживать грубой работы.
Ценной была тогда медь, а золото было в презреньи,
Как бесполезная вещь с лезвеём, от удара тупевшим.
Ныне в презрении медь, а золото в высшем почете.
Так обращенье времен изменяет значенье предметов:
Чтó было раньше в цене, то лишается вовсе почета,
Следом другое растет, выходя из ничтожества к блеску;

Inque dies magis appetitur floretque repertum
Laudibus et miro est mortalis inter honore.
Nunc tibi quo pacto ferri natura reperta
Sit facilest ipsi per te cognoscere, Memmi.
Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt,
Et lapides, et item silvarum fragmina rami,
Et flamma atque ignes, postquam sunt cognita primum.
Posterius ferri vis est aerisque reperta.
Et prior aeris erat quam ferri cognitus usus,
Quo facilis magis est natura et copia maior.
Aere solum terrae tractabant, aereque belli
Miscebant fluctus et vulnera vasta serebant
Et pecus atque agros adimebant. Nam facile ollis
Omnia cedebant armatis nuda et inerma.
Inde minutatim processit ferreus ensis
Versaque in opprobrium species est falcis aenae,
Et ferro coepere solum proscindere terrae
Exaequataque sunt creperi certamina belli.
Et prius est armatum in equi conscendere costas
Et moderarier hunc frenis dextraque vigere
Quam biiugo curru belli temptare pericla.
Et biiugos prius est quam bis coniungere binos
Et quam falciferos armatum escendere currus.
Inde boves lucas turrito corpore, taetras,
Anguimanus, belli docuerunt vulnera Poeni
Sufferre et magnas Martis turbare catervas.
Sic alid ex alio peperit discordia tristis,
Horribile humanis quod gentibus esset in armis,
Inque dies belli terroribus addidit augmen.
Temptarunt etiam tauros in moenere belli
Expertique sues saevos sunt mittere in hostis.
Et validos partim prae se misere leones
Cum doctoribus armatis saevisque magistris
Qui moderarier his possent vinclisque tenere,
Nequiquam, quoniam permixta caede calentes

День ото дня всё сильней вожделеют его, и находку
Славят его, и цветет оно дивным у смертных почетом.

Далее, как естество железа было открыто,
Это и сам без труда ты понять в состоянии, Меммий.
Древним оружьем людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа потом и меди были открыты,
Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
Легче ее обработка, а также количество больше.
Медью и почву земли бороздили, и медью волненье
Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны;
Ею и скот и поля отнимали: легко человекам
Вооруженным в бою безоружное всё уступало.
Мало-помалу затем одолели мечи из железа,
Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;
Стали железом потом и земли обрабатывать почву
И одинаковым все оружием в битвах сражаться.
Прежде верхом на коня садился в оружии всадник
И, управляя уздой, он правою бился рукою;
Позже в обычай вошло в колесницах двуконных сражаться,
После же к паре коней припрягать еще пару другую
И в серпоносных нестись колесницах в опасную битву.
Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучили ранения пуны
И на войне приводить в смятение полчища Марса.
Так порождалось одно из другого раздором жестоким
Всё, что людским племенам угрожает на поле сраженья,
День ото дня прибавляя все новые ужасы битвы.

Также пытались быков приспособить к военному делу,
Вепрей свирепых пускать покушались на вражее войско,
А иногда даже львов пред собой выпускали могучих
В сопровожденьи свирепых вождей и погонщиков ратных,
Ведших зверей на цепях и умевших направить искусно.
Тщетно: они, разъярившись, в пылу беспорядочной бойни

Turbabant saevi nullo discrimine turmas,
Terrificas capitum quatientes undique cristas,
Nec poterant equites fremitu perterrita equorum
Pectora mulcere et frenis convertere in hostis.
Irritata leae iaciebant corpora saltu
Vndique et adversum venientibus ora petebant
Et nec opinantis a tergo deripiebant
Deplexaeque dabant in terram vulnere victos,
Morsibus adfixae validis atque unguibus uncis.
Iactabantque suos tauri pedibusque terebant,
Et latera ac ventris hauribant subter equorum
Cornibus, et terram minitanti mente ruebant.
Et validis socios caedebant dentibus apri
Tela infracta suo tingentes sanguine saevi,
Permixtasque dabant equitum peditumque ruinas.
Nam transversa feros exibant dentis adactus
Iumenta aut pedibus ventos erecta petebant,
Nequiquam, quoniam ab nervis succisa videres
Concidere atque gravi terram consternere casu.
Siquos ante domi domitos satis esse putabant,
Effervescere cernebant in rebus agendis
Vulneribus, clamore, fuga, terrore, tumultu,
Nec poterant ullam partem reducere eorum;
Diffugiebat enim varium genus omne ferarum;
Vt nunc saepe boves lucae ferro male mactae
Diffugiunt, fera facta suis cum multa dedere.
Si fuit ut facerent. Sed vix adducor, ut ante
Non quierint animo praesentire atque videre,
Quam commune malum fieret foedumque futurum.
Et magis id possis factum contendere in omni
In variis mundis varia ratione creatis,
Quam certo atque uno terrarum quolibet orbi.
Sed facere id non tam vincendi spe voluerunt,
Quam dare quod gemerent hostes, ipsique perire,
Qui numero diffidebant armisque vacabant.

Мяли свирепо полки и своих и чужих без разбора,
Страшно при этом тряся головами с косматою гривой.
И не могли успокоить коней, перепуганных ревом,
Всадники, ни обуздать, ни направить на вражьи отряды.
В ярости львицы неслись и кидались прыжками с разбегу
Всюду; стремились схватить попадавшихся встречных за горло,
Или же, с тылу напав неожиданно, рвали на части.
Раненых тяжко они повергали с размаху на землю,
Цепко зубами схватив и терзая когтями кривыми.
Да и быки на своих же бросались, ногами топтали,
И животы и бока лошадей прободали рогами
Снизу, и землю кругом взрывали в бешенстве грозном.
Мощным пронзали клыком своих же союзников вепри,
В бешенстве кровью своей обагряя обломки оружья,
Производили разгром без разбора и конных и пеших.
Прядали лошади прочь, избегая жестоких укусов,
Иль, становясь на дыбы, по воздуху били ногами.
Тщетно! Им жилы клыки подсекали, и тут же на месте
Падали наземь они, распластавшися в тяжком паденьи.
Даже и те, что, давно приручившись, ручными считались,
Воспламенялись у всех на глазах при сраженьи от шума,
Криков, смятения, ран, беспорядка, разгрома и бегства;
И уже больше никак осадить было их невозможно:
Врозь разбегались тогда все звери различной породы,
Как и луканские ныне волы, недобитые, часто
Все врассыпную бегут, свои же войска попирая.
Может быть, всё это так. Хоть и трудно поверить, что люди
Были не в силах умом постичь и предвидеть заране
Гнусности этого зла, угрожавшего сделаться общим.
Можно скорей согласиться бы с тем, что это бывало,
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Чем на одном лишь каком-либо круге земном совершалось.
Но не в надежде врагов одолеть воевали так люди,
А из желанья стенать их заставить, хотя бы погибнув,
По недоверью к числу своему и нуждаясь в оружьи.

Nexilis ante fuit vestis quam textile tegmen.
Textile post ferrumst, quia ferro tela paratur,
Nec ratione alia possunt tam levia gigni
Insilia ac fusi, radii scapique sonantes.
Et facere ante viros lanam natura coegit
Quam muliebre genus; nam longe praestat in arte
Et sollertius est multo genus omne virile;
Agricolae donec vitio vertere severi,
Vt muliebribus id manibus concedere vellent
Atque ipsi pariter durum sufferre laborem
Atque opere in duro durarent membra manusque.
At specimen sationis et insitionis origo
Ipsa fuit rerum primum natura creatrix,
Arboribus quoniam bacae glandesque caducae
Tempestiva dabant pullorum examina subter;
Vnde etiam libitumst stirpis committere ramis
Et nova defodere in terram virgulta per agros.
Inde aliam atque aliam culturam dulcis agelli
Temptabant fructusque feros mansuescere terram
Cernebant indulgendo blandeque colendo.
Inque dies magis in montem succedere silvas
Cogebant infraque locum concedere cultis,
Prata, lacus, rivos, segetes vinetaque laeta
Collibus et campis ut haberent, atque olearum
Caerula distinguens inter plaga currere posset
Per tumulos et convallis camposque profusa;
Vt nunc esse vides vario distincta lepore
Omnia, quae pomis intersita dulcibus ornant
Arbustisque tenent felicibus obsita circum.
At liquidas avium voces imitarier ore
Ante fuit multo quam levia carmina cantu
Concelebrare homines possent aurisque iuvare.
Et Zephyri, cava per calamorum, sibila primum
Agrestis docuere cavas inflare cicutas.
Inde minutatim dulcis didicere querelas,

Шкуры одеждой сперва, а потом уже ткани служили.
Ткань появилась поздней, уже после открытья железа,
Ибо нельзя без него для тканья изготовить орудий —
Гладких цевок, гребней, челноков и звонких навоев.
Выделке пряжи мужчин научила сначала природа
Раньше, чем женщин, затем, что искусней гораздо мужчины,
Да и способней их пол в его целом к художествам разным.
Но земледельцы потом суровые этой работой
Стали гнушаться и всю ее отдали в женские руки,
Выбрав при этом себе исполнение грубой работы,
И закалили во грубом труде свои руки и мышцы.

Первый посева пример и образчик прививки деревьев
Был непосредственно дан природою, всё создающей:
Ягоды, жолуди, вниз упадавшие наземь с деревьев,
Густо роя́сь у корней, своевременно все вырастали.
Это и подало мысль прививать к деревьям отростки
И на полях насаждать молодые отводки растений.
Всячески стали затем обрабатывать милое поле
И замечали тогда, что на нем от ухода за почвой
Диких растений плоды получались нежнее и слаще.
День ото дня отходить заставляли леса на высоты
И по долинам места уступать возделанным пашням,
Чтобы озера, луга, ручьи, виноградники, нивы
Всюду иметь по холмам и полям, чтобы сетью седою
Рощи олив пробегать могли, среди них выделяясь,
И разрастаться везде по склонам, равнинам и долам.
Также поля и теперь, как ты видишь, красиво пестреют
Полные сочных плодов, прорезают сады их повсюду,
И окаймляют кругом кустарников ягодных чащи.

Звонкому голосу птиц подражать научились устами
Люди задолго пред тем, как стали они в состояньи
Стройные песни слагать и ушам доставлять наслажденье
Свист же Зефира в пустых стеблях камышевых впервые
Дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы.
Мало-помалу затем научились и жалобно-нежным

Tibia quas fundit digitis pulsata canentum,
Avia per nemora ac silvas saltusque reperta,
Per loca pastorum deserta atque otia dia.
Haec animos ollis mulcebant atque iuvabant
Cum satiate cibi; nam tum sunt omnia cordi.
Saepe itaque inter se prostrati in gramine molli
Propter aquae rivum sub ramis arboris altae
Non magnis opibus iucunde corpora habebant,
Praesertim cum tempestas ridebat et anni
Tempora pingebant viridantis floribus herbas.
Tum ioca, tum sermo, tum dulces esse cachinni
Consuerant. Agrestis enim tum Musa vigebat;
Tum caput atque umeros plexis redimire coronis
Floribus et foliis lascivia laeta monebat,
Atque extra numerum procedere membra moventis
Duriter et duro terram pede pellere matrem;
Vnde oriebantur risus dulcesque cachinni,
Omnia quod nova tum magis haec et mira vigebant.
Et vigilantibus hinc aderant solacia somni,
Ducere multimodis voces et flectere cantus
Et supera calamos unco percurrere labro;
Vnde etiam vigiles nunc haec accepta tuentur
Et numerum servare genus didicere, neque hilo
Maiorem interea capiunt dulcedini' fructum
Quam silvestre genus capiebat terrigenarum.
Nam quod adest praesto, nisi quid cognovimus ante
Suavius, in primis placet et pollere videtur,
Posteriorque fere melior res illa reperta
Perdit et immutat sensus ad pristina quaeque.
Sic odium coepit glandis, sic illa relicta
Strata cubilia sunt herbis et frondibus aucta.
Pellis item cecidit vestis contempta ferinae;
Quam reor invidia tali tunc esse repertam,
Vt letum insidiis qui gessit primus obiret,
Et tamen inter eos distractam sanguine multo

Звукам, какие свирель из-под пальцев певцов изливает, —
В непроходимых лесах обретенная в рощах и долах, —
В отдыха сладостный час на пастбищ просторе пустынном.
Всем этим люди тогда услаждались и тешили души,
Пищей насытившись: все в это время забавы по сердцу.
Часто, бывало, они, распростершись на мягкой лужайке
Возле ручья берегов под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу давали сладостный отдых,
Если к тому ж улыбалася им и погода, и время
Года пестрило цветами повсюду зеленые травы.
Тут болтовня, тут и смех раздавался веселый, и шутки
Тут забавляли людей: процветала тут сельская Муза.
Голову, плечи себе из цветов иль из листьев венками
Резвость игривая всех украшать побуждала в то время;
Все начинали плясать без размера, махая руками
Грубо, и грубой пятой топтали родимую землю;
Следом за этим и смех возникал, и веселые шутки.
Внове всё было тогда, и всё представлялось чудесным.
Да и тому, кто не смел засыпать, утешением было
То, что на всяческий лад выводил он голосом песни
Или поджатой губой скользил по тростинкам цевницы.
Даже теперь сторожа сохраняют этот обычай.
Но, и размер соблюдать научившись, нисколько не больший
Плод наслаждений они получают от этого всё же,
Чем получало когда-то людей землеродное племя.
Ибо наличная вещь, коль приятней ее мы не знаем,
Нравится больше всего и кажется полной достоинств.
Но постепенно затем предмет, оказавшийся лучше,
Губит ее и всегда устарелые вкусы меняет.
Так отвратительны всем стали жолуди, так в небреженьи
Ложа из листьев и трав постепенно оставлены были.
Также одежду из шкур оставили люди звериных,
Хоть и внушала она при открытьи столь сильную зависть,
Что несомненно убит был тайком ее первый владетель.
Но, на клочки изорвав ее, всю обагренную кровью,

Disperiisse neque in fructum convertere quisse.
Tunc igitur pelles, nunc aurum et purpura curis
Exercent hominum vitam belloque fatigant;
Quo magis in nobis, ut opinor, culpa resedit:
Frigus enim nudos sine pellibus excruciabat
Terrigenas; at nos nil laedit veste carere
Purpurea atque auro signisque ingentibus apta,
Dum plebeia tamen sit quae defendere possit.
Ergo hominum genus incassum frustraque laborat
Semper et in curis consumit inanibus aevum,
Nimirum quia non cognovit quae sit habendi
Finis et omnino quoad crescat vera voluptas.
Idque minutatim vitam provexit in altum
Et belli magnos commovit funditus aestus.
At vigiles mundi magnum versatile templum
Sol et luna suo lustrantes lumine circum
Perdocuere homines annorum tempora verti
Et certa ratione geri rem atque ordine certo.
Iam validis saepti degebant turribus aevum,
Et divisa colebatur discretaque tellus,
Iam mare velivolis florebat puppibus; urbes
Auxilia ac socios iam pacto foedere habebant,
Carminibus cum res gestas coepere poetae
Tradere; nec multo priu' sunt elementa reperta.
Propterea quid sit prius actum respicere aetas
Nostra nequit, nisi qua ratio vestigia monstrat.
Navigia atque agri culturas, moenia, leges
Arma, vias, vestis et cetera de genere horum,
Praemia, delicias quoque vitae funditus omnis,
Carmina, picturas, et daedala signa polire,
Vsus et impigrae simul experientia mentis
Paulatim docuit pedetemptim progredientis.
Sic unumquicquid paulatim protrahit aetas
In medium ratioque in luminis erigit oras.
Namque alid ex alio clarescere corde videbant
Artibus ad summum donec venere cacumen.

Всё же убийцы извлечь из нее не могли себе пользы
Стало быть, шкуры тогда, а золото ныне и пурпур
Жизнь отравляют людей заботой и войнами мучат.
В этом, как думаю я, поколение наше виновней:
Стужа нагих и без шкур терзала людей землеродных,
Нам же, по правде, ничем не грозит недостаток багряных,
Золотом шитых одежд, изукрашенных пышным узором,
Если от холода нас защищает плебейское платье.
Так человеческий род понапрасну и тщетно хлопочет,
Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
Ни предела, доколь наслаждение истое длится.
Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море
И подняло из пучин войны великие волны.
Солнце же вместе с луной — караульщики мира, — великий
Неба вертящийся свод сияньем своим озаряя,
Людям внушили, что смена времен годовых неизменно,
Так же, как всё во вселенной, свершается в строгом порядке.
Жизнь проводили уже за оградою крепкою башен
И, на участки разбив, обрабатывать начали землю,
Море тогда зацвело кораблей парусами, и грады
Стали в союзы вступать и взаимно оказывать помощь,
Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.
Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружье, права, а также и все остальные
Жизни удобства и всё, что способно доставить усладу:
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —
Всё это людям нужда указала, и разум пытливый
Этому их научил в движеньи вперед постепенном.
Так изобретенья все понемногу наружу выводит
Время, а разум людской доводит до полного блеска.
Видели ведь, что одна за другой развиваются мысли,
И мастерство наконец их доводит до высших пределов.

LVCRETI
DE RERVM NATVRA

LIBER SEXTVS

Primae frugiparos fetus mortalibus aegris
Dididerunt quondam praeclaro nomine Athenae
Et recreaverunt vitam legesque rogarunt,
Et primae dederunt solacia dulcia vitae,
Cum genuere virum tali cum corde repertum,
Omnia veridico qui quondam ex ore profudit;
Cuius et extincti propter divina reperta
Divulgata vetus iam ad caelum gloria fertur.
Nam cum vidit hic ad victum quae flagitat usus
Omnia iam ferme mortalibus esse parata,
Et, proquam posset, vitam consistere tutam,
Divitiis homines et honore et laude potentis
Adfluere atque bona gnatorum excellere fama
Nec minus esse domi cuiquam tamen anxia cordi,
Atque animi ingratis vitam vexare sine ulla

ЛУКРЕЦИЙ
О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

КНИГА ШЕСТАЯ

Первые некогда злак, приносящий плоды, даровали
Жалкому роду людей осиянные славой Афины;
Жизнь обновили они и законы для всех учредили,
Первые подали всем утешения сладкие жизни,
Мужа родивши, таким одаренного сердцем, который
Всё объяснил нам, из уст источая правдивые речи.
Даже по смерти его откровений божественных слава,
Распространившись везде, издревле возносится к небу.
Ибо, когда он узрел, что потребное смертным для жизни
И поддержанья ее предоставлено им в изобильи,
Что обеспечена жизнь безопасностью, сколько возможно,
Что возвышает людей и богатство, и знатность, и слава,
И что кичатся они сыновей своих именем добрым,
Но тем не менее всех снедает в сердце забота,
И беспрерывно их дух угнетают невольные страхи,

Pausa atque infestis cogi saevire querelis,
Intellegit ibi vitium vas efficere ipsum,
Omniaque illius vitio corrumpier intus,
Quae collata foris et commoda cumque venirent;
Partim quod fluxum pertusumque esse videbat,
Vt nulla posset ratione explerier umquam;
Partim quod taetro quasi conspurcare sapore
Omnia cernebat, quaecumque receperat, intus.
Veridicis igitur purgavit pectora dictis.
Et finem statuit cuppedinis atque timoris,
Exposuitque bonum summum, quo tendimus omnes,
Quid foret, atque viam monstravit, tramite parvo
Qua possemus ad id recto contendere cursu,
Quidve mali foret in rebus mortalibu' passim,
Quod fieret naturali varieque volaret
Seu casu seu vi, quod sic natura parasset,
Et quibus e portis occurri cuique deceret,
Et genus humanum frustra plerumque probavit
Volvere curarum tristis in pectore fluctus.
Nam veluti pueri trepidant atque omnia caecis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum, nilo quae sunt metuenda magis quam
Quae pueri in tenebris pavitant finguntque futura.
Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
Non radii solis nec lucida tela diei
Discutiant, sed naturae species ratioque.
Quo magis inceptum pergam pertexere dictis.
    Et quoniam docui mundi mortalia templa
Esse et nativo consistere corpore caelum,
Et quaecumque in eo fiunt fierique necessest,
Pleraque dissolui, quae restant percipe porro,
Quandoquidem semel insignem conscendere currum

* * *

Ventorum exsistant, placentur ut omnia rursum

* * *

Гложет сомненье всегда и тяжкие жалобы мучат, —
Уразумел, что порок заключается в самом сосуде
И что порочность его постоянно внутри разлагает
Всё, что приходит извне, даже самые ценные вещи.
Ибо увидел он тут, что сосуд подтекает и треснул,
Так что наполнить его до краев никогда невозможно,
Да и, с другой стороны, отвратительный вкус принимает,
Видимо, всё, что внутри накопляется в этом сосуде.
Вследствие этого он правдивою речью очистил
Людям сердца и конец положил он и страсти и страху;
В чем состоит, объяснил он, высшее благо, какого
Все мы стремимся достичь, и путь указал по тропинке
Краткой, какою его достигаем мы прямо и быстро;
Сколько рассеяно зла в делах человеческих всюду,
Как, разлетаясь, оно различно людей настигает
В силу законов природы, естественно или случайно;
Он указал и врата, — откуда мы можем навстречу
Выйти ему, — доказав, что род человеческий часто
Вовсе напрасно в душе волнуется скорбной тревогой.
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.
И потому продолжаю я нить своего рассужденья.

После того, как уже объяснил я, что мира строенье
Смертно и что небеса состоят из рожденного тела,
И разобрал большинство явлений, что в них происходят
И совершаться должны, узнай теперь остальное,
Раз уж однажды взойти на высокую я колесницу

* * *

Ветров вздымается вихрь, а затем наступает затишье

* * *

Quae fuerint, sint placato conversa furore.
Cetera quae fieri in terris caeloque tuentur
Mortales, pavidis cum pendent mentibu' saepe,
Et faciunt animos humilis formidine divum
Depressosque premunt ad terram propterea quod
Ignorantia causarum conferre deorum
Cogit ad imperium res et concedere regnum.
Quorum operum causas nulla ratione videre
Possunt ac fieri divino numine rentur.
Nam bene qui didicere deos securum agere aevum,
Si tamen interea mirantur qua ratione
Quaeque geri possint, praesertim rebus in illis
Quae supera caput aetheriis cernuntur in oris,
Rursus in antiquas referuntur religiones
Et dominos acris adsciscunt, omnia posse
Quos miseri credunt, ignari quid queat esse,
Quid nequeat, finita potestas denique cuique
Quanam sit ratione atque alte terminus haerens;
Quo magis errantes caeca ratione feruntur.
Quae nisi respuis ex animo longeque remittis
Dis indigna putare alienaque pacis eorum,
Delibata deum per te tibi numina sancta
Saepe oberunt; non quo violari summa deum vis
Possit, ut ex ira poenas petere imbibat acris,
Sed quia tute tibi placida cum pace quietos
Constitues magnos irarum volvere fluctus,
Nec delubra deum placido cum pectore adibis,
Nec de corpore quae sancto simulacra feruntur
In mentis hominum divinae nuntia formae,
Suscipere haec animi tranquilla pace valebis.
Inde videre licet qualis iam vita sequatur.
Quam quidem ut a nobis ratio verissima longe
Reiciat, quamquam sunt a me multa profecta,
Multa tamen restant et sunt ornanda politis
Versibus; est ratio caeli speciesque tenenda,

Было, меняется вновь, умиривши свое бушеванье.
Всё остальное, что здесь на земле созерцают и в небе
Смертные, часто притом ощущая и страх и смущенье,
Дух принижает у них от ужаса перед богами
И заставляет к земле поникать головой, потому что
В полном незнаньи причин вынуждаются люди ко власти
Вышних богов прибегать, уступая им царство над миром.
Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что все это божьим веленьем творится.
Ибо и те, кто познал, что боги живут безмятежно,
Всё-таки, если начнут удивляться, каким же порядком
Всё происходит кругом, особенно то, что мы видим
Над головою у нас, в беспредельных пространствах эфира,
Часто они обращаются вновь к суевериям древним
И признают над собой, несчастные, строгих хозяев,
Веруя в то, что они всемогущи, не зная, что̀ может
Происходить, что̀ не может, какая конечная сила
Каждой вещи дана и какой ей предел установлен.
Так в ослепленьи с пути еще больше сбиваются люди.
Если же ты из души не извергнешь, отринув далеко,
Мысли, какие богов недостойны и миру их чужды,
За умаленье тобой святыни божественной вышних
Тяжко поплатишься ты; потому что, хотя невозможно
Вышних прогневать богов и заставить отмщеньем упиться,
Вообразишь ты, что их, пребывающих в мирном покое,
Будто бы гнева валы, вздымаясь высоко, волнуют;
С сердцем спокойным тогда не пойдешь ты к святилищам божьим,
Также и призраков тех, что от плоти священной исходят
В мысли людей и дают представленье о божеском лике,
Ты не сумеешь принять в совершенном спокойствии духа.
Можно отсюда понять, что̀ за жизнь воспоследует дальше!
Чтобы подобную жизнь познание истины вовсе
Нам помогло устранить, то хотя уже многое раньше
Я объяснил, но еще остается немало стихами
Гладкими мне изложить и законы небесных явлений

Sunt tempestates et fulmina clara canenda,
Quid faciant et qua de causa cumque ferantur;
Ne trepides caeli divisis partibus amens,
Vnde volans ignis pervenerit aut in utram se
Verterit hinc partem, quo pacto per loca saepta
Insinuarit, et hinc dominatus ut extulerit se.
Quorum operum causas nulla ratione videre
Possunt ac fieri divino numine rentur.
Tu mihi supremae praescripta ad candida calcis
Currenti spatium praemonstra, callida Musa
Calliope, requies hominum divumque voluptas,
Te duce ut insigni capiam cum laude coronam.
Principio tonitru quatiuntur caerula caeli
Propterea quia concurrunt sublime volantes
Aetheriae nubes contra pugnantibu' ventis.
Nec fit enim sonitus caeli de parte serena,
Verum ubicumque magis denso sunt agmine nubes,
Tam magis hinc magno fremitus fit murmure saepe.
Praeterea neque tam condenso corpore nubes
Esse queunt quam sunt lapides ac tigna, neque autem
Tam tenues quam sunt nebulae fumique volantes.
Nam cadere aut bruto deberent pondere pressae
Vt lapides, aut ut fumus constare nequirent
Nec cohibere nives gelidas et grandinis imbris.
Dant etiam sonitum patuli super aequora mundi,
Carbasus ut quondam magnis intenta theatris
Dat crepitum malos inter iactata trabesque,
Interdum perscissa furit petulantibus auris
Et fragilis sonitus chartarum commeditatur.
Id quoque enim genus in tonitru cognoscere possis,
Aut ubi suspensam vestem chartasque volantis
Verberibus venti versant planguntque per auras.
Fit quoque enim interdum ut non tam concurrere nubes
Frontibus adversis possint quam de latere ire
Diverso motu radentes corpora tractim,

В них охватить, и воспеть непогоды и молний блистанье, —
Что̀ производят они, от какой возникают причины,
Чтоб, на участки разбив небосвод, не дрожал ты безумно,
Силясь всё время понять, откуда явился летучий
Неба огонь и куда повернулся, и как через стены
Внутрь он проник и оттоль, нахозяйничав, выбился снова.
Этих явлений причин усмотреть и понять не умеют
И полагают, что все это божьим веленьем творится.
Ныне ж, когда я стремлюсь последней намеченной цели
Бега достичь, укажи мне путь, хитроумная Муза,
Ты, Каллиопа, отрада людей и бессмертных услада,
Дабы, ведомый тобой, стяжал я венок достославный.

Прежде всего, небеса лазурные гром сотрясает
В силу того, что, летя высоко в пространствах эфира,
Тучи сшибаются там под натиском ветров противных.
Ведь не доносится звук из части безоблачной неба,
Там же, где тучи, толпой собравшись, сплотятся, оттуда
Чаще всего раздаются раскаты громо́вых ударов.
Далее, тучи никак из такого же плотного тела,
Как и каменья и лес, состоять безусловно не могут
Или же редкими быть, как летучие дым и туманы,
Ибо от тяжести вниз они падали б грузно, как камни,
Иль, как и дым, никогда не могли бы ни крепко держаться,
Ни заключать ни холодных снегов ни дождей градоносных.
Звук раздается из туч по просторам обширного мира,
Шуму подобный тому, что, натянутый сверху театра,
Парус порой издает, меж шестов колыхаясь и брусьев,
Или неистово он, своевольным разодранный ветром,
Треск производит такой, как будто бы рвется бумага;
Можешь подобный же звук различить ты и в рокоте грома
Или же платье когда висящее или бумаги
Листья летящие бьет и крутит по воздуху ветер.
Может случиться и так, что не только сшибаются тучи
В лоб, а идут иногда навстречу друг другу обходом,
Двигаясь с разных сторон, и медленно трутся краями;

Aridus unde auris terget sonus ille diuque
Ducitur, exierunt donec regionibus artis.
Hoc etiam pacto tonitru concussa videntur
Omnia saepe gravi tremere et divulsa repente
Maxima dissiluisse capacis moenia mundi,
Cum subito validi venti collecta procella
Nubibus intorsit sese, conclusaque ibidem
Turbine versanti magis ac magis undique nubem
Cogit uti fiat spisso cava corpore circum,
Post ubi comminuit vis eius et impetus acer,
Tum perterricrepo sonitu dat scissa fragorem.
Nec mirum, cum plena animae vesicula parva
Saepe ita dat magnum sonitum displosa repente.
Est etiam ratio, cum venti nubila perflant,
Vt sonitus faciant. Etenim ramosa videmus
Nubila saepe modis multis atque aspera ferri;
Scilicet, ut, crebram silvam cum flamina Cauri
Perflant, dant sonitum frondes ramique fragorem.
Fit quoque ut interdum validi vis incita venti
Perscindat nubem perfringens impete recto.
Nam quid possit ibi flatus manifesta docet res,
Hic, ubi lenior est, in terra cum tamen alta
Arbusta evolvens radicibus haurit ab imis.
Sunt etiam fluctus per nubila, qui quasi murmur
Dant in frangendo graviter; quod item fit in altis
Fluminibus magnoque mari, cum frangitur aestus.
Fit quoque, ubi e nubi in nubem vis incidit ardens
Fulminis, haec multo si forte umore recepit
Ignem, continuo magno clamore trucidat;
Vt calidis candens ferrum e fornacibus olim
Stridit, ubi in gelidum propere demersīmus imbrem.
Aridior porro si nubes accipit ignem,
Vritur ingenti sonitu succensa repente;
Lauricomos ut si per montis flamma vagetur
Turbine ventorum comburens impete magno;

Звуки сухие тогда раздирают нам уши и долго
Длятся, пока не пройдут теснинами узкими тучи.
    Также бывает еще, что порой представляется, будто
Громом колеблется всё, и что будто распались внезапно
Мощные все на куски мирозданья обширного стены,
Если, мгновенно скопив свои силы, неистовый ветер
Бурей влетит в облака и, ворвавшись туда, заключенный,
Вихрем крутящимся он сильней и сильней отовсюду
Тучи сжимает края, образуя внутри ее полость;
После ж, как силой ее и напором он резким ослабит,
Тотчас ужаснейший треск производит она, разорвавшись.
Странного нет: и пузырь, наполненный воздухом, так же
Хлопает громко, когда разрывается, лопнув внезапно.
    Можно и так объяснить, что, когда через облако дует
Ветер, разносится шум. Мы же видим, что часто по небу,
Всячески тучи ветвясь, громадой неровною мчатся.
Так, когда в чаще лесной, проносясь от полуночи, ветер
Дует, шумит и листва, и ветви трещат на деревьях.
А иногда, наскочив с необузданной силой на тучу,
Ветер с налёту ее разрывает и в клочья разносит.
Сила порыва его совершенно для нас очевидна:
Даже и здесь на земле, где гораздо слабее он дует,
Он вырывает легко деревья высокие с корнем.
В тучах бывают еще и волны, которые будто
Рокот глухой издают, разбиваясь. В прибое глубоких
Рек и обширных морей подобный же звук раздается.
Также бывает еще, коли в тучу из тучи палящий
Молньи ударит огонь, то, обдавши обильною влагой,
Туча на месте его убивает с неистовым ревом.
Так и железо шипит, когда раскаленным из горна
Жаркого сразу его погружаем в холодную воду.
Если ж, напротив, огонь попадает на тучу сухую,
С шумом великим она загорается, вспыхнув мгновенно.
Так, когда пламя бежит горами, поросшими лавром,
Всё сожигает оно с налёту, гонимое ветром,

Nec res ulla magis quam Phoebi Delphica laurus
Terribili sonitu flamma crepitante crematur.
Denique saepe geli multus fragor atque ruina
Grandinis in magnis sonitum dat nubibus alte.
Ventus enim cum confercit, franguntur, in artum
Concreti montes nimborum et grandine mixti.
Fulgit item, nubes ignis cum semina multa
Excussere suo concursu; ceu lapidem si
Percutiat lapis aut ferrum; nam tum quoque lumen
Exsilit et claras scintillas dissipat ignis.
Sed tonitrum fit uti post auribus accipiamus,
Fulgere quam cernant oculi, quia semper ad auris
Tardius adveniunt, quam visum quae moveant, res.
Id licet hinc etiam cognoscere, cadere si quem
Ancipiti videas ferro procul arboris auctum,
Ante fit ut cernas ictum quam plaga per auris
Det sonitum. Sic fulgorem quoque cernimus ante
Quam tonitrum accipimus, pariter qui mittitur igni
E simili causa, concursu natus eodem.
Hoc etiam pacto volucri loca lumine tingunt
Nubes et tremulo tempestas impete fulgit.
Ventus ubi invasit nubem et versatus ibidem
Fecit ut ante cavam docui spissescere nubem,
Mobilitate sua fervescit; ut omnia motu
Percalefacta vides ardescere, plumbea vero
Glans etiam longo cursu volvenda liquescit.
Ergo fervidus hic nubem cum perscidit atram,
Dissipat ardoris quasi per vim expressa repente
Semina, quae faciunt nictantia fulgura flammae;
Inde sonus sequitur, qui tardius adficit auris
Quam quae perveniunt oculorum ad lumina nostra.
Scilicet, hoc densis fit nubibus et simul alte
Exstructis aliis alias super impete miro;
Ne tibi sit frudi quod nos inferne videmus
Quam sint lata magis quam sursum exstructa quid exstent.

Ибо ничто не горит с таким ужасающим шумом
И не трещит, запылав, как Феба Дельфийские лавры.
Часто гремят, наконец, и рушатся с грохотом громким
Льдины и град, высоко в облаках сокрушаясь огромных,
Ибо, коль ветер сожмет и стеснит их, ломаются горы
Сдавленных туч снеговых, перемешанных с градом холодным.

Молния также блестит, когда тучи в своем столкновеньи
Много семян выбивают огня. Точно так же, как камень
Если о камень другой иль железо ударится, тотчас
Вспыхнет огонь и кругом рассыпает блестящие искры.
Гром раздается в ушах поздней, чем глаза различают
Молнии блеск, потому что всегда до ушей достигают
Медленней звуки, чем то, что дает впечатления глазу.
В этом нетрудно тебе убедиться: коль издали смотрим,
Как дровосек топором двусторонним деревья срубает,
Видим мы раньше удар, а потом уже звук раздается
В наших ушах. Потому мы и молнию видим сначала,
Прежде чем слышится гром, с огнем возникающий вместе,
В силу таких же причин и таких же совсем столкновений.

Также бывает еще, что тучи окрасят окрестность
Светом летучим в грозе, сверкающей трепетным блеском,
Ежели, в тучу влетев, закружится ветер, сжимая,
Как указал я уже, изнутри по краям ее полость;
Разгорячается он от движенья, как всё остальное,
Двигаясь, — видишь, — горит, распалившись: свинцовые даже
Ядра, коль долго летят, растопляются в быстром вращеньи.
Так что, когда разорвет раскаленный он черную тучу,
То рассыпает огня семена, как бы силой внезапной
Выжавши их, и дают они молний сверкающих пламя.
Следом за этим и звук раздается, но он поражает
Уши позднее, чем то, что доходит до нашего глаза.
Это, конечно, всегда при густых облаках происходит,
Мощною кучей вверху взгроможденных одно на другое.
Пусть не вводит тебя в заблужденье, что снизу мы видим
Больше, как вширь раздались, чем как ввысь облака громоздятся.

Contemplator enim, cum montibus assimulata
Nubila portabunt venti transversa per auras,
Aut ubi per magnos montis cumulata videbis
Insuper esse aliis alia atque urgere superne
In statione locata sepultis undique ventis.
Tum poteris magnas moles cognoscere eorum
Speluncasque velut saxis pendentibu' structas
Cernere, quas venti cum tempestate coorta
Complerunt, magno indignantur murmure clausi
Nubibus, in caveisque ferarum more minantur;
Nunc hinc nunc illinc fremitus per nubila mittunt,
Quaerentesque viam circum versantur, et ignis
Semina convolvunt e nubibus atque ita cogunt
Multa, rotantque cavis flammam fornacibus intus,
Donec divulsa fulserunt nube corusci.
Hac etiam fit uti de causa mobilis ille
Devolet in terram liquidi color aureus ignis,
Semina quod nubis ipsas permulta necessust
Ignis habere; etenim cum sunt umore sine ullo,
Flammeus est plerumque colos et splendidus ollis.
Quippe etenim solis de lumine multa necessest
Concipere, ut merito rubeant ignisque profundant.
Hasce igitur cum ventus agens contrusit in unum
Compressitque locum cogens, expressa profundunt
Semina, quae faciunt flammae fulgere colores.
Fulgit item, cum rarescunt quoque nubila caeli.
Nam cum ventus eas leviter diducit euntis
Dissoluitque, cadant ingratis illa necessest
Semina quae faciunt fulgorem. Tum sine taetro
Terrore et sonitu fulgit nulloque tumultu.
Quod superest, quali natura praedita constent
Fulmina, declarant ictus et inusta vaporis
Signa notaeque gravis halantes sulpuris auras.
Ignis enim sunt haec non venti signa neque imbris.
Praeterea saepe accendunt quoque tecta domorum

Ты посмотри как-нибудь, как горам подобные тучи
В воздухе мчатся вперед, накреняясь под натиском ветра,
Или взгляни, как они, на высоких горах накопившись,
Кучами в небе сошлись, напирая одна на другую,
И неподвижно стоят, когда замерли ветры повсюду.
Сможешь тогда ты понять, насколько громады их мощны,
И различить среди них пещеры, как будто из камней
Сверху нависших. И вот, при поднявшейся буре, их полнят
Ветры и бесятся там, в облаках заключенные, с громким
Рокотом, грозно ворча в глубинах, как дикие звери,
И то оттуда их рев в облаках, то отсюда несется:
Выхода ищут они и огня семена извлекают,
Вихрем крутяся, из туч и, добыв их во множестве, гонят
Пламя внутрь очагов раскаленных, и там его вертят
Вплоть до того, как сверкнут они молнией, тучи прорвавши.

Также еще и по той причине подвижно-летучий
Блеск золотистый огня текучего наземь слетает,
Что и в самих облаках семян огневых несомненно
Множество есть; а когда в них влажности нету нисколько,
Обыкновенно тогда они огненно-яркого цвета.
Дело ведь в том, что они должны позаимствовать много
Света от солнца, чтоб так и алеть и сиять, пламенея.
Если же ветер, гоня и сжимая, собьет их все вместе,
Тотчас они из себя семена испускать начинают,
Производящие блеск и сияние огненных молний.
Молния также блестит, когда тучи редеют на небе.
Ибо, когда на ходу их ветер легонько развеет
И разорвет, то из них, поневоле тогда выпадая,
Молний летят семена. Но при этом ужасных раскатов
Грома не слышно: блестит безо всякого шума зарница.

Мне остается сказать, какой обладает природой
Молния. Это удар выясняет ее, огневые
Знаки, что выжжет она, и удушливый запах их серный.
Всё это — знаки огня, но отнюдь не дождя и не ветра.
Молнии, кроме того, зажигают и крыши построек,

Et celeri flamma dominantur in aedibus ipsis.
Hunc tibi subtilem cum primis ignibus ignem
Constituit natura minutis mobilibusque
Corporibus, cui nil omnino obsistere possit.
Transit enim validum fulmen per saepta domorum,
Clamor ut ac voces, transit per saxa, per aera,
Et liquidum puncto facit aes in tempore et aurum,
Curat item vasis integris vina repente
Diffugiant, quia, nimirum, facile omnia circum
Collaxat rareque facit lateramina vasis
Adveniens calor eius et insinuatus in ipsum
Mobiliter soluens differt primordia vini.
Quod solis vapor aetatem non posse videtur
Efficere usque adeo pollens fervore corusco.
Tanto mobilior vis et dominantior haec est.

Nunc ea quo pacto gignantur et impete tanto
Fiant, ut possint ictu discludere turris,
Disturbare domos, avellere tigna trabesque,
Et monumenta virum commoliri atque ciere,
Exanimare homines, pecudes prosternere passim,
Cetera de genere hoc qua vi facere omnia possint,
Expediam, neque te in promissis plura morabor.

Fulmina gignier e crassis alteque putandumst
Nubibus exstructis; nam caelo nulla sereno
Nec leviter densis mittuntur nubibus umquam.
Nam dubio procul hoc fieri manifesta docet res;
Quod tum per totum concrescunt aera nubes,
Vndique uti tenebras omnis Acherunta reamur
Liquisse et magnas caeli complesse cavernas.
Vsque adeo taetra nimborum nocte coorta
Impendent atrae formidinis ora superne,
Cum commoliri tempestas fulmina coeptat.
Praeterea persaepe niger quoque per mare nimbus,
Vt picis e caelo demissum flumen, in undas
Sic cadit effertus tenebris procul et trahit atram

Да и внутри их они начинают хозяйничать быстро.
Этот тончайший огонь из огней, существующих в мире,
Сделан природою весь из мельчайших и самых подвижных
Тел, для которых ничто не в силах поставить преграды.
Даже сквозь стены домов проникают могучие молньи,
Как голоса или крик: проникают сквозь медь, сквозь каменья
И расплавляют они как медь, так и золото мигом;
Делают так, что вино, — хотя бы кувшин и не треснул, —
Всё испаряется вдруг, потому что, конечно, легко им
Стенки сосуда везде и расширить и редкими сделать,
Их раскаляя огнем, который, внутрь проникая,
Первоначала вина разлагает и живо разносит.
Этого солнечный жар и ввек не способен, как видно,
Сделать, как бы он ни был сверкающим пламенем мощен:
Столь несравненно мощней и подвижнее молнии сила.

Ну, а теперь почему рождаются молньи и могут
Столь сокрушительны быть, что способны разрушить ударом
Башни, дома развалить и вывертывать балки и бревна,
И монументы мужей потрясать и крушить, низвергая,
Насмерть людей убивать и стада поражать где угодно, —
Силой какою они производят и всё остальное,
Я объясню и тебя не буду томить ожиданьем.

Молнии, надо считать, из высоких и толстых родятся
Облачных куч потому, что из чистого неба иль легких
И негустых облаков никогда их у нас не бывает.
Ибо сомнения нет, да и всем очевидно и ясно,
Что при грозе небосвод целиком облака застилают,
Так что как будто бы весь с Ахеронта поднявшийся сумрак
Вырвался вон, захватив и заполнив небесные своды:
Вот до чего, когда черная ночь возникает из тучи,
Ужаса мрачного лик угрожает нам, сверху нависнув,
Только лишь станет гроза собираться и молньи заблещут.
Часто же, кроме того, надвигается издали в море
Грозная туча, густой напоенная тьмою, как черный
С неба поток смоляной, и чреватую молнией бурю

Fulminibus gravidam tempestatem atque procellis,
Ignibus ac ventis cum primis ipse repletus,
In terra quoque ut horrescant ac tecta requirant.
Sic igitur supera nostrum caput esse putandumst
Tempestatem altam. Neque enim caligine tanta
Obruerent terras, nisi inaedificata superne
Multa forent multis exempto nubila sole;
Nec tanto possent venientes opprimere imbri,
Flumina abundare ut facerent camposque natare,
Si non exstructis foret alte nubibus aether.
Hic igitur ventis atque ignibus omnia plena
Sunt; ideo passim fremitus et fulgura fiunt.
Quippe etenim supra docui permulta vaporis
Semina habere cavas nubis, et multa necessest
Concipere ex solis radiis ardoreque eorum.
Hoc ubi ventus eas idem qui cogit in unum
Forte locum quemvis, expressit multa vaporis
Semina seque simul cum eo commiscuit igni,
Insinuatus ibi vertex versatur in arto
Et calidis acuit fulmen fornacibus intus.
Nam duplici ratione accenditur, ipse sua cum
Mobilitate calescit et e contagibus ignis.
Inde ubi percaluit venti vis et gravis ignis
Impetus incessit, maturum tum quasi fulmen
Perscindit subito nubem, ferturque coruscis
Omnia luminibus lustrans loca percitus ardor.
Quem gravis insequitur sonitus, displosa repente
Opprimere ut caeli videantur templa superne.
Inde tremor terras graviter pertemptat, et altum
Murmura percurrunt caelum; nam tota fere tum
Tempestas concussa tremit fremitusque moventur.
Quo de concussu sequitur gravis imber et uber,
Omnis uti videatur in imbrem vertier aether
Atque ita praecipitans ad diluviem revocare:
Tantus discidio nubis ventique procella

Мрачную тащит с собой; и сама, и огнями и ветром
Обремененная, так низвергается сверху на волны,
Что и на суше дрожат и под кровли бросаются люди.
Значит, должны мы считать, что высоко скопляются грозы
Над головою у нас. Ибо иначе тучи на землю
Мглы не спускали б такой, не будь они кучей на кучу
Взгромождены наверху, затмевая сияние солнца;
И не могли бы они разражаться такими дождями,
Чтобы и реки вздувать и водами полнить равнины,
Если б строения их не вздымались высоко в эфире.
Значит, наполнено здесь и ветрами всё и огнями,
А из-за этого гром и молнии всюду бывают.
Ибо, как я указал, в облаках заключается полых
Множество жара семян, и к тому ж они много вбирают
Их и от солнца лучей и от пламени их несомненно.
Так что, коль где-нибудь вдруг облака соберутся, и ветер
Тот же, какой их согнал, из них выжимать начинает
Множество жара семян и с огнем их мешается вместе,
Вихрем он мечется там и крутится, проникнув в теснины,
И заостряет внутри очага раскаленного молньи.
Ибо от двух он причин загорается: иль накаляясь
Быстрым движеньем своим, или тем, что к огням прикоснется.
Лишь накалится он сам своей собственной силой иль мощным
Пылом огня наконец, то молния, как бы созревши,
Вдруг разорвет облака, и проносится пламенем ярким
Быстро сверканье ее, заливая окрестности светом.
Следует тяжкий удар, как будто бы, лопнув внезапно,
Рушится весь небосвод и грозит обвалиться на землю.
Там и земля сотрясается вся, и проносится в небе
Дальнем громовый раскат, грохоча, ибо этой порою
Буря повсюду уже разражается рокотом грозным.
А за ударом такой разражается дождь изобильный,
Будто бы весь целиком эфир обращается в ливень
И, низвергаясь, опять земле угрожает потопом:
Столько тут хлещет воды в урагане бушующем ветра

Mittitur, ardenti sonitus cum provolat ictu.
Est etiam cum vis extrinsecus incita venti
Incidit in validam maturo culmine nubem;
Quam cum perscidit, extemplo cadit igneus ille
Vertex, quem patrio vocitamus nomine fulmen.
Hoc fit idem in partis alias, quocumque tulit vis.
Fit quoque ut interdum venti vis missa sine igni
Igniscat tamen in spatio longoque meatu,
Dum venit, amittens in cursu corpora quaedam
Grandia, quae nequeunt pariter penetrare per auras;
Atque alia ex ipso corradens aera portat
Parvula, quae faciunt ignem commixta volando;
Non alia longe ratione ac plumbea saepe
Fervida fit glans in cursu, cum multa rigoris
Corpora dimittens ignem concepit in auris.
Fit quoque ut ipsius plagae vis excitet ignem,
Frigida cum venti pepulit vis missa sine igni,
Nimirum, quia, cum vementi perculit ictu,
Confluere ex ipso possunt elementa vaporis,
Et simul ex illa quae tum res excipit ictum.
Vt, lapidem ferro cum caedimus, evolat ignis,
Nec, quod frigida vis ferrist, hoc setius illi
Semina concurrunt calidi fulgoris ad ictum:
Sic igitur quoque res accendi fulmine debet,
Opportuna fuit si forte et idonea flammis.
Nec temere omnino plane vis frigida venti
Esse potest, ea quae tanta vi missa supernest,
Quin, prius in cursu si non accenditur igni,
At tepefacta tamen veniat commixta calore.
    Mobilitas autem fit fulminis et gravis ictus,
Et celeri ferme percurrunt fulmina lapsu,
Nubibus ipsa quod omnino prius incita se vis
Colligit et magnum conamen sumit eundi,
Inde ubi non potuit nubes capere impetis auctum,
Exprimitur vis atque ideo volat impete miro,

Вниз из разорванных туч при сверкании молний и громе.
Также откуда-то вдруг налетает с неистовой силой
Ветер на тучу уже с готовой свалиться вершиной.
Лишь разорвет он ее, как сейчас же тут вихрь вылетает
Огненный, что́ на родном языке называем мы молньей.
Это бывает везде, откуда бы ветер ни мчался.
А иногда без огня поднявшийся с силою ветер
Воспламеняется всё ж в продолжение долгой дороги.
Двигаясь, он на ходу теряет такие из крупных
Тел, для которых нельзя с остальными пробиться сквозь воздух;
Вместе же с тем из него на себе он выносит другие —
Мелкие, что, на лету примешавшись, огонь образуют.
Тем же, примерно, путем и свинцовые ядра нередко
Могут горячими стать на бегу, когда, много холодных
Выпустив тел из себя, они в воздухе жар набирают.
Часто, чтоб вспыхнул огонь, достаточно силы удара,
Даже когда без огня холодный врывается ветер.
Не мудрено: коль толчок оказался достаточно мощным,
Жа́ра стихиям сойтись возможно из самого ветра
И, вместе с тем, из того, что при этом удар получило.
Так вылетает огонь при ударе железом о камень,
И хотя сила его холодна, тем не менее вместе
Жаркие искр семена сбегаются тут от удара.
Так же поэтому все должно загораться от молний,
Если доступно огню и способно от пламени вспыхнуть.
Но и нельзя допустить, чтобы ветер, который несется
Сверху напором таким, совершенно холодным остался.
Если же сам на лету не успел он еще загореться,
Всё же нагревшимся он налетает и с примесью жара.

Молньи стремителен бег, и разит она тяжким ударом,
И с быстротою всегда чрезвычайной скользит при полете
Из-за того, что сама в облаках набирается силы,
Прежде чем вылетит вон, получая огромную скорость.
А когда больший напор ее выдержать туча не может,
Вырвавшись тут, вылетает она с изумительной силой,

Vt validis quae de tormentis missa feruntur.
Adde quod e parvis et levibus est elementis,
Nec facilest tali naturae obsistere quicquam.
Inter enim fugit ac penetrat per rara viarum,
Non igitur multis offensibus in remorando
Haesitat, hanc ob rem celeri volat impete labens.
Deinde, quod omnino natura pondera deorsum
Omnia nituntur, cum plagast addita vero,
Mobilitas duplicatur et impetus ille gravescit,
Vt vementius et citius quaecumque morantur
Obvia discutiat plagis itinerque sequatur.
Denique quod longo venit impete, sumere debet
Mobilitatem etiam atque etiam, quae crescit eundo
Et validas auget viris et roborat ictum.
Nam facit ut quae sint illius semina cumque
E regione locum quasi in unum cuncta ferantur,
Omnia coniciens in eum volventia cursum.
Forsitan ex ipso veniens trahat aere quaedam
Corpora, quae plagis incendunt mobilitatem.
Incolumisque venit per res atque integra transit
Multa, foraminibus liquidus quia transviat ignis.
Multaque perfringit, cum corpora fulminis ipsa
Corporibus rerum inciderunt, qua texta tenentur.
Dissoluit porro facile aes aurumque repente
Confervefacit, e parvis quia facta minute
Corporibus vis est et levibus ex elementis,
Quae facile insinuantur et insinuata repente
Dissoluunt nodos omnis et vincla relaxant.
Autumnoque magis stellis fulgentibus apta
Concutitur caeli domus undique totaque tellus,
Et cum tempora se veris florentia pandunt.
Frigore enim desunt ignes, ventique calore
Deficiunt neque sunt tam denso corpore nubes.
Interutrasque igitur cum caeli tempora constant,
Tum variae causae concurrunt fulminis omnes.

Вроде того, как снаряд из могучих несется орудий.
Кроме того, элементы ее и мелки и гладки,
И потому не легко для молньи поставить преграды.
Внутрь проникает она и проходит по пористым ходам,
Без промедленья скользя, и не много встречает препятствий,
Из-за чего и летит неуклонным и быстрым стремленьем.
И от природы, затем, все тяжести без исключенья
Книзу стремятся лететь; когда же толчок сообщен им,
Скорость их вдвое сильней. И стремленье поэтому молньи
Столь велико, что она без задержек и резко и быстро
Всё сокрушает в пути пред собой и проносится дальше.
Издалека, наконец, начиная стремление, будет
Скорость она набирать, а скорость, растя при движеньи,
Всё усиляет ее и удар ее делает резче:
Молнии все семена заставляет она уноситься
Прямо вперед и в одно, скажу я, какое-то место,
Вместе сбивая их все и крутя их в одном направленьи.
Некие также тела извлекает из воздуха молнья,
Может быть, тут и они разжигают ей скорость толчками.
Не причиняя вреда, она много предметов пронзает,
Ибо текучим огнем без ущерба сквозь поры проходит.
Много и рушит она, коль столкнется своими телами
Прямо с телами вещей, где тела эти связь образуют.
Далее, молния медь распускает и золото сразу
Плавит легко потому, что сама из до крайности мелких
Тел основных состоит, да и гладких притом элементов,
Что проникают в нутро без труда; и, проникнув, внезапно
Все распускает узлы и все связи в вещах ослабляет.
    Осенью чаще всего осиянные звездами ярко
Неба чертоги дрожат, и земля сотрясается всюду,
Или как только весна открывается, вся расцветая.
В зимнюю пору огней нехватает, а в летнюю—ветров
Мало, и тучи тогда не достаточно плотны бывают.
Осенью ж или весной, между стужей и жаркой погодой,
Соединяются все разнородные молний причины:

Nam fretus ipse anni permiscet frigus et aestum,
Quorum utrumque opus est fabricanda ad fulmina nubi,
Vt discordia sit rerum magnoque tumultu
Ignibus et ventis furibundus fluctuet aer.
Prima caloris enim pars est postrema rigoris:
Tempus id est vernum; quare pugnare necessest
Dissimilis inter se res turbareque mixtas.
Et calor extremus primo cum frigore mixtus
Volvitur, autumni quod fertur nomine tempus,
Hic quoque confligunt hiemes aestatibus acres.
Propterea freta sunt haec anni nominitanda,
Nec mirumst, in eo si tempore plurima fiunt
Fulmina tempestasque cietur turbida caelo,
Ancipiti quoniam bello turbatur utrimque,
Hinc flammis, illinc ventis, umoreque mixto.
Hoc est igniferi naturam fulminis ipsam
Perspicere et qua vi faciat rem quamque videre,
Non Tyrrhena retro volventem carmina frustra
Indicia occultae divum perquirere mentis,
Vnde volans ignis pervenerit aut in utram se
Verterit hinc partem, quo pacto per loca saepta
Insinuarit, et hinc dominatus ut extulerit se,
Quidve nocere queat de caelo fulminis ictus.
Quod si Iuppiter atque alii fulgentia divi
Terrifico quatiunt sonitu caelestia templa
Et iaciunt ignem quo cuiquest cumque voluptas,
Cur quibus incautum scelus aversabile cumquest
Non faciunt icti flammas ut fulguris halent
Pectore perfixo, documen mortalibus acre,
Et potius nulla sibi turpi conscius in re
Volvitur in flammis innoxius inque peditur
Turbine caelesti subito correptus et igni?
Cur etiam loca sola petunt frustraque laborant?
An tum bracchia consuescunt firmantque lacertos?
In terraque patris cur telum perpetiuntur

Года тогда перебой жару с холодами мешает;
Тучам же нужно и то и другое для деланья молний,
Чтобы в природе разлад наступил, чтобы в бурном смятеньи
Ветров с огнями вскипел разъяренный волнением воздух.
Зноя начало с концом совпадает последним мороза:
Это приходит весна; и поэтому надо бороться
Разным друг с другом вещам и мешаться в пылу этой схватки.
Если же зной под конец со стужей мешается первой
В круговороте времен,—говорим мы, что осень настала,—
Тут точно так же зима воюет, жестокая, с летом.
Смены такие назвать мы должны перебоями года.
Не мудрено, что тогда особенно много бывает
Молний и гроз, и, шумя, проносятся пó небу бури.
Ибо сшибаются тут в борьбе постоянной друг с другом
Пламя, отсюда летя, и ветер и ливень—оттуда.

Это возможность дает вполне разобраться в природе
Молний и видеть, какой они силою всё производят;
Нечего рыться тебе понапрасну в Тирренских вещаньях;
Чтоб указаний искать сокровенной божественной воли,
Силясь всё время понять, откуда явился летучий
Неба огонь и куда повернулся, и как через стены
Внутрь он проник и оттоль, нахозяйничав, выбился снова,
Или же чем повредить может молния, с неба ударив.
Если Юпитер и с ним остальные всевышние боги
Грохотом грозным небес потрясают блестящие своды
И низвергают огонь, руководствуясь собственной волей,
То почему же у них не боящийся гнусных проступков
Не поражается так, чтобы грудью пронзенною пламя
Молнии он выдыхал в назиданье суровое смертным?
И почему за собой злодеяний не знающий грязных
Пламенем часто объят и, невинный, бывает подхвачен
Вихрем внезапным с небес и огнем пожирается тут же?
Или к чему бы искать им пустынь и напрасно трудиться?
Разве, чтоб руки у них упражнялись и мускулы крепли?
Как допускать, чтобы стрелы Отца притуплялись о землю?

Obtundi? Cur ipse sinit neque parcit in hostis?
Denique cur numquam caelo iacit undique puro
Iuppiter in terras fulmen sonitusque profundit?
An simul ac nubes successere, ipse in eas tum
Descendit, prope ut hinc teli determinet ictus?
In mare qua porro mittit ratione? quid undas
Arguit et liquidam molem camposque natantis?
Praeterea si vult caveamus fulminis ictum,
Cur dubitat facere ut possimus cernere missum?
Si nec opinantis autem vult opprimere igni,
Cur tonat ex illa parte, ut vitare queamus,
Cur tenebras ante et fremitus et murmura concit?
Et simul in multas partis qui credere possis
Mittere? An hoc ausis numquam contendere factum,
Vt fierent ictus uno sub tempore plures?
At saepest numero factum fierique necessest,
Vt pluere in multis regionibus et cadere imbris,
Fulmina sic uno fieri sub tempore multa.
Postremo cur sancta deum delubra suasque
Discutit infesto praeclaras fulmine sedis
Et bene facta deum frangit simulacra suisque
Demit imaginibus violento vulnere honorem?
Altaque cur plerumque petit loca plurimaque eius
Montibus in summis vestigia cernimus ignis?
Quod superest, facilest ex his cognoscere rebus,
Presteras Grai quos ab re nominitarunt,
In mare qua missi veniant ratione superne.
Nam fit ut interdum tamquam demissa columna
In mare de caelo descendat, quam freta circum
Fervescunt graviter spirantibus incita flabris,
Et quaecumque in eo tum sint deprensa tumultu
Navigia in summum veniant vexata periclum.
Hoc fit ubi interdum non quit vis incita venti
Rumpere quam coepit nubem, sed deprimit, ut sit
In mare de caelo tamquam demissa columna,

Как это терпит он сам? Почему на врагов не хранит их?
И почему, наконец, Юпитер ни разу на землю
Молнии с чистых небес не метнет, да и громом не грянет?
Что же? Иль тучи он ждет, чтобы, став на нее, опуститься
Ближе к земле самому и удар повернее направить?
Ну, а к чему же в моря он метит? И чем провинились
Волны пред ним, что он бьет по пучине и водным равнинам?
И, захоти он к тому ж остеречь нас от молньи удара,
Что ж уклоняться ему разряд ее видимым сделать?
Если же нас поражать огнем он желает нежданно,
Что ж он оттуда гремит и дает нам возможность укрыться?
Что же наводит он мрак и заранее глухо грохочет?
Да и поверишь ли ты, чтобы в разные стороны сразу
Молнию мог он метать? Иль дерзнешь с очевидностью спорить,
Что раздается порой одновременно много ударов?
Часто случается так и должно непременно случаться,
Что, как во многих местах начинается дождь или ливень,
Так начинает блистать одновременно множество молний.
Капища все, наконец, святые богов и свои же
Пышные храмы зачем разрушает он молнией грозной,
Иль изваянья богов совершенные бьет он на части,
Или свои образа беспощадною раной бесчестит?
И почему постоянно он метит в высоты, и видно
Столько следов от огня на горных хребтах и вершинах?
    Мне остается сказать, — и легко ты теперь разберешься
В том, что у греков „престéр", а у нас называется смерчем,—
Как подымается он, на морях появляяся сверху.
Ибо бывает порой, что, как будто опущенный с неба,
Падает нà море столб, вкруг которого вдруг закипают
Волны, коль ветер на них напирает, стремительно дуя.
Тут все суда, что таким захвачены водоворотом,
Вертятся бешено в нем, подвергаясь огромному риску.
Это бывает порой, когда ветер влетевший не может
Тучу насильно прорвать, но вниз ее давит, и тут же
Падает нá море столб, как будто опущенный с неба,

Paulatim, quasi quid pugno bracchique superne
Coniectu trudatur et extendatur in undas;
Quam cum discidit, hinc prorumpitur in mare venti
Vis et fervorem mirum concinnat in undis.
Versabundus enim turbo descendit et illam
Deducit pariter lento cum corpore nubem;
Quam simul ac gravidam detrusit ad aequora ponti,
Ille in aquam subito totum se immitit et omne
Excitat ingenti sonitu mare fervere cogens.
Fit quoque ut involvat venti se nubibus ipse
Vertex, corradens ex aere semina nubis,
Et quasi demissum caelo prestera imitetur.
Hic ubi se in terras demisit dissoluitque,
Turbinis immanem vim provomit atque procellae.
Sed quia fit raro omnino montisque necessest
Officere in terris, apparet crebrius idem
Prospectu maris in magno caeloque patenti.
Nubila concrescunt, ubi corpora multa volando
Hoc supero in caeli spatio coiere repente
Asperiora, modis quae possint indupedita
Exiguis tamen inter se compressa teneri.
Haec faciunt primum parvas consistere nubis;
Inde ea comprendunt inter se conque gregantur
Et coniungendo crescunt ventisque feruntur
Vsque adeo donec tempestas saeva coortast.
Fit quoque uti montis vicina cacumina caelo
Quam sint quoque magis, tanto magis edita fument
Assiduae fulvae nubis caligine crassa
Propterea quia, cum consistunt nubila primum,
Ante videre oculi quam possint, tenvia, venti
Portantes cogunt ad summa cacumina montis.
Hic demum fit uti turba maiore coorta
Et condensa queant apparere et simul ipso
Vertice de montis videantur surgere in aethram.
Nam loca declarat sursum ventosa patere

Словно бы кто кулаком ударял ее мало-помалу
Сверху и жал бы рукой, на волны ее нагнетая.
Но разорвется она, — и с неистовой силою ветер
В море влетит, и кипеть начинают раздутые волны.
Ибо крутящийся смерч, опускаясь всё ниже и ниже,
Вместе с собою туда увлекает тягучую тучу.
Только столкнет он ее отягченной на глади морские,
Как низвергается сам в глубину во мгновенье, и море
Всё баламутит кругом и вздымает ревущие волны.
Также бывает еще, что семян тучевых насбирает
В воздухе ветряный вихрь и тучами сам обвернется,
Напоминая престер, несущийся вниз с небосвода.
Только лишь стоит ему опуститься на землю и лопнуть,
Как разражается он ураганом и бурей ужасной.
Редко, однако, у нас происходят такие явленья
И не видны на земле из-за гор, а встречаются чаще
В море открытом они на просторе широкого неба.
Тучи сбираются там, где слетается много шершавых
Облачных тел наверху по пространству небесного свода.
И хотя эти тела не слишком-то цепки, но всё же
Могут, друг с другом сплотясь, держаться достаточно крепко.
Тут поначалу из них облака небольшие клубятся,
Вскоре же после того свиваются в кучи друг с другом,
Соединяясь, растут и уносятся пó небу ветром
Вплоть до того, пока вдруг не подымется дикая буря.
Также заметно еще, что, чем дальше вздымают вершины
Горы в соседство небес, тем сильнее они и курятся
Плотно окутавшей их облаков желтоватою мглою.
Ибо лишь только начнут облака собираться по небу,
Прежде чем глаз различить способен их тонкие ткани,
Как уже ветры несут и к горным теснят их вершинам.
Только тогда, наконец, накопляясь большою толпою
И собираясь плотней, они видимы быть начинают
И, от макушки горы поднимаясь, восходят к эфиру.
Ибо и самая вещь, да и чувство, во время подъема

Res ipsa et sensus, montis cum ascendimus altos.
Praeterea permulta mari quoque tollere toto
Corpora naturam declarant litore vestes
Suspensae, cum concipiunt umoris adhaesum.
Quo magis ad nubis augendas multa videntur
Posse quoque e salso consurgere momine ponti;
Nam ratio consanguineast umoribus omnis.
Praeterea fluviis ex omnibus et simul ipsa
Surgere de terra nebulas aestumque videmus,
Quae velut halitus hinc ita sursum expressa feruntur
Suffunduntque sua caelum caligine et altas
Sufficiunt nubis paulatim conveniundo.
Vrget enim quoque signiferi super aetheris aestus
Et quasi densendo subtexit caerula nimbis.
Fit quoque ut hunc veniant in caelum extrinsecus illa
Corpora, quae faciunt nubis nimbosque volantis.
Innumerabilem enim numerum summamque profundi
Esse infinitam docui, quantaque volarent
Corpora mobilitate ostendi quamque repente
Immemorabile per spatium transire solerent.
Haud igitur mirumst, si parvo tempore saepe
Tam magnis nimbis tempestas atque tenebrae
Coperiant maria ac terras impensa superne,
Vndique quandoquidem per caulas aetheris omnis
Et quasi per magni circum spiracula mundi
Exitus introitusque elementis redditus exstat.
Nunc age, quo pacto pluvius concrescat in altis
Nubibus umor et in terras demissus ut imber
Decidat, expediam. Primum iam semina aquai
Multa simul vincam consurgere nubibus ipsis
Omnibus ex rebus, pariterque ita crescere utrumque,
Et nubis, et aquam, quaecumque in nubibus exstat,
Vt pariter nobis corpus cum sanguine crescit,
Sudor item, atque umor quicumque est denique membris.
Concipiunt etiam multum quoque saepe marinum

На горы, нам говорят, что открыты для ветров высоты.
Множество, кроме того, поднимает от моря природа
Тел дождевых, как о том говорит нам вобравшее сырость
Платье, которое мы развесим по берегу моря.
Видно из этого нам, что в значительной степени тучи
Могут усиливать рост от движенья соленой пучины;
Ибо во кровном родстве находятся всякие воды.
Кроме того, и от рек и от самой земли, как мы видим,
Часто туманы идут, и пар постоянно клубится;
Точно дыханье, они уносятся кверху оттуда,
Мглою своей небеса затмевая, и, мало-помалу
Вместе сходясь в вышине, облака, наконец, образуют.
Да ведь и сверху эфир звездоносный их пламенем давит
И одевает лазурь облаками, сгущая их плотно.
Может быть, также извне долетают до нашего неба
Эти тела, что дают облака и летящие тучи:
Неисчислимо число этих тел, бесконечно зияет
Бездна вселенной, как я говорил, указав и какую
Скорость имеют тела при полете, и как во мгновенье
В неизмеримую даль проноситься способны в пространстве.
Значит, мудреного нет, что нередко в короткое время
Кучей таких облаков заволакивать буря и сумрак
Могут везде и моря и земли, нависнув над ними,
Если повсюду кругом, и по скважинам всяким эфира,
И по отдушинам всем, скажу я, великой вселенной
Выход свободный и вход открывается всем элементам.

Ну, а теперь я скажу, каким образом в тучах высоких
Может сгущаться роса дождевая и падать на землю,
Ливнем оттуда идя. И, прежде всего, докажу я
То, что воды семена во множестве с тучами вместе
Всходят от всяких вещей, и затем вырастают совместно
Самые тучи и вся та вода, что скопилася в тучах,
Так же, как тело у нас растет одновременно с кровью,
С потом, со всей, наконец, по суставам сочащейся влагой.
Так же и влагой морской облака набухают обильно, —

Vmorem, veluti pendentia vellera lanae,
Cum supera magnum mare venti nubila portant.
Consimili ratione ex omnibus amnibus umor
Tollitur in nubis. Quo cum bene semina aquarum
Multa modis multis convenere undique adaucta,
Confertae nubes umorem mittere certant
Dupliciter; nam vis venti contrudit, et ipsa
Copia nimborum turba maiore coacta
Vrget et e supero premit ac facit effluere imbris.
Praeterea cum rarescunt quoque nubila ventis
Aut dissolvuntur, solis super icta calore,
Mittunt umorem pluvium stillantque, quasi igni
Cera super calido tabescens multa liquescat.
Sed vemens imber fit, ubi vementer utraque
Nubila vi cumulata premuntur et impete venti.
At retinere diu pluviae longumque morari
Consuerunt, ubi multa cientur semina aquarum
Atque aliis aliae nubes nimbique rigantes
Insuper atque omni vulgo de parte feruntur,
Terraque cum fumans umorem tota redhalat.
Hic ubi sol radiis, tempestatem inter opacam,
Adversa fulsit nimborum aspergine contra,
Tum color in nigris exsistit nubibus arci.

Cetera quae sursum crescunt sursumque creantur,
Et quae concrescunt in nubibus, omnia, prorsum
Omnia, nix, venti, grando, gelidaeque pruinae,
Et vis magna geli, magnum duramen aquarum,
Et mora quae fluvios passim refrenat aventis,
Perfacilest tamen haec reperire animoque videre
Omnia quo pacto fiant quareve creentur,
Cum bene cognoris elementis reddita quae sint.

Nunc age, quae ratio terrai motibus exstet
Percipe. Et in primis terram fac ut esse rearis
Subter item ut supera ventosis undique plenam
Speluncis, multosque lacus multasque lacunas

Как шерстяное руно, что висит на морском побережьи, —
Если их ветры несут высоко над просторами моря.
Точно таким же путем и от рек и от всяких потоков
Влага идет в облака. А когда отовсюду сойдется
Много семян водяных и накопятся там они вдоволь,
Наперебой облака торопятся выпустить влагу
В силу двояких причин: друг с другом сшибает их вместе
Ветер, и множество туч, собираясь большою толпою,
Давит их, сверху гнетя, и дождем заставляет излиться.
Кроме того, когда тучи на небе редеют от ветра
Или расходятся врозь, пораженные солнечным жаром,
То начинает из них моросить и накрапывать дождик,
Словно бы топится воск над огнем и стекает по каплям.
Ливень же льет проливной, когда тучи и сами сомкнутся,
Тяжко друг друга гнетя, и противные давят их ветры
А затяжные дожди, непрерывно идущие долго,
Льются тогда, когда много семян водяных соберется,
И отовсюду бегут облака и тяжелые тучи,
Следом одно за другим и одна за другой изливаясь,
И когда всюду земля в испарине влажной дымится.
Тут, если солнце блеснет во мгле непогоды лучами
Прямо напротив дождя, из тучи кропящего капли,
Радуги яркой цвета появляются в облаке черном.

Прочее всё, что вверху вырастает, вверху возникает,
Всё совершенно, что там в облаках образуется, словом:
Ветры, и град, и снега, и холодного инея иглы,
Как и всесильный мороз — оковы могучие влаги
И остановка для рек, что везде пресекает теченье, —
Крайне легко объяснить; и вполне для ума постижимо,
Как получается всё и какой образуется силой,
Раз хорошо ты поймешь элементам присущие свойства.

Землетрясений теперь мы рассмотрим с тобою причины.
Прежде всего, ты представь, что глубины земли заключают,
Как и поверхность ее, великое множество полных
Ветром пещер, и озер, и провалов глубоких повсюду,

In gremio gerere et rupis deruptaque saxa;
Multaque sub tergo terrai flumina tecta
Volvere vi fluctus summersaque saxa putandumst.
Vndique enim similem esse sui res postulat ipsa.
His igitur rebus subiunctis suppositisque
Terra superne tremit magnis concussa ruinis,
Subter ubi ingentis speluncas surruit aetas;
Quippe cadunt toti montes, magnoque repente
Concussu late disserpunt inde tremores.
Et merito, quoniam plaustris concussa tremescunt
Tecta viam propter non magno pondere tota,
Nec minus exsultant, res dura ubi cumque viai
Ferratos utrimque rotarum succutit orbis.
Fit quoque, ubi in magnas aquae vastasque lacunas
Gleba vetustate e terra provolvitur ingens,
Vt iactetur aquae fluctu quoque terra vacillans;
Vt vas intortum non quit constare, nisi umor
Destitit in dubio fluctu iactarier intus.
Praeterea ventus cum per loca subcava terrae
Collectus parte ex una procumbit et urget
Obnixus magnis speluncas viribus altas,
Incumbit tellus quo venti prona premit vis.
Tum supera terram quae sunt exstructa domorum
Ad caelumque magis quanto sunt edita quaeque,
Inclinata minent in eandem prodita partem,
Protractaeque trabes impendent ire paratae.
Et metuunt magni naturam credere mundi
Exitiale aliquod tempus clademque manere,
Cum videant tantam terrarum incumbere molem.
Quod nisi respirent venti, vis nulla refrenet
Res neque ab exitio possit reprehendere euntis.
Nunc quia respirant alternis inque gravescunt
Et quasi collecti redeunt ceduntque repulsi,
Saepius hanc ob rem minitatur terra ruinas
Quam facit; inclinatur enim retroque recellit

Что̀ наполняют ее и отвесные скалы и глыбы;
Надо еще полагать, что внутри ее много потоков
Мощно теченье стремят, увлекая подводные камни:
Всюду должна ведь земля однородною быть очевидно.
Если же всё это в ней и находится и существует,
То при обвалах больших сотрясается почва земная
Там, где внизу сокрушит пещеры огромные время.
Целые горы тогда низвергаются вдруг и далеко
Страшным паденьем своим потрясают окрестные земли.
Да и понятно вполне, раз и легкие даже повозки,
Едучи мимо домов, заставляют их стены шататься,
Если к тому же колес железом окованный обод
С той и с другой стороны о каменья дорожные бьется.
Также бывает еще, что когда, сокрушенная веком,
Мощная глыба земли обрывается сверху в пучину,
То от напора воды начинает земля колебаться,
Вроде того, как сосуд не способен стоять, не шатаясь,
Если колеблется в нем неверным движением влага.
Кроме того, когда вихрь, в углубленьях подземных скопившись,
Бросится сразу вперед и в одном направлении давит
Своды глубоких пещер, устремляясь с неистовой мощью,
Силою ветра земля наклоняется в сторону ту же.
Все угрожают тогда на земле возведенные зданья,
Главным же образом те, что высоко вздымаются к небу,
В сторону ту же упасть, куда и земля накренилась,
И нависают уже, готовые выскочить, балки.
Тут содрогаются все при мысли, что целому миру
Некогда будет конец и грозит ему полная гибель,
Видя громаду земли наклоненной, готовою рухнуть.
И если б ветры совсем никакой передышки не знали,
То не могло бы ничто удержать от погибели вещи.
В самом же деле они то улягутся, то налетают,
С силой собравшись опять, нападая и вновь отступая.
Чаще поэтому нам разрушеньем земля угрожает,
Чем производит его: накреняясь, она подается,

Et recipit prolapsa suas in pondere sedis.
Hac igitur ratione vacillant omnia tecta,
Summa magis mediis, media imis, ima perhilum.
Est haec eiusdem quoque magni causa tremoris,
Ventus ubi atque animae subito vis maxima quaedam
Aut extrinsecus aut ipsa tellure coorta
In loca se cava terrai coniecit ibique
Speluncas inter magnas fremit ante tumultu
Versabundaque portatur, post incita cum vis
Exagitata foras erumpitur et simul altam
Diffindens terram magnum concinnat hiatum.
In Syria Sidone quod accidit et fuit Aegi
In Peloponneso, quas exitus hic animai
Disturbat urbis et terrae motus obortus.
Multaque praeterea ceciderunt moenia magnis
Motibus in terris, et multae per mare pessum
Subsedere suis pariter cum civibus urbes.
Quod nisi prorumpit, tamen impetus ipse animai
Et fera vis venti per crebra foramina terrae
Dispertitur ut horror et incutit inde tremorem;
Frigus uti nostros penitus cum venit in artus,
Concutit invitos cogens tremere atque movere.
Ancipiti trepidant igitur terrore per urbis,
Tecta superne timent, metuunt inferne cavernas
Terrai ne dissoluat natura repente,
Neu distracta suum late dispandat hiatum
Idque suis confusa velit complere ruinis.
Proinde licet quamvis caelum terramque reantur
Incorrupta fore aeternae mandata saluti;
Et tamen interdum praesens vis ipsa pericli
Subdit et hunc stimulum quadam de parte timoris,
Ne pedibus raptim tellus subtracta feratur
In barathrum, rerumque sequatur prodita summa
Funditus, et fiat mundi confusa ruina.
Principio mare mirantur non reddere maius

Но, не успевши упасть, в равновесие снова приходит.
Вот по причине какой и качаются стены строений
Сильно вверху, в середине слабей, а внизу незаметно.
Также еще потому сотрясенья земли происходят,
Что неожиданно ветр и огромная воздуха масса,
Или возникнув извне, иль из самой земли появившись,
Сразу бросаются внутрь, в пустоты земли и, ворвавшись,
В безднах огромных пещер бушуют сначала и бурно
Носятся, вихрем кружась, а потом, разыгравшися, с силой
Вон необузданно вдруг вырываются и, разверзая
Тут же глубины земли, открывают огромную пропасть.
Это в Сидоне Сирийском случилось и в Эгии было
Пелопоннесском, когда таким извержением воздух
Эти разнес города и разрушил земли сотрясеньем.
Множество, кроме того, попáдало стен при великих
Землетрясеньях, и вглубь на дно опустилось морское
Много других городов со своим населением вместе.
Если ж не вырвутся вон ни воздуха натиск ни ветра
Дикая сила, то всё ж, проходя через поры земные,
Как лихорадка, они вызывают дрожание почвы.
Также и в тело озноб, до мозга костей проникая,
Все наши члены дрожать и трястись заставляет невольно.
Люди тогда в городах от страха двойного трепещут:
Сверху им крыши домов угрожают паденьем, а снизу, —
Жутко подумать, — земля готова внезапно расторгнуть
Своды подземных пещер и, разверзшись зияющей бездной,
Грудой развалин своих переполнить раскрытые недра.
Сколько угодно считать поэтому могут, что небо
Вместе с землею навек нерушимы должны оставаться;
Но тем не менее вдруг предстоящей опасности сила
Жало вонзает в людей и тревожит порою боязнью,
Как бы внезапно земля, ускользнув из-под ног, не низверглась
В пропасть, а следом за ней совокупность вещей не погибла
До основанья, и мир не остался лишь грудой развалин.
Кажется, прежде всего, удивительно людям, что море

Naturam, quo sit tantus decursus aquarum,
Omnia quo veniant ex omni flumina parte.
Adde vagos imbris tempestatesque volantis,
Omnia quae maria ac terras sparguntque rigantque;
Adde suos fontis; tamen ad maris omnia summam
Guttai vix instar erunt unius adaugmen;
Quo minus est mirum mare non augescere magnum.
Praeterea magnam sol partem detrahit aestu.
Quippe videmus enim vestis umore madentis
Exsiccare suis radiis ardentibu' solem;
At pelage multa et late substrata videmus.
Proinde licet quamvis ex uno quoque loco sol
Vmoris parvam delibet ab aequore partem,
Largiter in tanto spatio tamen auferet undis.
Tum porro venti quoque magnam tollere partem
Vmoris possunt verrentes aequora, ventis
Vna nocte vias quoniam persaepe videmus
Siccari mollisque luti concrescere crustas.
Praeterea docui multum quoque tollere nubis
Vmorem magno conceptum ex aequore ponti
Et passim toto terrarum spargere in orbi,
Cum pluit in terris et venti nubila portant.
Postremo quoniam raro cum corpore tellus
Est, et coniunctast, oras maris undique cingens,
Debet, ut in mare de terris venit umor aquai,
In terras itidem manare ex aequore salso;
Percolatur enim virus, retroque remanat
Materies umoris et ad caput amnibus omnis
Confluit, inde super terras redit agmine dulci
Qua via secta semel liquido pede detulit undas.
Nunc ratio quae sit, per fauces montis ut Aetnae
Exspirent ignes interdum turbine tanto,
Expediam. Neque enim mediocri clade coorta
Flammea tempestas Siculum dominata per agros
Finitimis ad se convertit gentibus ora,

Не прибывает ничуть, несмотря на стремленье потоков,
Что́ отовсюду в него впадают и льются обильно.
Вспомни еще о дождях мимолетных, о бурях летучих,
Что орошают моря и земли собой увлажняют;
Вспомни морские ключи; но и это всё, взятое вместе,
Каплею будет одной по сравненью с объемами моря.
Что же мудреного в том, что оно не становится больше?
Многое, кроме того, испаряется солнечным жаром:
Видим же мы, наконец, что до нитки промокшее платье
Станет сейчас же сухим под палящими солнца лучами;
Гладь же морей велика и широко под солнцем простерта.
Сколько угодно мала поэтому может быть доля
Влаги на месте любом, поглощаемом солнцем из моря,
Но на пространстве таком ее убыль должна быть огромна;
Могут и ветры к тому ж, взметая морские равнины,
Множество влаги из волн уносить: ведь нередко мы видим,
Как за одну только ночь просыхают дороги от ветра,
И размягченная грязь застывает в окрепшую корку.
Кроме того, я сказал, что множество влаги и тучи
Могут с собой уносить с равнины великого моря
И выливать из себя по целому кругу земному
В ливнях, когда облака понесутся, гонимые ветром.
Так как земля, наконец, является пористым телом
И примыкает к морям, побережия их окаймляя,
То и вода из земли, утекая в моря, непременно
В землю обратно должна из соленой пучины сочиться.
Ибо морская вода проникает сквозь почву, и жидкость
В землю сочится назад, стекая к источникам водным,
После чего по земле возвращается пресным потоком
Там, где дорогу для волн она влажной пятою пробила.

Ну, а теперь почему из жерла скалистого Этны
Дышит порою огонь, вздымаясь таким ураганом,
Я объясню. Ибо тут ведь не малое бедствие было
В пламенной буре, поля сицилийские все охватившей
И приковавшей к себе вниманье соседних народов,

Fumida cum caeli scintillare omnia templa
Cernentes pavida complebant pectora cura,
Quid moliretur rerum natura novarum.
Hisce tibi in rebus latest alteque videndum
Et longe cunctas in partis dispiciendum,
Vt reminiscaris summam rerum esse profundam
Et videas caelum summai totius unum
Quam sit parvula pars et quam multesima constet,
Nec tota pars, homo terrai quota totius unus.
Quod bene propositum si plane contueare
Ac videas plane, mirari multa relinquas.
Numquis enim nostrum miratur, siquis in artus
Accepit calido febrim fervore coortam
Aut alium quemvis morbi per membra dolorem?
Obturgescit enim subito pes, arripit acer
Saepe dolor dentis, oculos invadit in ipsos,
Exsistit sacer ignis et urit corpora serpens
Quamcumque arripuit partem, repitque per artus,
Nimirum, quia sunt multarum semina rerum,
Et satis haec tellus morbi caelumque mali fert,
Vnde queat vis immensi procrescere morbi.
Sic igitur toti caelo terraeque putandumst
Ex infinito satis omnia suppeditare,
Vnde repente queat tellus concussa moveri
Perque mare ac terras rapidus percurrere turbo,
Ignis abundare Aetnaeus, flammescere caelum.
Id quoque enim fit, et ardescunt caelestia templa,
Et tempestates pluviae graviore coortu
Sunt, ubi forte ita se tetulerunt semina aquarum.
„At nimis est ingens incendi turbidus ardor".
Scilicet, et fluvius qui visus maximus ei
Qui non ante aliquem maiorem vidit, et ingens
Arbor homoque videtur, et omnia de genere omni
Maxima quae vidit quisque, haec ingentia fingit,
Cum tamen omnia cum caelo terraque marique

Как задымились кругом и заискрились неба пространства;
И наполнялись сердца глядевших тревожной заботой,
Не замышляет ли вновь изменения мира природа.
Всё это надо тебе глубоко́ и пространно обдумать
И всесторонне во всех подробностях ясно увидеть;
Должен ты помнить всегда, что вселенная неизмерима,
Видеть, что небо одно в отношении к целой вселенной
Есть лишь ничтожная часть у нее и малейшая доля,
Меньше еще, чем один человек по сравненью с землею.
Если ты это постиг, если ты хорошо это понял
И представляешь себе, изумляться ты меньшему станешь.
Разве приходят у нас в изумленье, коль кто-нибудь схватит
Вдруг лихорадку и жар ощутит он горячечный в теле
Иль заболеет еще от любого другого недуга?
Вспухнет, бывает, нога неожиданно, часто и зубы
Мучит сверлящая боль или даже до глаз доберется;
Есть и „священный огонь", проползающий в тело, палящий
Разные части его и повсюду бегущий по жилам;
Не мудрено: потому что немало семян всевозможных,
Да и довольно земля с небесами приносит недугов,
Чтоб развиваться могли ужасающей силы болезни.
Стало быть, надо считать, что для неба с землей изобильный
У бесконечности есть всевозможных источник запасов,
Чтобы внезапно земля потрясенная вся колебалась,
Чтобы стремительный вихрь пробегал по морям и по суше,
Лился бы Этны огонь через край и горело бы небо.
Ибо случается так, и пылают небесные своды,
И непогоды шумят, разражаясь неистовым ливнем,
Если воды семена сойдутся во множестве вместе.
— „Но чересчур велико это бурное пламя пожара!" —
Да, но и всякий поток покажется самым огромным
Тем, кто не видел еще величайшего; также громадны
Будут для них человек, или дерево, или другие
Вещи, пока не пришлось повстречать им еще величайших,
Хоть и решительно всё с небесами, землею и морем

Nil sint ad summam summai totius omnem.
Nunc tamen illa modis quibus irritata repente
Flamma foras vastis Aetnae fornacibus efflet,
Expediam. Primum totius subcava montis
Est natura, fere silicum suffulta cavernis.
Omnibus est porro in speluncis ventus et aer.
Ventus enim fit, ubi est agitando percitus aer.
Hic ubi percaluit calefecitque omnia circum
Saxa furens, qua contingit, terramque, et ab ollis
Excussit calidum flammis velocibus ignem,
Tollit se ac rectis ita faucibus eicit alte.
Fert itaque ardorem longe, longeque favillam
Differt, et crassa volvit caligine fumum,
Extruditque simul mirando pondere saxa;
Ne dubites quin haec animai turbida sit vis.
Praeterea magna ex parti mare montis ad eius
Radices frangit fluctus aestumque resorbet.
Ex hoc usque mari speluncae montis ad altas
Perveniunt subter fauces. Hac ire fatendumst
Fluctibus admixtum ventum, quem surgere saepe
Et penetrare mari penitus res cogit aperto
Atque efflare foras, ideoque extollere flammam
Saxaque subiectare et harenae tollere nimbos.
In summo sunt vertice enim crateres, ut ipsi
Nominitant; nos quod fauces perhibemus et ora.
Sunt aliquot quoque res, quarum unam dicere causam
Non satis est, verum pluris, unde una tamen sit;
Corpus ut exanimum siquod procul ipse iacere
Conspicias hominis, fit ut omnis dicere causas
Conveniat leti, dicatur ut illius una.
Nam neque eum ferro nec frigore vincere possis
Interiisse neque a morbo neque forte veneno,
Verum aliquid genere esse ex hoc quod contigit ei
Scimus. Item in multis hoc rebus dicere habemus.
Nilus in aestatem crescit campisque redundat,

Сущее будет ничто по сравнению с целой вселенной.
Но, тем не менее, я объясню, каким образом пышет
Вдруг разъяренный огонь из горнила могучего Этны.
Прежде всего, под горой залегает обширная полость,
И целиком она вся на кремневых покоится сводах.
В этих пещерах ее заключается ветер и воздух:
Ветер ведь дует везде, где в движеньи находится воздух.
Лишь распалится он тут и, набросившись бешено, всюду
Скалы и землю кругом накалит, высекая из оных
Жгучий при этом огонь с языками, летящими быстро,
Как вырывается вверх по крутому отверстию жерла,
Пламя наверх вынося далеко́; и далёко он пепел
Сыплет и черный туман клубит непроглядного дыма,
Вон выбивая с огнем и чудовищной тяжести камни.
Не усомнишься теперь ты в силе неистовой ветра!
Кроме того, о подошву горы на большом протяженьи
Море ломает валы и прибой поглощает обратно;
И, в глубину уходя, подступают морские пещеры
К самому жерлу горы. Через эти проходы, конечно,
Ветер с волнами идет, поднимается кверху и часто,
Как очевидно для нас, проникает туда из пучины
И вырывается вон, выдувая наружу и пламя;
Камни кидает наверх и тучи песку поднимает.
Ведь на вершине горы открываются „кратеры". Это
Местное слово, а мы называем их — устья и жерла.
Вещи есть также еще, для каких не одну нам, а много
Можно причин привести, но одна лишь является верной.
Так, если ты, например, вдалеке бездыханный увидишь
Труп человека, то ты всевозможные смерти причины
Высказать должен тогда, но одна только истинной будет.
Ибо нельзя доказать, от меча ли он умер, от стужи,
Иль от болезни какой, или, может быть также, от яда,
Но, тем не менее, нам известно, что с ним приключилось
Что-то подобное. Так говорить нам о многом придется.
Нил, орошая страну Египта, единственный в мире,

Vnicus in terris, Aegypti totius amnis.
Is rigat Aegyptum medium per saepe calorem,
Aut quia sunt aestate aquilones ostia contra,
Anni tempore eo qui etesiae esse feruntur,
Et contra fluvium flantes remorantur et undas
Cogentes sursus replent coguntque manere.
Nam dubio procul haec adverso flabra feruntur
Flumine, quae gelidis ab stellis axis aguntur.
Ille ex aestifera parti venit amnis ab Austro,
Inter nigra virum percocto saecla colore
Exoriens penitus media ab regione diei.
Est quoque uti possit magnus congestus harenae
Fluctibus adversis oppilare ostia contra,
Cum mare permotum ventis ruit intus harenam;
Quo fit uti pacto liber minus exitus amni
Et proclivis item fiat minus impetus undis.
Fit quoque uti pluviae, forsan, magis ad caput ei
Tempore eo fiant, quod etesia flabra aquilonum
Nubila coniciunt in eas tunc omnia partis.
Scilicet, ad mediam regionem eiecta diei
Cum convenerunt, ibi ad altos denique montis
Contrusae nubes coguntur vique premuntur.
Forsitan Aethiopum penitus de montibus altis
Crescat, ubi in campos albas descendere ningues
Tabificis subigit radiis sol omnia lustrans.
Nunc age, Averna tibi quae sint loca cumque lacusque
Expediam, quali natura praedita constent.
Principio, quod Averna vocantur nomine, id ab re
Impositumst, quia sunt avibus contraria cunctis,
E regione ea quod loca cum venere volantes,
Remigi oblitae pennarum vela remittunt
Praecipitesque cadunt molli cervice profusae
In terram, si forte ita fert natura locorum
Aut in aquam, si forte lacus substratus Averni.
Is locus est Cumas apud, acri sulpure montes

Каждое лето растет и водою поля заливает.
Он наводняет всегда среди самого зноя Египет
Иль потому, что тогда ему в устье несутся Бореи,
Что́ этой летней порой название носят „годичных“;
Дуя напротив реки, они ей замедляют теченье,
Воду вгоняют назад и, подняв ее, стать заставляют.
Ибо, сомнения нет, они против течения мчатся
Этой реки, приходя от холодных полярных созвездий;
Нил же от Юга идет, из самого знойного места,
Между народов, совсем почерневших от жгучего жара,
Течь начиная, — в стране под палящим полуденным небом.
Или, быть может, песку огромные кучи наносит
В устье морская волна, затыкая его, когда море,
Вздутое ветром, песок глубо́ко в русло загоняет.
Этим теченью реки преграждается выход свободный,
И по наклону вода уменьшенному тише стремится.
Может быть также и то, что истоки его в эту пору
Полнят обильней дожди, раз годичные, дуя, Бореи
Все облака нагоняют туда, собирая их в тучи.
И, без сомненья, когда облака в полуденные страны,
Сбитые вместе, сошлись, то, к высоким припертые горам,
Густо теснятся они, наконец, и сжимаются сильно.
Может быть, полнится он и с возвышенных гор Эфиопов,
Как начинают снега блестящие в долы спускаться,
От растопляющих тая лучей, посылаемых солнцем.

Ну, а теперь обо всяких местах и озерах Авернских
Я расскажу, объяснив, каковы их природные свойства.
Прежде всего, потому Авернскими их называют,
Что чрезвычайно они вредоносны для птиц всевозможных.
Стоит лишь им полететь как раз над такими местами,
Тотчас, грести позабыв, паруса они крыл опускают,
Падая сверху стремглав с бессильно поникшею шеей
На землю, если она оказалась в том месте под ними,
Или же в воду, когда под ними озера Аверна.
Место такое близ Кум существует, где серою острой

Oppleti calidis ubi fumant fontibus aucti;
Est et Athenaeis in moenibus, arcis in ipso
Vertice, Palladis ad templum Tritonidis almae,
Quo numquam pennis appellunt corpora raucae
Cornices, non cum fumant altaria donis.
Vsque adeo fugitant non iras Palladis acris
Pervigili causa, Graium ut cecinere poetae,
Sed natura loci opus efficit ipsa suapte.
In Syria quoque fertur item locus esse videri,
Quadrupedes quoque quo simul ac vestigia primum
Intulerint, graviter vis cogat concidere ipsa,
Manibus ut si sint divis mactata repente.
Omnia quae naturali ratione geruntur,
Et quibus e fiant causis apparet origo;
Ianua ne potis his Orci regionibus esse
Credatur, post hinc animas Acheruntis in oras
Ducere forte deos manis inferne reamur,
Naribus alipedes ut cervi saepe putantur
Ducere de latebris serpentia saecla ferarum.
Quod procul a vera quam sit ratione repulsum
Percipe; nam de re nunc ipsa dicere conor.
Principio hoc dico, quod dixi saepe quoque ante,
In terra cuiusque modi rerum esse figuras;
Multa, cibo quae sunt, vitalia, multaque, morbos
Incutere et mortem quae possint accelerare.
Et magis esse aliis alias animantibus aptas
Res ad vitai rationem ostendimus ante
Propter dissimilem naturam dissimilisque
Texturas inter sese primasque figuras.
Multa meant inimica per auris, multa per ipsas
Insinuant naris infesta atque aspera tactu,
Nec sunt multa parum tactu vitanda neque autem
Aspectu fugienda saporeque tristia quae sint.
Deinde videre licet quam multae sint homini res
Acriter infesto sensu spurcaeque gravesque.

Горы обильно дымят и горячих источников полны.
Есть и в Афинских стенах, на вершинах кремля городского,
Около храма благой Тритониды Паллады такое
Место, куда залететь никогда не посмеют вороны,
Каркая: даже когда алтари от даров задымятся.
Но улетают они не от грозного гнева Паллады
За непотребный донос, как воспето поэтами греков,
А вынуждают бежать их природные местности свойства.
В Сирии, как говорят, существует подобное место:
Четвероногих зверей, не успевших и шага там сделать,
Тяжко на землю валит бездыханными эта же сила,
Точно бы в жертву богам принесли их внезапно подземным.
Но на естественных всё основаниях зиждется это,
И очевидно, какой обусловлено это причиной.
Пусть же не верит никто, что Орка находятся двери
Именно в этих местах, что из них к берегам Ахеронта
Души умерших людей увлекают подземные боги,
Как быстроногий олень, по преданью, ноздрями своими
Может извлечь из норы ползучее племя животных.
Правдоподобия нет никакого во всех этих баснях,
Как ты увидишь: хочу я сказать, как на деле бывает.

Прежде всего, я скажу, как и раньше не раз говорил я,
Что заключает земля всевозможного вида зачатки;
Многие пищу дают и живительны, многие могут
Вызвать, напротив, болезнь и ускорить собою кончину.
Разным живым существам для поддержки их жизни потребны
Разные вещи, как мной уже было указано раньше,
Из-за различия в их существе и различий в строеньи
Тканей у них основных и фигур их первичных зачатков.
Вредного много и в уши идет, проникает и в ноздри
Много такого, что нам и опасно и грубо на-ощупь;
Многого наше должно избегать осязанье, и зренье
Остерегаться подчас, да и вкусу противного много.

Надо заметить затем, что много вещей человеку
Может и вред приносить и быть нестерпимо и мерзко.

Arboribus primum certis gravis umbra tributa
Vsque adeo, capitis faciant ut saepe dolores,.
Siquis eas subter iacuit prostratus in herbis.
Est etiam magnis Heliconis montibus arbos
Floris odore hominem taetro consueta necare.
Scilicet, haec ideo terris ex omnia surgunt,
Multa modis multis multarum semina rerum
Quod permixta gerit tellus discretaque tradit.
Nocturnumque recens extinctum lumen ubi acri
Nidore offendit naris, consopit ibidem,
Concidere et spumas qui morbo mittere suevit.
Castoreoque gravi mulier sopita recumbit
Et manibus nitidum teneris opus effluit ei,
Tempore eo si odoratast quo menstrua solvit.
Multaque praeterea languentia membra per artus
Solvunt atque animam labefactant sedibus intus.
Denique si calidis etiam cunctare lavabris
Plenior et lueris, solio ferventis aquai
Quam facile in medio fit uti des saepe ruinas!
Carbonumque gravis vis atque odor insinuatur
Quam facile in cerebrum, nisi aquam praecepimus ante!
At cum membra domans percepit fervida febris,
Tum fit odor vini plagae mactabilis instar.
Nonne vides etiam terra quoque sulpur in ipsa
Gignier et taetro concrescere odore bitumen;
Denique ubi argenti venas aurique sequuntur,
Terrai penitus scrutantes abdita ferro,
Qualis exspiret Scaptensula subter odores?
Quidve mali fit ut exhalent aurata metalla,
Quas hominum reddunt facies qualisque colores!
Nonne vides audisve perire in tempore parvo
Quam soleant et quam vitai copia desit,
Quos opere in tali cohibet vis magna necessus?
Hos igitur tellus omnis exaestuat aestus
Exspiratque foras in apertum promptaque caeli.

Так, у деревьев иных настолько их тень вредоносна,
Что вызывают они у того, кто под ними улегся
На траву, чтоб отдохнуть, нестерпимую боль головную.
И на высоких горах Геликона есть дерево также,
Запахом тяжким цветов приносящее смерть человеку.
Всё это явно должно из-под почвы расти, потому что
Многоразличным путем и немало семян всевозможных
Смешано в недрах земли, но она их раздельно выводит.
Если удушливый чад от потушенной только что лампы
В ноздри проникнет больных, у которых в припадке падучей
Пена идет изо рта, то он усыпляет на месте.
Запах бобровой струи наводит на женщину дрёму,
И выпускает из рук она нежных свои рукоделья,
Если вдыхает его во время своих очищений.
Много еще есть вещей, расслабляющих тело, и душу
Всю заставляющих в нас колебаться до самой основы.
И, наконец, если ты засидишься в горячей парильне
С полным желудком иль ванну берешь, иль запаришься в бане,
Как ты легко упадешь без сознания тут же на месте!
Тяжкий угар от углей раскаленных и сильный их запах
Как проникают нам в мозг, коль воды перед этим не выпить!
Если же тело у нас дрожит в лихорадочном жаре,
Может нам запах вина оказаться ударом смертельным.
Разве не видишь, что в почве самой зарождается сера,
И земляная смола запекается с мерзкою вонью?
Там, наконец, где, стремясь к золотым и серебряным жилам
В недрах сокрытых земли рудники прорывают железом,
Что за ужасный идет из-под почвы Скаптенсулы запах!
Сколько зловредных паров золотая руда испускает,
Как изнуряет она рудокопов бескровные лица!
Иль не видал, не слыхал ты, в какое короткое время
Гибнут они, и что сил лишается жизненных всякий,
Кто принужден добывать пропитанье такою работой?
Значит, земля из себя испускает всю эту отраву
И выдыхает ее на открытые неба просторы.

Sic et Averna loca alitibus summittere debent
Mortiferam vim, de terra quae surgit in auras,
Vt spatium caeli quadam de parte venenet;
Quo simul ac primum pennis delata sit ales,
Impediatur ibi caeco correpta veneno,
Vt cadat e regione loci, qua derigit aestus.
Quo cum corruit, hic eadem vis illius aestus
Reliquias vitae membris ex omnibus aufert.
Quippe etenim primo quasi quendam conciet aestum,
Posterius fit uti, cum iam cecidere veneni
In fontis ipsos, ibi sit quoque vita vomenda
Propterea quod magna mali fit copia circum.
Fit quoque ut interdum vis haec atque aestus Averni
Aera, qui inter avis cumquest terramque locatus,
Discutiat, prope uti locus hic linquatur inanis.
Cuius ubi e regione loci venere volantes,
Claudicat extemplo pinnarum nisus inanis,
Et conamen utrimque alarum proditur omne.
Hic ubi nixari nequeunt insistereque alis,
Scilicet, in terram delabi pondere cogit
Natura, et vacuum prope iam per inane iacentes
Dispergunt animas per caulas corporis omnis.

* * *

Frigidior porro in puteis aestate fit umor,
Rarescit quia terra calore, et semina siquae
Forte vaporis habet, propere dimittit in auras.
Quo magis est igitur tellus effeta calore,
Fit quoque frigidior qui in terrast abditus umor.
Frigore cum premitur porro omnis terra coitque
Et quasi concrescit, fit, scilicet, ut coeundo
Exprimat in puteos si quem gerit ipsa calorem.
Esse apud Hammonis fanum fons luce diurna
Frigidus et calidus nocturno tempore fertur.

Так и в Авернских местах непременно должна для пернатых
Смертная сила итти, от земли восходящая в воздух,
Чтоб отравляла она известное неба пространство.
И не успеет туда на крыльях птица примчаться,
Как цепенеет тотчас и, невидимым схвачена ядом,
Сразу же падает вниз, куда тянут ее испаренья.
Только свалилась, — опять те же самые тут испаренья
Жизни остаток ее из тела уносят бесследно.
Дело ведь в том, что они сначала как будто дурманят,
А уже после, когда она скатится в самый источник
Этой отравы, то ей приходится с жизнью расстаться
Из-за того, что кругом огромное скопище яда.
Может быть также и то, что порой испаренья Аверна
Воздух, который лежит между птицей и почвой, рассеют
Силой своей, и почти что пустым остается всё место.
Стоит лишь птице влететь и над местом таким оказаться,
Как уж напрасно она бессильными крыльями машет:
Больше не служат они, и все их старания тщетны.
Тут, когда птица уже опереться не может на крылья,
Ясно, что клонит к земле ее собственной тяжести сила;
И, распростершись в пустом почти совершенно пространстве,
Всю свою душу она испускает в отверстия тела.

* * *

Летом в колодцах вода холодней, потому что от зноя
Пористей почва тогда и скорей выпускает на воздух
Жара она семена, какие в ней только найдутся.
Чем же сильнее земля истощится от летнего зноя,
Тем холоднее должна становиться под почвою влага.
В холод, напротив, она, под давлением стужи сжимаясь,
Как бы смыкается вся и, сходясь всё плотней и плотнее,
Весь свой остаток тепла выжимает, конечно, в колодцы.
Есть подле храма Аммона источник, который бывает
Холоден днем, говорят, и становится ночью горячим.

Hunc homines fontem nimis admirantur et acri
Sole putant subter terras fervescere raptim,
Nox ubi terribili terras caligine texit.
Quod nimis a verast longe ratione remotum.
Quippe, ubi sol nudum contractans corpus aquai
Non quierit calidum supera de reddere parte,
Cum superum lumen tanto fervore fruatur,
Qui queat hic subter tam crasso corpore terram
Percoquere umorem et calido satiare vapore?
Praesertim cum vix possit per saepta domorum
Insinuare suum radiis ardentibus aestum.
Quae ratiost igitur? Nimirum, terra magis quod
Rara tenet circum fontem quam cetera tellus,
Multaque sunt ignis prope semina corpus aquai.
Hoc ubi roriferis terram nox obruit undis,
Extemplo penitus frigescit terra coitque.
Hac ratione fit ut, tamquam compressa manu sit,
Exprimat in fontem quae semina cumque habet ignis,
Quae calidum faciunt laticis tactum atque vaporem.
Inde ubi sol radiis terram dimovit obortus
Et rarefecit calido miscente vapore,
Rursus in antiquas redeunt primordia sedis
Ignis, et in terram cedit calor omnis aquai.
Frigidus hanc ob rem fit fons in luce diurna.
Praeterea solis radiis iactatur aquai
Vmor et in lucem tremulo rarescit ab aestu;
Propterea fit uti quae semina cumque habet ignis
Dimittat; quasi saepe gelum, quod continet in se,
Mittit et exsolvit glaciem nodosque relaxat.
Frigidus est etiam fons, supra quem sita saepe
Stuppa iacit flammam concepto protinus igni,
Taedaque consimili ratione accensa per undas
Collucet, quocumque natans impellitur auris.
Nimirum, quia sunt in aqua permulta vaporis
Semina, de terraque necessest funditus ipsa

Сильно дивятся тому источнику люди, считая,
Что закипает он вдруг от под землю ушедшего солнца,
Только окутает ночь темнотою ужасною землю.
Правдоподобия нет, однакоже, в этом нисколько.
Ведь, коли солнце нагреть оказалось и сверху не в силах
Голого тела воды, обдавая его своим пылом,
Хоть обладает вверху оно зноем таким непомерным,
Как же бы снизу ему одолеть эту толщу земную,
Чтобы прогрелась вода и насытилась жаром горячим,
Если оно лишь с трудом способно бывает проникнуть
Даже сквозь стены домов раскаленного жара лучами?
Где же причина лежит? Без сомнения, в том, что гораздо
Пористей всей остальной вкруг источника этого почва,
Да и семян огневых по соседству с водою немало.
Только окутает ночь всю землю росистою влагой,
Как остывает земля и смыкается сразу плотнее;
И потому из себя, как бы сжатая чьей-то рукою,
Весь свой запас семян огневых выжимает в источник,
Делая влагу его испарений горячей на-ощупь.
После ж, как солнце, взойдя, раздвигает всю почву лучами
И разрежает ее смешением с пламенным жаром,
Первоначала огня возвращаются в старые гнезда,
И отступает тепло из источника в землю обратно.
Вот потому-то он днем и становится снова холодным.
Кроме того, и от солнца лучей будоражится влага
И, с нарастанием дня, разрежается трепетным зноем.
Это причина того, что она семена огневые
Все отдает. Так вода всю ту стужу, что в ней находилась,
Часто теряет и лед, ослабляя узлы, распускает.

Также холодный еще существует родник, над которым
Пакля, занявшись огнем, разгорается пламенем сразу;
Факел таким же путем зажигается там и по волнам,
Ярко пылая, плывет, уносимый порывами ветра.
Не мудрено, потому что в воде заключается много
Жара семян, и притом, из-под самой земли поднимаясь,

Ignis corpora per totum consurgere fontem
Et simul exspirare foras exireque in auras,
Non ita multa tamen, calidus queat ut fieri fons.
Praeterea dispersa foras erumpere cogit
Vis per aquam subito sursumque ea conciliari.
Quod genus endo marist Aradi fons, dulcis aquai
Qui scatit et salsas circum se dimovet undas;
Et multis aliis praebet regionibus aequor
Vtilitatem opportunam sitientibu' nautis,
Quod dulcis inter salsas intervomit undas.
Sic igitur per eum possunt erumpere fontem
Et scatere illa foras in stuppam semina, quae cum
Conveniunt aut in taedai corpore adhaerent,
Ardescunt facile extemplo, quia multa quoque in se
Semina habent ignis stuppae taedaeque latentis.
Nonne vides etiam, nocturna ad lumina linum
Nuper ubi extinctum admoveas, accendier ante
Quam tetigit flammam, taedamque pari ratione?
Multaque praeterea prius ipso tacta vapore
Eminus ardescunt quam comminus imbuat ignis.
Hoc igitur fieri quoque in illo fonte putandumst.
Quod superest, agere incipiam quo foedere fiat
Naturae, lapis hic ut ferrum ducere possit,
Quem Magneta vocant patrio de nomine Grai,
Magnetum quia fit patriis in finibus ortus.
Hunc homines lapidem mirantur; quippe catenam
Saepe ex anellis reddit pendentibus ex se.
Quinque etenim licet interdum plurisque videre
Ordine demissos levibus iactarier auris,
Vnus ubi ex uno dependet subter adhaerens
Ex alioque alius lapidis vim vinclaque noscit:
Vsque adeo permananter vis pervalet eius.
Hoc genus in rebus firmandumst multa prius quam
Ipsius rei rationem reddere possis,
Et nimium longis ambagibus est adeundum;

Всюду в источник идут непременно тела огневые
И одновременно вон, испаряясь, выходят на воздух;
Но не настолько их много, чтоб сам разогрелся источник.
Кроме того, заставляя их вон вырываться раздельно,
Лишь над поверхностью вод собирает их эта же сила.
В этом же роде родник, находящийся в море Арадском.
Пресную воду он бьет, разгоняя соленые волны.
Да и в других областях доставляет морская равнина
Пользу насущную всем морякам при томительной жажде,
Между соленых валов пресноводный родник извергая.
Стало быть, также, в родник прорываясь, способны наружу
Бить семена и, сходясь в поднесенной к источнику пакле
Или на факел садясь смоляной и к нему прилипая,
Вспыхнуть сейчас же легко, ибо также в себе заключают
Много семян огневых сокровенных и пакля и факел.
Да и не видишь ли ты, что когда к ночнику мы подносим
Свежепогашенный трут, то, еще не успев прикоснуться
К пламени лампы, он вдруг зажигается так же, как факел?
Многое, кроме того, загорается издали силой
Жара еще до того, что огонь его схватит вплотную.
Делаться то же должно и в источнике нашем, конечно.

Мне остается сказать, по какому закону природы
Может железо к себе притягивать камень, который
Греки „магнитом" зовут по названию месторожденья,
Ибо находится он в пределах отчизны магнетов.
Этому камню народ удивляется, ибо нередко
Цепью звено к звену, от него исходя, повисает.
Можно ведь видеть порой, что, качаясь от легкого ветра,
Пять или больше таких свободно спускается звеньев.
Все они вместе висят и, одно к одному прилепляясь,
Камня силу и связь друг от друга тогда испытуют:
Так его сила всегда беспрерывным вливается током.

Многое твердо должно здесь быть установлено прежде,
Нежели сможешь постичь ты правильно сущность предмета:
Надо к нему подходить и окольной и длинной дорогой;

Quo magis attentas auris animumque reposco.
Principio omnibus ab rebus, quascumque videmus,
Perpetuo fluere ac mitti spargique necessest
Corpora quae feriant oculos visumque lacessant.
Perpetuoque fluunt certis ab rebus odores;
Frigus ut a fluviis, calor ab sole, aestus ab undis
Aequoris, exesor moerorum litora propter.
Nec varii cessant sonitus manare per auras.
Denique in os salsi venit umor saepe saporis,
Cum mare versamur propter, dilutaque contra
Cum tuimur misceri absinthia, tangit amaror.
Vsque adeo omnibus ab rebus res quaeque fluenter
Fertur et in cunctas dimittitur undique partis,
Nec mora nec requies interdatur ulla fluendi,
Perpetuo quoniam sentimus, et omnia semper
Cernere odorari licet et sentire sonare.
Nunc omnes repetam quam raro corpore sint res
Commemorare; quod in primo quoque carmine claret.
Quippe etenim, quamquam multas hoc pertinet ad res
Noscere, cum primis hanc ad rem protinus ipsam,
Qua de disserere aggredior, firmare necessest
Nil esse in promptu nisi mixtum corpus inani.
Principio fit ut in speluncis saxa superne
Sudent umore et guttis manantibu' stillent.
Manat item nobis e toto corpore sudor,
Crescit barba pilique per omnia membra, per artus.
Diditur in venas cibus omnis, auget alitque
Corporis extremas quoque partis unguiculosque.
Frigus item transire per aes calidumque vaporem
Sentimus, sentimus item transire per aurum
Atque per argentum, cum pocula plena tenemus.
Denique per dissaepta domorum saxea voces
Pervolitant, permanat odor frigusque vaposque
Ignis, qui ferri quoque vim penetrare suevit.
Denique qua circum caeli lorica coercet

А потому, я прошу, напряги ты и слух и вниманье.
Прежде всего, от вещей всевозможных, какие мы видим,
Необходимо должны истекать и лететь, рассыпаясь,
Тельца, которые бьют по глазам, вызывая в них зренье.
Запахи также всегда от известных вещей истекают
Так же, как холод от рек, зной от солнца, прибой от соленых
Моря валов, что кругом изъедает прибрежные стены;
Разные звуки летят постоянно, по воздуху вея;
Часто нам в рот, наконец, попадает соленая влага,
Если вдоль моря идем; а когда наблюдаем, как рядом
С нами полынный настой растворяют, — мы чувствуем горечь,
Так ото всяких вещей непрестанным потоком струятся
Всякие вещи, везде растекаясь, по всем направленьям;
Без остановки идет и без отдыха это теченье,
Раз непрерывно у нас возбуждается чувство, и можем
Всё мы увидеть всегда, обонять и услышать звучащим.
Снова напомню тебе я при этом, насколько все вещи
Пористы телом. Уже из первой то явствует песни.
Дело ведь в том, что хотя для многого знать это важно,
Но для того, что сейчас непосредственно нас занимает,
В самом начале должно установлено быть непременно,
Что не встречается тел без смешения их с пустотою.
Видим мы, прежде всего, что поверхность каменьев в пещерах
Влагой потеет, и с них, просочившися,падают капли.
Также из тела у нас выделяется пот отовсюду,
Бороды наши растут, волоса прорастают сквозь кожу,
И растекается пища по жилам, растя и питая
Всякие члены у нас, пробиваясь и в самые ногти.
Чувствуем также сквозь медь мы и холод и жар раскаленный,
Чувствуем мы, что они через золото могут проникнуть
И в серебро проходить, когда держим мы полные кубки.
В каменных стенах домов, наконец, голоса пролетают,
Запах течет через них, и внедряется холод свободно
Так же, как жар от огня, проникающий даже в железо.
Всюду кругом, наконец, несмотря на небесную броню,

Morbida visque simul cum extrinsecus insinuatur,
Et tempestates terra caeloque coortae,
In caelum terrasque remotae iure facessunt,
Quandoquidem nil est nisi raro corpore nexum.
Huc accedit uti non omnia, quae iaciuntur
Corpora cumque ab rebus, eodem praedita sensu
Atque eodem pacto rebus sint omnibus apta.
Principio terram sol excoquit et facit are,
At glaciem dissolvit et altis montibus altas
Exstructas nives radiis tabescere cogit.
Denique cera liquefit in eius posta vapore.
Ignis item liquidum facit aes aurumque resolvit,
At coria et carnem trahit et conducit in unum.
Vmor aquae porro ferrum condurat ab igni,
At coria et carnem mollit durata calore.
Barbigeras oleaster eo iuvat usque capellas,
Effluat ambrosias quasi vero et nectare tinctus
Fronde hac, qua nil est homini quod amarius exstet.
Denique amaracinum fugitat sus et timet omne
Vnguentum; nam saetigeris subus acre venenumst,
Quod nos interdum tamquam recreare videtur.
At contra nobis caenum taeterrima cum sit
Spurcities, eadem subus haec iucunda videtur,
Insatiabiliter toti ut volvantur ibidem.
Hoc etiam superest, ipsa quam dicere de re
Aggredior quod dicendum prius esse videtur.
Multa foramina cum variis sint reddita rebus,
Dissimili inter se natura praedita debent
Esse et habere suam naturam quaeque viasque.
Quippe etenim varii sensus animantibus insunt,
Quorum quisque suam proprie rem percipit in se.
Nam penetrare alio sonitus alioque saporem
Cernimus e sucis, alio nidoris odores.
Praeterea manare aliud per saxa videtur,
Atque aliud lignis, aliud transire per aurum,

Сила болезни идет, проникая снаружи на землю;
И непогоды затем, на земле и на небе возникнув,
Вновь, как и должно, назад возвращаются в землю и небо,
Так как ведь нет ничего, что бы не было пористо телом.

Надо добавить еще, что совсем не на всё однородно
Действовать могут тела, из вещей исходящие всяких.
И далеко не всегда для всего одинаково годны.
Солнце, во-первых, сухой и запекшейся делает землю,
Лед же, напротив того, распускает и снега сугробы
Горных высоких вершин растворяет своими лучами;
Тает и воск, наконец, на солнечном лежа припеке.
Также огонь, растопляя и медь, да и золото плавя,
Кожу и мясо морщит и, сжимая их крепко, коробит.
Далее, влага дает раскаленному твердость железу,
Но в то же время мягчит затвердевшие кожу и мясо.
Зелень маслины для коз бородатых настолько приятна,
Будто бы нектар течет из нее и амброзии соки.
Для человека же нет ничего, что листвы этой горше.
И, наконец, для свиньи майоран нестерпим, и боится
Всех благовоний она: это яд ведь щетинистым свиньям,
А человека порой благовония в чувство приводят.
Наоборот, та же грязь, что для нас отвратительно мерзкой
Кажется, — всякой свинье настолько, как видно, приятна,
Что целиком она вся валяется в ней ненасытно.

Здесь остается одно, что сказать, как мне кажется, прежде
Надо бы, чем приступить к изложению самого дела.
Так как во всяких вещах имеются многие поры,
То непременно они обладают несходной природой,
Да и особыми быть по природе должны эти ходы.
Ибо живым существам присущи различные чувства,
Что по-особому всё, подходящее им, ощущают.
Ибо мы видим, что звук проникает своею дорогой,
Вкус же от пищи своей, и своею — удушливый запах.
Далее, может одно просочиться сквозь камни, другое
В дерево может пройти, а третье — сквозь золото выйти

Argentoque foras aliud vitroque meare.
Nam fluere hac species, illac calor ire videtur,
Atque aliis aliud citius transmittere eadem.
Scilicet id fieri cogit natura viarum
Multimodis varians, ut paulo ostendimus ante,
Propter dissimilem naturam textaque rerum.
Quapropter, bene ubi haec confirmata atque locata
Omnia constiterint nobis praeposta parata,
Quod superest, facile hinc ratio reddetur, et omnis
Causa patefiet, quae ferri pelliciat vim.
Principio fluere e lapide hoc permulta necessest
Semina sive aestum, qui discutit aera plagis,
Inter qui lapidem ferrumque est cumque locatus.
Hoc ubi inanitur spatium multusque vacefit
In medio locus, extemplo primordia ferri
In vacuum prolapsa cadunt coniuncta, fit utque
Anulus ipse sequatur eatque ita corpore toto.
Nec res ulla magis primoribus ex elementis
Indupedita suis arte conexa cohaeret
Quam validi ferri natura et frigidus horror.
Quo minus est mirum, quod paulo diximus ante,
Corpora si nequeunt e ferro plura coorta
In vacuum ferri, quin anulus ipse sequatur;
Quod facit, et sequitur, donec pervenit ad ipsum
Iam lapidem caecisque in eo compagibus haesit.
Hoc fit idem cunctas in partis, unde vacefit
Cumque locus, sive e transverso sive superne
Corpora continuo in vacuum vicina feruntur.
Quippe agitantur enim plagis aliunde, nec ipsa
Sponte sua sursum possunt consurgere in auras.
Huc accedit item, quare queat id magis esse
Haec quoque res adiumento motusque iuvetur,
Quod, simul a fronte est anelli rarior aer
Factus inanitusque locus magis ac vacuatus,
Continuo fit uti qui post est cumque locatus,

Иль в серебро, наконец, и в стекло проникает иное;
Образы там протекут, а здесь—теплота, как мы видим,
И по тому же пути одно обгоняет другое.
Ясно, что всё это так производит природа проходов,
Многообразным путем изменяясь, как мы указали,
Из-за различий в природе вещей и в строении тканей.
Так как теперь это всё установлено твердо и точно,
И основания все подготовлены нами, как должно,
То остальному уже не трудно найти объясненье,
И открываются все притяженья железа причины.
Прежде всего, из магнита должны семена выделяться
Множеством или же ток истекать, разбивая толчками
Воздух, который везде между камнем лежит и железом.
Только что станет пустым пространство меж ними, и много
Места очистится там, как тóтчас же, общею кучей,
Первоначала туда стремглав понесутся железа;
Следом затем и кольцо устремляется всем своим телом.
Ибо нет вещи такой, чтобы первые в ней элементы
Были в столь тесной связи и так цепко держались бы вместе,
Как необорная мощь и пронзительный холод железа.
Значит, мудреного нет, что не может, как мы указали,
Множество тел основных от железа совсем отделяться
И в пустоту улетать, чтобы вслед и кольцо не помчалось;
Чтó производит оно и мчится, пока не сойдется,
С камнем самим и на нем не повиснет в невидимых узах.
Это бывает везде, где только очистится место,
И в направленьи любом, будь то в сторону или же кверху:
Тотчас несутся тела в пустоту, находясь по соседству.
Дело ведь в том, что к тому побуждают извне их удары,
Сами ж они никогда не способны подняться на воздух.
Кроме того, — чтоб еще облегчалося действие это
И совершалось скорей движенье, — приходит на помощь
То, что, как только напротив кольца разрежается воздух
И остается пустым и очищенным место до камня,
Воздух, который лежит за кольцом, устремляется сразу,

Aer a tergo quasi provehat atque propellat.
Semper enim circumpositus res verberat aer;
Sed tali fit uti propellat tempore ferrum,
Parte quod ex una spatium vacat et capit in se.
Hic, tibi quem memoro, per crebra foramina ferri
Parvas ad partis subtiliter insinuatus,
Trudit et impellit, quasi navem velaque ventus.
Denique res omnes debent in corpore habere
Aera, quandoquidem raro sunt corpore et aer
Omnibus est rebus circumdatus appositusque.
Hic igitur, penitus qui in ferrost abditus aer,
Sollicito motu semper iactatur eoque
Verberat anellum dubio procul et ciet intus.
Scilicet, illo eodem fertur, quo praecipitavit
Iam semel et partem in vacuam conamina sumpsit.
Fit quoque ut a lapide hoc ferri natura recedat
Interdum, fugere atque sequi consueta vicissim.
Exsultare etiam Samothracia ferrea vidi
Et ramenta simul ferri furere intus aenis
In scaphiis, lapis hic Magnes cum subditus esset:
Vsque adeo fugere ab saxo gestire videtur.
Aere interposito discordia tanta creatur
Propterea quia, nimirum, prius aestus ubi aeris
Praecepit ferrique vias possedit apertas,
Posterior lapidis venit aestus et omnia plena
Invenit in ferro neque habet qua tranet ut ante.
Cogitur offensare igitur pulsareque fluctu
Ferrea texta suo; quo pacto respuit ab se
Atque per aes agitat, sine eo quod saepe resorbet.
Illud in his rebus mirari mitte, quod aestus
Non valet e lapide hoc alias impellere item res.
Pondere enim fretae partim stant, quod genus aurum;
At partim raro quia sunt cum corpore, ut aestus
Pervolet intactus, nequeunt impellier usquam;
Lignea materies in quo genere esse videtur.

Будто бы сзади толкает кольцо и уносит, и гонит.
Ведь ударяет всегда окружающий воздух предметы.
В этом же случае он потому подгоняет железо,
Что принимает его опустелое место пространства.
Он, этот воздух, идя через частые поры железа
И незаметно внутри доходя до мельчайших частичек,
Мчит и уносит его, как корабль, подгоняемый ветром.
Всякие вещи должны, наконец, заключать в своем теле
Воздух, поскольку они все пористы телом, и воздух
Их обтекает кругом и к ним прикасается всюду.
Воздух, который в самих заключается недрах железа,
Должен всегда пребывать в непрестанном движеньи, и этим
Он, без сомнения, бьет по кольцу и внутри его движет.
Значит, несется кольцо, направляясь, куда устремилось
Раньше уже, и летит в пустоту, продолжая движенье.

Также бывает порой, что железо отходит от камня
Этого, то возвращаясь к нему, то опять убегая.
Видеть случалося мне, что прыгают в медных сосудах
Самофракийские кольца с опилками вместе железа,
Бурно бушуя, когда под сосудом камень магнитный,
Словно скорей убежать они жаждут от этого камня.
Меди прослойка собой вызывает сумятицу эту,
Ибо врываются тут, безусловно, в железо сначала
Медные токи и в нем занимают открытые ходы;
После же каменный ток, появляясь, находит, что полны
Поры железа везде, и проплыть уже нéгде, как раньше,
Что принуждает магнит колотить и толкать истеченьем
Ткани железа; и так происходит, что он отшибает
И отгоняет сквозь медь то, что он без нее поглотил бы.

Вовсе не надо тебе удивляться, что ток из магнита
Не в состояньи совсем на другие воздействовать вещи.
Частью их тяжесть стоять заставляет, — как золото, — частью
Пористы телом они, и поэтому ток устремляться
Может свободно сквозь них, никуда не толкая при этом;
К этому роду вещей мы дерево можем причислить,

Interutrasque igitur ferri natura locata
Aeris ubi accepit quaedam corpuscula, tum fit,
Impellant ut eam Magnesia flumine saxa.
Nec tamen haec ita sunt aliarum rerum aliena,
Vt mihi multa parum genere ex hoc suppeditentur,
Quae memorare queam inter se singlariter apta.
Saxa vides primum sola colescere calce.
Glutine materies taurino iungitur uno,
Vt vitio venae tabularum saepius hiscant
Quam laxare queant compages taurea vincla.
Vitigeni latices aquai fontibus audent
Misceri, cum pix nequeat gravis et leve olivum.
Purpureusque colos conchyli iungitur uno
Corpore cum lanae, dirimi qui non queat usquam,
Non si Neptuni fluctu renovare operam des,
Non, mare si totum velit eluere omnibus undis.
Denique non auro res aurum copulat una
Aerique aes plumbo fit uti iungatur ab albo?
Cetera iam quam multa licet reperire! Quid ergo?
Nec tibi tam longis opus est ambagibus usquam,
Nec me tam multam hic operam consumere par est,
Sed breviter paucis praestat comprendere multa.
Quorum ita texturae ceciderunt mutua contra,
Vt cava conveniant plenis haec illius illa
Huiusque inter se, iunctura haec optima constat.
Est etiam, quasi ut anellis hamisque plicata
Inter se quaedam possint coplata teneri;
Quod magis in lapide hoc fieri ferroque videtur.
Nunc ratio quae sit morbis aut unde repente
Mortiferam possit cladem conflare coorta
Morbida vis hominum generi pecudumque catervis,
Expediam. Primum multarum semina rerum
Esse supra docui quae sint vitalia nobis,
Et contra quae sint morbo mortique necessest
Multa volare. Ea cum casu sunt forte coorta

Среднее место меж тем и другим занимает железо:
Ежели примет в себя оно несколько телец из меди,
То отгоняет его истечением камень магнитный.
Эти явленья совсем не настолько, однако, отличны,
Чтобы не мог привести я подобных же сколько угодно
И указать, что порой лишь одно подходяще другому.
Известью только одной, как известно нам, держится камень,
Дерево только одним бычачьим скрепляется клеем,
Так что скорее доска, по волокнам растреснувшись, лопнет,
Чем разойдутся ее скрепленья, залитые клеем.
Сок виноградный спешит с родниковой смешаться водою,
Но ни густая смола ни легкое масло не могут.
Раковин пурпурных сок сочетается с шерстью столь тесно,
Что никогда от нее отделиться он больше не может,
Как бы ты шерсть отбелить ни старался потоком Нептуна:
Даже все волны морей не отмоют пурпуровой краски
Золото к золоту вещь не одна ли, скажи, припаяет?
С медью скрепляется медь не при помощи ль олова только?
Много еще привести я мог бы примеров, но надо ль?
Ведь ни тебе не нужны околичности эти нисколько,
Ни для меня ни к чему затрачивать столько стараний.
Надо в коротких словах постараться все выводы сделать:
Вещи, в которых их ткань совпадает взаимно с другою,
Так что, где выпуклость есть, у другой оказалась бы там же
Впадина, — эта их связь окажется самою тесной.
Есть и такие еще, что крючками и петлями будто
Держатся крепко и так друг с другом сцепляются вместе.
Это скорее всего происходит в железе с магнитом.

Ну, а теперь, отчего происходят болезни, откуда
Может внезапно прийти и повеять поветрием смертным
Мора нежданного мощь, и людей и стада поражая,
Я объясню. Существует немало семян всевозможных,
Как указал я уже, из которых одни животворны,
Но и немало таких, что приводят к болезни и смерти,
К нам долетая. Когда они вместе сойдутся случайно

Et perturbarunt caelum, fit morbidus aer.
Atque ea vis omnis morborum pestilitasque
Aut extrinsecus ut nubes nebulaeque superne
Per caelum veniunt, aut ipsa saepe coorta
De terra surgunt, ubi putorem umida nactast
Intempestivis pluviisque et solibus icta.
Nonne vides etiam caeli novitate et aquarum
Temptari procul a patria quicumque domoque
Adveniunt ideo quia longe discrepitant res?
Nam quid Brittannis caelum differre putamus,
Et quod in Aegypto est, qua mundi claudicat axis,
Quidve quod in Ponto est differre, et Gadibus atque
Vsque ad nigra virum percocto saecla colore?
Quae cum quattuor inter se diversa videmus
Quattuor a ventis et caeli partibus esse,
Tum color et facies hominum distare videntur
Largiter et morbi generatim saecla tenere.
Est elephas morbus, qui propter flumina Nili
Gignitur Aegypto in media, neque praeterea usquam.
Atthide temptantur gressus, oculique in Achaeis
Finibus. Inde aliis alius locus est inimicus
Partibus ac membris: varius concinnat id aer.
Proinde ubi se caelum quod nobis forte alienum
Commovet atque aer inimicus serpere coepit,
Vt nebula ac nubes paulatim repit et omne
Qua graditur conturbat et immutare coactat,
Fit quoque ut, in nostrum cum venit denique caelum,
Corrumpat reddatque sui simile atque alienum.
Haec igitur subito clades nova pestilitasque
Aut in aquas cadit, aut fruges persidit in ipsas,
Aut alios hominum pastus pecudumque cibatus,
Aut etiam suspensa manet vis aere in ipso
Et, cum spirantes mixtas hinc ducimus auras,
Illa quoque in corpus pariter sorbere necessest.
Consimili ratione venit bubus quoque saepe

И небеса возмутят, зараженным становится воздух.
Весь этот гибельный мор, все повальные эти болезни
Или приходят извне и, подобно туманам и тучам,
Сверху чрез небо идут, иль из самой земли возникают,
Вместе сбираясь, когда загнивает промокшая почва
И от дождей проливных, и от солнца лучей раскаленных.
Да и не видишь ли ты, что воды перемены и неба
Вредны для тех, кто ушел далеко от отчизны и дома,
Так как попал он теперь в совершенно другие условья?
Ибо какая должна быть разница между Британским
Небом и небом Египта, где ось наклоняется мира?
Между Понтийским и тем, что идет от пределов Гадеса
Вплоть до народов, совсем почерневших от жгучего жара!
Как различаются все четыре деления света
И по ветра́м четырем и по разным частям небосвода,
Так и наружность и цвет у людей различаются сильно,
И у различных племен и болезни их также различны.
Есть вблизи Нила болезнь, что название носит „слоновой“,
В среднем Египте она, и нигде не является больше;
В Аттике — ноги болят, глаза же — в пределах Ахейских;
Так и другие места оказаться опасными могут
Разным телесным частям: всё зависит от воздуха свойства.
И потому, когда вдруг всколыхнется нам чуждое небо
И пробираться начнет понемногу опасный нам воздух,
Как облака и туман, подползает он, крадучись тихо,
Всё по дороге мутя и кругом приводя в беспорядок;
И, доходя, наконец, и до нашего неба, его он
Уподобляет себе, нам делает чуждым и портит.
Новая эта беда и зараза, явившись внезапно,
Может иль на̀ воду пасть, иль на самых хлебах оседает,
Или на пище другой для людей и на пастьбах скотины,
Иль продолжает висеть, оставаяся в воздухе самом;
Мы же, вдыхая в себя этот гибельно смешанный воздух,
Необходимо должны вдохнуть и болезнь и заразу.
Точно таким же путем и быков этот мор заражает,

Pestilitas et iam pigris balantibus aegror.
Nec refert utrum nos in loca deveniamus
Nobis adversa et caeli mutemus amictum,
An caelum nobis ultro natura coruptum
Deferat aut aliquid quo non consuevimus uti,
Quod nos adventu possit temptare recenti.
Haec ratio quondam morborum et mortifer aestus
Finibus in Cecropis funestos reddidit agros
Vastavitque vias, exhausit civibus urbem.
Nam penitus veniens Aegypti finibus ortus,
Aera permensus multum camposque natantis,
Incubuit tandem populo Pandionis omni.
Inde catervatim morbo mortique dabantur.
Principio caput incensum fervore gerebant
Et duplicis oculos suffusa luce rubentis.
Sudabant etiam fauces intrinsecus atrae
Sanguine, et ulceribus vocis via saepta coibat
Atque animi interpres manabat lingua cruore
Debilitata malis, motu gravis, aspera tactu.
Inde ubi per fauces pectus complerat et ipsum
Morbida vis in cor maestum confluxerat aegris,
Omnia tum vero vitai claustra lababant.
Spiritus ore foras taetrum volvebat odorem,
Rancida quo perolent proiecta cadavera ritu.
Atque animi prorsum vires totius et omne
Languebat corpus leti iam limine in ipso.
Intolerabilibusque malis erat anxius angor
Assidue comes et gemitu commixta querela.
Singultusque frequens noctem per saepe diemque
Corripere assidue nervos et membra coactans
Dissoluebat eos, defessos ante, fatigans.
Nec nimio cuiquam posses ardore tueri
Corporis in summo summam fervescere partem,
Sed potius tepidum manibus proponere tactum
Et simul ulceribus quasi inustis omne rubere

И нападает болезнь и на блеющих вялых баранов.
И безразлично для нас, посетим ли мы сами те страны,
Что неприязненны нам, меняя небес облаченье,
Или природа сама принесет зараженное небо,
Или еще что-нибудь, к чему мы совсем не привыкли,
То, что приходом своим неожиданным может быть вредно.
    Этого рода болезнь и дыханье горячее смерти
В кладбище некогда все обратили Кекроповы земли,
Жителей город лишив и пустынными улицы сделав.
Ибо, в глубинах Египта родясь и выйдя оттуда,
Долгий по воздуху путь совершив и по водным равнинам,
Пал этот мор, наконец, на всё Пандионово племя,
И на болезнь и на смерть повальную всех обрекая.
Прежде всего голова гореть начинала от жара,
И воспалялись глаза, принимая багровый оттенок;
Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;
Мысли глашатай — язык затекал изверженной кровью,
Слабый от боли, в движеньи тяжелый, шершавый наощупь.
Дальше, когда, сквозь гортань накопляясь в груди, проникала
Сила болезни затем и в самое сердце больного,
То, расшатавшись, тогда колебалися жизни устои.
Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах,
Тот же, какой издает, загнивая, смердящая падаль.
Силы духовные тут ослаблялись, и тело томилось,
Ослабевая совсем у самого смерти порога.
И безысходной тоской нестерпимые эти страданья
Сопровождались всегда, сочетаясь с мучительным стоном.
Часто и ночью и днем непрерывные схватки икоты
Мышцы и члены больных постоянно сводили и, корча,
Их, истомленных уже, донимали, вконец изнуряя.
Но ни на ком бы не мог ты заметить, чтоб жаром чрезмерным
Кожа горела больных на наружной поверхности тела;
Нет, представлялась она скорей тепловатой наощупь;
Точно ожогами, все покрывалось тело при этом

Corpus, ut est per membra sacer dum diditur ignis.
Intima pars hominum vero flagrabat ad ossa,
Flagrabat stomacho flamma ut fornacibus intus.
Nil adeo posses cuiquam leve tenveque membris
Vertere in utilitatem, at ventum et frigora semper.
In fluvios partim gelidos ardentia morbo
Membra dabant, nudum iacientes corpus in undas.
1178 Multi praecipites nymphis putealibus alte
1174 Inciderunt, ipso venientes ore patente:
Insedabiliter sitis arida, corpora mersans,
Aequabat multum parvis umoribus imbrem.
Nec requies erat ulla mali: defessa iacebant
1179 Corpora. Mussabat tacito medicina timore,
Quippe patentia cum totiens, ardentia morbis,
Lumina versarent oculorum expertia somno.
Multaque praeterea mortis tum signa dabantur,
Perturbata animi mens in maerore metuque,
Triste supercilium, furiosus vultus et acer,
Sollicitae porro plenaeque sonoribus aures,
Creber spiritus aut ingens raroque coortus,
Sudorisque madens per collum splendidus umor,
Tenvia sputa minuta, croci contacta colore
Salsaque, per fauces rauca vix edita tussi.
In manibus vero nervi trahere et tremere artus
A pedibusque minutatim succedere frigus
Non dubitabat. Item ad supremum denique tempus
Compressae nares, nasi primoris acumen
Tenve, cavati oculi, cava tempora, frigida pellis
Duraque in ore, iacens rictu, frons tenta manebat.
Nec nimio rigida post artus morte iacebant.
Octavoque fere candenti lumine solis
Aut etiam nona reddebant lampade vitam.
Quorum siquis, ut est, vitarat funera leti,
Vlceribus taetris et nigra proluvie alvi,
Posterius tamen hunc tabes letumque manebat,

Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
Внутренность вся между тем до мозга костей распалялась,
Весь распалялся живот, пламенея, как горн раскаленный.
Даже и легкая ткань и одежды тончайшие были
Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
В волны холодные рек бросались иные нагими,
Чтобы водой освежить свое воспаленное тело.
Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,
К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись:
В воду кидаться влекла неуёмная, жгучая жажда;
Даже и дождь проливной представлялся им жалкой росою.
И передышки болезнь не давала совсем. В изнуреньи
Люди лежали. Врачи бормотали, от страха немея,
Видя всегда пред собой блуждавший, широко открытый
Взгляд воспаленных очей, не знавших ни сна ни покоя.
Много еще и других появлялось признаков смерти:
Путались мысли, и ум от унынья и страха мешался,
Хмурились брови, лицо становилось свирепым и диким,
Слух раздражен был, и шум раздавался в ушах, не смолкая,
Делалось частым дыханье, а то затяжным или редким,
Шея покрыта была лоснящейся влагою пота,
В жидких и скудных плевках соленая, цвета шафрана,
С хриплым кашлем слюна с трудом выделялась из горла.
Мышцы сводило в руках, и члены тряслись и дрожали,
И, начиная от ног, подыматься все выше и выше
Холод не медлил. Затем, с наступленьем последнего часа,
Ноздри сжимались, и нос, заостряясь в конце, становился
Тонким, впадали глаза и виски, холодея твердели
Губы, разинут был рот и натянута лобная кожа.
Без промедленья потом коченели отмершие члены.
Вместе с восьмою зарей блестящего солнца обычно
Иль на девятый восход его светоча жизнь прекращалась.
Если же кто избегал почему-нибудь смертной кончины,
То в изнуреньи от язв отвратительных, в черном поносе,
Всё же впоследствии он становился добычею смерти.

Aut etiam multus capitis cum saepe dolore
Corruptus sanguis expletis naribus ibat:
Huc hominis totae vires corpusque fluebat.
Profluvium porro qui taetri sanguinis acre
Exierat, tamen in nervos huic morbus et artus
Ibat et in partis genitalis corporis ipsas.
Et graviter partim metuentes limina leti
Vivebant ferro privati parte virili,
Et manibus sine nonnulli pedibusque manebant
In vita tamen, et perdebant lumina partim:
Vsque adeo mortis metus his incesserat acer.
Atque etiam quosdam cepere oblivia rerum
Cunctarum, neque se possent cognoscere ut ipsi.
Multaque humi cum inhumata iacerent corpora supra
Corporibus, tamen alituum genus atque ferarum
Aut procul absiliebat, ut acrem exiret odorem,
Aut, ubi gustarat, languebat morte propinqua.
Nec tamen omnino temere illis solibus ulla
Comparebat avis, nec tristia saecla ferarum
Exibant silvis. Languebant pleraque morbo
Et moriebantur. Cum primis fida canum vis
Strata viis animam ponebat in omnibus aegre:
Extorquebat enim vitam vis morbida membris.
Nec ratio remedi communis certa dabatur;
Nam quod ali dederat vitalis aeris auras
Volvere in ore licere et caeli templa tueri,
Hoc aliis erat exitio letumque parabat.
Illud in his rebus miserandum magnopere unum
Aerumnabile erat, quod ubi se quisque videbat
Implicitum morbo, morti damnatus ut esset,
Deficiens animo maesto cum corde iacebat,
Funera respectans animam amittebat ibidem.
Quippe etenim nullo cessabant tempore apisci
Ex aliis alios avidi contagia morbi,
Lanigeras tamquam pecudes et bucera saecla.

Часто еще из ноздрей заложенных шла изобильно
Кровь гнилая, причем голова нестерпимо болела:
Таял тогда человек, теряя последние силы.
Если ж спасались и тут от острого кровотеченья
Гнойного, всё же болезнь уходила в суставы и жилы,
Даже спускаясь к самим детородным частям человека.
Тяжко иные боясь очутиться у смерти порога,
Жизнь сохраняли себе отсечением члена мужского;
Также встречались порой и такие, что жить продолжали,
Хоть и без рук и без ног, а иные лишались и зренья.
Вот до чего доводил отчаянный страх перед смертью!
И постигало иных такое забвенье событий
Прошлых, что сами себя узнать они были не в силах.
Много хотя на земле, землей не покрытых, валялось
Трупов на трупах тогда, но пернатых и хищников стаи
Всё же иль прядали прочь, убегая от острого смрада,
Или, отведав, тотчас в предсмертных мученьях томились.
Впрочем, в те страшные дни ни из птиц ни одна не решалась
Вовсе туда прилетать, ни свирепые дикие звери
Не покидали лесов. Большинство, от болезни страдая,
Околевало тогда. И верная пёсья порода
Прежде всего издыхала на улицах в тяжких мученьях:
Жизнь исторгалась из тел смертоносною силою мора.
Верных, пригодных для всех одинаково, средств не имелось.
То, что давало одним возможность живительный воздух
Полною грудью вдыхать и взирать на небесные выси,
Гибельно было другим и на верную смерть обрекало.
Тут всего больше одно сокрушения было достойно
И тяжело — это то, что как только кто-нибудь видел,
Что он и сам захворал, то, как нá смерть уже обреченный,
Падая духом, лежал с глубоким унынием в сердце
И, ожидая конца, он на месте с душой расставался.
Правда, с одних на других, ни на миг не давая покоя,
Шла и валила людей ненасытной болезни зараза,
Как густорунных овец и племя быков круторогих.

1237 Idque vel in primis cumulabat funere funus.
Nam quicumque suos fugitabant visere ad aegros,
Vitai nimium cupidos mortisque timentis
Poenibat paulo post turpi morte malaque,
Desertos, opis expertis, incuria mactans.
Qui fuerant autem praesto, contagibus ibant
Atque labore, pudor quem tum cogebat obire
Blandaque lassorum vox mixta voce querelae.
1246 Optimus hoc leti genus ergo quisque subibat.
1225 Incomitata rapi certabant funera vasta,
1225a Ossaque condebant quo fors tum quemque trahebat
1225b Nulla illi patrios ritus pietate colentes
1247 Inque aliis alium populum sepelire suorum
Certantes; lacrimis lassi luctuque redibant;
Inde bonam partem in lectum maerore dabantur.
Nec poterat quisquam reperiri, quem neque morbus,
Nec mors, nec luctus temptaret tempore tali.
Praeterea iam pastor et armentarius omnis
Et robustus item curvi moderator aratri
Languebat, penitusque casa contrusa iacebant
Corpora paupertate et morbo dedita morti.
Exanimis pueris super exanimata parentum
Corpora nonnumquam posses retroque videre
Matribus et patribus natos super edere vitam.
Nec minimam partem ex agris maeror is in urbem
Confluxit, languens quem contulit agricolarum
Copia conveniens ex omni morbida parte.
Omnia complebant loca tectaque; quo magis aestu
Confertos ita acervatim mors accumulabat.
Multa siti protracta viam per proque voluta
Corpora silanos ad aquarum strata iacebant
Interclusa anima nimia ab dulcedine aquarum,
Multaque per populi passim loca prompta viasque
Languida semanimo cum corpore membra videres
Horrida paedore et pannis cooperta perire

Это и делало то, что росла за могилой могила.
Ибо и тот, кто бежал посещенья родных заболевших,
Вскоре платился и сам за свою непомерную жадность
К жизни и смерти боязнь злополучной, позорною смертью
Помощи всякой лишен, небрежением общим казнимый.
Тот же, кто помощь своим подавал, погибал от заразы
И от трудов, что нести заставляли и совесть и также
Голос умильный больных, прерываемый жалобным стоном.
Эта кончина была уделом достойных и лучших.
Наспех несли хоронить без проводов множество трупов
И зарывали скорей, как попало, их бренные кости
Не соблюдая совсем благочестных обычаев предков:
Наперебой торопясь с погребеньем родных, где придется,
В изнеможеньи от слез и печали домой возвращались.
После же добрая часть не вставала с постели от горя.
И не нашелся б никто в это страшное время, кого бы
Не поразила иль смерть, иль болезнь, иль печаль по умершим.

Ни волопас ни пастух уже стад не пасли, да и пахарь
Твердой рукой ни один не работал изогнутым плугом:
Занемогли и они. И, скучившись в хижинах тесных,
Обречены были все на смерть нищетой и болезнью.
На бездыханных сынах бездыханных родителей трупы
Видно бывало порой, а равно и лежащих на трупах
Их матерей и отцов — детей, расстававшихся с жизнью.
Да и немало беды понаделало то, что скопилось
В городе много селян, уходивших с полей, отовсюду
С разных сторон притекавших в него зараженной толпою.
Площади все и дома переполнены были, и, тесно
Скучившись вместе, народ погибал от повального мора.
Много на улице тел валялось: томимые жаждой,
Люди к фонтанам воды подползали и падали тут же,
Ибо дыханье у них ненасытная жажда спирала.
Да и по людным местам и дорогам ты мог бы увидеть
Многое множество тел изможденных людей, полумертвых;
Пакостью смрадною все и рубищем рваным покрыты,

Corporis inluvie, pelli super ossibus una,
Vlceribus taetris prope iam sordique sepulta.
Omnia denique sancta deum delubra replerat
Corporibus mors exanimis onerataque passim
Cuncta cadaveribus caelestum templa manebant,
Hospitibus loca quae complerant aedituentes.
Nec iam religio divum nec numina magni
Pendebantur enim: praesens dolor exsuperabat.
Nec mos ille sepulturae remanebat in urbe,
Quo prius hic populus semper consuerat humari;
Perturbatus enim totus trepidabat, et unus
Quisque suum pro re praesenti maestus humabat.
Multaque res subita et paupertas horrida suasit.
Namque suos consanguineos aliena rogorum
Insuper exstructa ingenti clamore locabant
Subdebantque faces, multo cum sanguine saepe
Rixantes potius quam corpora desererentur.

Гибли они от парши—не люди, а кожа да кости:
Гнусные язвы и грязь уже заживо их хоронили.
Капища все, наконец, святые богов бездыханной
Грудою тел переполнила смерть, и завалены всюду
Трупами дóверху все небожителей храмы стояли
Там, где пришельцев толпу призревали служители храмов.
Ни почитанье богов ни веления их в это время
Не соблюдались уже: отчаянье всё ниспровергло.
И позабыт был обряд похорон, по которому раньше
В городе этом народ совершал погребенья издревле.
Все трепетали тогда в смятении полном, и каждый
В мрачном уныньи своих мертвецов хоронил, как придется.
Спешка и с ней нищета к делам побуждали ужасным:
Так, на чужие костры, для других возведенные трупов,
Единокровных своих возлагали с неистовым криком
И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
В кровопролитной борьбе, чем с телами родными расстаться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Новое русское издание бессмертной поэмы Лукреция „О природе вещей“ приурочено к редкому юбилею: 2000 лет со дня смерти Тита Лукреция Кара. По единственному сохранившемуся, хотя и не вполне достоверному свидетельству, Лукреций умер в 55 г. до н. э., т. е. 2000 лет тому назад, в возрасте 44 лет.

Несмотря на непривычную отдаленность этого срока, особенно в истории науки, поэма Лукреция для современного читателя — специалиста-литературоведа, естествоиспытателя, философа и просто интеллигента — кажется в большинстве своих частей удивительно свежей и интересной, в отличие от многого другого, что нам оставила древность. Тайна этой необыкновенной жизненности дидактического произведения Лукреция кроется, конечно, прежде всего в глубоком родстве атомистических догадок античных атомистов, излагаемых в поэме, с современной наукой, в близости материалистической философии Эпикура — Лукреция к современному научному воззрению и, наконец, в высоких поэтических качествах поэмы.

Изучение и издание поэмы Лукреция с давних пор монополизировано филологами по основаниям достаточным и оче-

видным. Однако несомненно, что поэма „О природе вещей“ — не только великий литературный памятник, но одновременно важнейшее сочинение в истории естествознания, содержащее наиболее полное и мотивированное изложение одного из вариантов античного атомизма. Поэтому включение нашего издания поэмы Лукреция в серию „Классики науки“ едва ли требует особых разъяснений.

Настоящее двухтомное издание — седьмое по счету русское издание поэмы. В отличие от всех предшествующих изданий, параллельно с русским переводом Ф. А. Петровского помещен латинский текст Лукреция. Таким способом читатель, несколько знакомый с латинским языком, может удобно сравнить перевод с оригиналом, который, разумеется, не всегда удалось передать переводом с полной точностью.

Во втором томе нашего издания Лукреция будет помещен комментарий к тексту и ряд статей, освещающих поэму Лукреция с точки зрения литературно-исторической, философской и конкретно-научной и составленных специалистами. Во втором томе, кроме того, будет помещен перевод сохранившихся фрагментов Эпикура, имеющих основное значение для понимания философских, этических и научных тенденций Лукреция.

Мы надеемся, что новое издание достойным образом представит современному русскому читателю великого римского ученого-поэта, еще сравнительно недавно оказывавшего своей поэмой конкретное влияние на развитие науки — в XVII веке на Ньютона и в XVIII на Ломоносова.

Академик *С. Вавилов.*

Ленинград,
Июль 1945 г.

Тираж настоящего первого тома издан двумя частями (1—5000 и 5001—10 000 экз.), причем во второй части автором перевода исправлен ряд неточностей и опечаток.

Март 1946 г.

ПОЯСНЕНИЯ К РИСУНКАМ

Все помещенные в книге иллюстрации перерисованы с античных резных камней (гемм). Основные изображения переданы во всех случаях точно, но у некоторых гемм изменены рамки, которые, однако, всегда точно копировались с античных подлинников. Кроме того, с изображения Лукреция (на переплете и на стр. 5) и с изображений философа со свитком (стр. 1) и Купидона с рогом изобилия (стр. 207) сняты буквы. Перерисовки даны по изданию Лукреция Munro (Кембридж, 1886) и по богато иллюстрированному античными геммами изданию Горация Кинга (Q. Horatii Flacci Opera. Illustrated from antique gems by C. W. King. London, 1869).

Из двух портретных гемм только изображение Эпикура (на титульном листе) является настоящим портретом, а изображение Лукреция (на подлиннике которого вырезаны начальные буквы его имени LVCR) считается апокрифическим (см. Bernoulli, Griech. Ikonogr. II, 122 сл., его же Röm. Ikonogr. I, 235 и Amer. Journ. of Arch. 16 (1912), 144 сл.).

Стр. 1. — Философ со свитком. У ног его стоит книжный ларь, перед ним — гномон (солнечные часы).

Стр. 2 — Гений весны, появляющийся из цветка гранатового дерева (зацветающего раньше других на Юге Европы) и держащий в руках другие дары весны.

Стр. 3 — Эпикур. Изображение, редко встречающееся на геммах, хотя, судя по насмешкам Цицерона над эпикурейцами, которые носят на перстнях портрет своего учителя, оно часто вырезалось на камнях.

Стр. 6. — Венера, накидывающая на себя одежду. Изображение в стиле школы Фидия.

Стр. 7. — Марс с трофеем на плече. Несмотря на римский стиль изображения и позу, указывающую на эпитет „gradivus“ („выступающий“), Марс представлен, согласно греческому идеалу, юным и обнаженным, что соответствует и словам Лукреция в начале поэмы.

Стр. 72. — Стадо коров под деревом. О подобном изображении на резном камне говорит эпиграмма Платона:

Пять коровок пасутся на этой маленькой яшме:
Словно живые, резцом врезаны в камень они.
Кажется, вот разбредутся... но нет, золотая ограда
Тесным схватила кольцом крошечный пастбищный луг.

(См. Греческие эпиграммы, Academia, М.—Л. 1935, стр. 246 и 276). Упоминается о подобном изображении и в романе „Эфиопика“ Гелиодора.

Стр. 73. — Мать-Земля. Символическое изображение плодородия природы. Из ног Матери-Земли растет пять колосьев, из головы — листья; в руке у нее оливковая ветвь.

Стр. 142. — Сизиф, старающийся вкатить на гору огромный камень.

Стр. 143. — Геркулес, поникший под тяжестью трудов, которые должно облегчить крылатое хтоническое божество, стоящее сзади него с лавровою ветвью

Стр. 206. — Купидон, отвернувшийся от кувшина, из которого он заливает водой свой горящий факел.

Стр. 207. — Купидон, с трудом несущий в руках огромный рог изобилия.

Стр. 282. — Чеканщик (toreutes) с молотком и инструментом для обработки большого металлического кратера. Дерево, под которым стоит сосуд, указывает на обычай работы под открытым небом.

Стр. 283. — Лев, в пасти у которого голова быка. Сзади — скорпион. Всё это — знаки Зодиака.

Стр. 366. — Афина-Паллада. Техника и стиль геммы указывают на раннюю этрусскую работу.

Стр, 367. — Скелет, поднимающийся из большой погребальной урны и срывающий ветку пальмы для указания на неувядаемость посмертной славы.

Стр. 440. — Ваза с парой голубей на ручках. Вероятно — попытка изобразить описанный Гомером кубок Нестора (см. „Илиада“, XI, 632 сл.).

Стр. 441. — Погребальная урна с цветком лотоса.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

Обращение к Венере (1—43). Обращение к Меммию и предмет поэмы (50—61) Победа Эпикура над религией (62—79). Религия ведет к преступлениям: принесение в жертву Ифианассы (80—101). Необходимость уничтожения религии, отравляющей человеческое существование; постижение законов природы уничтожает всякие суеверные страхи (102—135). Отступление: трудность изложения греческой философии на латинском языке (136—145). Основное положение: „Из ничего не творится ничто по божественной воле“ и доказательства его (146—214). Вывод из основного положения: „Ничто не обращается в ничто“ (215—264). Доказательство существования атомов, несмотря на их невидимость (265—328). Доказательство существования пустого пространства и опровержение теорий, отрицающих существование пустоты (329—417). Всё в мире состоит из тел и пустоты; никакой третьей субстанциональной сущности нет. Вопрос о времени (418—482). Строение атомов и доказательство их плотности и неделимости (483—634). Опровержение теории Гераклита (635—704). Опровержение других космогонических систем (Анаксимена, Фалеса, Ферекида, Ксенофана) и подробное доказательство несостоятельности учения Эмпедокла о четырех стихиях (705—829). Опровержение учения Анаксагора (830—920). Отступление: указание на основную задачу поэмы (освобождение человеческой мысли от религии) и оправдание формы изложения (921—950). Доказательство бесконечного количества атомов и безграничности вселенной (951—1051). Опровержение учения стоиков

о центре вселенной. Нелепость гипотезы об антиподах. Повторение доказательства беспредельности материи и пространства. Заключительное обращение к Меммию (1052—1117) . . . . 7—71

КНИГА ВТОРАЯ

Вступление: похвала мудрости и доказательство тщетности людских забот и страхов (1—61). Содержание книги II (62—66). Движение атомов. Их сочетания. Скорость их движения (67—164). Опровержение идеи провидения и участия богов в создании мира (165—183). Все тела, в силу собственной тяжести, устремляются книзу, и ничто не способно само собой двигаться кверху (184—215). Отклонение атомов (216—250). Отклонение атомов и свобода воли (251—293). Количество мировой материи остается всегда неизменным (294—307). Движение атомов и объяснение невидимости его (308—332). Разнообразие форм атомов и обусловленные этим явления (333—477). Разнородность форм атомов, однако, ограничена (478—521). Количество одинакового вида атомов бесконечно (522—580). Всякая вещь состоит из сочетания разнородных атомов (581—588).Пример такого сочетания разнородных атомов— земля (589—599). Отступление описание культа Великой Матери, миф о ней и опровержение обожествления природы (600—659). Другие примеры разнородности материи в вещах (660—699). Однако не все атомы могут входить в сочетание друг с другом каким угодно образом (700—729). Атомы бесцветны. Теория цвета (730—841). Атомы не обладают ни температурой, ни звуком, ни вкусом, ни запахом, ни мягкостью, ни гибкостью, ни рыхлостью—вообще теми качествами, которые присущи „смертным“ предметам (842—864). Атомы лишены чувства. Происхождение жизни и чувства (865—1022). Переход к новой теме (1023—1047). Множественность миров во вселенной (1048—1089). Природа всё создает сама, без всякого участия богов (1090—1104). Возникновение и развитие мира. Признаки его постарения и неизбежной смерти (1105—1174) . . . . 73—141

КНИГА ТРЕТЬЯ

Восхваление Эпикура (1—30). Содержание и задача книги III: исследование сущности духа и души (animus и anima) и уничтожение страха смерти (31—93). Дух и душа составляют часть человеческого тела, а не являются его „гармонией“ (94—135). Связь между душой и духом (136—160). Природа духа и души материальна („телесна“) (161—176). Чрезвычайная тонкость и мелкость атомов духа и души

(177—230). Четыре составные части духа и души: ветер („дуновение“), тепло („жар“), воздух и четвертая безыменная сущность („душа души“). Объяснение разницы темпераментов у животных и человека (231—322). Тесная взаимная связь между душою и телом (323—369). Возражение Демокриту по вопросу о размещении элементов души и тела. Учение об абсолютном пороге (370—395). Преобладание духа над силой души при их взаимной связи (396—416). Дух и душа, составляющие иную сущность, и рождаются и умирают (417—424). Душа умирает вместе с телом (425—444). Дух и душа рождаются одновременно с телом и живут и умирают с ним вместе (445—458). Душа и дух подвержены болезням, а следовательно, и смерти (459—525). Душа испытывает ту же агонию, что и тело (526—547). Так как дух есть часть человека, то он не может существовать вне тела (548—557). Жизнеспособность тела и духа обусловлена их взаимною связью. Доказательства этого (558—633). Душа разделима и, следовательно, смертна (634—669). Будь дух и душа бессмертны и вселяйся они в „готовое тело“, они бы помнили предыдущую свою жизнь (670—678). Душа так неразрывно сплетена с телом, что не может покинуть его, не разрушаясь (676—697). Если бы даже душа представляла какой-то ток, извне проникающий в тело, то тем самым она оказалась бы смертной (698—712). Душа, труп и черви (713—740). Доказательство нелепости учения о переселении душ (741—775). Нелепость предположения о вселении душ (776—783). Дух и душа не могут жить вне смертного тела, ибо смертное не может сочетаться с бессмертным (784—805). Заключительное доказательство смертности души (806—829). Ничтожность страха смерти при смертности души. Смерть — не страдание, а избавление от страданий (830—930). Речь природы к человеку о смерти (931—977). Наказания после смерти — басни. Толкование мифов о Тантале, Сизифе, и др. как изображений страданий при жизни (978—1023). Неизбежность смерти (1024—1052). Боязнь смерти и отвращение к жизни происходят от незнания законов природы (1053—1075). Заключение: ничтожная длительность жизни по сравнению с вечностью смерти (1076—1094) . . . 143—205

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Вступление. Оправдание формы изложения (1—25). Содержание книги IV: теория призраков, или образов (26—53). Доказательства существования их (54—109). Природа образа (110—128). Возникновение их (129—142; 168—175). Быстрота образования и скорость их движения (143—167; 176—215). Истечения исходят от всевозможных вещей (216—229). Теория зрения (230—268). Теория отражения в зеркале

(269—347). Различные явления зрения (299—363). Тень (364—378). Зрительные иллюзии (379—461). Оправдание чувства. Возражение скептикам 462—521). Другие чувства. Слух. Голос, звук и различные виды звуков (522—571). Эхо и связанные с ним легенды (572—594). Слух и зрение. Разница между распространением звука и путями зрительных образов (595—614). Вкус. Разница во вкусах (615—672). Обоняние. Разные виды запахов (673—705). Разница в зрительных ощущениях (706—721). Умственные образы и призраки и возникновение их (722—826). Опровержение теории целесообразности (822—857). Голод и жажда (858—876). Ходьба и движения тела (877—906). Сон (907—961). Сновидения (962—1036). Половое чувство (1037—1057). Любовь. Страдания и заблуждения влюбленных (1058—1191). Взаимное влечение (1192—1207). Теория наследственности (1208—1232). Бесплодие и плодовитость (1233—1277). Привычка и любовь (1278—1287) . . . . 207—281

КНИГА ПЯТАЯ

Апофеоз Эпикура (1—54). Содержание книги V (55—90). Неизбежная гибель мира. Нелепость обожествления и одухотворения мира. Независимость мира от богов и опровержение теории целесообразности (91—234). Мир имел начало и так же смертен, как и его части (235—379). Борьба мировых стихий. Миф о Фаэтоне и потопе (380—(415). Возникновение и образование мира и его отдельных частей (416—508). Движение звезд и возможные причины его (509—533). Причины устойчивости земли (534—563). Размеры солнца и луны (564—589). Солнечный свет и тепло (590—613). Гипотезы для объяснения движения солнца, луны и звезд (614—649). Смена дня и ночи (650—679). Изменения длительности дней и ночей в разные времена года (680—704). Фазы луны (705—750). Затмения (751—770). Переход к изложению теории развития земли (772—782). Появление растительности и животных. Истощение земли (783—836). Возникновение и исчезновение нежизнеспособных животных. Невозможность существования мифических существ. Теория борьбы за существование (837—924). Первобытные люди (925—1010). Возникновение первобытного общества (1011—1027). Происхождение языка (1028—1090). Возникновение и применение огня (1091—1104). Возникновение царской власти и частной собственности (1105—1135). Свержение царской власти. Возникновение права и законов (1136—1160). Происхождение религии (1161—1240). Открытие металлов (1241—1280). Открытие железа (1281—1296). Усовершенствования в военном деле (1297—1349). Изобретение тканей (1350—1360). Обработка почвы (1361—1378). Возникновение музыки. Мысли о раз-

витии материальной культуры (1379—1435). Осознание периодической смены времен года (1436—1439). Дальнейшее развитие культуры: письменность, судостроение, строительное искусство и т. д. (1440—1457) . 283—365

КНИГА ШЕСТАЯ

Восхваление Афин и Эпикура (1—42). Содержание книги VI: уничтожение суеверных страхов путем объяснения явлений природы (43—95). Происхождение грома (96—144). Молния (146—218). Природа молнии (219—238). Возникновение молнии (239—322). Скорость и сила молнии (323—356). Причины того, почему грозы чаще всего бывают осенью и весной (357—378). Молния не может посылаться богами (379—422). Смерчи (423—450). Тучи и облака (451—494). Дождь и радуга (495—526). Другие метеорологические явления (527—534). Землетрясения (535—607). Причины того, почему море не прибывает (608—638). Извержения Этны (639—702). Явления природы, допускающие различные объяснения (703—711), Разливы Нила (712—737). Аверны (738—839). Почему летом вода в колодцах холоднее, чем зимой (840—847). Источник у храма Аммона (848—878). Огневой источник и Арадский родник (879—905). Магнит (906—1089). Болезни и эпидемии (1090—1137). Повальный мор в Афинах (1138—1286) . . . . 367—441

Послесловие акад. С. И. Вавилова 443

Пояснения к рисункам 445

ЛУКРЕЦИЙ — О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

*

Печатается по постановлению
Редакционно-Издательского Совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор *Н. Я. Мурашова*

Корректор *О. А. Руднева*

Художественное оформление книги
Н. М. Лобанова

Гравюры на дереве работы *М. С. Белова*

*

РИСО АН СССР № 2229. А-00273. Издат. № 475. Тип. заказ № 346/28. Подписано к печати 12/IV 1946 г. Формат бумаги 70 X 92¹/16. Печ. л. 28¹/4. Уч.-издат. 24. Тираж 5000.

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ЛУКРЕЦИЙ

LUCRETIUS

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

* ЛУКРЕЦИЙ *